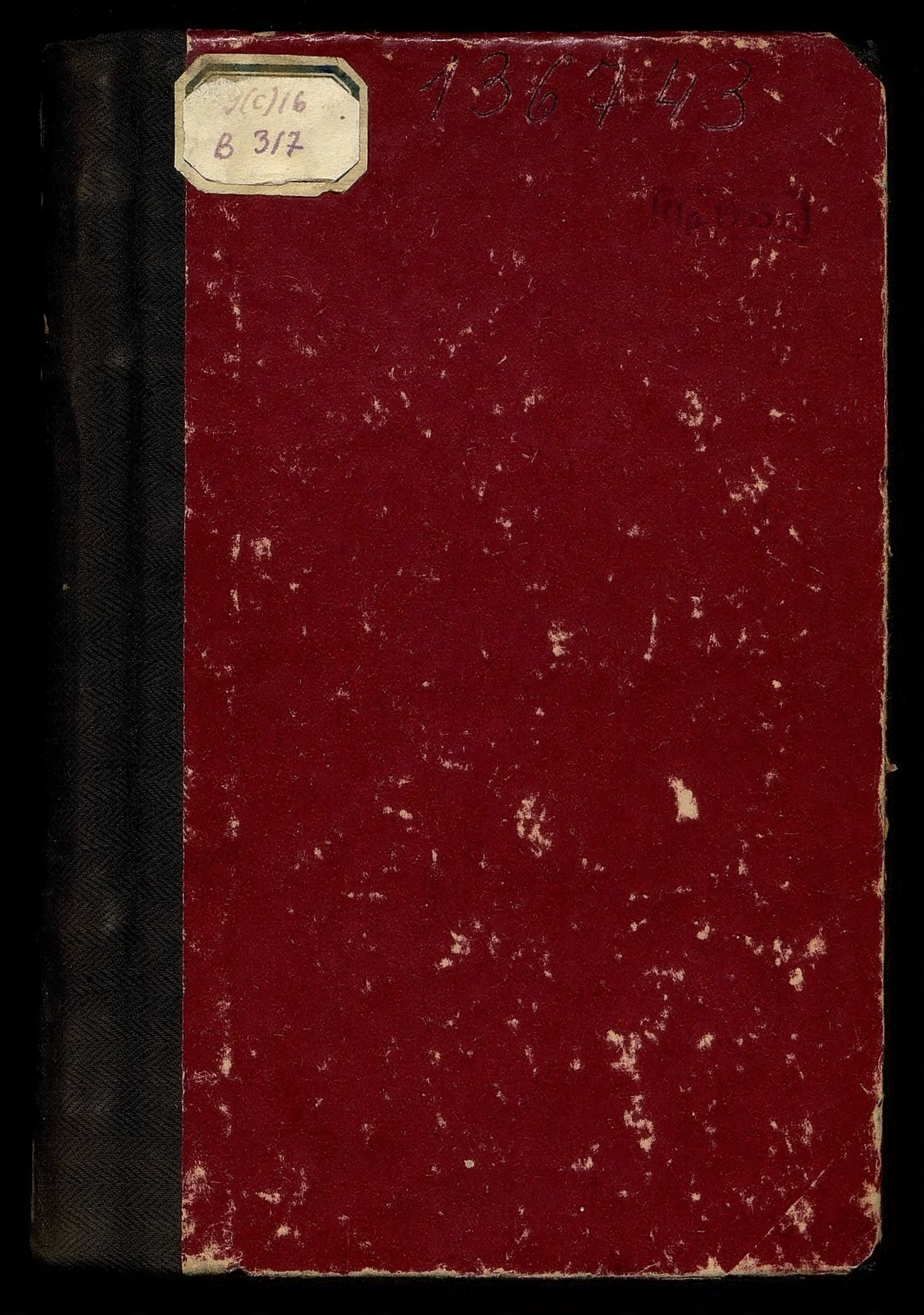
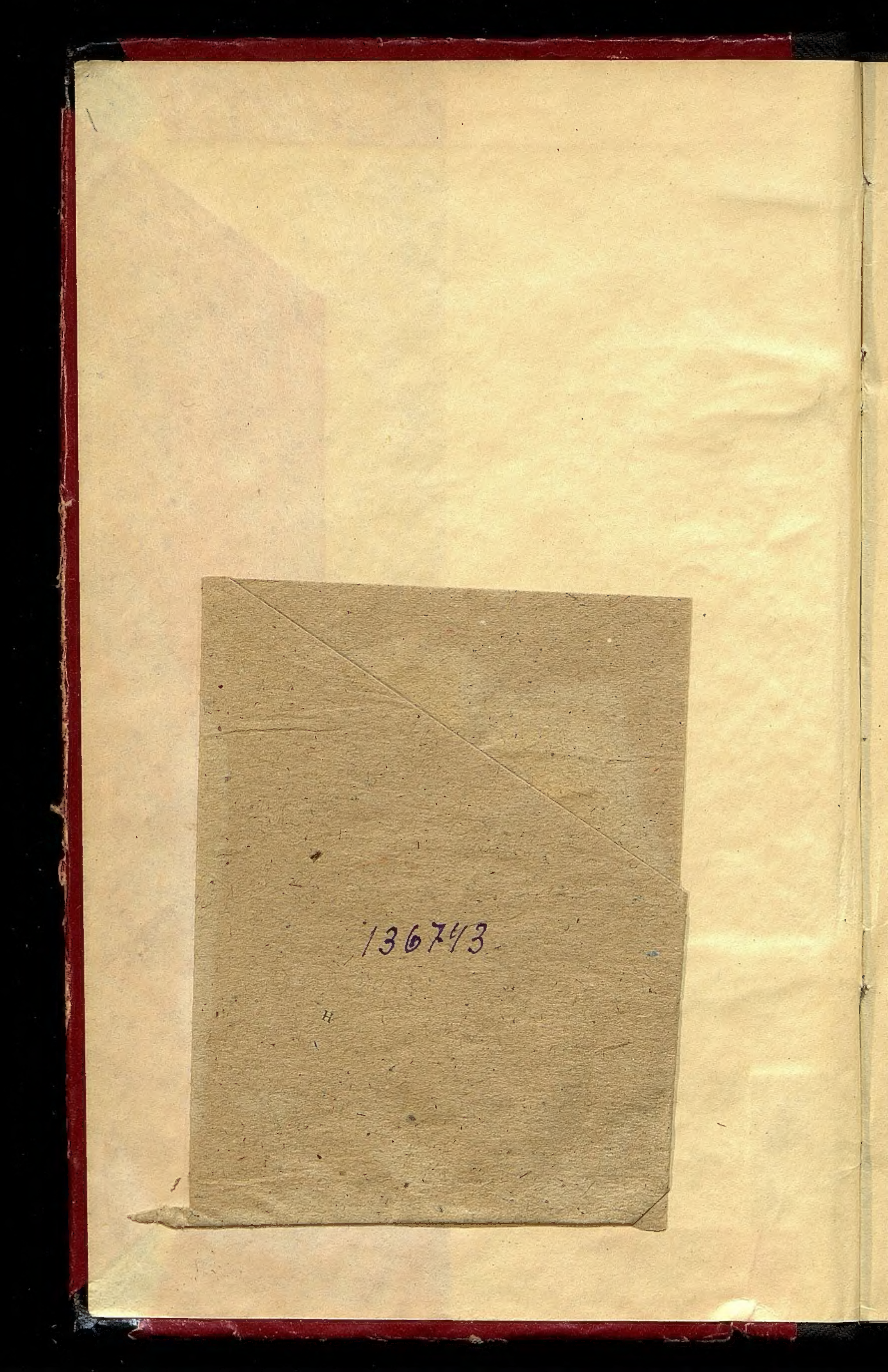
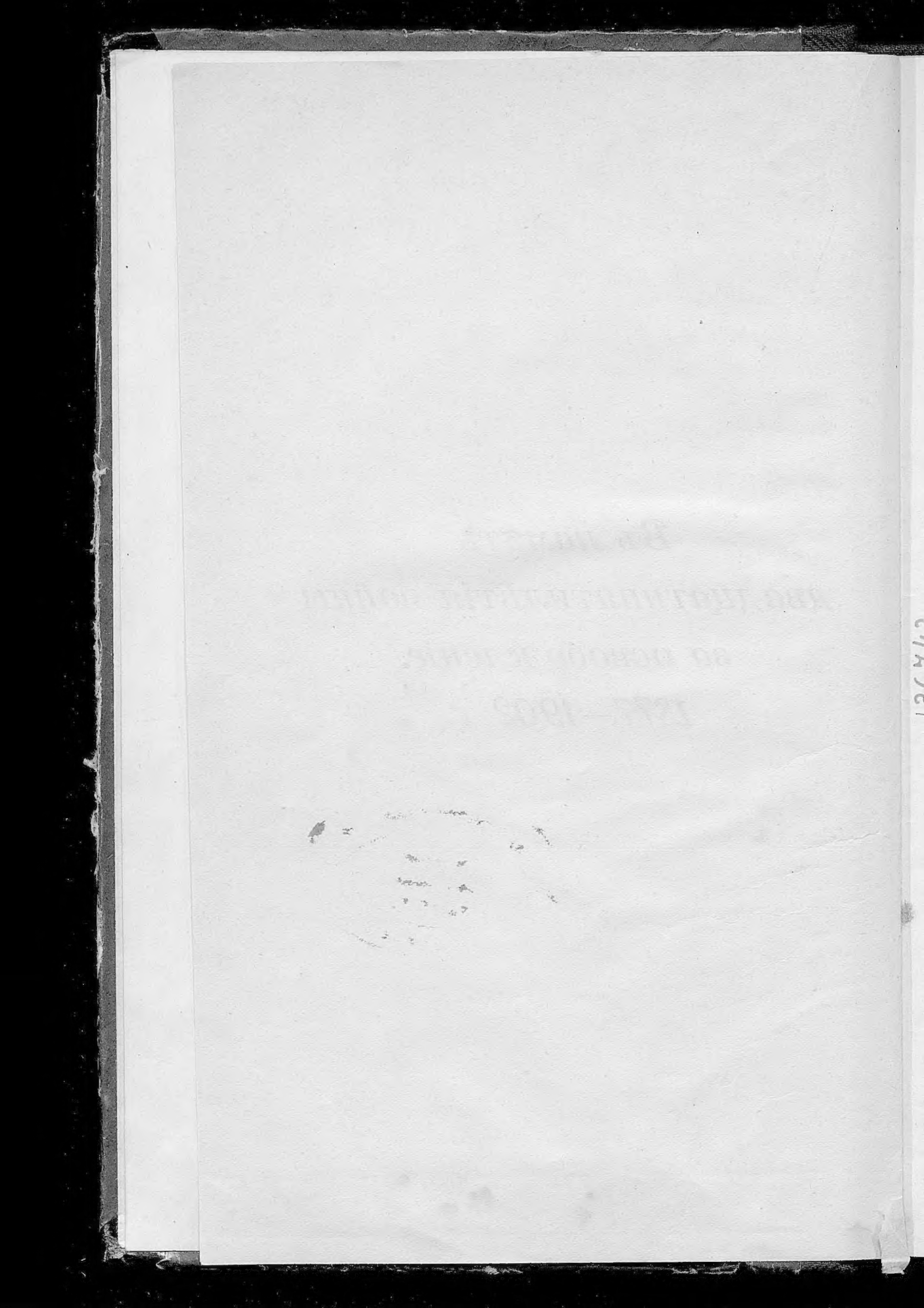

1367743
Л(С)16
В 3/7

136743

Въ память
двадцатипятилѣтія войны
за освобожденіе.
1877—1902 г.

На войнѣ.

ВОСПОМИНАНІЯ

О РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНѢ 1877 г.

художника ***В. В. Верещагина.***

Со многими рисунками
автора
и снимками
съ его картинъ.

Изданіе
Т-ва И. Д. СЫТИНА.

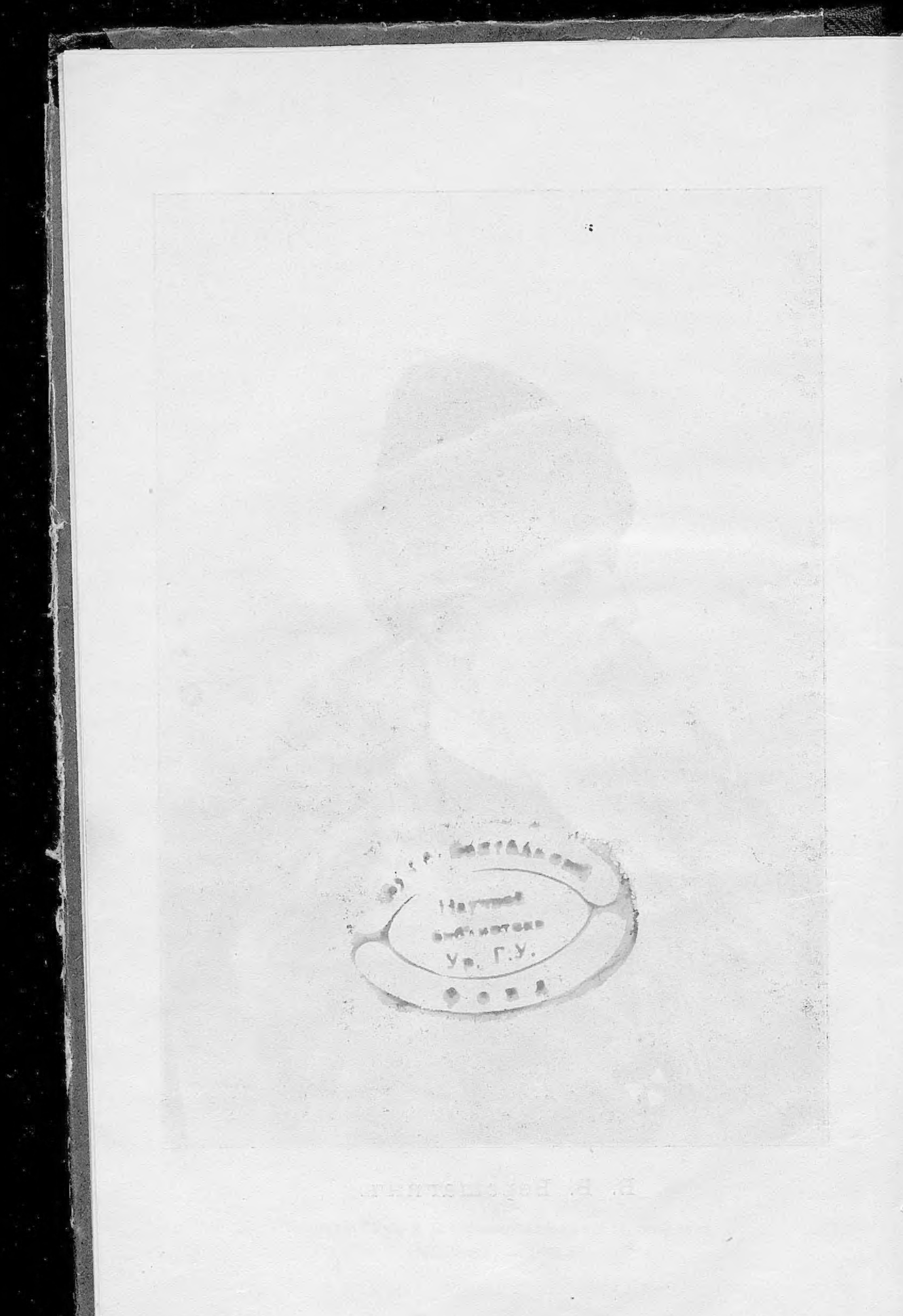
Рисунки дозволены цензурою.

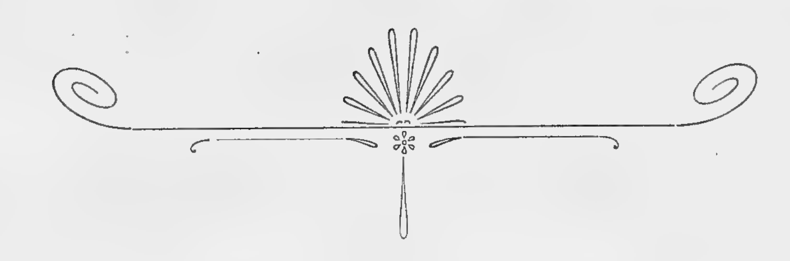

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Валовая улица, свой домъ.
МОСКВА. — 1902 г.

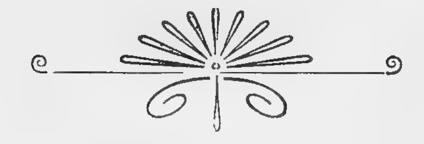

В. В. Верещагинъ.

Научная
библиотека
Ур. Г.У.
фонд

Знакомый уже съ характеромъ азіатскихъ кампаній, я хотѣлъ познакомиться и съ Европейскою войною, въ виду чего, пріятель мой, бывшій генеральный консулъ въ Парижѣ, Кумани, своевременно списался, черезъ нашего общаго знакомаго, барона Остенъ Сакена, съ начальствомъ главной квартиры собранной въ Бессарабіи арміи и мнѣ предложено было состоять при особѣ главнокомандующаго.

ТУРЕЦКІЙ ПОХОДЪ.

1877—1878.

Пріѣхавши въ Кишиневъ и переодѣвшись въ плохонькой гостиницѣ, я пошелъ въ главную квартиру. Добрый генералъ Галлъ представилъ меня гг. Непокойчицкому, Левицкому и др., а также, къ большому моему удивленію, молодому генералу Скобелеву. — „Я зналъ въ Туркестанѣ Скобелева“, говорю ему. — „Это я и есть!“ — „Вы! можетъ ли быть, какъ вы постарѣли; мы вѣдь старые знакомые“. Скобелевъ порядочно измѣнился, возмужалъ, принялъ генеральскую осанку и отчасти генеральскую рѣчь, которую, впрочемъ, скоро перемѣнилъ, въ разговорѣ со мною, на искренній дружескій тонъ.

Онъ только что пріѣхалъ. Надъ его двумя георгіевскими крестами, полученными въ Туркестанѣ, подсмѣивались и говорили, что „онъ еще долженъ заслужить ихъ“. Я хорошо помню, что эта послѣдняя фраза понравилась въ главной квартирѣ и повторялась, такъ же какъ и высказанная однимъ молодцомъ увѣренность, что „этому мальчишкѣ нельзя довѣрить и роты солдатъ“.

Узнавши, что я пойду впередъ вмѣстѣ съ отцомъ его, М. Д. просилъ ему передать о скоромъ своемъ пріѣздѣ,— онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба къ отцу, Дмитрію Ивановичу Скобелеву, командовавшему передовою казачьею дивизіей—назначеніе не особенно почетное для генералъ-маіора съ Георгіемъ на шеѣ, командовавшаго передъ этимъ областью и небольшою арміею!

Отрядъ Скобелева-отца состоялъ изъ полка донцовъ и полка кубанцевъ въ одной бригадѣ, полка владикавказцевъ и осетинъ съ ингушами въ другой. Первой бригадой командовалъ полковникъ Тутолминъ, неглупый, добрый человѣкъ, истый кавалеристъ, большой говорунъ; второй полковникъ Вульфертъ, георгіевскій кавалеръ за Ташкентъ, куда онъ первый вступилъ при штурмѣ.

Насколько Т. любилъ говорить рѣчи, настолько В. любилъ молчать.

Полковыми командирами были: у донцовъ Денисъ Орловъ, живой и симпатичный, хорошій товарищъ; у кубанцевъ Кухаренко, сынъ извѣстнаго на Кавказѣ генерала, самъ имѣвшій видъ браваго кавказца, оказавшійся впослѣдствіи болѣзненнымъ, нервнымъ. Владикавказцами командовалъ полковникъ Левисъ, полу-русскій, полу-шведъ, толстый, красный, добродушный и бравый,— словомъ, претипичный воинъ. Его интересно было наблюдать на лагерной стоянкѣ, когда, гуляя съ заложенными назадъ руками около своей палатки, онъ очень часто заходилъ въ нее, опрокидывалъ въ ротъ рюмку, снова гулялъ, снова прикладывался и т. д. Полковой командиръ ингушей и осетинъ — русскій фигурою и фамиліею, кажется, Панкратьевъ.

Я помѣщался въ хатѣ со старикомъ Скобелевымъ. У него была таратайка и пара лошадей, на которой мы выѣзжали утромъ, по выступленіи войскъ. Догнавши отрядъ, Скобелевъ надѣвалъ огромную форменную папаху, садился на лошадь, объѣзжалъ полки, здоровался съ офицерами и казаками и затѣмъ опять садился въ таратайку, причемъ папаха отправлялась подъ сидѣнье, а на смѣну ея вытаскивалась красная конвойная фуражка. Д. И. командовалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ конвоемъ Его Величества и носилъ конвойную форму. Когда мы подъѣзжали къ деревнямъ, онъ не забывалъ откидывать борты пальто и открывалъ свою нарядную черкеску, обшитую широкими серебряными галунами. Румыны вездѣ диковались на статнаго, характернаго генерала. Я помню, что, во время осмотра казаковъ главнокомандующимъ въ Галацѣ, Скобелевъ-отецъ поразилъ меня своею фигурою: красивый, съ большими голубыми глазами, окладистою, рыжею бородою, онъ сидѣлъ на маленькомъ казацкомъ конѣ, къ которому казался приросшимъ. Онъ говорилъ мнѣ, что въ немъ много литовской крови.

Дорогою мы обыкновенно или разсказывали что-либо другъ другу, или Д. И. разсуждалъ съ кучеромъ Мишкою о худо подкованной пристяжной, о ненадежной вожжѣ или шинѣ у колеса и т. п., чаще же всего спорилъ съ нимъ, бранился, угрожалъ отправить его домой, а съ переходомъ черезъ границу даже и выпороть, такъ какъ

„законы теперь уже другіе“, но угрозы эти такъ и оставались угрозами, что кучеръ Мишка очень хорошо зналъ. Послѣ, когда въ отрядъ прибылъ Михаилъ Скобелевъ, часто трудно было различить, о комъ говоритъ, кого Д. И. зоветъ: Мишу сына, или Мишку кучера.

Мы ѣхали часто довольно далеко впереди войскъ; на полпути, выбравши хорошее мѣсто для роздыха войскъ,

Тутолминъ. Дерфельденъ.

останавливались, добывали прѣснаго или кислаго молока, если по близости было какое жилье или поселеніе, и затѣмъ, съ подходомъ офицеровъ, завтракали чѣмъ-нибудь холоднымъ.

Я забылъ упомянуть еще о трехъ постоянныхъ членахъ нашего общества: капитанѣ генеральнаго штаба Сахаровѣ, съ широкимъ сильно татарскаго типа лицомъ,

исправлявшемъ при отрядѣ должность начальника штаба, умномъ и остроумномъ человѣкѣ; штабъ-ротмистрѣ Дерфельденѣ, адъютантѣ главнокомандующаго, состоявшемъ при отрядѣ отъ его лица, славной русской натурѣ, несмотря на нѣмецкую фамилію; наконецъ, штабъ-ротмистрѣ гатчинскихъ кирасиръ Лукашевѣ, исправлявшемъ должность адъютанта штаба, если не ошибаюсь.

При отрядѣ была и артиллерія Донского войска, но командиръ батареи держался отдѣльно, между своими офицерами. Командиры полковъ второй бригады такъ же, какъ и самъ Вульфертъ, рѣдко бывали съ нами, потому что они шли сзади на одинъ переходъ, и являлись къ Скобелеву только тогда, когда догоняли насъ на днев-кахъ.

Нечего и говорить, что завтраки наши на лугу, подъ деревьями или подъ навѣсомъ румынской хаты, были очень оживлены и веселы. Послѣ отдыха сигналъ выступленія, и затѣмъ снова наша таратайка, а за нею и отрядъ двигались впередъ.

Мы останавливались иногда по дорогѣ поразспросить и поболтать со встрѣчнымъ крестьяниномъ или крестьянкою, причемъ сами не мало смѣялись нашимъ усиліямъ дать себя понять. „Вы не умѣете,—говорилъ мнѣ иногда Д. И.,—дайте я объясню“—и вправду, иногда добивался отвѣта. Разъ мы свернули съ дороги къ румыну, пасшему стадо барановъ, сначала обезумѣвшему отъ страха при видѣ генерала, но потомъ увѣрившемуся въ нашихъ мирныхъ намѣреніяхъ. Скобелевъ хотѣлъ купить барашка *на племя,* какъ онъ выражался: отставивши руки недалеко одна отъ другой, онъ началъ блеять тоненькимъ голоскомъ бя! бяя! Крестьянинъ понялъ, продалъ барашка и долго улыбался намъ вслѣдъ. Мы возили этого барашка въ тарантасѣ, но онъ велъ себя такъ дурно и запакостилъ насъ, что былъ сданъ въ обозъ.

Съ приходомъ отряда въ назначенное по маршруту мѣсто, въ хатѣ, занимаемой Скобелевымъ, готовился обѣдъ. Условіе было такое, что самъ Д. И. поставляетъ провизію и повара, Тутолминъ вино, Сахаровъ, если не ошибаюсь, чай и сахаръ, а мнѣ предложено было заботиться о сладкомъ, т.-е. изюмѣ, миндалѣ, орѣхахъ и т. п. Скобелевъ всегда самъ приготовлялъ салатъ, причемъ отъ безпрерывнаго пробованія вся борода его покрывалась салатными листьями.

Для супа онъ посылалъ часто повара тихонько утащить молодыхъ виноградныхъ листочковъ изъ ближняго виноградника.

Случалось, однако, что обѣдъ почему-либо заставлялъ себя ждать, тогда мы старались убить время всякимъ вздоромъ и шутками. Сочинялись стихи: „къ повару", „къ обѣду", а затѣмъ и вообще приноровленные къ обстоятельствамъ: къ походу, къ погодѣ и т. п. Вотъ, наприм., стихи, сочиненные на артельномъ началѣ; въ нихъ грѣхи четверыхъ: самого генерала Скобелева, полковника Тутолмина, капитана Сахарова и штабъротмистра Дерфельдена:

Скобелевъ — Не стая вороновъ слетается,
Тутолминъ — Чуя солнышка восходъ,
Сахаровъ — Генералъ въ походъ сбирается
Дерфельденъ — И кричитъ: Давыдъ Орловъ!

А вотъ мои вирши не оконченныя, потому что Д. И. попросилъ прибавить что-нибудь о порядкѣ и стройности въ отрядѣ, чѣмъ убилъ мое вдохновеніе, разумѣется, къ лучшему:

Шутки въ воздухѣ несутся,
Пѣсни громко раздаются,
Все кругомъ живетъ,
Все кругомъ живетъ.
Старый Скобелевъ, съ полками,
Со Донскими казаками,
Въ Турцію идетъ,
Въ Турцію идетъ.
Тутъ же тянутся Кубанцы,
Осетины оборванцы;
Бравый все народъ,
Бравый все народъ.
Артиллерія тащится,
Можетъ въ дѣлѣ пригодиться,
Какъ знать напередъ,
Какъ знать напередъ.
А въ тылу у всѣхъ Драбанты,
Писаря и медиканты,
Словомъ, всякій сбродъ,
Словомъ, всякій сбродъ.

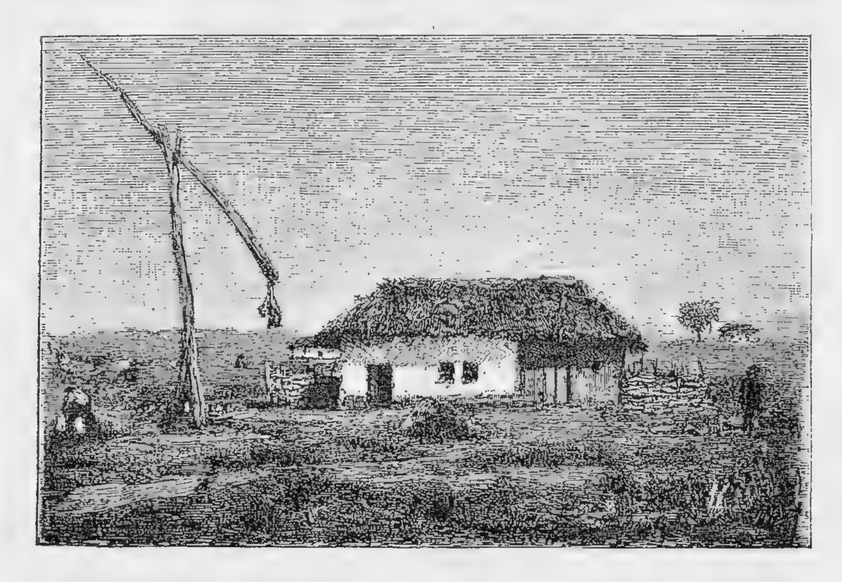
Предположеніе продолжать, какъ сказано, не состоялось. Послѣ обѣда, передъ чаемъ, опять разговоры и шутки, а часто и пѣсни, которымъ не брезговалъ

подпѣвать басомъ и самъ генералъ. Пѣсни очень любилъ Тутолминъ; онъ такъ старательно вытягивалъ нотки, что иногда закрывалъ глаза отъ удовольствія, особенно когда пѣлась одна его любимая, солдатская, съ припѣвомъ:

Будемъ жить, не тужить
И Царя благодарить!

и еще:

Будемъ жить, не тужить
И я буду васъ любить!

Румынская хата.

Спать ложились рано, такъ какъ вставать приходилось очень рано.

На одной стоянкѣ только что мы легли было спать, какъ раздались выстрѣлы и за ними общая тревога. Наскоро одѣваясь, спрашиваю у Скобелева, что бы это могло быть? — „Турки“,—отвѣчаетъ онъ.—Въ нѣсколько минутъ отрядъ былъ на ногахъ. Какъ назло, казакъ затерялъ уздечку моей лошади, и я поспѣлъ выѣхать позже всѣхъ. Темнота была, хоть глазъ выколи! Проѣхавши черезъ какіе-то канавы и буераки и едва не свалясь съ лошади, я добрался до построившагося уже отряда. Раздаются негромкіе голоса: „гдѣ артиллерія, артиллерія сюда! Кубанцы вправо!“ Слышу, зоветъ ге-

нералъ: „Василій Васильевичъ! гдѣ В. В.?“ Я присоединился къ штабу.

Послали разъѣздъ, и что же оказалось: какому-то еврею маркитанту, остановившемуся здѣсь ночевать и въ темнотѣ порядочно струсившему, вздумалось придать себѣ бодрости нѣсколькими выстрѣлами изъ револьвера. Казаки, особеннно Орловъ, просили позволенія хорошенько отодрать плетками этого героя, не давшаго всему отряду выспаться, но я заступился и предложилъ дать ему только по нагайкѣ за каждый выстрѣлъ; это было принято, и еврей получилъ только 3 нагайки, но, кажется, здоровыя!

По большимъ деревнямъ казаки располагались въ домахъ, а второнѣ отъ селеній — въ палаткахъ. Вообще войско держало себя прилично, хотя и не обходилось безъ жалобъ: тамъ казакъ стянулъ гуся, тамъ зарѣзали и съѣли барана такъ ловко, что ни шкуры, ни костей нельзя было доискаться; бывали даже жалобы, хотя и рѣдко, на то, что казакъ „бабу тронулъ“.

Солдатскія палатки.

Шли мы съ большими предосторожностями, какъ бы въ непріятельской странѣ, съ разъѣздами по сторонамъ, которые Скобелевъ называлъ „глазами“. Хотя нѣкоторые изъ офицеровъ и подтрунивали надъ этими предосторожностями, но такъ какъ нельзя было поручиться, что какая-нибудь шальная партія черкесовъ, переправясь темною ночью черезъ Дунай, не набѣдокуритъ, не напугаетъ всю окрестность, то, можетъ-быть, предосторожности эти были не лишнія. Хоть мы еще были далеко отъ Дуная, но жители кругомъ, въ виду постоянныхъ слуховъ о переправѣ непріятеля то тамъ, то сямъ черезъ Дунай, были въ сильнѣйшей тревогѣ.

И офицеры, и казаки въ отрядѣ вели жизнь скромную; ни большихъ кутежей, ни сильной игры не было. Помнится мнѣ пирушка у Кухаренко, командира Кубанскаго полка, что-то такое праздновавшаго, кажется, день своего рожденія. Орловъ явился съ полудюжиною добраго донского, послѣднею, какъ онъ увѣрялъ; потомъ, однако, явилась еще полудюжина, уже окончательно

послѣдняя, и едва ли не отыскалась еще третья, уже совсѣмъ, совсѣмъ послѣдняя.

Главнымъ интересомъ празднества была давно возвѣщенная жеребятина, которою К. собирался насъ угостить. Мнѣ случалось въ Туркестанѣ ѣсть лошадь, но жеребенка не ѣдалъ.

Подали. „Го-о-оспода! — протянулъ К., порядочно заикавшійся, — п-о-ожалуйте ж-ж-жеребенка!“ На блюдѣ какія-то громадныя котлеты, ребра съ нѣсколько синеватымъ мясомъ. Всѣ попробовали; мнѣ мясо понравилось, но большинству нѣтъ: кто ѣлъ мало, а кто и совсѣмъ оставилъ тарелку.

Подали второе блюдо. „Го-о-оспода, кто н-не желаетъ ж-жеребятины, в-вотъ п-о-ожалуйте б-а-аранинки!“ Принялись за баранину, послышались голоса С. и другихъ: „Вотъ это другое дѣло, это мясо“... Когда всѣ наѣлись, К. опять затянулъ: „Не в-в-в-зыщите, гггоспода, о-о-оба блюда ббыли жжжеребятина!..

У меня не было ни лошади, ни повозки, и всѣмъ этимъ надобно было завестись. Рѣшено было, что достанетъ все сотникъ Вѣнковъ, командиръ одной изъ кубанскихъ сотенъ, умѣющій добывать все, всегда и вездѣ. Генералъ познакомилъ меня съ нимъ. „Это можно“, отвѣчалъ тотъ; и на другой же день я получилъ рыжаго коня, хотя съ бѣльмомъ на одномъ глазу, но добраго, хорошо видѣвшаго и однимъ глазомъ, а главное, недорогого, за 70 рублей, что по тогдашнимъ цѣнамъ на лошадей было не дорого.

Позже, въ Букарестѣ, В. добылъ мнѣ и повозку съ лошадью, за 400 франковъ, отъ русскаго поселенца, скопца. Для повозки Скобелевъ далъ мнѣ пѣшаго донского казака, Ивана, а для моихъ поѣздокъ молодого осетина Каитова.

Вскорѣ подъѣхалъ къ намъ молодой Скобелевъ. Передъ нимъ прибыли его лошади. Одна, подаренная ему отцомъ, кровная англійская выводная кобыла, уже довольно старая, была разбита на ноги: другая, бѣлый жеребецъ персидской породы, была при нѣкоторыхъ хорошихъ статьяхъ чуть ли не уродомъ въ общемъ. Третій конь — хивинскій, золотистый туркменъ, далеко не изъ лучшихъ туркменскихъ лошадей.

О молодомъ генералѣ въ отрядѣ уже слышали и меня, какъ его знакомаго, часто спрашивали, что онъ

за человѣкъ. Я всѣмъ отвѣчалъ, что онъ храбрый, хорошій офицеръ.

Отношенія отца и сына Скобелевыхъ были дружественныя, но мнѣ казалось, что Д. И—чу не совсѣмъ пріятенъ былъ Георгій 3-й степени М. Д—ча, въ то время, какъ у самого у него былъ только 4-й. При этомъ отецъ, отчасти какъ бывшій кавказецъ, относился иронически къ военнымъ заслугамъ Михаила Дмитріевича въ Туркестанѣ, войны котораго онъ называлъ *бараньими.* Помню, что разъ, за столомъ, мнѣ пришлось крѣпко заступиться за молодого генерала, такъ что старый даже надулся. Вообще же М. Д. своими военными разсказами, такъ же какъ планами и предположеніями для предстоявшей кампаніи, нѣсколько нарушилъ ровный, патріархальный строй нашей походной жизни.

Помнится, молодой Скобелевъ строилъ такое множество плановъ перехода черезъ Дунай и всѣхъ войскъ, и отдѣльныхъ частей, предпріятій для нападенія врасплохъ на турецкіе пикеты, батареи и проч., плановъ и предпріятій, которые онъ постоянно по секрету сообщалъ то тому, то другому изъ старшихъ офицеровъ отряда, что многихъ привелъ въ совершенное недоумѣніе. — „Онъ какой-то шальной, — говорилъ мнѣ Сахаровъ, — чуть не каждый часъ новый планъ; возьметъ подъ руку — „знаете, что я вамъ скажу“ — и начнетъ, и начнетъ, да такую чушь“!

Какъ искренно любившій Скобелева, я посовѣтовалъ ему быть воздержнымъ и осторожнымъ. Онъ очень интересовался знать, какое произвелъ впечатлѣніе въ отрядѣ, на что я и сказалъ ему, что его молодость, фигура, георгіевскіе кресты и проч. безпорно произвели извѣстное обаяніе, но онъ долженъ остерегаться разрушить его надоѣданіемъ всѣмъ со своими проектами, какъ бы они не казались лично ему практичными и удобоисполнимыми. Михаилъ Дмитріевичъ горячо поблагодарилъ за это: „это совѣтъ истиннаго друга“, сказалъ онъ мнѣ.

Подойдя къ Букарешту, мы не вошли въ самый городъ, согласно конвенціи; къ отряду выѣхалъ полковникъ Бобриковъ, бывшій нашъ военный агентъ въ Константинополѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими румынскими офицерами, и обвели насъ кругомъ предмѣстьями, въ одномъ изъ которыхъ, въ сторонѣ Дуная, мы

размѣстились. Въ отрядѣ очень недовольны были этимъ и находили условіе не проходить городомъ унизительнымъ, съ чѣмъ, пожалуй, можно было и не согласиться.

Лишь только части расположились, какъ старику Скобелеву дали знать, что главнокомандующій проѣздомъ въ Букарештѣ и остановился въ домѣ консула Стюарта. Почтенный Д. И. такъ обрадовался этому, что, какъ сидѣлъ на кровати, такъ и вскинулъ ноги кверху, совсѣмъ вертикально. Онъ поѣхалъ верхомъ со своимъ значкомъ изъ голубого шелка съ большимъ бѣлымъ крестомъ, который шелъ по Румыніи впереди отряда, и имѣлъ съ главнокомандующимъ объясненіе по поводу одного обстоятельства, бывшаго потомъ причиною потери имъ командованія отрядомъ.

Я ѣздилъ по городу съ молодымъ Скобелевымъ и, признаюсь, немного совѣстился его товарищества: встрѣчнымъ барынямъ, особенно хорошенькимъ, онъ показывалъ языкъ!

Скобелевъ скучалъ бездѣйствіемъ; видно было, что ему не хотѣли довѣрить отдѣльнаго командованія, и онъ сильно горевалъ о томъ, что не остался въ Туркестанѣ, гдѣ теперь, по слухамъ, готовилась демонстрація противъ Англіи; мысль о походѣ въ Индію не давала ему покоя. „Дураки мы съ вами вышли, что сюда пріѣхали“, говорилъ онъ оставившему вмѣстѣ съ нимъ службу въ Туркестанѣ капитану Маслову, тоже крѣпко порывавшемуся назадъ. Я совѣтовалъ М. Д. не торопиться сѣтованіями. „Будемъ ждать, В. В., — говорилъ онъ, — *я умѣю ждать и свое возьму*“. Маслову я совѣтовалъ связать свою судьбу съ судьбою С., который, какъ можно было быть увѣреннымъ, дѣйствительно сумѣетъ занять свое мѣсто. Жаль только, что это случилось поздно, что его молодость такъ долго служила ему помѣхою и такому рысаку не было хода — исходъ кампаніи былъ бы другой.

Скобелевъ-отецъ угостилъ насъ всѣхъ обѣдомъ въ гостиницѣ Гюкъ, гдѣ и я остановился на время нашего роздыха въ Букарештѣ. Гостиница порядочная, недорогая, какъ говорится, дѣлавшая дѣла за это время; впрочемъ, не было, вѣроятно, человѣка въ Букарештѣ, который такъ или иначе не пользовался бы отъ русскихъ; трактирщики же и содержатели гостиницъ просто, должно-быть, наживали состоянія въ это бойкое время.

Въ Букарештѣ я познакомился съ полковникомъ Паренцовымъ, настоящимъ начальникомъ штаба нашего отряда, должность котораго исполнялъ С. Теперь онъ состоялъ при другомъ дѣлѣ и не намѣревался, повидимому, присоединиться къ намъ.

Будучи обязанъ поставлять для нашей столовой артели сладости, я обѣгалъ всѣ лавки въ городѣ, но, кромѣ дрянного изюма и твердаго чернослива, ничего не могъ найти — все было раскуплено. Какъ ни стыдно это было, а пришлось угощать добрыхъ товарищей по походу этою гадостью.

Донской казакъ.

Кажется, послѣ двухъ дней роздыха, мы выступили далѣе въ старомъ порядкѣ. Одинъ день шли впереди донцы, другой — кубанцы, большею частью съ пѣснями и казацкой музыкой, хотя не всегда гармоничною, но громкою и залихватскою. Такъ и представляется мнѣ, при воспоминаніи объ этой музыкѣ, офицеръ, заправлявшій ею въ Кубанскомъ полку (забылъ его имя): статный, красивый, огромнаго роста, онъ собственноручно дирижировалъ ударами въ турецкій барабанъ, и какими ударами! — нельзя было слышать ихъ иначе, какъ на почтительномъ разстояніи.

Кубанскій казакъ.

Войска, какъ и прежде, останавливались, гдѣ было мѣсто, по хатамъ, а гдѣ нѣтъ — въ палаткахъ, только была бы поблизости вода. Мы всегда добывали себѣ домишко, когда крестьянскій, когда помѣщичій. Иногда заходили съ Д. И. погулять въ расположенныя по сосѣдству усадьбы, гдѣ, въ отсутствіе хозяевъ, охотно все показывали, угощали насъ дульчесами, т.-е. вареньемъ съ неизмѣннымъ стаканомъ воды. Разъ остановились въ большомъ помѣщичьемъ домѣ, очень просторномъ и удобномъ; но отряду въ эту ночь было не сладко; сколько ни разыскивали, не нашли подходящаго сухого мѣста, и казаки принуждены были поставить палатки на топкомъ грунтѣ; на бѣду еще погода была сырая, моросилъ все время дождикъ; помнится, здѣсь обвиняли начальника отряда въ томъ, что онъ слишкомъ

пригоняетъ мѣсто лагеря войскъ къ мѣсту собственной остановки.

Отсюда Д. И. Скобелевъ былъ временно вызванъ по начальству. За время отсутствія отца, Скобелевъ-сынъ командовалъ отрядомъ. Какъ же и радъ онъ былъ объѣхать казаковъ и сказать имъ: „здорово, братцы!“ Онъ уже жаловался мнѣ, когда я сдерживалъ его новыя поползновенія проситься назадъ въ Туркестанъ: „думаете вы, В. В., мнѣ легко не имѣть права поздороваться съ людьми послѣ того, какъ я водилъ полки въ битву и командовалъ областью?...“

Казаки увидѣли разницу между сыномъ и отцомъ; слышно было, какъ говорили: „вотъ бы намъ какого командира надо“. Старикъ Скобелевъ это узналъ потомъ и разсердился. — „Онъ не можетъ быть на этомъ мѣстѣ, потому что я на немъ“, говорилъ онъ мнѣ. Не знаю почему, стараго Скобелева называли всѣ пашою; С. даже называлъ его Рыгунъ-пашою за то, что онъ часто и громко рыгалъ.

Казаки пѣвали часто пародію на извѣстную солдатскую пѣсню: „Было дѣло подъ Полтавой“, начинавшуюся стихомъ: „Было дѣло подъ Джунисомъ“, сложенную на тотъ же голосъ нашими добровольцами въ Сербіи. Между прочимъ, стихъ:

Нашъ великій императоръ
Память вѣчная ему и т. д.

былъ пародированъ такъ:

Нашъ великій М........с,
Чтобы чортъ его побралъ,
Цѣлый день сидѣлъ въ резервѣ,
Телеграммы отправлялъ!

Старый Скобелевъ часто слыхалъ эту пѣсню и никогда не обращалъ вниманія на нее; молодой, въ первый же день своего короткаго командованія, сказалъ казакамъ: „братцы, прошу васъ не пѣть эту пѣсню: въ ней осмѣиваются наши братья, храбро дравшіеся за славянское дѣло!“ — это было справедливо; къ тому же и помянутый съ насмѣшкой М., прекрасный, истинно русскій человѣкъ, стоилъ скорѣе похвалы, чѣмъ порицанія за свою дѣятельность въ Сербіи.

М. Д. успѣлъ освѣдомиться о пищѣ людей и нѣкоторыхъ другихъ порядкахъ въ отрядѣ, что тотчасъ же

сдѣлалось извѣстнымъ нижнимъ чинамъ и дало молодому генералу популярность. Помню, онъ былъ до того нервенъ, что поминутно билъ шпорами лошадь и дергалъ ее; я сказалъ ему, чтобы онъ не дѣлалъ этого хоть передъ все замѣчающими казаками.

Скоро мы пришли къ Фратешти, близъ станціи желѣзной дороги этого же имени, откуда открылся Дунай, далекою, серебристою, сверкающею на солнцѣ полосою. Такъ какъ отрядъ долженъ былъ расположиться вдоль рѣки, — о переходѣ его еще не было и рѣчи, — то я надумалъ съѣздить ненадолго въ Парижъ, если разрѣшатъ. Въ пути испортились нѣкоторыя изъ моихъ художественныхъ принадлежностей, — однажды при паденіи вещей помялись краски и полотна, — приходилось или поскорѣе выписать, или съѣздить самому; я предпочелъ послѣднее и, сказавшись Скобелеву, въ тотъ же день уѣхалъ на станцію, откуда черезъ Букарештъ въ Плоэшти, гдѣ въ это время была главная квартира. Главнокомандующій любезно отпустилъ меня, посовѣтовавши только осторожность въ разговорахъ съ французами.

Ровно черезъ 20 дней я вернулся. Главная квартира въ это время была очень людна и шумна, такъ какъ государь императоръ уже прибылъ въ армію. Вечеромъ въ тотъ же день я переѣхалъ въ Журжево, гдѣ стоялъ Скобелевъ со своею дивизіею, и на слѣдующее утро былъ разбуженъ пушечною пальбою; прибѣжалъ казакъ отъ начальника дивизіи звать меня: турки-де бомбардируютъ Журжево; пожалуйте.

Пріѣзжаю на берегъ Дуная; день прекрасный, ясный: Рущукъ какъ на ладони со своими фортами, бѣлыми минаретами и дальнимъ лагеремъ. Д. И. Скобелевъ со штабомъ сидитъ подъ плетнемъ дома, выходящимъ на рѣку. Турки бомбардируютъ, какъ оказывается, не городъ, а купеческія суда, собранныя передъ городомъ между берегомъ и маленькимъ островкомъ, на которыхъ, по ихъ предположеніямъ, должны были переправиться наши войска; это были прекурьезныя барки, конструкціи прошлаго столѣтія, и надобно было имѣть очень дурное мнѣніе о переправочныхъ средствахъ русскихъ войскъ, чтобы предположить себѣ ихъ плывущими въ турецкихъ берегахъ на этихъ галерахъ.

Пока непріятель еще не пристрѣлялся, нѣсколько гранатъ упало въ крайніе городскіе дома, и какой же

тамъ поднялся переполохъ! Всѣ бросились съ самыми необходимыми вещами въ рукахъ на другой конецъ города. Я пошелъ на суда и помѣстился на среднемъ изъ нихъ наблюдать, съ одной стороны, кутерьму въ домахъ, съ другой — паденіе снарядовъ въ воду. Вонъ ударила граната, за нею — другая въ длинное казенное зданіе, что-то въ родѣ складочнаго магазина, служившее теперь жильемъ полусотнѣ кубанскихъ казаковъ; по первой гранатѣ, ударившей въ стѣну, они стали собирать вещи, но по второй, пробившей крышу, повысыпали, какъ тараканы, и, нагнувши головы, придерживая одною рукою кинжалъ, другою — папаху, бѣгомъ, бѣгомъ, вдоль стѣнъ, въ улицу.

Нѣкоторыя гранаты ударяли въ песокъ берега и поднимали цѣлые земляные не то букеты, не то кочны цвѣтной капусты, въ серединѣ которыхъ летѣли вверхъ воронкою твердые комья и камни, а по сторонамъ — земля; верхъ букета составляли густые клубы бѣлаго порохового дыма.

Гранаты падали совсѣмъ около меня; когда турки пристрѣлялись, лишь немногіе снаряды попадали на берегъ, большинство ложилось или на суда, или въ воду, между ними и передъ ними. Два раза ударило въ барку, на которой я стоялъ, однимъ снарядомъ сбило носъ, другимъ, черезъ бортъ, все разворотило между палубами, при чемъ взрывъ произвелъ такой шумъ и грохотъ, что я затрудняюсь передать его иначе, какъ словомъ *адскій,* хотя въ аду еще не былъ и, какъ тамъ шумятъ, не знаю. Грохотъ этотъ, помню, выгналъ на верхнюю палубу двухъ щенятъ, исправно принявшихся играть и только при разрывахъ останавливавшихся, навастривавшихъ уши, и — снова давай возиться.

Интереснѣе всего было наблюдать паденіе снарядовъ въ воду, что подымало настоящіе фонтаны, превысокіе.

Когда показывался дымокъ, дѣлалось немного жутко; думалось „вотъ ударитъ въ то мѣсто, гдѣ ты стоишь, расшибетъ, снесетъ тебя въ воду, и не будутъ знать, куда дѣвался человѣкъ“.

Турки выпустили пятьдесятъ гранатъ, потомъ замолчали; результатъ этой бомбардировки былъ самый ничтожный.

— Гдѣ это вы были, — спрашиваютъ меня, — какъ же вы не видѣли такого интереснаго дарового представленія?

— Я его видѣлъ лучше, чѣмъ вы, потому что былъ все время на судахъ.

— Не можетъ быть! — отвѣчали всѣ въ голосъ.

— Пойдемте туда, посмотримъ аваріи, — сказалъ Скобелевъ.

Мы обошли суда, осмотрѣли поломки, но собачекъ не нашли уже: спрятались ли испугавшись, или ихъ сбило въ воду?

Порядочно таки досталось мнѣ за мои наблюденія; нѣкоторые просто не вѣрили, что я былъ въ центрѣ мишени, другіе называли это безполезнымъ браверствомъ, а никому въ голову не пришло, что эти-то наблюденія и составляли цѣль моей поѣздки на мѣсто военныхъ дѣйствій; будь со мною ящикъ съ красками, я набросилъ бы нѣсколько взрывовъ.

Отрядъ держалъ пикеты по Дунаю на большомъ пространствѣ. На лѣвомъ флангѣ, въ Малорошѣ, — донскіе казаки Орлова; въ центрѣ, до деревни Малы Дижосъ, — кубанцы, далѣе, до деревни Петрошанъ, — осетины.

Сначала я съѣздилъ къ донцамъ, въ Малорошъ; они выстроили себѣ образцовую вышку для наблюденій, очень разсердившую турокъ, которые начали обстрѣливать казаковъ, что, въ свою очередь, Орлову не понравилось; гранаты попадали въ коновязь и такъ пугали и разгоняли лошадей, что ихъ не скоро разыскивали. Пробовали отвѣчать изъ нашихъ донскихъ пушченокъ, но онѣ не доносили, и, чтобы не срамиться, перестали стрѣлять. За бытность мою въ лагерѣ казаки, подъ руководствомъ саперовъ, рубили фашины для закрытія. Я повидалъ Грекова и другихъ знакомыхъ офицеровъ. Грековъ по обыкновенію цвѣлъ и краснѣлъ... отъ бѣлаго вина.

Близъ самаго Журжева возводились батареи. Мы ходили вмѣстѣ съ обоими Скобелевыми смотрѣть ихъ постройку, и старикъ замѣтилъ саперному офицеру, что надстилку надъ землянками онъ дѣлаетъ слишкомъ легкою. Молоденькій офицеръ щеголевато приложилъ руку къ козырьку и отвѣтилъ: „Для турокъ довольно, ваше превосходительство". Скоро оказалось, что эта оцѣнка была далеко не вѣрна.

Немного далѣе отъ города, у первой деревни Слободзеи, возводилась еще батарея, кажется, осадныхъ орудій, долженствовавшихъ хватать на 9 верстъ: тутъ работалъ дѣльный полковникъ Плюцинскій.

Городишко Журжево продолжалъ жить обычною жизнью, мѣстами еще болѣе обыкновеннаго, дѣятельною; правда, очень многіе повыѣхали въ ожиданіи бомбардировки, и особенно прибрежные дома были пусты, но далѣе, въ глубь города, на площадяхъ и по улицамъ, толпилось всегда много народа, торговля шла бойко; гостиницы и трактиры были просто переполнены офицерствомъ, кутившимъ на всѣ лады — и въ одиночку, и толпами, съ прекраснымъ поломъ и безъ оного. Разгулъ доходилъ до безобразія, до забвенія приличій. Помню, зайдя разъ вечеромъ съ С. и другими офицерами въ трактиръ поужинать, мы застали тамъ пьяную компанію, снявшую съ себя сабли, фуражки, а нѣкоторые даже и сюртуки и одѣвшую въ нихъ гулявшихъ съ ними дѣвчонокъ — это въ общей-то залѣ!

Наша молодежь, помянутый С., Л. и другіе, часто ходили въ какой то садъ слушать арфистокъ и до того наразсказывали Скобелеву о пріятностяхъ времяпрепровожденія тамъ, что старикъ, не желавшій компрометировать важность начальника дивизіи прямымъ посѣщеніемъ этого рая, рѣшился заглянуть туда обинякомъ: видѣли, какъ онъ подлѣзалъ и высматривалъ черезъ заборъ, и смѣялись же потомъ надъ нимъ! Но онъ отнѣкивался, увѣрялъ, что это былъ не онъ а кто-нибудь другой.

Еще въ Букарештѣ я познакомился у М. Д. Скобелева съ извѣстнымъ корреспондентомъ „Daily News, Макъ-Гаханомъ, а позже въ Журжевѣ видѣлся съ Форбсомъ, пріѣзжавшимъ въ штабъ отряда, не помню, съ какимъ-то сообщеніемъ. Я одинъ говорилъ по-англійски и, переводя, старался, помню, смягчить убійственно холодный пріемъ и отвѣты, встрѣченные имъ у насъ. Самъ я, чтобы не навлечь на себя нареканія въ потворствѣ „коварнымъ англичанамъ“, избѣгалъ при встрѣчахъ на улицѣ вступать съ ними въ разговоры, что́, признаться, было очень совѣстно; видно было, что Форбсъ чувствовалъ общую къ нему подозрительность и старался заискивать, быть любезнымъ.

Самъ начальникъ дивизіи помѣщался въ небольшомъ домикѣ на набережной, куда мы собирались ежедневно къ обѣду. Здѣсь присоединялся къ намъ князь Цертелевъ, бывшій секретарь посольства въ Константинополѣ, теперь поступившій урядникомъ въ Кубанскій полкъ и

состоявшій при Д. И. Михаилъ Скобелевъ, хотя уже былъ теперь утвержденъ начальникомъ штаба отряда, рѣдко жилъ съ нами, а больше пребывалъ въ Букарештѣ, куда его привлекали преимущественно женщины всевозможныхъ національностей, со всей Европы собравшіяся на жатву. И что за пиры, что за разгулъ стоялъ теперь въ этомъ городѣ! Отъ прапорщика, въ первый разъ имѣвшаго при себѣ 300 рублей, до интенданта, бросавшаго десятками тысячъ, — все развернуло, все распахнуло славянскую натуру, кутило, ѣло, пило, — пило по преимуществу!

У М. Д. въ это время сплошь и рядомъ не было ни гроша, такъ что онъ перехватывалъ, гдѣ что было можно и въ особенности, разумѣется, пробовалъ теребить отца, тугого и неподатливаго на деньгу. Одинъ разъ, когда молодой послалъ къ старому попросить денегъ, тотъ далъ ему 4 золотыхъ, что́ вывело М. Д. изъ себя. „Вѣдь я лакеямъ на водку больше даю“, — сказалъ онъ съ сердцемъ; по правдѣ сказать, въ такое бойкое время ему не хватило бы никакихъ денегъ.

Я часто гулялъ со старымъ Скобелевымъ по аллеямъ бульвара. Разъ онъ мнѣ говоритъ: „пойдемте смотрѣть, какъ поведутъ шпіона“. Мы сѣли на лавочку противъ дома, въ который вошли полковникъ Паренцовъ и адъютантъ главнокомандующаго; передъ крыльцомъ поставили спереди и съ боковъ по 2 солдата. Мы сидѣли, ждали долго, и я было хотѣлъ выйти посмотрѣть процедуру обыска и допроса, но Скобелевъ удержалъ.

Вотъ, однако, они вышли на крыльцо: впереди шпіонъ, руки въ карманы пиджака: „мнѣ, — дескать, — наплевать: я не виноватъ“; однако, когда онъ увидѣлъ солдатъ, то, очевидно, понялъ, что дѣло серьезно, на нѣсколько секундъ пріостановился, глубоко вдохнулъ воздухъ и... началъ спускаться съ лѣстницы.

Это былъ баронъ К., австрійскій подданный; дѣйствительно ли онъ былъ шпіонъ, — не знаю, но, вѣроятно, нашли у него что-либо компрометирующее, такъ какъ малаго отправили въ Сибирь, и только черезъ 2 мѣсяца по заступничеству воротили — напрасно: ужъ лучше бы совсѣмъ не посылать.

Еще въ главной квартирѣ, передъ поѣздкою въ Парижъ, я встрѣтился съ лейтенантомъ гвардейскаго экипажа, Скрыдловымъ. Онъ отправлялся тогда на

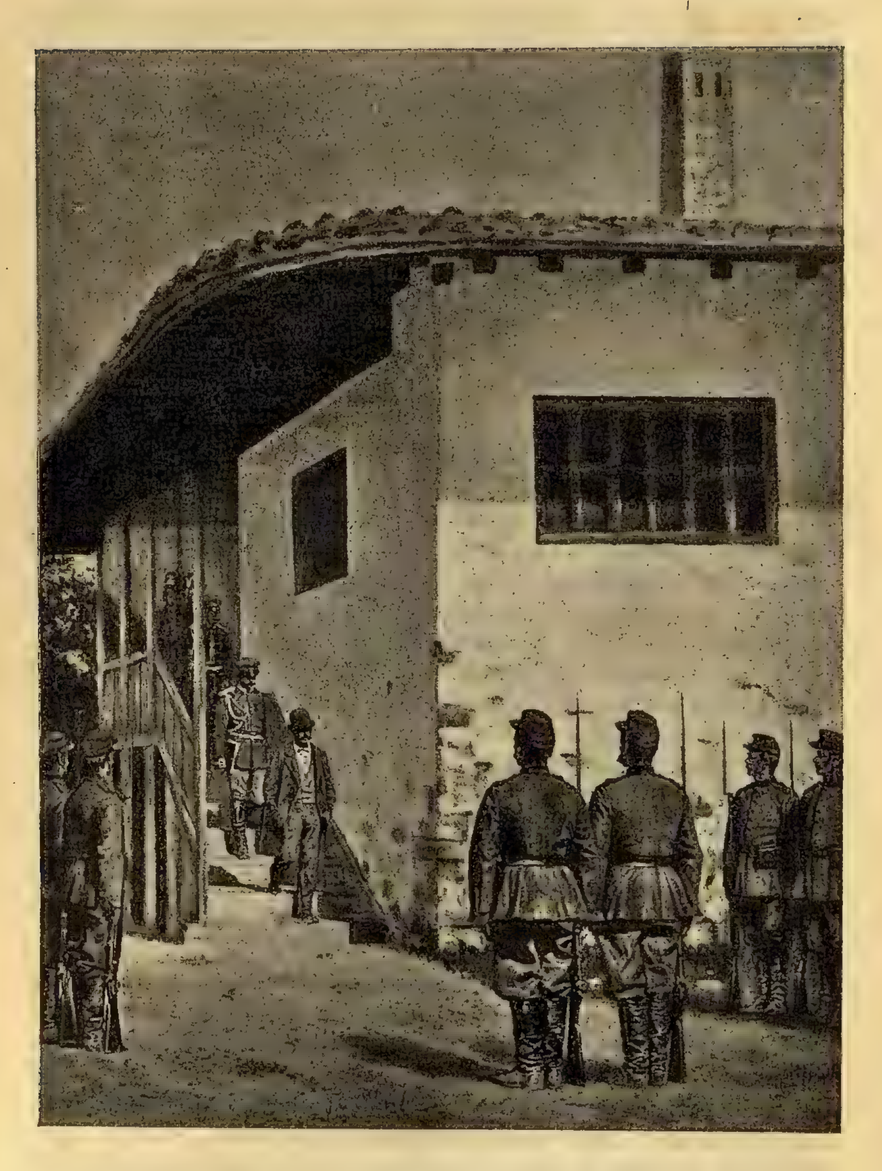
рекогносцировку Дуная и звалъ меня въ Малы-Дижосъ, мѣсто расположенія Дунайскаго отряда гвардейскаго экипажа. Сообщилъ онъ мнѣ также, что готовится атаковать на своей миноноскѣ одинъ изъ турецкихъ мониторовъ, и звалъ идти подъ турку вмѣстѣ; я принялъ приглашеніе на томъ условіи, что онъ дастъ честное слово показать мнѣ картину взрыва. — Случай былъ единственный, упускать его не слѣдовало.

Вскорѣ по возвращеніи въ Журжево, я поѣхалъ въ гости къ морякамъ, жившимъ въ части деревни, наиболѣе удаленной отъ берега, такъ какъ динамитъ и пироксилинъ, которыми они начиняли свои пироги, должны были содержаться въ возможной безопасности отъ турецкихъ выстрѣловъ.

Скрыдловъ былъ вмѣстѣ со мною въ Морскомъ корпусѣ, на 2 года младше по классу; мы вмѣстѣ плавали за одну кампанію на фрегатѣ Свѣтлана. Когда я былъ фельдфебелемъ въ гардемаринской ротѣ, онъ состоялъ у меня подъ командою; и распекалъ же я, помню, его, бѣднягу, въ особенности за постоянные разговоры и перешептыванья во фронтѣ, отъ чего ему, видимо по живости характера, трудно было удержаться.

Я помѣстился съ нимъ и его товарищемъ, Подъяпольскимъ, въ домикѣ ихъ, на краю большой грязной площади. Обѣдали мы иногда въ общей офицерской столовой, а чаще варили что-нибудь у себя; прислуживалъ матросъ-денщикъ, добрый дѣтина, смѣшившій насъ своими неуклюжими повадками. Мы спали на крыльцѣ домика, подъ пологами, такъ какъ комары въ это время года (конецъ мая) были презлые.

Съ перваго же дня я посвященъ былъ словомъ и дѣломъ въ великій секретъ обоихъ товарищей. Дѣло въ томъ, что, когда гвардейскій экипажъ уходилъ изъ Петербурга, владѣлецъ извѣстнаго англійскаго магазина, бывшій ихъ поставщикъ, предложилъ отряду въ напутствіе ящикъ хересу, который Скрыдловъ взялся доставить на Дунай. Доставить-то онъ доставилъ, но кромѣ П. никому покамѣстъ объ этомъ ящикѣ не заикнулся, и пріятели потягивали себѣ хересокъ, оказавшійся не дурнымъ, да угощали своихъ гостей, до поры до времени, конечно, пока *всѣ* не узнали о продѣлкѣ и не отняли ящикъ, значительно, впрочемъ, облегченный, такъ какъ и Скрыдловъ и Подъяпольскій были не дураки выпить...

Шпіонъ.

На той же площади деревни жилъ начальникъ всего миннаго отряда, капитанъ 1-го ранга Новиковъ, очень бравый офицеръ, украшенный еще въ Севастопольскую кампанію маленькимъ Георгіемъ. Первый разъ я видѣлъ его на обѣдѣ у одного важнаго въ арміи лица, которое спросило его, за что онъ получилъ крестъ?—„Пороховой погребъ взорвалъ“, отвѣчалъ Н. такимъ густымъ басомъ, что всѣ просто изумились. Тотъ же басъ, хотя и не столь высокой пробы, раздавался въ занимаемомъ имъ домишкѣ. Мы ходили къ нему пить чай и съ интересомъ прислушивались и присматривались къ его словамъ и распоряженіямъ, стараясь по нимъ угадать, скоро ли начнется давно ожидаемая закладка минъ въ Дунай для защиты переправы, которая должна была начаться немедленно за тѣмъ.

Новиковъ былъ неутомимъ; храбрый и толковый, онъ имѣлъ только два замѣтныхъ недостатка: во-первыхъ, всѣхъ, безъ разбора, оглушалъ своимъ пушкообразнымъ голосомъ, во-вторыхъ, мины называлъ бомбами; и то и другое, впрочемъ, охотно всѣми прощалось ему за его доброту и простоту обращенія.

Нѣсколько разъ ѣздили мы со Скрыдловымъ по исполненію разныхъ возложенныхъ на него порученій. По Дунаю ѣздили, разумѣется, ночью, ставить вѣхи для обозначенія пути, по которому должны были слѣдовать миноноски при закладкѣ минъ. Дунай былъ сильно разлитъ еще, и по затопленному низкому берегу миноноски не вездѣ могли проходить, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ сидѣли довольно глубоко. Надобно было прослѣдить и указать вѣхами фарватеръ рѣчонки, впадавшей въ Дунай; по ней-то предполагалось слѣдовать съ минами.

Такъ какъ приказано было никакъ не безпокоить турокъ, не возбуждать ихъ вниманія никакими работами и, по возможности, усыплять ихъ бдительность, то мы выѣхали, когда уже почти стемнѣло, и къ утру вѣхи были поставлены, но съ расчисткою фарватера рѣчонки, загороженнаго при устьѣ солидными сваями, долго провозились и такъ и не кончили въ этотъ разъ. Пробивши покамѣстъ небольшой проходъ для шлюпки, мы проѣхали въ самый Дунай отчасти для того, чтобы побравировать, а отчасти для провѣрки, есть турки на островѣ при стоявшемъ тамъ караулѣ или нѣтъ. Тихо, едва

опуская весла въ воду, пробирались мы мимо густыхъ ивовыхъ деревьевъ; всякій внезапный шумъ, всплескъ рыбы, крикъ ночной птицы заставлялъ насъ вздрагивать; мы пристали къ острову, погуляли и увѣрились, что турокъ на немъ нѣтъ, хотя они, видно, были тамъ недавно, косили траву. Мы проѣхались Дунаемъ; турецкій берегъ былъ совсѣмъ близко. Теченіе такъ сильно, что трудно было подаваться впередъ, и скоро, чтобы не мучить людей и не привлечь вниманія непріятеля, С. поворотилъ назадъ: къ утру мы были дома, и мичманъ Ниловъ, помощникъ Скрыдлова, бывшій съ нами этотъ разъ, поѣхалъ еще на слѣдующую ночь и, окончательно разваливши запруду, прочистилъ путь, — прочистилъ не прочистивъ, потому что это мѣсто задержало потомъ весь минный отрядъ.

Другой разъ мы ѣздили по берегу съ секретнымъ порученіемъ, даннымъ Скрыдлову ко всѣмъ частямъ войскъ, содержащихъ посты на Дунаѣ. Мимо нашихъ кубанцевъ, владикавказцевъ, осетинъ проѣхали до Зимницы, гдѣ держали посты гусары, не помню какіе именно.

Въ Парапанѣ я познакомился съ генераломъ Драгомировымъ, проѣзжавшимъ по дѣлу приготовленія къ переправѣ; освѣдомившись о томъ, не корреспондентъ ли я, и получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ началъ говорить о ходѣ дѣла такъ свободно, разумно и логично, что удивилъ насъ, т.-е. меня, Скрыдлова и Вульферта, у котораго мы остановились. Драгомировъ пользовался и пользуется большою популярностью и теперь считается однимъ изъ лучшихъ боевыхъ генераловъ нашей арміи.

Офицеры, въ обществѣ которыхъ мы останавливались и обѣдали, были чрезвычайно любезны съ нами, хорошо кормили и исправно снабжали перемѣнными лошадьми; впрочемъ, Скрыдловъ, можетъ-быть, не прочь былъ бы, чтобы къ послѣдней исправности прибавилось немного и выбора: какъ нарочно, ему доставались такіе россинанты, что на послѣднемъ переѣздѣ отъ гусаръ къ казакамъ онъ всю дорогу долженъ былъ бить своего долговязаго гнѣдого коня, а еще непріятнѣе было то, что, несмотря на стараніе ѣхать по-англійски, т.-е. подпрыгивать на стременахъ, онъ стеръ себѣ до крови тѣло. — „Ты вотъ какъ ѣзди“, училъ онъ меня, подпрыгивая на стременахъ, и цѣлую недѣлю потомъ профессоръ мой

едва ходилъ. Извѣстно, что женщины и моряки самые смѣлые и неукротимые ѣздоки.

Я написалъ этюдъ Дуная и одного изъ казацкихъ пикетовъ на немъ, но вообще работалъ красками немного; ѣздилъ въ Журжево, ходилъ къ казакамъ и иногда бродилъ смотрѣть работы минеровъ или ѣздилъ съ Скрыдловымъ пробовать машину и ходъ его миноноски „Шутка“. Чтобъ опять таки не обращать на себя вниманіе турокъ, надобно было ѣздить или съ заходомъ солнца, или въ дурную погоду и не дымить, не давать искръ, для чего брался только лучшій уголь: турки не знали и не должны были знать о существованіи у насъ цѣлой паровой флотиліи.

Одинъ разъ, довольно поздно, мы вышли въ очень бурную погоду. Вѣтеръ такъ усилился, что при возвращеніи, противъ теченія, „Шутка“ не могла выгребать. Мутный Дунай страшно разбушевался, причемъ, благодаря сильному дождю, въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не было видно, и это навело Скрыдлова на мысль привести въ исполненіе давно задуманное дѣло атаки одного изъ турецкихъ мониторовъ, стоявшихъ передъ Рущукомъ. Мы знали, что одинъ стоитъ передъ фортами, а другой — правѣе, за островкомъ, и такъ какъ по стуку въ продолженіе нѣсколькихъ дней можно было догадаться, что около послѣдняго строили *кринолинъ* или какую-нибудь подобную защиту, то должно было разсчитывать на возможность подойти только къ первому. Въ такую погоду, конечно, была возможность подойти почти незамѣченнымъ, почти вплоть. — „Пойдемъ, хочешь?“ спрашивалъ С. — „Пойдемъ, я готовъ...“ Вышло, однако, то, что мы не пошли. — „Дѣло не въ томъ, — говорилъ въ концѣ концовъ Скрыдловъ, — чтобы уничтожить у турокъ одинъ лишній мониторъ, а чтобы заложить мины и дать возможность навести мостъ для переправы арміи; въ виду такой важной цѣли неблагоразумно, пожалуй, преступно рисковать одною изъ лучшихъ миноносокъ, которыхъ у насъ мало. Какъ ты думаешь?“ — „И то дѣло“, отвѣчалъ я.

Мы рѣшили пристать къ берегу, но такъ какъ непогода все застилала передъ глазами, то ошиблись, — приткнулись не туда, очень далеко отъ нашей деревни, и только къ ночи добрались до дому. Интересно, что на томъ мысу, къ которому мы пристали, стоялъ пикетъ

Казацкій пикетъ на Дунаѣ.

изъ 3-хъ казаковъ, такъ глубоко спавшихъ, завернувшись въ бурки, что мы насилу растолкали ихъ и, будь тутъ вмѣсто насъ партія черкесовъ, они, какъ бараны, были бы перерѣзаны. Я сказалъ объ этомъ сотенному начальнику, взявши, однако, съ него предварительно слово не взыскивать на первый разъ.

Этотъ сотенный командиръ, стоявшій въ Мало-Дижосѣ, былъ К. П. В., тотъ самый всезнающій и вездѣсущій офицеръ, которому Скобелевъ поручилъ купить мнѣ лошадь и повозку. Я довольно близко познакомился съ этою своеобразною личностью и частенько бывалъ у него.

Когда я приходилъ, онъ прежде всего спрашивалъ:— „не хочу ли я борщу? А ну, такъ чаю?“ И, уже не дожидаясь отвѣта на второй вопросъ, приказывалъ *заварить*. Какой у него былъ чай, съ какихъ плантацій — неизвѣстно; достаточно того, что онъ сильно окрашивалъ воду и что К. П. считалъ его *хорошимъ*. Ложечки, однако, не водилось, и хотя хозяинъ всегда приказывалъ Щаблыкину (денщику) „подать ложечку, помѣшать“, но тотъ, зная уже, какъ понимать это, отправлялся къ плетню, вынималъ кинжалъ и вырѣзалъ аккуратный прутикъ. К. П. самъ пилъ всегда въ прикуску, экономно, и оставшійся кусочекъ бросалъ назадъ въ сахарницу, со всѣми отпечатками пальцевъ на немъ.

Разговоръ мой, — да, вѣроятно, и всякаго другого посѣтителя, — съ К. П. начинался обыкновенно его вопросомъ: „Что, не слыхать, скоро ли переправа?“ — затѣмъ переходилъ къ слухамъ о мирѣ, неизвѣстно откуда, до начала еще военныхъ дѣйствій, къ нему доходившихъ, причемъ К. П. каждый разъ такъ же не забывалъ, болѣе или менѣе конфиденціально, разузнавать о томъ, какъ лучше, вѣрнѣе и выгоднѣе пересылать домой деньги и можно ли посылать золото не особенно гласно?

Домъ свой Кузьма Петровичъ, очевидно, очень любилъ, и, чѣмъ дальше затягивался походъ, тѣмъ чаще и настойчивѣе доходили до него все тѣмъ же невѣдомымъ путемъ слухи о близкомъ мирѣ. Онъ много разсказывалъ о своемъ хуторѣ близъ Ставрополя, о старшемъ сынѣ Кузьмичѣ: его раннемъ умѣ и развитіи. Разсказывалъ объ охотѣ на зайцевъ и лисицъ по первому снѣгу, для чего раздобылъ гончую „Милку“, которую, впрочемъ, предлагалъ мнѣ въ подарокъ каждый разъ, что я бывалъ у него, отчасти, вѣроятно, потому, что она ему

оказывалась не нужна, отчасти въ виду того, что не предвидѣлось скоро конца кампаніи, а нужно было кормить пса, возиться съ нимъ.

Разсказывалъ также В. о дѣлахъ противъ горцевъ, въ которыхъ онъ участвовалъ на Кубани, причемъ не рисовался, никакихъ геройскихъ подвиговъ не выдумывалъ, а прямо сознавался, что въ такомъ-то дѣлѣ онъ, спасая свою жизнь, утекалъ, что совсѣмъ не считается постыднымъ у казаковъ, въ силу правила, что коли ты сильнѣе непріятеля, тогда души, круши его, но если онъ тебя сильнѣе, тогда спасайся, и чѣмъ быстрѣе, тѣмъ лучше, — казацкія понятія о храбрости не тѣ, что солдатскія.

К. П. В. оказался и музыкантомъ: одинъ разъ, позванные къ нему со Скрыдловымъ и еще двумя морскими офицерами, мы застали его въ мѣховомъ бешметѣ, заправляющимъ хоромъ пѣсенниковъ со скрипкою въ рукахъ. Хотя и видно было, что рука, управлявшая смычкомъ, брала больше смѣлостью, чѣмъ умѣньемъ, но вѣдь — „на нѣтъ и суда нѣтъ“, говоритъ пословица.

Рѣчь К. П. была всегда ровная, покойная, такъ же какъ и его взглядъ, куда-то, какъ будто разсѣянно, направленный. И обращеніе съ казаками тоже больше ровное, безъ брани, которая приберегалась лишь для самыхъ экстренныхъ случаевъ, хотя казаки и держатся правила, что „брань на вороту не виситъ“.

К. П. просто боготворилъ свою лошадь, небольшого вороного кабардинца, ѣздилъ всегда на другомъ конѣ, а этого только кормилъ и холилъ до того, что онъ былъ совсѣмъ круглый, какъ наливное яблочко; онъ говорилъ, что *такихъ* лошадей не сыщешь теперь и въ Кабардѣ, и увѣрялъ, что не отдастъ ее ни за какія деньги, что не помѣшало ему впослѣдствіи продать мнѣ ее за 300 слишкомъ рублей, хотя больше 100 — 150 она не стоила. Словомъ, К. П. былъ типъ выслужившагося изъ урядниковъ казацкаго офицера, не особенно храбраго, но и не труса, — и та и другая крайность между казаками рѣдкость, безъ всякаго образованія, но очень смышленаго, себѣ на умѣ, сумѣющаго найтись во всякомъ положеніи, раздобыться провіантомъ и фуражомъ тамъ, гдѣ его, повидимому, вовсе нѣтъ, лихо порубить отступающаго врага и не безъ чести отступить передъ наступающимъ...

Скрыдловъ сообщилъ мнѣ подъ секретомъ, что видѣлъ у Новикова бумагу изъ главной квартиры, въ которой высказывалось неудовольствіе главнокомандующаго на медленность приготовленій, которою задерживается наведеніе понтоновъ (уже совсѣмъ готовыхъ) и переправа всей арміи. Значитъ, на этихъ дняхъ должны пойти, хотя нѣтъ еще угля, нѣтъ того и другого... Сообщилъ также, что онъ и X. назначены атаковать непріятельскіе мониторы, въ случаѣ если бы тѣ вздумали мѣшать работать, — значитъ, взрывъ монитора можно будетъ видѣть.

Далѣе однако, онъ сообщилъ, что Новиковъ не хочетъ брать съ собою никого изъ постороннихъ, къ составу отряда не принадлежащихъ, что, слѣдовательно, мнѣ нужно будетъ переговорить съ отцомъ командиромъ теперь же, что я и сдѣлалъ.

Модестъ Петровичъ сначала казался непреклоннымъ и все совѣтовалъ мнѣ смотрѣть съ берега, — это за три-то версты, — однако, сдался-таки наконецъ, и мы занялись приготовленіями къ походу подъ турку: сварили нѣсколько курицъ, взяли бутылку хересу (*всѣ* уже провѣдали про него и отняли ящикъ), взяли хлѣба и проч. чуть не на недѣлю; я взялъ бумаги и мой маленькій ящикъ съ красками, которымъ, однако, не суждено было выглядывать на свѣтъ Божій.

* * *

Наканунѣ нашей экспедиціи я получилъ телеграмму черезъ стараго Скобелева: „Художнику Верещагину немедленно слѣдовать со стрѣлковою бригадою. Скалонъ".

Сначала я ничего не понялъ, но потомъ, съѣздивши въ Журжево, разобралъ, въ чемъ дѣло: давно уже просилъ я Дмитрія Антоновича Скалона, управлявшаго канцеляріей главнокомандующаго, дать мнѣ возможность видѣть переправу и для этого во-время прицѣпить меня къ самой передовой части; теперь стрѣлковая бригада выступила къ Зимницѣ, — значитъ, гдѣ-нибудь тамъ готовилась переправа... Такъ какъ движеніе бригады по ночамъ, днемъ войска не двигались, чтобы не будоражить турокъ, потребовало бы не менѣе двухъ сутокъ, то я разсчиталъ, что успѣю побывать съ моряками при закладкѣ минъ, а потомъ догнать генерала Цвѣцинскаго съ его бригадой.

Я зашелъ въ домишко, въ которомъ были сложены мои вещи, чтобы захватить наиболѣе нужныя, и, перебирая ихъ, почувствовалъ маленькую неловкость: было немного жутко при мысли, что турки не останутся хладнокровны къ тому, какъ Скрыдловъ будетъ взрывать ихъ, а я смотрѣть на этотъ взрывъ, и что, по всей вѣроятности, мины наши насъ же самихъ первыми и поднимутъ на воздухъ — зато же я увижу взрывъ монитора!

Простившись съ моею квартиркою, осмотрѣвши лошадей, между которыми былъ новый, бѣленькій иноходецъ, купленный недавно за 25 золотыхъ, я пошелъ повидать нѣкоторыхъ офицеровъ и затѣмъ, въ ту же ночь, воротился въ Мало-Дижосъ, чтобы немедленно перебраться на миноноску.

Младшій братъ мой, поступившій изъ отставки на службу во Владикавказскій полкъ, пріѣхалъ въ этотъ день ко мнѣ, прямо съ дороги; я направилъ его по начальству, а самъ съ моею дорожною сумкой пошелъ къ морякамъ.

* * *

Послѣ обѣда во дворѣ дома, гдѣ помѣщался общій столъ, Т., старшій офицеръ морского отряда, завѣдывавшій имъ, раздавалъ людямъ водку и дѣлалъ это такъ торжественно и методично, что задержалъ наше выступленіе. Уже было почти темно, когда всѣ собрались у берега маленькаго залива, въ которомъ пріютились миноноски, начавшія разводить пары.

Неожиданно пріѣхалъ молодой Скобелевъ и, отведя въ сторону Новикова, съ жаромъ что-то сталъ говорить ему: онъ высказывалъ ему желаніе быть полезнымъ отряду и предлагалъ взять его на одну изъ миноносокъ, но Н. наотрѣзъ отказалъ въ этомъ.

Священникъ Минскаго полка, молодой, весьма развитой человѣкъ, сталъ служить напутственный молебенъ. Помню, что, стоя на колѣняхъ, я съ любопытствомъ смотрѣлъ на интересную картину, бывшую предо мною: направо — послѣдніе лучи закатившагося солнца и на свѣтло-красномъ фонѣ неба и воды чернымъ силуэтомъ выдѣляющіяся миноноски, дымящія, разводящія пары; на берегу—матросы полукругомъ, а въ серединѣ—офицеры, всѣ на колѣняхъ, всѣ усердно молящіеся; тихо

кругомъ, слышенъ только голосъ священника, читающаго молитвы.

Я не успѣлъ сдѣлать тогда этюды миноносокъ, что и помѣшало написать картину этой сцены, врѣзавшейся въ моей памяти, сцены просто поразительной.

Когда кончился молебенъ, отходящіе расцѣловались съ остающимися, въ числѣ которыхъ былъ и Подъяпольскій, нашъ пріятель и сожитель. Я обнялся съ М. Д. Скобелевымъ. — „Вы идете; этакій счастливецъ, какъ я вамъ завидую!“ — шепнулъ онъ мнѣ; ему, видимо, хотѣлось поскорѣе показать себя дунайской арміи.

* * *

Скрыдловъ не торопился разводить пары, и я попенялъ ему за это, такъ какъ намъ приходилось выступать на веслахъ. „Будь увѣренъ, — отвѣчалъ онъ, — что мы всѣхъ обгонимъ и войдемъ въ Дунай первыми; они не знаютъ фарватера и всѣ будутъ на мели“. Такъ и случилось. Было такъ темно, что всѣхъ нельзя было различить, и хотя на передней шлюпкѣ шелъ лоцманъ, но когда пары у насъ поспѣли и мы стали подвигаться пошибче, то вправо и влѣво стали различать какія-то неподвижныя черныя массы; мы ихъ окликали, онѣ насъ окликали; все это оказывались миноноски, сидящія на пескѣ; „Шутка“ стаскивала многихъ, но, должно-быть, онѣ снова притыкались, потому что движеніе впередъ шло медленно.

Предположено было еще до разсвѣта войти въ русло Дуная и съ зарею начать класть мины; вышло же, что уже разсвѣло, а еще никто даже не выбрался на фарватеръ. Было утро, когда прошли мѣстомъ, гдѣ мы вывoрачивали сваи, съ которыми тутъ опять много возились. Случилось, какъ говорилъ С., что мы вошли въ фарватеръ Дуная почти первыми; впереди шелъ только Х., т.-е. вторая миноноска, назначенная къ атакѣ, самая легкая и ходкая изъ всѣхъ, — вторая по быстротѣ была наша „Шутка“.

Мы долго стояли на одномъ мѣстѣ, чтобы дать время подтянуться остальнымъ, и потомъ пошли вдоль островка, густыя деревья котораго скрывали еще насъ отъ турокъ. Очевидно, что сдѣлать, какъ предполагалось, т.-е. тайкомъ подойти и положить мины къ турецкому берегу, было немыслимо; вдобавокъ, кромѣ нашей и еще

одной-двухъ, всѣ остальныя миноноски страшно дымили и пыхтѣли, такъ что одно это должно было выдать отрядъ.

Только что стали мы выходить изъ-за перваго островка, какъ изъ караулки противоположнаго берега показался дымокъ, раздался выстрѣлъ, за нимъ другой... и пошло и пошло, чѣмъ дальше,—тѣмъ больше. Берегъ былъ недалеко, и мы ясно видѣли суетившихся, перебѣгавшихъ солдатъ; скоро стало подходить много новыхъ стрѣлковъ, особенно черкесовъ, и насъ начали осыпать пулями, то и дѣло булькавшими кругомъ лодки.

Насъ обогналъ и пошелъ впереди Новиковъ; онъ стоялъ на кормѣ, облокотясь на желѣзную покрышку миноноски, не обращая никакого вниманія на выстрѣлы, для которыхъ его тучная фигура, облеченная въ шинель, представляла хорошую мишень.

Лейтенантъ Н. Скрыдловъ.

Сдѣлалось вскорѣ очень жарко отъ массы падавшаго свинца: весь берегъ буквально покрылся стрѣлками, и выстрѣлы представляли непрерывную барабанную дробь.

Грозно, тихо двигались миноноски; уже первыя остановились у берега и начали работу, когда послѣднія только еще входили въ русло рѣки. Солнце давно вышло; было свѣтлое, лѣтнее утро, легкій вѣтерокъ рябилъ воду. Мины приходилось класть подъ выстрѣлами. Отрядъ, начавши погружать ихъ, сдѣлать большую ошибку тѣмъ, что сейчасъ же прямо не пошелъ къ турецкому, т.-е. правому берегу, а началъ съ этого,—лѣваго; вышло то, что первыя мины уложили порядочно; даже около середины мичманъ Ниловъ бросилъ свою мину, но второпяхъ не ладно, такъ какъ она всплывала наверхъ; далѣе же никто изъ офицеровъ не рѣшился идти, такъ что половина фарватера осталась незащищенною. Послѣ, ночью, Подъяпольскій ѣздилъ поправлять эти грѣхи;

но все-таки, если турки не пробовали пройти тутъ, — что они могли бы сдѣлать, — то это надобно отнести къ тому, что они были напуганы предыдущими взрывами ихъ судовъ, русскими минами [1]).

Наши двѣ миноноски притаились, между тѣмъ, за лѣскомъ маленькаго острова, расположеннаго нѣсколько ниже мѣста работъ. Мы слышали какой-то шумъ въ кустахъ островка, но не обратили на него вниманія, какъ вдругъ изъ-за него показались двѣ лодки и быстро направились къ намъ; уже мы приготовились встрѣтить ихъ маленькими ручными минами, изготовленными С. нарочно на случай рукопашной схватки, какъ оказалось, что это наши казаки, стрѣлки, еще ранѣе насъ засѣвшіе на островкѣ для прикрытія работъ. Сдѣлано это было Скобелевымъ и, поправдѣ сказать, ни къ чему не послужило.

Тѣмъ временемъ, со стороны Рущука, пришелъ пароходъ и сталъ стрѣлять по нашей флотиліи, хотя безъ вреда для нея. „Николай Ларіоновичъ, — говорю Скрыдлову, — что же ты его не атакуешь?“ — „А зачѣмъ его трогать, коли онъ близко не подходитъ, вѣдь его выстрѣлы не вредятъ…“ Пароходъ скоро ушелъ, вѣроятно, за подмогою. Видимъ, летитъ къ намъ миноноска Новикова. „Н. Л., почему вы не атаковали мониторъ?“— „Это не мониторъ, М. П., а пароходъ; я думалъ, вы приказали атаковать въ томъ случаѣ, если онъ подойдетъ близко…“ — „Я приказалъ вамъ атаковать его во всякомъ случаѣ; извольте атаковать!“ — „Слушаю съ!“ Новиковъ повернулъ снова къ работамъ. „Ну, братъ, Н. Л., — говорю С., — смотри теперь въ оба: если будетъ какая неудача въ закладкѣ минъ, ты будешь козломъ очищенія: изъ-за тебя, скажутъ, не удалось“. — „Теперь атакую, теперь приказаніе ясно!“

Скрыдловъ велѣлъ все приготовить; самъ онъ помѣстился спереди, у штурвала, для наблюденія за рулевымъ и носовою миною, меня же просилъ взять въ распоряженіе кормовую пловучую мину; уже раньше онъ выучилъ меня, какъ дѣйствовать ею, когда ее бросать, когда командовать: „Рви!“

Чтобы команда была веселѣй, онъ приказалъ всѣмъ вымыться.

---

[1]) Турки преспокойно проходили потомъ этимъ мѣстомъ, какъ я узналъ.

— Ты не мылся, — хочешь помыться? — спрашиваетъ онъ меня.

— Я ужъ вымылся.

— Да у тебя мыла нѣтъ, помилуй!

Нечего дѣлать, помылся еще мыломъ.

Всѣ мы облачились въ пробковые пояса, на случай, если бы „Шутка“ взлетѣла на воздухъ и намъ пришлось бы тонуть, что должно было быть первымъ, самымъ вѣроятнымъ послѣдствіемъ взрыва мины. Мы закусили немного курицею и выпили по глотку завѣтнаго хереса, послѣ чего пріятель мой прилегъ вздремнуть и — странное дѣло — его крѣпкіе нервы дѣйствительно дали ему вздремнуть.

Матросъ.

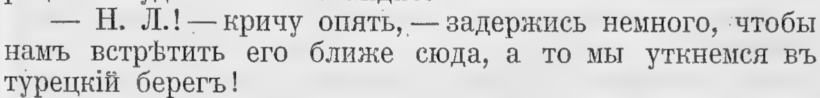
Я не спалъ, стоялъ на кормѣ, облокотясь о желѣзный навѣсъ, закрывавшій машину, и слѣдилъ за рѣкою по направленію къ Рущуку. „Идетъ“, выговорилъ тихо одинъ изъ матросовъ; и точно, между турецкимъ берегомъ и высокими деревьями острова, закрывавшаго фарватеръ Дуная, показался дымокъ, быстро къ намъ подвигавшійся.

— Николай Ларіоновичъ! — кричу, — вставай, идетъ...

Скрыдловъ вскочилъ...

— Отваливай, живо!.. Впередъ, полный ходъ!

Мы полетѣли, благодаря попутному теченію, очень быстро. Турецкаго судна не было видно.

— Н. Л.! — кричу опять, — задержись немного, чтобы намъ встрѣтить его ближе сюда, а то мы уткнемся въ турецкій берегъ!

— Нѣтъ ужъ, братъ, — ты слышалъ, что толкуетъ Новиковъ?.. Теперь пойду хоть въ самый Рущукъ!

— Ну, валяй...

Вотъ вышелъ пароходъ, вблизи, вѣроятно по сравненію съ „Шуткою“, показавшійся мнѣ громадиною; С. тотчасъ же повернулъ руль, и мы понеслись на него со скоростью желѣзнодорожнаго локомотива.

Что за суматоха поднялась не только на суднѣ, но и на берегу! Видимо, всѣ поняли, что эта маленькая скорлупа несетъ смерть пароходу; по берегу стрѣлки и черкесы стали кубаремъ спускаться до самой воды, чтобы стрѣлять въ насъ поближе, и буквально осыпали миноноску свинцомъ; весь берегъ былъ въ сплошномъ дыму отъ выстрѣловъ. На палубѣ парохода люди бѣгали, какъ угорѣлые: мы видѣли, какъ офицеры бросились къ штурвалу, стали поворачивать къ берегу, на утекъ, и въ то же время награждали насъ такими ударами изъ орудій, что бѣдная „Шутка" подпрыгивала на ходу.

„Ну, братъ, попался, — думалъ я себѣ, — живымъ не выйдешь". Я снялъ сапоги и закричалъ Скрыдлову, чтобъ онъ сдѣлалъ то же самое; онъ послушался и приказалъ то же сдѣлать матросамъ.

Я оглянулся въ это время: другой миноноски не было за нами. Говорили, что у ней что-то случилось въ машинѣ... Дѣло было не ладно! „Шутка" была одна-одинешенька, отрядъ остался далеко назади насъ. Огонь дѣлался невыносимымъ; отъ пуль все дрожало, а отъ снарядовъ просто встряхивало; уже было нѣсколько серьезныхъ пробоинъ и одна въ кормѣ, около того мѣста, гдѣ я стоялъ, почти на линіи воды: желѣзная защита наша надъ машиною была также пробита. Матросы попрятались на дно шлюпки, прикрылись всякою дрянью, какая случилась подъ руками, такъ что ни одного не было видно; только у одного изъ минеровъ часть лица была на виду, и онъ держалъ передъ нимъ для защиты буекъ, причемъ лежалъ неподвижно, какъ деревяжка. Мы совсѣмъ подходили къ пароходу. Трескъ и шумъ отъ ударявшихъ въ „Шутку" пуль и снарядовъ все усиливались.

Вижу, что Скрыдлова, сидѣвшаго у штурвала, передернуло, — его ударила пуля, потомъ другая. Вижу также, что нашъ офицеръ-механикъ, совсѣмъ блѣдный, снялъ фуражку и началъ молиться, — онъ былъ католикъ, — однако, потомъ онъ оправился и, передъ ударомъ вынувши часы, сказалъ С.: „Н. Л., 8 часовъ 5 минутъ!" — Это было недурно.

Любопытство брало у меня верхъ, и я наблюдалъ за турками на пароходѣ, когда мы подошли вплоть: они просто оцѣпенѣли, кто въ какой былъ позѣ: съ под-

нятыми и растопыренными руками, съ головами, наклоненными внизъ, къ намъ, — какъ въ заключительной сценѣ Ревизора.

Въ послѣднюю минуту рулевой нашъ струсилъ, положилъ право руля, и насъ стало относить теченіемъ отъ парохода. Скрыдловъ вцѣпился въ него: „Лѣво руля, с. с., такой сякой, убью!“ — и самъ налегъ на штурвалъ; „Шутка“ повернулась противъ теченія, медленно подошла къ борту парохода и тихо ткнула его шестомъ... Тишина въ это время была полная и у насъ и у непріятеля; все замерло въ ожиданіи взрыва; минута была жуткая...

— Взорвало? — спрашиваетъ меня, калачикомъ свернувшись надъ приводомъ, минеръ.

— Нѣтъ, — отвѣчаю ему вполголоса.

— Рви, по желанію! — снова раздается команда Скрыдлова — и опять нѣтъ взрыва!

Между тѣмъ насъ повернуло теченіемъ и запутало сломившимся передовымъ шестомъ въ пароходномъ канатѣ, причемъ корму отнесло. Турки опомнились, — и съ парохода и съ берега принялись стрѣлять пуще прежняго. Скрыдловъ приказалъ обрубить носовой шестъ, и мы пошли, наконецъ, прочь; тогда пароходъ повернулся бортомъ да такъ началъ валять, что „Шутка“, избитая и пробитая, стала наполняться водою; на бѣду еще пары упали, и мы двигались только благодаря теченію, — это ужъ немного прозѣвалъ механикъ.

Въ ожиданіи того, что вотъ-вотъ мы сейчасъ пойдемъ ко дну, я стоялъ, поставивши одну ногу на бортъ; слышу сильный трескъ подо мною и ударъ по бедру, да какой ударъ! — точно обухомъ. Я перевернулся и упалъ, однако, тотчасъ же всталъ на ноги.

Мы шли по теченію, очень близко отъ турецкаго берега, откуда стрѣляли теперь совсѣмъ съ близкаго разстоянія. Какъ только они не перебили насъ всѣхъ! Бѣгутъ за нами слѣдомъ и стрѣляютъ, да еще ругаются, что намъ хорошо слышно. Я пробовалъ отвѣчать нѣсколькими выстрѣлами, но оставилъ, увидѣвши, что это безполезно.

Мы прошли уже довольно далеко по рѣкѣ, мимо цѣлаго ряда купеческихъ судовъ, стоявшихъ между берегомъ и островкомъ въ правой рукѣ. Слѣва тянулся все еще тотъ же островъ съ большими, развѣсистыми

ивами; русло рѣки тутъ очень узкое. Пароходъ вдогонку за нами не шелъ; но другая бѣда: навстрѣчу отъ крѣпости бѣжитъ на всѣхъ парахъ мониторъ, очевидно, вызванный пароходомъ.

— Николай Ларіоновичъ! — кричу Скрыдлову, но за выстрѣлами совсѣмъ не слышно было голоса. — Н. Л., видишь мониторъ?

— Вижу.

— Что ты намѣренъ дѣлать?

— Атакую твоей миной; приготовь ее да бросай ближе.

Атаковать намъ, почти затонувшимъ, несомымъ теченіемъ, было трудновато; однако, другого-то ничего не оставалось дѣлать. Мониторъ подходилъ и уже сдѣлалъ по насъ два выстрѣла: я обрѣзалъ веревку, которою мина была привязана, и распорядился было бросить ее, какъ вдругъ, на наше счастье, на концѣ лѣваго острова открылся рукавъ рѣки, куда мы, собравши послѣднія силенки машины, и свернули.

Здѣсь, и только здѣсь, вздохнулось свободно; большія суда не могли гнаться за нами теперь, и мониторъ успѣлъ только послать еще выстрѣлъ вдогонку.

Такъ какъ „Шутка" все болѣе и болѣе опускалась, то С. приказалъ подвести подъ киль парусину, чтобы нѣсколько задержать течь, и, такимъ образомъ, мы могли надѣяться благополучно добраться до дому.

Защищенные островкомъ, мы подвели здѣсь итоги: „Шутка" была совсѣмъ разбита и, очевидно, не годилась для дальнѣйшей работы; оказались большія пробоины не только выше, но и ниже ватерлиніи; свинца, накиданнаго выстрѣлами, собрали и выбросили нѣсколько пригоршень. У Скрыдлова двѣ раны въ ногахъ и контужена, обожжена рука. Я раненъ въ бедро, въ мягкую часть. Поднявшись послѣ удара, я все время попрежнему стоялъ, но, чувствуя какую-то неловкость въ правой ногѣ, сталъ ощупывать больное мѣсто: вижу, штаны разорваны въ двухъ мѣстахъ, палецъ свободно входитъ въ мясо. „Э-э, да никакъ я раненъ? Такъ и есть, — вся рука въ крови. Такъ вотъ что значитъ рана. Какъ это просто! Прежде я думалъ, что это гораздо сложнѣе". Пуля или картечь ударила въ дно шлюпки, потомъ рикошетомъ прошла черезъ бедро на вылетъ, перебила мышцу и на волосъ прошла отъ кости; тронь тутъ кость, вѣрная бы смерть.

Изъ матросовъ никто не раненъ.

Подведенные итоги выяснили прекурьезную вещь: взрыва не послѣдовало оттого, что проводники были перебиты страшнымъ огнемъ.

— Ваше благородіе,—доложилъ Скрыдлову минёръ,— вѣдь проводники перебиты.

— Не можетъ быть!

— Точно такъ; вотъ, извольте посмотрѣть...

Какъ С. обрадовался! Снялась съ него отвѣтственность за незнаніе, неумѣнье, пожалуй, нерадѣніе, въ которыхъ не приминули бы его упрекнуть пріятели. Когда мы удалялись отъ парохода, Скрыдловъ только о томъ и жалѣлъ, что сломанный шестъ и недостатокъ паровъ не позволяютъ ему повторить атаку носовой миной; правда, мы шли тогда прямо на мониторъ и предстояла еще атака кормовою, но это удовольствіе, очевидно, было ему менѣе занимательно. Пріятель мой вцѣпился себѣ въ волосы и вскричалъ съ такимъ отчаяніемъ въ голосѣ, что жалко его сдѣлалось:

— Столько работы, трудовъ, приготовленій, — все прахомъ, все пропало даромъ!

— Перестань, — кричу ему, — что за отчаяніе такое! Это — неудача, а не неумѣнье...

Зато, узнавши, что при данныхъ условіяхъ взрыва и не могло быть, мой Н. Л. повеселѣлъ, — гора у него свалилась съ плечъ. И то сказать: въ девятомъ часу солнечнаго лѣтняго дня атаковать, буквально подъ градомъ снарядовъ, накладно.

Остался, однако, одинъ вопросъ, котораго мы не могли рѣшить: почему вторая миноноска не пошла за нами въ атаку? Надобно думать, что этотъ случай атаки непріятельскаго судна *одною* миноноскою былъ первый и послѣдній: онъ противъ всѣхъ правилъ. Новиковъ говорилъ мнѣ потомъ, что командиръ этой миноноски былъ нервенъ...

Впрочемъ, результатъ оказался удовлетворительный: пароходъ поворотилъ назадъ, такъ же какъ и мониторъ: значитъ, цѣль атаки была достигнута.

Кстати, позволю себѣ здѣсь сказать нѣсколько словъ по поводу волонтеровъ, о которыхъ одинъ спеціалистъ въ Кронштадтѣ выразился, что они мѣшаютъ въ дѣлѣ. Я полагаю, напротивъ, что если волонтеръ знаетъ дисциплину и то дѣло, на которое идетъ, то, разумѣется

сумѣетъ быть не только храбрымъ, но и хладнокровнымъ, что весьма важно. Когда, напримѣръ, нужно было приготовить кормовую мину, минёръ до того оробѣлъ, что только безсвязно поворачивался, чего-то отыскивая дрожащими руками, и я вынулъ свой ножичекъ, чтобъ обрѣзать веревку; другой минёръ передъ атакою тоже, видимо, дѣйствовалъ не совсѣмъ сознательно, потому что безъ всякой нужды тронулъ приводъ, сообщавшій токъ минѣ, еще на огромномъ разстояніи отъ непріятеля; наконецъ, помянутый рулевой со страху положилъ не туда руля, да вдобавокъ взмолился передъ Скрыдловымъ: „не лучше ли, — дескать, спуститься!“ — Всѣ эти примѣры, мнѣ кажется, доказываютъ, что матросъ или солдатъ, *вынужденный* идти впередъ, не дѣлаетъ это съ тѣмъ сознаніемъ и разумѣніемъ, какъ волонтеръ, *желающій* идти впередъ.

Покинувъ наше убѣжище, С. пошелъ снова къ мѣсту расположенія прочихъ миноносокъ, чтобъ отдать отчетъ Новикову. Всѣ офицеры стояли на берегу и, видимо, не знали, что́ у насъ творилось (мы были закрыты отъ нихъ во все время атаки островомъ).

— Взорвали? — кричатъ навстрѣчу.

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ Скрыдловъ, — огонь былъ слишкомъ силенъ: перебило проводники. Я и В. В. ранены!

Общее молчаніе, въ которомъ слышалось неодобреніе, только бравый Новиковъ сдѣлалъ С. ручкою, поблагодарилъ за неравный бой среди бѣлаго дня.

Отрядъ отдыхалъ, завтракалъ и собирался идти дальше. Насъ потащили на румынскій берегъ; изъ веселъ сдѣлали носилки и положили на нихъ Скрыдлова, а я пошелъ пѣшкомъ; сгоряча я не чувствовалъ ни боли ни усталости, но, пройдя съ версту, почти повисъ на плечахъ поддерживавшихъ меня матросовъ.

На берегу встрѣтились Скобелевъ и Струковъ, издали наблюдавшіе за установкою минъ; первый, съ которымъ мы расцѣловались, только и повторялъ: „Какіе молодцы, какіе молодцы!“ — Бравому изъ бравыхъ, видимо, было завидно, что не онъ раненъ. Насъ втащили въ деревню Парапанъ и помѣстили въ большомъ помѣщичьемъ домѣ, — въ томъ самомъ, гдѣ жилъ Вульфертъ и гдѣ я познакомился съ Драгомировымъ. Мнѣ разсказывали послѣ, что видѣли съ берега, какъ нашъ дымокъ понесся навстрѣчу турецкому, и такъ какъ знали, что

атаковать пошла „Шутка“, то поняли, что я многогрѣшный лечу вмѣстѣ съ этимъ дымкомъ.

Скоро прискакала изъ Рущука конная батарея и уже было снялась съ передковъ противъ мѣста гдѣ отдыхали моряки, но Струковъ во-время предупредилъ флотилію, изъ-за высокаго берега не видѣвшую опасности, и она успѣла удрать: по грудь, а мѣстами и по шею въ водѣ Струковъ прошелъ цѣлую версту и взбудоражилъ отрядъ, собиравшійся было завтракать: моряки живо собрались, большую часть своего добра успѣли захватить, но кое-что бросили-таки и утекли вверхъ по рѣкѣ для закладки другого ряда минъ. Батарея била по лодкамъ и вещамъ, неосторожно брошеннымъ миноносками, и также вздумала бомбардировать домъ, въ которомъ мы помѣщались.

По этому случаю я совершенно нечаянно насмѣшилъ всѣхъ бывшихъ около насъ офицеровъ: чтобы не быть разстрѣлянными, намъ предложили перейти въ одинъ изъ крестьянскихъ домовъ подалѣе въ деревнѣ; Скрыдловъ согласился, но я уперся, объяснивши, какъ мнѣ и теперь кажется, не безъ резона, что „въ крестьянскомъ домишкѣ будутъ навѣрное блохи, а тутъ ихъ нѣтъ“.

На Дунаѣ. — Бухарестъ.

Мы со Скрыдловымъ были первые раненые въ турецкую войну 1877 года, и въ главной квартирѣ и въ арміи участіе къ намъ было общее.

Признаюсь, я долго не понималъ, что раненъ серьезно. Черезъ 10—15 дней, я былъ въ томъ убѣжденъ, можно будетъ опять присоединиться къ передовому отряду, съ которымъ я до сихъ поръ шелъ.

Кромѣ небольшой лихорадочности и возбужденности, ничего дурного не чувствовалось, и боли въ ранѣ не было ни малѣйшей, хотя мой палецъ и ощупалъ большую прорѣху въ платьѣ, бѣльѣ и тканяхъ мышцы, а всѣ любопытствовавшіе видѣть рану, несмотря на нежеланіе пугать меня, не могли удержаться отъ восклицаній: „У, у! или о, о! однако, разорвало-таки вамъ!“

„Ничего, заживетъ! — утѣшалъ я самъ себя. — Поѣду въ главную квартиру, полѣчусь немного и скоро опять буду на ногахъ“.

Это рѣшеніе ѣхать въ главную квартиру и нѣкоторое время полежать казалось тяжелою жертвою, такъ какъ означало отказъ отъ надежды присутствовать при переправѣ и видѣть переходъ войскъ черезъ Дунай, что мнѣ было въ высокой степени интересно и къ чему я давно готовился. Сначала я хотѣлъ, несмотря ни на что, слѣдовать въ своей повозкѣ за Скобелевскою кавказскою бригадою и приказалъ казаку сдѣлать переплетъ попокойнѣе.

Вульфертъ посовѣтовалъ, однако, ѣхать лучше съ нимъ въ главную квартиру и, когда, какъ говорю, я согласился на это, предатель, вмѣстѣ съ другими, сталъ совѣтовать полѣчиться въ госпиталѣ. Я заподозрѣлъ

всѣхъ въ заговорѣ противъ меня: старика Скобелева въ томъ, что не хочетъ болѣе, чтобы я шелъ съ его отрядомъ; Вульферта въ томъ, что стѣсняется ѣхать въ главную квартиру съ больнымъ. И тотъ и другой— милѣйшіе люди — пришли ко мнѣ съ увѣреніемъ въ самомъ искреннемъ желаніи исполнить все, что я хочу, но только отъ души совѣтовали, для моей же пользы, для болѣе скораго выздоровленія, поѣхать въ госпиталь.

Что было дѣлать: я понималъ, что благоразуміе говоритъ ихъ устами, но въ то же время очень трудно было разстаться съ намѣреніемъ видѣть переходъ войскъ черезъ рѣку и первыя дѣйствія ихъ на томъ берегу.

Скрыдловъ присталъ къ моимъ врагамъ: „поѣдемъ, да поѣдемъ; скоро поправимся, воротимся...“ Всѣ другіе тоже точно сговорились: „отдохните, полежите, полѣчитесь, безъ этого рана, хоть и не опасная, можетъ долго не закрыться“ и проч.

Я крѣпко затосковалъ, но, въ концѣ-концовъ, рѣшилъ отказаться отъ мысли идти за арміей и поворотилъ назадъ, въ Журжевскій госпиталь. Дальше Журжева, думалъ, ужъ ни за что не поѣду, отлежусь въ самомъ дѣлѣ и ворочусь. Но и этому не довелось сбыться: пришлось возвращаться до самаго Бухареста.

Ахъ, какъ досадно было поворачивать назадъ съ перспективой лежать, не вставая съ постели, въ больницѣ, вмѣсто того чтобы идти въ авангардѣ арміи! Въ моей парижской мастерской стояли большія полотна, начатыя и оставленныя изъ-за желанія видѣть европейскую войну; а ну, какъ да война-то скоро закончится миромъ, какъ уже стали поговаривать, и я ничего не увижу?!

Насъ повезли въ Журжево въ полковой повозкѣ, данной командиромъ Минскаго полка, полковникомъ Мольскимъ, увѣрявшимъ, что, благодаря этому, „спеціально приспособленному“ экипажу, мы просто не замѣтимъ переѣзда.

Дорогой, однако, пришло въ голову, что, должно-быть, бравый полковникъ шутилъ. Трудно представить себѣ, до чего сильна тряска этихъ полковыхъ госпитальныхъ повозокъ и, главное, жестка, отъ множества винтовъ, гаекъ, цѣпей, шумѣвшихъ, гремѣвшихъ и прыгавшихъ при малѣйшей неровности дороги.

Не сомнѣваясь, что изобрѣтатель этихъ „спеціально-приспособленныхъ“ повозокъ получилъ награду за свое изобрѣтеніе — у насъ вѣдь никто не считаетъ, что служитъ за жалованье; всѣ требуютъ еще особенныхъ награжденій, — думаю, однако, что поступили бы справедливо, если бы заставили этого изобрѣтателя ѣздить въ такомъ экипажѣ, въ какомъ морили насъ и за нами тысячи другихъ несчастливцевъ.

Я былъ совсѣмъ разбитъ, Скрыдловъ — менѣе; впрочемъ, онъ смотрѣлъ такимъ взвинченнымъ, что перенесъ бы и не такую пытку: его только что объявили кавалеромъ Георгіевскаго креста. Дума этого ордена, въ исполненіе статута, собралась наканунѣ въ составѣ пяти наличныхъ кавалеровъ: капитана I ранга Новикова, генераловъ—стараго и молодого Скобелевыхъ, полковниковъ — Вульферта и Мольскаго.

Новиковъ получилъ Георгіевскій крестъ въ Севастополѣ, за взрывъ порохового погреба. Скобелевъ-отецъ— на Кавказѣ, не помню за какое дѣло. Молодой Скобелевъ носилъ два Георгія одинъ: — 4-й степени за рекогносцировку въ Хивѣ, другой — 3-й степени, за участіе въ покореніи Кокана. Мольскій получилъ свой крестъ также въ Севастополѣ. Вульфертъ первый взошелъ на стѣну Ташкента при взятіи его Черняевымъ.

Единогласно рѣшено было дать Георгія Скрыдлову, потому что хотя взрыва судна и не послѣдовало, но такъ какъ турецкій пароходъ и мониторъ перестали мѣшать нашимъ работамъ по установкѣ минъ и, поворотивъ назадъ, ушли въ Рущукъ, то цѣль атаки была достигнута.

Это толкованіе значенія нашего дѣла было скорѣе предлогъ, подводъ подвига подъ весьма строгій, хотя и растяжимый, статутъ Георгіевскаго креста; главнымъ же побужденіемъ, высказаннымъ старикомъ Скобелевымъ и одобреннымъ всѣми другими, была необходимость отмѣтить высшею военною наградою въ самомъ началѣ кампаніи изъ ряда вонъ выходившую отвагу нападенія: скорлупа „Шутка“, плохо приноровленная для миноносной цѣли, набросилась на большія, хорошо вооруженныя суда и не въ темнотѣ, подъ покровомъ ночи, а среди бѣлаго дня, при яркомъ солнцѣ.

Рѣшеніе думы было все-таки неожиданностью для насъ. Какъ разъ за время лежанія другъ противъ друга,

на большомъ турецкомъ диванѣ помѣщичьяго дома, въ которомъ насъ помѣстили, мы многократно принимались за рѣшеніе вопроса о томъ, что Скрыдлову дадутъ. Самъ онъ говорилъ, будто хорошо знаетъ, что Георгія не заслужилъ, такъ какъ на воздухъ турку не поднялъ, а за одну личную храбрость этого креста не дадутъ.

— Какъ ты думаешь, дадутъ ли хоть Владиміра?

— Дадутъ, непремѣнно дадутъ!

— А Георгія, думаешь, не дадутъ?

— Должно-быть, не дадутъ, братъ; помирись съ этимъ!

— Знаю, только не дали бы Анну! — сокрушался милѣйшій Николай Иларіоновичъ, такъ старательно приготовившій все для успѣха дѣла; тѣмъ болѣе онъ былъ доволенъ, когда узналъ о рѣшеніи думы.

Въ этомъ же собраніи георгіевскіе кавалеры присудили крестъ генералу Струкову за извѣщеніе нашей флотилии объ опасности приближенія къ ней конной турецкой батареи. Моряки не могли видѣть ее съ рѣки, но она хорошо была видна съ нашего берега, откуда Скобелевъ со Струковымъ въ бинокли наблюдали за ходомъ дѣла нашей атаки и установки минъ. Наизусть зная статутъ Георгіевскаго креста, Михаилъ Дмитріевичъ тотчасъ схватилъ быка за рога и сказалъ пріятелю:

— Вотъ твой бѣлый крестъ, Александръ Петровичъ, бѣги, плыви, извѣсти Новикова о томъ, что по нимъ, сейчасъ начнутъ бить, пусть немедленно уходитъ съ миноносками!

Струковъ, не задумываясь, бросился въ воду и, гдѣ по колѣно, гдѣ по поясъ, а гдѣ и по шею, гдѣ — вплавь, гдѣ — вбродъ, насколько было возможности быстро двигаться въ водѣ, направился къ морякамъ, только что расположившимся на отдыхъ. Онъ спотыкался, проваливался, захлебывался, но все-таки добрался: отчаянный крикъ его былъ услышанъ. Однако, какъ моряки ни торопились, турецкая батарея успѣла сняться съ передковъ и начать по нимъ такую пальбу, что пришлось кое-что бросить и утечь безъ оглядки: отвѣчать орудіямъ было нечѣмъ, на миноноскахъ пушекъ не было. Не предупреди Струковъ флотилію, вѣроятно, не мало было бы разбитаго.

Въ общемъ раны наши были очень счастливы: у Скрыдлова одна пуля вошла въ икру ноги и засѣла въ

ней, другая скользнула по верхней части ступни и тоже не испортила костей. У меня, пробивши бедреную мышцу, пуля или картечь прошла около самой бедренной кости; нѣсколько линій вглубь — для него и нѣсколько линій въ сторону для меня — ему не только не довелось бы больше танцовать, до чего онъ былъ охотникъ, но и пришлось бы лишиться ступни, а мнѣ такъ-таки прямо идти въ червивую каморку. Это милые черкесы, бѣжавшіе вдоль берега за миноноской и стрѣлявшіе на самомъ близкомъ разстояніи, наградили насъ.

Въ деревнѣ Мало-Дижосѣ, гдѣ стояла казачья бригада, офицеры съ командиромъ ея, милѣйшимъ Тутолмиными, во главѣ, встрѣтили насъ на дорогѣ съ бокалами шампанскаго въ рукахъ: пришлось и намъ пригубить — за наше здоровье!

Когда я высказалъ надежду, что дней черезъ 10—12 снова буду съ ними, Т. огорошилъ меня откровеннымъ замѣчаніемъ, что раньше 2-хъ мѣсяцевъ и думать нечего о возвращеніи. Такое горе взяло меня, когда я услышалъ это первое, безъ обиняковъ высказанное мнѣніе о моемъ положеніи, что чуть не выпрыгнулъ изъ повозки и не пошелъ назадъ пѣшкомъ: кабы пріятели не удержали, кажется, я сдѣлалъ бы эту глупость.

Въ концѣ-концовъ, откровенность эта принесла мнѣ ту пользу, что я сталъ серьезнѣе относиться къ своей бѣдѣ, меньше загадывать о томъ, что дѣлается или будетъ дѣлаться въ передовомъ отрядѣ, больше помышлять о томъ, гдѣ и какъ я буду лѣчиться, отлеживаться.

Дорога порядочно разморила насъ, но чистое помѣщеніе журжевскаго госпиталя скоро приободрило и оправило. Скрыдлову тотчасъ вырѣзали пулю изъ икры, причемъ онъ отнесся къ этому умаленію нажитого добра совершенно равнодушно, не выразилъ ни удовольствія ни неудовольствія, такъ что старшій докторъ, дѣлавшій операцію, поцѣловалъ его.

У меня ничего не рѣзали, только промывали рану, причемъ при каждой перевязкѣ вытаскивали изъ нея пинцетомъ кусочки сукна и бѣлья, затащенные туда пулей, таскали ежедневно, утромъ и вечеромъ, по маленькимъ кусочкамъ, чѣмъ донельзя натрудили мои нервы.

Замѣчательно, что никакой боли пока въ раненой ногѣ я не ощущалъ, но зато другая нога, не раненая,

ныла невообразимо (употребляю это выраженіе сознательно, потому что положительно представить себѣ невозможно, что за ужасное нытье это было!)

Наши русскіе доктора, старшій и его помощникъ, приходили только перевязывать раны утромъ и вечеромъ а днемъ мы ихъ не видѣли; поэтому пришлось пожаловаться на мою бѣду туземному лѣкарю, не то румыну, не то австрійскому еврею; онъ отвѣтилъ, что ничего нѣтъ легче, какъ помочь дѣлу, и тотчасъ сдѣлалъ подкожное впрыскиваніе морфина.

Ощущеніе вышло въ высшей степени пріятное; легкая, прямо чудодѣйственная теплота пошла отъ уколотаго мѣста по всему тѣлу и сразу уняла всѣ боли, принесла покой, дремоту и сонъ.

На слѣдующій день, однако, тѣ же боли возобновились, и что ближе подходило ко времени, когда былъ сдѣланъ уколъ, то больше, такъ что я настойчиво потребовалъ повторенія впрыскиванія, лишь бы какъ-нибудь забыться и перетерпѣть. „Конечно, конечно", отвѣтилъ услужливый докторъ и сдѣлалъ второй уколъ; такъ я и началъ ежедневно утѣшаться и облегчаться морфиномъ, безспорно очень успокаивавшимъ, но въ то же время, по словамъ всѣхъ докторовъ, задерживавшимъ мое выздоровленіе.

Нельзя сказать, чтобы я дѣлалъ это съ легкимъ сердцемъ, нѣтъ, напротивъ: хорошо понимая, что лучше обходиться безъ искусственнаго усыпленія, я даже просилъ не слушать меня, когда буду требовать его; но подходило время, боли дѣлались невыносимыми, и я начиналъ просить, умолять, браниться, пока не добивался впрыскиванія.

Старшій нашъ докторъ, забылъ его фамилію, былъ очень недоволенъ, когда узналъ, къ какому средству ежедневно прибѣгали для успокоенія меня. Это былъ совсѣмъ порядочный и, повидимому, хорошо знающій дѣло человѣкъ, серьезно относившійся къ своимъ обязанностямъ, чего, напримѣръ, нельзя было сказать объ его помощникѣ П. Я слышалъ потомъ, что, уже послѣ нашего отъѣзда изъ Журжева, этого послѣдняго устранили отъ должности ординатора госпиталя, въ которомъ онъ служилъ, за крайне небрежное отношеніе къ больнымъ, и что въ числѣ доводовъ, приведенныхъ для доказательства противнаго, онъ ссылался на меня и

Скрыдлова, якобы его уходу обязанныхъ выздоровленіемъ. Это совершенно невѣрно; наоборотъ, чтобы быть справедливымъ, надобно сказать, что обоимъ намъ не доводилось встрѣчать болѣе невнимательнаго, распущеннаго врача, чѣмъ П. Я слышалъ, — не знаю, вѣрно ли это,—что онъ все время проводилъ за картами; во всякомъ случаѣ, мы были просто возмущены! Послѣ утренней перевязки, напримѣръ, всѣ служащіе госпиталя, слѣдуя его доброму примѣру, пропадали, и, исключая времени завтрака, мы не видѣли ихъ до самаго вечера, слѣдовательно не могли получить никакой помощи, а между тѣмъ обоимъ намъ нельзя было не только вставать, но и шевелиться, не рискуя вызвать кровотеченіе.

Одинъ разъ, когда на нашъ зовъ особенно долго никто не являлся, мы сговорились кричать вмѣстѣ разомъ, и такъ какъ легкія наши (особенно у Скрыдлова) были здоровыя, то можно представить себѣ, что за отчаянные вопли раздались по госпиталю, хотя безъ результата.

Положеніе наше становилось неудобнымъ: двое, хоть и раненыхъ, но еще живыхъ, въ какомъ-то не то мертвомъ, не то сонномъ домѣ — встать для каждаго изъ насъ было почти самоубійствомъ, а никто не являлся.

— Давай бить стекла въ окнахъ, — говоритъ Скрыдловъ.

— Идетъ!

Дзинь! зазвенѣло стекло моего окна. Дзинь! другое— со стороны товарища. Только было я намѣревался пустить чернильницу въ третье, какъ вбѣжалъ лѣкарскій помощникъ. Я былъ до того золъ, что пустилъ чернильницу, назначенную-было для окна, прямо въ него и такъ ловко, что запачкалъ ему физіономію, съ носомъ включительно. Онъ разсердился, хотя умѣренно, потому что боялся, какъ бы мы не пожаловались на его небрежный уходъ, и оправдывался тѣмъ, что вотъ только-только прилегъ; это „только“ его и всей прислуги длилось часовъ 5.

Старшій докторъ, по свѣдѣніямъ изъ главной квартиры, сообщилъ объ общемъ къ намъ участіи. Государь за обѣдомъ поднялъ бокалъ „за здоровье Скрыдлова и Верещагина“. Войско наше перешло черезъ Дунай и теперь уже дѣйствовало на турецкомъ берегу; тѣмъ

болѣе горько мнѣ было слышать все это, что съ самаго отъѣзда изъ Парижа я былъ мысленно въ первыхъ рядахъ при переправѣ.

Докторъ сообщилъ также, что турки скоро начнутъ бомбардировать Журжево, почему насъ перевезутъ въ Бухарестъ — еще шагъ назадъ отъ дѣйствующей арміи; и я не утерпѣлъ, чтобы не возразить: „неужели нельзя заживить рану въ Журжевѣ, хоть гдѣ-нибудь!“ Оказалось, что никакъ нельзя: военный госпиталь одинъ и стоитъ на мѣстѣ, легко обстрѣливаемомъ, полученъ формальный приказъ, ослушаться котораго немыслимо.

Наши кровати перетащили на желѣзную дорогу — турки, къ счастью, не начинали еще стрѣльбы, — поставили въ отдѣльный товарный вагонъ, и мы не товаромъ, а багажомъ, со скорымъ поѣздомъ, безъ приключеній, доѣхали до Бухареста.

— Позвольте узнать, который изъ васъ г. Верещагинъ? — спросилъ вошедшій въ вагонъ молодой человѣкъ, какъ только мы остановились на Бухарестской станціи.

— Что вамъ угодно?

— Г-жа Демидова, завѣдующая здѣшнимъ отдѣленіемъ Краснаго Креста, поручила мнѣ встрѣтить васъ, привѣтствовать и спросить, не имѣете ли вы въ чемъ-нибудь надобности. Она, впрочемъ, сейчасъ сама будетъ здѣсь.

И вправду, скоро пришла полная, очень красивая дама, съ такимъ запасомъ доброты, любезности и заботъ о нашемъ съ товарищемъ будущемъ положеніи въ новомъ мѣстѣ, что стало совѣстно.

— Ничего рѣшительно не желаю, — сказалъ ей я, — кромѣ того, чтобы вы помогли поскорѣе подняться и уѣхать въ армію.

— Ужъ двѣ-то недѣльки побудьте съ нами, а потомъ и поѣзжайте съ Богомъ!

Вмѣсто двухъ недѣлекъ, мнѣ пришлось пробыть почти два съ половиной мѣсяца. И то счастливо: хоть кости унесъ.

Наши тюфяки положили на носилки и потащили въ госпиталь Бранковано, двинулись туда торжественно, процессіей. Добрѣйшій консулъ Стюартъ, съ которымъ я познакомился раньше, шелъ дорогой рядомъ съ моими носилками и любезно защищалъ отъ солнца своимъ зонтикомъ. Кто-то другой изъ консульства такъ же оберегалъ Скрыдлова, и это публичное вниманіе нашихъ

властей, вмѣстѣ съ новостью появленія на улицахъ первыхъ раненыхъ, сдѣлали то, что весь путь былъ запруженъ народомъ. Я закрылся одѣяломъ съ головой, но все-таки чувствовалъ на себѣ любопытные взгляды толпы.

Въ лазаретѣ насъ помѣстили вмѣстѣ, въ одну небольшую комнату, что для меня было не совсѣмъ удобно, потому что если, съ одной стороны, такъ должно было быть „веселѣе", то съ другой—и безпокойнѣе отъ массы посѣтителей. Я, какъ „бука", никого не зналъ, а Скрыдловъ, со времени прибытія на Дунай, успѣлъ перезнакомиться чуть не со всѣмъ авангардомъ арміи, офицерами и чиновниками всѣхъ родовъ оружія и службы, и всѣ теперь являлись „освѣдомляться"; хочешь полежать спокойно, — знакомятся, выражаютъ почтеніе, трясутъ за руку; хочешь соснуть,—казакъ повѣствуетъ надъ ухомъ о томъ, какъ они вчера „дернули"...

Дубасовъ разсказывалъ о томъ, что онъ съ Шестаковымъ, проѣзжая черезъ главную квартиру государя, былъ любезно удержанъ къ обѣду и что его величество, съ участіемъ разспрашивая о насъ, былъ очень доволенъ узнать, что Дубасовъ мнѣ родственникъ.

Скоро государь самъ пріѣхалъ въ госпиталь и, войдя съ большой свитой въ нашу комнату, прямо обратился къ Скрыдлову со словами:

— Я принесъ тебѣ крестъ, который ты такъ славно заслужилъ,—голосъ его при этомъ такъ дрожалъ отъ внутренняго волненія, что онъ едва докончилъ фразу.

Скрыдловъ поцѣловалъ руку, положившую крестъ ему на грудь.

Потомъ его величество обратился ко мнѣ:

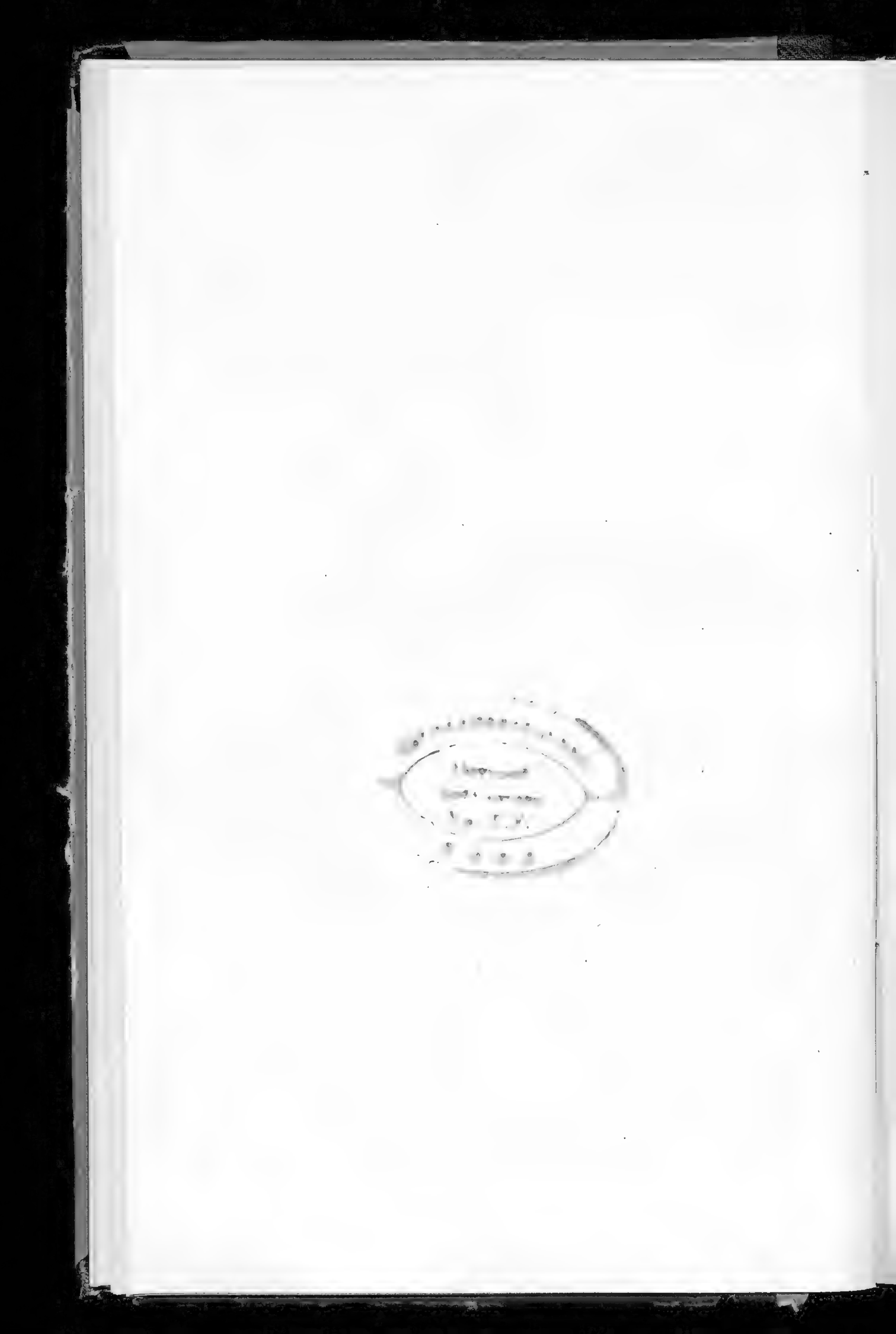
— А у тебя ужъ есть, тебѣ не нужно!—и государь подалъ мнѣ руку.

— Есть, ваше величество; благодарю васъ,—отвѣтилъ я.

Еще послѣ нѣсколькихъ замѣчаній между которыми было то, что „Скрыдловъ смотритъ бодрѣе меня", также послѣ нѣсколькихъ привѣтливыхъ словъ государя-наслѣдника, румынскаго принца Карла и нѣкоторыхъ другихъ лицъ — между ними былъ докторъ Боткинъ — всѣ покинули госпиталь, потому что, кромѣ насъ, другихъ раненыхъ еще не было въ немъ.

Императоръ Александръ II.

Скрыдловъ сталъ быстро оправляться, а я сначала держался на точкѣ замерзанія, а потомъ началъ опускаться ниже нуля.

Каждый день продолжали таскать у меня изъ раны кусочки бѣлья и сукна; такъ какъ началось нагноеніе раны, то появились такія боли, что, можно было думать, самая шкура сдирается съ больного мѣста! Затѣмъ, и это печальнѣе всего, насѣла лихорадка.

Появленіе этой нежеланной гостьи я предчувствовалъ заранѣе и просилъ давать мнѣ мышьякъ или хининъ, но доктора не послушали. „Въ городѣ нѣтъ лихорадокъ,— говорили они: одинъ докторъ, младшій, но, кажется, болѣе сильный по знанію и опыту,— Кремницъ, другой, старшій положеніемъ и лѣтами, чехъ,—Пацельтъ,— нѣтъ причины думать, что она привяжется". А вотъ, привязалась же.

Дѣло въ томъ, что я часто и подолгу страдалъ отъ лихорадки малярійной формы, въ первый разъ схваченной еще въ 1863 году въ Закавказьѣ, потомъ исправленной и дополненной въ Туркестанѣ, Китаѣ, Индіи и она являлась по всякому поводу; довольно было мнѣ порѣзать палецъ, чтобы сдѣлалась лихорадка, не та, которая трясетъ, а та, что валитъ съ ногъ: разъ, что человѣкъ въ постели, онъ чувствуетъ себя хорошо, голова свѣтла, даже аппетитъ небольшой есть; но попробуешь встать на ноги и, главное, начать заниматься — сейчасъ почувствуешь слабость, неохоту, дрожаніе рукъ и ногъ.

Теперь, раненый, я былъ вполнѣ увѣренъ, что старая пріятельница посѣтитъ меня — и не ошибся.

Не меньше предупреждалъ госпитальныхъ докторовъ нашъ профессоръ Марконетъ, извѣстный хирургъ, много работавшій за годъ передъ тѣмъ въ Сербіи. „Разрѣжьте рану, очистите ее отъ всего загноившагося и давайте больше хинина", говорилъ онъ коллегамъ, но тѣ и его не послушали, можетъ-быть, немножко изъ jalousie de métier.

Начали давать хининъ тогда, когда лихорадка сказалась уже въ очень сильной и характерной формѣ; увеличили порціи его, но это не помогало, и я сталъ клониться долу. Пришлось перенести меня въ отдѣльную комнату, въ которую, какъ трудную, заперли двери.

Одному, въ большой залѣ, безъ шума, смѣха и запаха табаку, стало спокойно, но мука съ прислугою

осталась прежняя, если не увеличилась: прислуживала румынская женщина, не понимавшая ни слова по-русски: говорю ей, что хочу пить, — она зажигаетъ спичку, воображая, что желаю курить; просишь поднять повыше голову,—она тянетъ за ноги, въ увѣренности, что я лежу слишкомъ высоко. Къ этому присоединилась еще и полная беззащитность моя относительно сохраненія денегъ: высмотрѣвши въ ящикѣ столика, стоявшаго у кровати, горсточку золотыхъ, она, должно-быть, рѣшила, что человѣку почти умирающему не зачѣмъ имѣть много денегъ, въ особенности, въ то время, какъ у нея ихъ мало, и поживилась. Будто въ полуснѣ я слышалъ, какъ, оставшись разъ посидѣть у кровати, послѣ моего пріема морфина, она что-то шарила въ ящикѣ и, конечно, нашла, что было нужно.

Во время перевязки на другой день докторъ предложилъ „пересмотрѣть и провѣрить, все ли кругомъ въ порядкѣ и цѣлости, такъ какъ Катерина подозрительно быстро собралась, потребовала расчета и уходитъ въ свою деревню“.

— Богъ съ ней, пусть уходитъ, — отвѣтилъ я, не допуская и мысли, чтобы въ госпиталѣ могли обокрасть, и, помню, наградилъ еще уходившую золотымъ „на чай“. Только когда, нѣсколько дней спустя, я случайно провѣрилъ свою кассу, оказалось, что 5—6 золотыхъ не хватало.

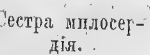
Къ счастью моему и другихъ русскихъ раненыхъ и больныхъ, начавшихъ уже прибывать въ госпиталь, наши сестры милосердія смѣнили туземную прислугу, и меня взяла на руки сестрица-волонтеръ Александра Аполлоновна Чернявская, прелестнѣйшая особа, совершенно безкорыстно и самоотверженно ходившая за мною цѣлые 2 мѣсяца и буквально поставившая меня на ноги.

Помню, что я лежалъ въ дремотѣ, забытьѣ, когда почувствовалъ пріятное вѣяніе вѣтерка около лица; хоть былъ конецъ іюля и окна стояли настежь, но въ этомъ опахиваніи слышалось что-то особенное, напоминавшее дѣтство, дѣтскую, няню... Открываю глаза и вижу почтенную особу, осторожно, внимательно отмахивающую свѣжею вѣточкою мухъ отъ моего лица; мухъ было не мало, такъ какъ стояли жары, а городъ Бухарестъ въ то время особенною чистотою не отличался.

Должно-быть, однако, никакого дѣла въ жизни нельзя дѣлать, не возбуждая чьихъ-либо подозрѣній и непріязни, и моя милѣйшая, честнѣйшая, благонамѣреннѣйшая сестрица — maman, какъ я ее называлъ, не мало преоборола недоразумѣній отъ своихъ, т.-е., сестрицъ-заправилъ прежде, чѣмъ ей, „волонтеру“, дозволили спокойно работать....

Въ это время посѣтилъ меня, проѣздомъ въ Петербугъ, флигель-адъютантъ Т., ѣхавшій изъ главной квартиры государя въ Петербургъ, съ турецкимъ пашой и всѣми трофеями, взятыми въ Никополѣ.

Т. участвовалъ въ дѣлѣ взятія этой крѣпости и, послѣ пережитыхъ впечатлѣній, былъ въ сильно возбужденномъ, нервномъ состояніи: представляя, напримѣръ, какъ лежатъ турецкіе убитые и какъ наши, — онъ бросался на полъ, раскидывалъ руки и ноги и даже закрывалъ глаза... Я дружески посовѣтовалъ ему быть дорогой и въ Петербургѣ менѣе экспансивнымъ, больше сдержаннымъ, чѣмъ милѣйшій Т. немного обидѣлся, такъ что даже сказалъ мнѣ: „Полюбите насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ“.

Сестра милосердія.

О томъ же взятіи Никополя я слышалъ другой разсказъ, представлявшій занятіе этой крѣпости въ другомъ свѣтѣ, отъ молодого армейскаго офицера, бывшаго въ отрядѣ генерала Криднера и пріѣхавшаго въ Бранкованскій госпиталь лѣчиться. „Мы шли, — разсказывалъ онъ, — двумя изгибавшимися и ломавшимися шеренгами и кричали, время отъ времени, „ура!“ Резервовъ у насъ не было, и, признаюсь, я думалъ: куда же это мы идемъ, неужели крѣпость брать? Вдругъ слышу, что крѣпость сдается. Конечно, она могла бы не только отразить наше неувѣренное движеніе, но и долго еще держаться“.

Вскорѣ послѣ извѣстія о паденіи этой крѣпости и другихъ успѣхахъ начали приходить дурныя вѣсти, и имя Плевны, никому прежде неизвѣстной, стало всѣми произноситься съ большимъ или меньшимъ смущеніемъ: какъ-то понижая голосъ, точно боясь стѣнъ, стали говорить о всюду начавшихся неудачахъ.

Вѣсти приносились намъ нашими консульскими, но такъ какъ здоровье мое все ухудшалось, то должно-

быть, доктора посовѣтовали не передавать мнѣ особенно дурныхъ, волновавшихъ сообщеній. И то сказать, нѣкоторое время мнѣ было не до военныхъ успѣховъ, и двери приперлись почти для всѣхъ.

Тутъ пріѣхалъ ко мнѣ братъ мой Сергѣй, жившій въ Вологдѣ, тоже начавшій заниматься живописью, покинувшій было ее, но потомъ снова взявшійся, и въ послѣднее время оказавшій уже большіе успѣхи. Помню, что у меня едва хватило силъ для разговора съ нимъ:

— Подойди поближе, наклонись ко мнѣ: что тебя привело сюда?

— Не могу ли быть чѣмъ-нибудь полезенъ тебѣ?

— Ничѣмъ, любезный другъ, если ты пріѣхалъ только для этого, то лучше поѣзжай назадъ. Но если ты не прочь посмотрѣть на войну, — съѣзди въ главную квартиру и оттуда къ дѣйствующимъ войскамъ; послушай, какъ свистятъ пули; когда вдоволь наслушаешься, уѣзжай обратно.

Я нацарапалъ нѣсколько словъ рекомендаціи къ Д. А. Скалону, управлявшему канцеляріею главнокомандующаго, передалъ брату служившаго мнѣ пѣшаго казака съ повозкою, моихъ лошадей, палатку, кровать и все нужное въ походѣ, до большихъ сапоговъ включительно, и отправилъ его за Дунай.

Сначала на Шипкѣ, въ первое занятіе ея, потомъ въ скобелевскомъ отрядѣ при М. Д., онъ проявилъ такую храбрость и безстрашіе, что буквально дивилъ всѣхъ.

„Какой-то онъ странный, — говорили мнѣ нѣкоторыя лица главной квартиры, не любившія опасностей. — Ходитъ въ атаку съ плетью въ рукахъ!..

М. Д. Скобелевъ, дававшій брату самыя опасныя порученія, со слезами на глазахъ передавалъ мнѣ послѣ 30-го августа о погибели юноши и объ его полезной дѣятельности въ отрядѣ лѣваго фланга. Одинъ разъ Скобелевъ обрушился на покойнаго за то, что онъ якобы пустилъ Калужскій полкъ дальше, чѣмъ было приказано, но, какъ самъ М. Д. сознавался послѣ, обрушился несправедливо.

Скрыдловъ тѣмъ временемъ настолько поправился, что принялъ предложеніе съѣздить для окончательнаго поправленія въ Россію. Передъ тѣмъ, какъ оставить госпиталь, товарищъ по несчастію просилъ позволенія

навѣстить меня, и его принесли ко мнѣ въ комнату на тюфякѣ. Мы дружески попрощались, кажется, безъ большой надежды увидѣться когда-либо въ этомъ мірѣ.

Рана моя отказывалась заживать, а доктора отказывались сдѣлать необходимую операцію прорѣза и прочистки ея: надѣялись обойтись и такъ. Лихорадка просто замучила; нѣкоторыя ночи приходилось по 12—13 разъ перемѣнять намокавшее бѣлье! Къ счастью, наши сестры милосердія исполняли эту обязанность, иначе застудиться и окончательно свихнуться было бы самымъ обыкновеннымъ дѣломъ.

С. В. Верещагинъ.

Лихорадка моя имѣла чисто - восточный характеръ: лишь только я закрывалъ глаза и забывался, какъ передо мной открывались громадныя, неизмѣримыя пространства какихъ-то подземныхъ пещеръ, освѣщенныхъ ярко-краснымъ огнемъ. Въ этой кипящей отъ жары безконечности носились милліоны человѣческихъ существъ, мужчинъ и женщинъ, верхами на палкахъ и метлахъ, проносившихся мимо меня и дико хохотавшихъ мнѣ въ лицо...

Дремота проходила, видѣніе исчезало, и я оказывался весь въ поту,—бѣлье хоть выжми. Снова дремота, снова тѣ же картины — опять лихорадочный потъ...

Одну ночь мнѣ было особенно плохо. Понимая, что дѣло неладно, я рѣшилъ оставить кое-какія распоряженія на случай возможнаго конца. Вся обстановка ночи запечатлѣлась въ моей памяти: около постели сидѣла m-me Штаденъ, старшая сестра общины, смѣнившая уставшую Чернявскую. Комната моя, казавшаяся огромною, слабо освѣщалась ночникомъ, обрисовавшимъ общія очертанія фигуры сестры съ ея профилемъ, бѣлымъ

чепцомъ и рукою, пишущею подъ мою диктовку: она записывала мою послѣднюю волю...

Ахъ, какъ смерть была близка и какъ мнѣ не хотѣлось умирать! Вспоминая все случившееся, я бранилъ себя за то, что вздумалъ идти смотрѣть, какъ будутъ взрывать мониторъ. Правда, Скрыдловъ далъ мнѣ слово, что покажетъ взрывъ, но что было дѣлать противъ force majeure: и взрыва не видѣлъ и получилъ такую нашлепку, что приходилось уже не только не думать о будущихъ работахъ, а распрощаться со всѣми старыми.

Что будетъ теперь, думалось, съ большими, начатыми полотнами? Какъ небрежно къ нимъ отнесутся, какъ вкривь и вкось будутъ судить ихъ; мысли выражены неясно, техника не отдѣлана! Какъ мило, тихо, уютно казалось мнѣ теперь въ моей чудесной мастерской! Сидѣлъ бы, работалъ бы въ ней! Что меня оттуда гнало!

„Гнало то, — отвѣчалъ я самъ себѣ, — что я захотѣлъ видѣть большую войну и представить ее потомъ на полотнѣ не такою, какою она по традиціямъ представляется, а такою, какая она есть въ дѣйствительности. Попался! Что дѣлать, приходится умирать, но вѣдь могъ и проскочить благополучно; тогда я все, что видѣлъ, написалъ бы! А можетъ-быть, и теперь еще проскочу? Можетъ-быть, не умру?.. О, какое это будетъ счастье!..“

Мнѣ приходилось выслушивать множество выговоровъ за ту легкость, съ которою я пошелъ въ опасное дѣло. Они, военные, идутъ по обязанности, а я — зачѣмъ?

Не хотѣли люди понять того, что моя обязанность, будучи только нравственною, не менѣе, однако, сильна, чѣмъ ихъ; что выполнить цѣль, которою я задался, а именно: дать обществу картины настоящей, неподдѣльной войны, нельзя, глядя на сраженіе въ бинокль изъ прекраснаго далека, а нужно самому все прочувствовать и продѣлать, участвовать въ атакахъ, штурмахъ, побѣдахъ, пораженіяхъ, испытать голодъ, холодъ, болѣзни, раны... Нужно не бояться жертвовать своею кровью, своимъ мясомъ, иначе картины мои будутъ „не то“.

И въ это время и послѣ, такія объясненія мои выслушивали только съ улыбкой снисхожденія: почти не довелось встрѣтить военныхъ, которые согласились съ тѣмъ, что я не дурилъ, не блажилъ отъ бездѣлья, а дѣлалъ большое, важное дѣло.

Послѣ одной изъ лихорадочныхъ, мучительно-безсонныхъ ночей, докторъ Кремницъ, прійдя къ утренней перевязкѣ, сталъ дружески выговаривать мнѣ за то, что я не поправляюсь, не помогаю ему въ его желаніи скорѣе поднять меня съ постели... Какъ я послѣ понялъ дѣло, мнѣ слѣдовало бы скорѣе укорять его въ томъ, что онъ не хочетъ рѣшиться помочь мнѣ и, вмѣсто того, чтобы, какъ опытные врачи совѣтовали, разрѣзать и прочистить рану, упорствуетъ въ надеждѣ заживить ее такъ, безъ лишнихъ хлопотъ.

Вмѣсто отвѣта я обвилъ его шею руками и залился слезами:

— Докторъ, докторъ, что вы говорите! Я энергиченъ, дѣятеленъ, сталъ ли бы я изъ упрямства задерживать свое выздоровленіе! Просто слышу, что силы покидаютъ меня, и чувствую, что скоро будетъ конецъ... Спасите меня, докторъ: рѣшитесь сдѣлать что-нибудь!

Это что-нибудь случилось очень скоро. Начавши разъ перевязку, за каковой процедурой я всегда внимательно слѣдилъ, докторъ обратилъ вниманіе на подозрительный цвѣтъ выдѣленій изъ раны, и когда, вслѣдъ за тѣмъ, поднесъ перевязку къ носу, то перемѣнился въ лицѣ: я видѣлъ, что кровь бросилась ему въ голову!

Мнѣ сказали потомъ, что показались ясные признаки начинавшейся гангрены.

Доктора перекинулись нѣсколькими словами, дали приказанія помощникамъ, которые засуетились и нанесли разныхъ посудинъ и препаратовъ.

— Вамъ будетъ сдѣлана маленькая операція, — отвѣтила на мой вопросъ Чернявская, — маленькая, неопасная, но послѣ нея вы тотчасъ начнете выздоравливать.

Я совершенно удовлетворился этимъ объясненіемъ, тѣмъ болѣе, что хуже того, что было, не могло быть; при вполнѣ сохранившихся сознаніи и всѣхъ мыслительныхъ способностяхъ физическія силы до того упали, что я едва могъ говорить.

Совсѣмъ рѣшившіеся на операцію доктора смущались, однако, тѣмъ, что, пожалуй, я не вынесу ея потому, что съ давняго времени ничего не ѣлъ.

— Что-нибудь вы должны съѣсть: если не проглотить, то хоть пожевать!

Но я упорно отказывался отъ всего; все было противно. Наконецъ, добрѣйшій смотритель госпиталя

распорядился принести изъ лучшей гостиницы хорошо приготовленный филе, нѣсколько кусочковъ котораго я помялъ во рту; тотчасъ потомъ и приступили къ операціи.

Откуда-то явился надъ моимъ носомъ кружокъ мокрой марли, который сестра милосердія держала такъ близко, что я невольно сталъ дышать исходившимъ отъ него запахомъ.

— Оставьте, — говорилъ я, чувствуя, что все начинаетъ пропадать изъ глазъ. — Мнѣ тяжело, я задыхаюсь!..

— Дышите, дышите, — твердили кругомъ, — худого ничего не будетъ...

Я отклонялъ голову, надѣясь спастись отъ этого несноснаго, будто враждебнаго запаха, но онъ (хлороформъ) слѣдовалъ за мной, одолѣвалъ, и скоро я потерялъ сознаніе...

Долго ли продолжалась операція, — я не знаю; говорили, что больше часа. Мнѣ разрѣзали рану во всю длину, отъ входного до выходного отверстія, вырѣзали изъ нея порядочный кусокъ загноившагося и уже разложившагося мяса, — отъ помянутыхъ кусочковъ матеріи, все еще державшихся въ глубинѣ пораненія, — но, кажется, сдѣлали ту ошибку, что не склеили края раны липкимъ пластыремъ, какъ это, по словамъ сестеръ милосердія, практиковалось нашими докторами. Едва ли не это было потомъ причиною кровотеченій, вызванныхъ самыми небольшими движеніями.

Когда отняли хлороформъ и я сталъ приходить въ себя, я услышалъ нѣсколько голосовъ: „Пейте!“

Передъ губами держали бакалъ шампанскаго, и я выпилъ его весь. Кругомъ знакомыя лица смотрѣли такъ ласково, участливо, что казались особенно симпатичными, и отъ вина ли, отъ дѣйствительнаго ли улучшенія, произведеннаго устраненіемъ заразы, я почувствовалъ себя гораздо бодрѣе.

Скоро явился аппетитъ, и отчаяніе въ возможности сохранить жизнь уступило мѣсто самой твердой надеждѣ въ томъ, что еще поживемъ и поработаемъ! Наступило настоящее выздоровленіе.

Думаю, не ошибаюсь, полагая, что было немножко ревности къ русскимъ собратьямъ, со стороны докторовъ, помѣшавшей имъ сдѣлать операцію тотчасъ по моемъ

прибытіи въ госпиталь и заставившей приступить къ ней только въ послѣднюю минуту, когда промедленіе, хотя бы до вечера, могло имѣть для меня самыя печальныя послѣдствія.

По мѣрѣ выздоровленія, стали пускать и желавшихъ навѣстить, справиться о здоровьѣ, сообщить новенькое. Консульскіе опять начали передавать послѣднія извѣстія, смягченныя, прикрашенныя, но все не очень утѣшительныя: уже разыгралась вторая Плевна, гдѣ герой Никополя, Криднеръ, не отличился. Гурко давно уже воротился изъ своей прогулки за Балканы, а главная квартира главнокомандующаго много передвинулась назадъ отъ Тырнова, едва не дойдя до Дуная. Будь турки болѣе подвижными, армія наша могла бы быть въ лучшемъ случаѣ прогнана за рѣку, а въ худшемъ — потоплена въ ней.

На азіатскомъ театрѣ войны тоже было не красно, и начальные успѣхи уступили мѣсто крупнымъ неудачамъ изъ-за того же недостатка войска.

Всѣ стали сознавать и говорили, что не слѣдовало начинать войну съ 150.000 солдатъ противъ 400.000.

И здѣсь явилось доказательство того, что уроки исторіи очень мало принимаются во вниманіе.

Австрійцы пошли занимать Боснію и Герцеговину, къ защитникамъ которыхъ относились не серьезно, съ небольшимъ количествомъ войскъ, чтобы не пугать общественнаго мнѣнія Европы и потомъ принуждены были чуть ли не мобилизовать всю армію, чтобы поднять свой престижъ въ глазахъ того же общественнаго мнѣнія и достичь цѣли.

Англичане высадили въ Египетъ, защитниковъ котораго ставили ни во что, слишкомъ мало войска, изъ-за боязни испугать Европу и, послѣ крупныхъ неудачъ и потерь людьми, временемъ и деньгами, должны были истратить всего вдвое болѣе, чѣмъ если бы серьезно взялись за дѣло сначала.

Мы начали войну съ Турціей прямо съ ничтожными силами, на обоихъ театрахъ войны опять-таки, на половину — изъ самонадѣянности, презрѣнія къ непріятелю, на половину — изъ боязни испугать общественное мнѣніе Европы, и такъ ужъ настроенное за Турцію противъ насъ. Результатъ не заставилъ себя ждать: турки, будучи въ превосходныхъ силахъ въ Азіи и въ Европѣ,

погнали насъ назадъ, лишь только оглядѣлись, оправились отъ перваго конфуза и поняли нашу малочисленность.

Болѣе полустолѣтія тому назадъ Наполеонъ I сказалъ, что „la victoire aux gros bataillons“, и всѣ сознали и сознаютъ справедливость этихъ словъ, но только одинъ Мольтке примѣнилъ ихъ на практикѣ; всѣ же остальные вояки, дѣйствуя „своимъ умомъ“, попались, попадаются и будутъ попадаться.

Пріѣзжавшіе изъ столицъ въ главную квартиру или уѣзжавшіе туда, интересуясь здоровьемъ художника, заходили въ госпиталь узнать о здоровьѣ, поговорить. Я уставалъ отъ этихъ визитовъ и представленій, но они бодрили, были лестны, такъ какъ фактически доказывали общее участіе.

Часто заходилъ редакторъ одной, только передъ объявленіемъ войны начавшей издаваться, но уже завоевавшей солидный успѣхъ, газеты, — талантливый человѣкъ, когда-то державшійся либеральныхъ принциповъ, изливавшій мнѣ много наболѣвшаго на душѣ за время нашихъ пораженій.

Нерѣдко пріѣзжалъ нашъ канцлеръ, князь Горчаковъ, проживавшій въ Бухарестѣ, милый, любезный, обходительный человѣкъ, иногда уже немного заговаривавшійся — не хочу сказать, со стороны смысла, но со стороны забывчивости.

При немъ всегда неотлучно находился и всюду ѣздилъ баронъ Ф., съ большимъ тактомъ исполнявшій обязанность „dame de compagnie“ знаменитаго государственнаго человѣка. Когда почтенный князь заходилъ въ разсказахъ дальше, чѣмъ слѣдуетъ, баронъ начиналъ покашливать все болѣе и болѣе многозначительно, пока Горчаковъ, точно встряхнувшись, не останавливался. Жалко было слышать, какъ старикъ говорилъ иногда при этомъ: „Боже мой, я чувствую, что глупѣю съ каждымъ днемъ“.

Разсказывая мнѣ разъ объ извѣстномъ графѣ Р.......ѣ, князь пустился въ такія скабрезныя подробности по поводу рода смерти этого господина, что „dame de compagnie“ стала настойчиво и энергично кашлять: въ головахъ у меня стояла молоденькая сестрица, со вниманіемъ слѣдившая за нашимъ разговоромъ.

Послѣ отъѣзда князя, я разсказалъ Чернявской о томъ, что было, и попросилъ разузнать обинякомъ, на-

сколько милая хохлушка была сконфужена разсказомъ; о томъ, чтобы она не поняла ясныхъ, громко сказанныхъ словъ князя, мнѣ и въ голову не приходило.

— Какъ красивъ! У васъ, я слышала, сегодня былъ канцлеръ? — спросила Чернявская.

— Да, — отвѣчала маленькая сестрица, — былъ Горчаковъ, разсказывалъ, смѣялся.

— Ну, а что онъ разсказывалъ, вы не помните?

— Много разнаго! Только я все это уже въ книгахъ читала...

Мы вздохнули свободно.

Горчаковъ былъ большой поклонникъ женщинъ и не могъ говорить хорошенькимъ или о хорошенькихъ безъ того, чтобы пальцы его не прыгали по рукояткѣ палки, какъ по клавишамъ. Желаніе быть всегда любезнымъ и услужливымъ вовлекло его въ такую, напр., ошибку: прехорошенькая молодая дѣвушка явилась просить его рекомендаціи для поступленія въ сестры милосердія: она горѣла желаніемъ послужить раненымъ! Не справившись о прошломъ особы и судя только по смазливому личику, канцлеръ рекомендовалъ дѣвицу завѣдующей одной изъ общинъ, и она была принята. Каково же было потомъ узнать, что сестрица стала показываться на загородныхъ прогулкахъ и попойкахъ съ неранеными офицерами... Хоть ее тотчасъ же исключили, тѣмъ не менѣе, въ глазахъ постороннихъ, напр. румынъ, осталось впечатлѣніе маленькаго темнаго пятнышка на нашемъ Красномъ Крестѣ.

Много медицинскихъ знаменитостей, особенно хирурговъ русскихъ и иностранныхъ, пріѣзжавшихъ на театръ войны или возвращавшихся оттуда, посѣщали госпиталь и присутствовали при перевязкѣ. Одинъ французъ, помню, пресерьезно говорилъ надо мною, — разумѣется, въ комплиментъ мнѣ: „это тотъ больной, который былъ раненъ при такихъ драматическихъ обстоятельствахъ!“ Признаюсь, мнѣ и въ голову не приходило, чтобы наша шутка на „Шуткѣ“ могла считаться драмою.

Всѣ, профессоръ Богдановскій особенно, настаивали на томъ, что нужно бросить морфинъ, мѣшавшій моему выздоровленію.

— Попробуйте, испытайте, крѣпитесь, — твердили они.

Но я отвѣчалъ, что пробовалъ, испытывалъ, крѣпился и ничего не выходило; въ послѣднюю минуту боли

доходили до такой силы, что не было возможности выносить ихъ.

— Вы такъ привыкнете, что не будете въ состояніи обходиться, и на всю жизнь сдѣлаетесь морфинистомъ!

— Нѣтъ, не сдѣлаюсь.

— Какъ же вы отвыкнете, если это войдетъ въ привычку?

— Когда буду крѣпче, начну двигаться, уставать, — тогда буду въ состояніи спать безъ морфина.

— Смотрите, не было бы поздно!

Это мнѣніе, что меня слѣдуетъ спасти, привело къ слѣдующему: пріятель мой, докторъ Чудновскій, — онъ былъ изъ нашихъ мѣстъ, товарищъ молодыхъ годовъ, — принимая близко къ сердцу мою неосторожную самонадѣянность, подговорилъ разъ врача румына, дѣлавшаго уколы морфиномъ, или разбавить его, или прямо впустить подъ кожу дистиллированной воды. Дѣйствіе вышло ужасное: не успѣли доктора покинуть меня, — а ушли они нарочно поскорѣе, — какъ вмѣсто обыкновенной теплоты, по тѣлу пошелъ холодъ и скоро припадокъ лихорадки, одинъ изъ сильнѣйшихъ, которые я когда-либо имѣлъ, заставилъ меня стонать и метаться.

Напрасно я звалъ, умолялъ прійти на помощь. Конечно, заранѣе условившись, никто не приходилъ, и только сестра милосердія, хотя тоже не сочувствовавшая морфину, видя страшное дѣйствіе этой пробы, пробовала утѣшать, уговаривать и даже разыскивать доктора, но безъ успѣха.

На слѣдующее утро я былъ въ отчаянномъ состояніи и такъ раздраженъ, что когда Чудновскій съ улыбочкой подошелъ разспрашивать о томъ, какъ была проведена ночь, — я ему пропѣлъ плохую благодарность. Милѣйшій пріятель хотя и понялъ, кажется, свою ошибку, когда узналъ о десятичасовомъ припадкѣ лихорадки, все-таки обидѣлся рѣзкостью выговора и долго послѣ этого не приходилъ ко мнѣ.

Я уже былъ на ногахъ, выходилъ гулять, ѣздилъ по городу, когда его дружеская физіономія снова заглянула въ дверь и онъ спросилъ:

— Ну что, все еще принимаете морфинъ?

— И не думаю, — отвѣтилъ я.

— Какъ же вы отвыкли?

— Я не отвыкалъ, это сдѣлалось само собой: сначала мнѣ дали хлоралу на ночь, и я заснулъ безъ морфина; потомъ дали передъ сномъ стаканъ крѣпкаго венгерскаго вина, добытаго въ погребѣ какого-то богатаго румына и я свалился на всю ночь. Затѣмъ пришлось еще разъ прибѣгнуть къ хлоралу, и послѣ ужъ я началъ спать натуральнымъ сномъ, благо движеніе и чистый воздухъ расположили къ нему и сдѣлали ненужнымъ снотворное лѣкарство.

Это было, впрочемъ, значительно позже, а пока не мало было хлопотъ съ кровотеченіемъ изъ раны и съ началомъ ходьбы.

Разъ сестра милосердія необычайно сердито стала выговаривать: зачѣмъ я неспокоенъ, двигаюсь на постели, не берегусь — изъ раны показалась капелька крови. „Лежите смирно, я велю перемѣнить бѣлье!“ Оказалось, что это была не капелька, а настоящая струя, намочившая и простыню и тюфякъ: не замѣть ея вовремя сестра, — я истекъ бы кровью.

Побѣжали за докторомъ, явившимся очень встревоженнымъ и тоже начавшимъ выговаривать за непосѣдливость, а я ни душой ни тѣломъ не былъ виноватъ.

Принятыя средства не могли остановить разошедшейся крови, и пришлось всю рану туго набить маленькими шелковыми кисточками, которыхъ нанесли цѣлый ворохъ и всѣ забили въ разрѣзъ; хорошъ, значитъ, былъ разрѣзъ, о которомъ мнѣ говорили, какъ о „маленькомъ“.

Это забиваніе шелка въ рану со всею силою, на которую были способны крѣпкіе пальцы нѣмца Кремница, было до того мучительно, что я вскрикивалъ и потомъ просилъ, чтобы, въ случаѣ надобности въ такой операціи, ее дѣлали подъ хлороформомъ.

Кровотеченіе повторилось послѣ еще одинъ разъ, но его остановили легче, безъ испытанія моей выносливости.

Еще другого рода проба терпѣнія было вынужденное лежаніе на одномъ и томъ же боку: сильнѣйшія пролежни покрыли всѣ выдающіяся сочлененія лѣвой стороны — ранена была правая, — пролежни, въ свою очередь, обратившіяся въ маленькія ранки, требовавшія ежедневныхъ заботъ и ухода.

Постоянное лежаніе на одномъ боку надоѣло мнѣ до такой степени, что я упросилъ, наконецъ, доктора,

несмотря на всѣ его отговоры, что еще рано, провести меня по палатѣ и, страшно ковыляя подгибавшейся и еще отказывавшейся служить ногой, я обошелъ все свободное пространство моей комнаты. Слѣдующіе дни прогулки повторились въ усиленныхъ размѣрахъ и, дальше — больше, я сталъ не только ходить по комнатѣ, но и спускаться въ раскинутый передъ госпиталемъ садикъ, гдѣ вскорѣ началъ проводить большую часть дня.

Кажется, помогло дѣлу заживленія раны то, что сестры милосердія настояли, чтобы края ея, послѣ каждой перевязки, слѣплялись полосами липкаго пластыря не позволявшаго нараставшимъ грануляціямъ тереться и раздражаться. Какъ я уже замѣтилъ, это давно было рекомендовано нашими русскими, но докторъ Кремницъ, сильный своею практикою въ рядахъ прусской арміи за время австрійской и франко-нѣмецкой войнъ, не находилъ нужнымъ примѣнять этого.

Не менѣе, помню, ошибался этотъ почтенный, во всѣхъ отношеніяхъ достойный врачъ и въ оцѣнкѣ дѣятельности сестеръ милосердія.

— Во французскую кампанію у насъ тоже были сестры, — говорилъ онъ, — но мы отъ нихъ чуть ли не больше имѣли вреда, чѣмъ пользы, такъ какъ женщины дурно подчиняются дисциплинѣ и позволяютъ себѣ не исполнять, обходить распоряженія докторовъ...

Изъ его же словъ можно было понять и объясненіе такого, конечно, нежелательнаго явленія: дѣло въ томъ, что въ нѣмецкой арміи сестрами милосердія были преимущественно барыни, многія очень вліятельныя, гордыя тѣмъ, что не только не получали жалованья, но еще отъ себя вносили не малую лепту на дѣло ухода за ранеными; тогда какъ у насъ всѣ, исключая волонтерокъ въ родѣ моей Чернявской, получали отъ 20 до 30 рублей въ мѣсяцъ и, пройдя подготовительный курсъ въ петербургскихъ и московскихъ госпиталяхъ, съ полною покорностью, съ забвеніемъ своего „гонора“, не только безпрекословно исполняли предписанія докторовъ, но и исполняли самыя грязныя, отталкивающія работы.

Даже тамъ, гдѣ докторъ не наклонялся надъ раной и не осматривалъ ея безъ крѣпкой сигары во рту — до такой степени бывалъ силенъ запахъ, — сестрица, какъ нагнется надъ гнойнымъ пораженіемъ, такъ и не разо-

гнется, пока всего не промоетъ, не прочиститъ, не перевяжетъ.

При посѣщеніи перевязочныхъ пунктовъ, во время битвы, мнѣ случалось видѣть, что тутъ и тамъ докторъ, съ засученными рукавами, въ своемъ кожаномъ передникѣ, сплошь залитомъ кровью — точно у добраго мясника, — послѣ осмотра нѣсколькихъ сотенъ раненыхъ, выходитъ изъ палатки и либо сидитъ на какомъ-нибудь солдатскомъ ранцѣ, опустивши голову и руки, въ полномъ изнеможеніи, либо стоитъ и куритъ папиросу за папиросой, жадно глотая дымъ и выпуская его кольцами къ небу... Такъ даже за подобнымъ, понятно необходимымъ отдыхомъ я никогда не заставалъ сестеръ: развѣ перекинутся нѣсколькими словами, пожалуются на невыносимый трудъ, но затѣмъ, безъ преувеличенія, не покладая рукъ, съ утра до вечера, носятъ теплую воду, тазы, марлю и весь перевязочный матеріалъ, помогаютъ перевязывать и сами перевязываютъ — только что сами не рѣжутъ, а помогаютъ рѣзать, держатъ оперируемыя руки и ноги, послѣ чего относятъ и бросаютъ въ складочную кучу эти свидѣтельства храбрости и готовности „животъ свой за вѣру и отечество положить“.

А какъ онѣ грязно жили, гдѣ-нибудь, кое-какъ спали, когда удавалось поспать, что и какъ приготовленное ѣли! Не даромъ тифъ и горячки начали валить ихъ послѣ кампаніи, когда силы надломились, а нервы сдали!

Случаи нерадѣнія, конечно, бывали, но рѣдко, и они, безъ дальнихъ церемоній, обрывались или строгимъ выговоромъ или, въ крайнемъ случаѣ, отсылкою въ Россію.

Былъ одинъ очень деликатный пунктъ, относительно котораго нѣмецкій врачъ былъ правъ, это — присутствіе у постели раненаго или больного, для близкаго, интимнаго ухода за нимъ, молодой красивой женщины, хоть и съ повязкой Краснаго Креста, но все-таки женщины. Спѣшу оговорить, что въ словахъ моихъ не должно видѣть ничего кромѣ сказаннаго, никакой инсинуаціи, и приведу примѣръ, который сказанное пояснитъ: рядомъ съ моею комнатою лежалъ молодой кавалерійскій полковникъ съ раздробленнымъ локтемъ, и за нимъ ухаживала молодая сестрица, полька, замѣчательно красивая. Ничего, рѣшительно ничего не было въ данномъ

случаѣ, тѣмъ не менѣе доктора стали замѣчать, что, чѣмъ больше бравый офицеръ бесѣдовалъ съ сестрицей, самоотверженно за нимъ ухаживавшей, тѣмъ болѣе раздражалась и затягивалась выздоровленіемъ его и безъ того не легкая рана.

Кремницъ сначала крѣпился, потомъ намекалъ и, наконецъ, въ интересѣ больного, прямо предложилъ удалить подъ какимъ-нибудь предлогомъ красавицу-сестру. Предлогъ нашелся въ томъ, что она, будучи замужнею, оказалась уже пріѣхавшею на театръ военныхъ дѣйствій въ третьемъ мѣсяцѣ беременности и ей посовѣтовали, для сохраненія собственнаго здоровья, поѣхать домой.

Мимоходомъ замѣчу, что этотъ сосѣдъ-полковникъ присылалъ ко мнѣ спросить: какимъ образомъ я нашелъ возможнымъ отстать отъ морфина, который онъ никакъ не могъ бросить?

Я отвѣтилъ, что, по всей вѣроятности, такъ же, какъ и я, онъ сумѣетъ отрѣшиться отъ этой привычки послѣ, когда будетъ больше двигаться, когда физическая усталость, вмѣстѣ со стаканомъ хорошаго крѣпкаго вина, поможетъ засыпать безъ морфина.

Немного отклонюсь здѣсь отъ нити моего разсказа замѣчаніемъ о томъ, что много спустя, въ Парижѣ, близкій пріятель мой, французъ, узнавши о томъ, что мнѣ удалось отдѣлаться отъ привычки къ впрыскиванію морфина, практиковавшагося въ продолженіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ, передалъ просьбу одного gentilhomme'а изъ своихъ знакомыхъ, приходившаго въ отчаяніе отъ морфиноманіи своей молодой жены и хотѣвшаго узнать, какъ, какими средствами можно отучить отъ ужасной привычки? Одно время, такъ же, какъ отчасти и теперь, во французскомъ обществѣ морфинъ былъ въ такой модѣ, что барыни носили на браслетахъ и другихъ украшеніяхъ маленькія серебряныя и золотыя шприцовки, которыми дома и въ обществѣ, улучивши минуту, дѣлали себѣ уколы.

Отъ такой привычки хотѣлъ излѣчить свою хорошенькую жену помянутый господинъ и, кажется, примѣнилъ рекомендованный мною способъ. Я, однако, предлагалъ строго наблюдать за тѣмъ, чтобы лѣкарство не оказалось вреднѣе болѣзни, какъ это иногда бываетъ.

Говоря о времени лѣченія въ Бухарестѣ, нельзя не помянуть добрымъ словомъ госпиталь, въ которомъ я

лежалъ, такъ же какъ и администрацію его. Зданіе представляло нѣчто въ родѣ загороднаго дворца владѣтельныхъ князей Бранковано-Бибеско, завѣщанное подъ больницу и въ эту войну предназначенное румынскимъ правительствомъ для русскихъ раненыхъ. Не знаю ужъ, почему у насъ такъ высокомѣрно отнеслись къ этому великодушному предложенію и почти не посылали больныхъ, которыхъ могло бы помѣститься въ 3—4 раза больше, чѣмъ ихъ было, — это въ то самое время, когда нѣкоторыя изъ зданій, занятыхъ нашими ранеными, были такъ заражены, что почти всѣ операціи кончались смертью. Мнѣ разсказывали объ одномъ свѣдущемъ и обыкновенно весьма счастливо приктиковавшемъ хирургѣ, пришедшемъ въ отчаяніе отъ фатальнаго конца всѣхъ, произведенныхъ имъ операцій. „Если еще этотъ умретъ, — сказалъ онъ, наконецъ, передъ операціоннымъ столомъ, — я уѣду!“ И, дѣйствительно, онъ уѣхалъ, а вскорѣ послѣ открылась истинная причина большой смертности, и пришлось покинуть зараженное зданіе госпиталя.

Заправленіе Бранкованскою больницею, по завѣщанію, должно было находиться въ рукахъ одного изъ членовъ дома жертвователя, и въ то время имъ управлялъ полковникъ Бибеско, не князь, но приходившійся съ родни княжеской линіи.

Не легко было бы найти болѣе заботливаго и деликатнаго смотрителя, чѣмъ этотъ милый отставной воинъ, потерявшій одинъ изъ пальцевъ въ венгерской кампаніи, во время которой состоялъ при штабѣ русской арміи. Я лично не могъ нахвалиться его вниманіемъ и уходомъ: родной отецъ не сдѣлалъ бы большаго для моего оздоровленія, чѣмъ сдѣлалъ этотъ румынскій бояринъ-солдатъ.

Когда за мой обратный проѣздъ Бухарестомъ, послѣ войны, онъ съ дѣтскимъ простодушіемъ высказалъ свою обиду, состоявшую въ томъ, что русское правительство хочетъ наградить его орденомъ св. Станислава 2 степени, въ то время, какъ онъ уже имѣлъ Анну этой степени за 49 годъ и, слѣдовательно, въ правѣ разсчитывать на Станиславскую ленту, — я съ истиннымъ удовольствіемъ взялся изложить его претензію пріятелю моему Д. А. Скалону, правителю канцеляріи главнокомандующаго; хотя, признаюсь, не справился послѣ

о томъ, каковъ былъ результатъ моего ходатайства: наградили смотрѣвшаго въ гробъ, но все-таки пробиравшагося въ дамки старика по его заслугамъ или нѣтъ?

Король, тогда еще князь румынскій, неоднократно присылалъ справляться о моемъ здоровьѣ, а королева, тогдашняя княгиня (Карменъ-Сильва), простерла любезность до присылки подарка, какой-то художественно исполненной мозаики, явившейся въ то время, когда мнѣ было совсѣмъ плохо, и потому почти не видѣнной мною.

Также и бояре румынскіе изъ знакомыхъ полковника Бибеско любезно звали посѣтить ихъ, но зараженный одною мыслью — поскорѣе вырваться изъ госпиталя и уѣхать въ армію — я держался самаго гигіеническаго режима: никуда не ѣздилъ, нигдѣ не засиживался, рано ложился спать, рано вставалъ, гулялъ, катался, ѣлъ, пилъ; засыпалъ же, какъ святой, ужъ безъ всякаго снотворнаго лѣкарства.

О намѣреніи ѣхать въ армію, не дожидаясь окончательнаго заживленія раны, я не говорилъ никому, потому что ожидалъ самаго энергическаго сопротивленія, а между тѣмъ чувствовалъ, что свѣжій воздухъ поможетъ окончательно поправиться лучше, чѣмъ весь уходъ госпиталя.

Когда я, наконецъ, сказалъ, что хочу скоро „выписаться“, случилось какъ разъ то, чего надобно было ожидать, коли не больше: къ желанію моему отнеслись не какъ къ неосторожности, а какъ къ временному сумасшествію! Полковникъ Бибеско уговаривалъ нѣжно, отечески, но доктора, увидѣвши, что противорѣчить безполезно, только пожимали плечами и потомъ обрушились на милую Чернявскую, которая, будучи отчасти на моей сторонѣ, такъ какъ мы сговорились ѣхать вмѣстѣ— она—въ передовой госпиталь, я—въ главную квартиру,— отговаривала слабо, а потомъ совсѣмъ согласилась со мною. Мы рѣшили, что если ѣхать спокойно, не торопясь, и исправно перевязывая рану въ попутныхъ госпиталяхъ, то, при чудесной августовской погодѣ, можно вылѣчиться вѣрнѣе, чѣмъ въ стѣнахъ лазарета.

Сказано — сдѣлано: я нанялъ городской фаэтонъ за три золотыхъ, т.-е. 60 франковъ, въ день съ условіемъ, что онъ привезетъ меня къ плевненскимъ позиціямъ и, если понадобится, будетъ возить и по нимъ столько дней, сколько пройдетъ до времени, когда я буду въ

состоянiи сѣсть въ сѣдло; это по расчету моему должно было случиться дней черезъ 7—8.

Я распрощался съ добрымъ смотрителемъ госпиталя, докторами, сестрами милосердiя и прислугой и сѣлъ на желѣзную дорогу, а въ Журжевѣ — на тройку выѣхавшаго туда фаэтона и покатилъ по берегу Дуная. Какая была погода, какая ширь, какой подъемъ духа послѣ $2\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ пребыванiя въ духотѣ! Наконецъ-то, думалось, я увижу настоящую военную драму подъ Плевной, гдѣ, по свѣдѣнiямъ, готовились къ послѣднему кровопролитному штурму...

В. В. Верещагинъ въ 1877 году.

Плевна.

Ѣхать изъ госпиталя одному съ незакрывшейся еще раной было трудно; поэтому я взялъ попутчика нѣкоего Т., пробиравшагося на мѣсто военныхъ дѣйствій въ качествѣ корреспондента одной петербургской газеты. Зная, что сообщающихъ свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій въ главной квартирѣ не жаловали, а въ послѣднее время, подъ вліяніемъ неудачъ, даже совсѣмъ не пускали — надобно же было найти козла отпущенія, — я затруднялся взять съ собой одного изъ такихъ опальныхъ какъ бы подъ свое поручительство и охрану. Т., однако, увѣренно говорилъ, что онъ хорошій пріятель адъютанта главнокомандующаго Х., такъ что поѣдетъ *къ нему*, а *не со мной*. Вдобавокъ онъ обѣщалъ перевязывать мою рану всюду, гдѣ не будетъ госпиталей или перевязочныхъ пунктовъ, что для меня было крайне необходимо; поэтому мы выѣхали вмѣстѣ.

Оказалось, что я взялъ себѣ попутчика во всѣхъ отношеніяхъ на горе! Служа въ одномъ изъ министерствъ столоначальникомъ, онъ не могъ отрѣшиться отъ спеси, присущей такому сану, и, напр., преспокойно оставался сидѣть въ экипажѣ, въ то время какъ я ковылялъ съ палочкой, поднимался и спускался по лѣстницамъ, разузнавая и разспрашивая обо всемъ, что въ дорогѣ приходилось узнавать. Помню, когда, подъѣзжая уже къ Плевнѣ, я попросилъ его догнать перерѣзавшаго намъ дорогу иностраннаго офицера для того, чтобы спросить о ближайшемъ проѣздѣ къ мѣсту нахожденія главной квартиры, онъ отвѣтилъ: „Догоняйте сами, если хотите; я не гончая собака!“ А какъ мнѣ было догонять съ хромой ногой, уже начинавшей развинчиваться въ этомъ переѣздѣ.

Чернявская, одно время ѣхавшая слѣдомъ за нами, говорила мнѣ послѣ, что имѣла желаніе побить моего попутчика за то, что онъ даже не со столоначальническою, а прямо министерскою важностью возсѣдалъ на подушкахъ коляски, въ то время какъ я хромалъ въ суетахъ за дорожными хлопотами.

Какъ говорю, слѣдомъ за нами, пока только до Систова, выѣхала добрая сестра — мамаша Чернявская, поставившая меня на ноги и отправившаяся искать работы около раненыхъ же дальше.

Дорога въ Плевну.

Нельзя не удивляться тому, что широко раздавая почетныя награды не только офицерамъ и солдатамъ дѣйствующихъ войскъ, но и всѣмъ писарямъ, денщикамъ, не слышащимъ свиста снарядовъ — такъ скупы на этотъ счетъ къ сестрамъ милосердія, часто не только хорошо знакомымъ съ пѣніемъ пуль и гранатъ, но и прямо умирающимъ отъ лишеній, заразъ и всяческихъ бѣдъ своего тяжелаго ремесла, близъ полей битвъ.

Сестра милосердія, буквально выходившая меня и послѣ еще многихъ другихъ раненыхъ, которую эти послѣдніе называли „анделомъ нашимъ небеснымъ“, которая снисходила до исполненія самыхъ мелкихъ капризовъ и требованій этихъ взрослыхъ дѣтей: утѣшала, мирила, писала завѣщанія и исполняла ихъ, и проч., и проч., и проч. — не только не получила никакого отличія, но даже и „спасибо“ — гдѣ же справедливость?

Скажутъ, довольно и того, что она исполнила свой долгъ, довольно награды этого сознанія — гмъ! гмъ! Но вѣдь всѣ только исполняли свой долгъ, однако пусть попробовали бы не дать имъ за это наградъ!?

Чтобы быть справедливымъ, надобно сознаться, что женщины, какъ болѣе слабыя, со всѣхъ сторонъ обижены мужчинами; немудрено, что болѣе злопамятныя изъ нихъ иногда отплачиваютъ намъ...

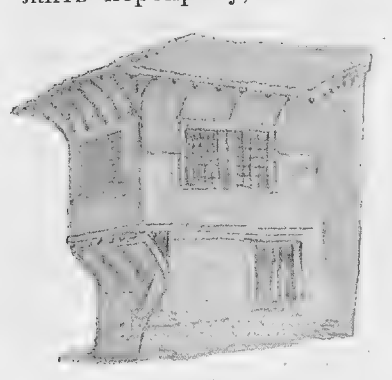
Вмѣстѣ съ Чернявской ѣхала ея племянница Г., очень милая дѣвушка, не отстававшая отъ своей тети въ дѣлѣ ухода за больными солдатиками. Не невозможно, что очень хорошенькое личико молодой особы было косвенною причиною неуспѣха сестеръ въ пріискaніи работы на передовыхъ позиціяхъ, заставившаго ихъ воротиться потомъ въ Систово и устроиться при тамошнемъ госпиталѣ. Всѣ мы люди, всѣ мы человѣки: многія хорошо послужившія родинѣ пожилыя, сановитыя сестры относились не совсѣмъ довѣрчиво къ юнымъ, хорошенькимъ коллегамъ-сестрицамъ, потому что и раненые и сами доктора часто были слишкомъ „привержены“ къ нимъ.

Трудно выразить впечатлѣніе довольства всего моего существа отъ возвращенія къ жизни и всѣмъ ея прелестямъ. Передъ кѣмъ двери гроба не были уже открыты, кто не пробовалъ умирать и не слышалъ зазывающаго туда голоса: entrez, monsieur, entrez! тотъ не можетъ понять моего тогдашняго счастія!

Въ Зимницѣ, прямо представлявшемъ изъ себя кабачокъ низшаго пошиба, рѣшительно не было мѣста, куда можно было бы приткнуться, и мы провели ночь въ нашихъ экипажахъ, а на другой день переѣхали на тотъ берегъ Дуная, къ городу Систову.

Дорога туда была очень песчаная, а понтонный мостъ совершенно живой; какъ и почему турки не прорвали его своими броненосцами, — остается непонятнымъ.

Нѣсколько стоявшихъ въ Рущукѣ броненосцевъ и паровыхъ судовъ прекрасно могли бы разнести, уничтожить переправу, а наши войска оказались бы отрѣзанными на томъ берегу. Мины, какъ я уже замѣтилъ, были положены очень дурно, вѣрнѣе сказать, на большей части главнаго русла Дуная вовсе не положены, и боязнь турокъ въ этомъ случаѣ надобно отнести прямо къ „внушенію“, данному имъ миноносками нашихъ моряковъ, стерегшихъ турецкія суда и храбро, днемъ и ночью, налетавшихъ на нихъ, гдѣ бы они ни показывались. Внушеніе на войнѣ играетъ еще большую роль, чѣмъ гдѣ-либо, и, въ противность извѣстной теоріи гр. Толстого, я утверждаю, что „обаяніе“ личности, „ореолъ“ непобѣдимости стоитъ многотысячной арміи.

Болгарскій домъ.

Чернявская имѣла нѣсколько словъ рекомендацій къ маленькому болгарскому чиновнику систовскаго комендантскаго управленія; я было скептически отнесся къ этой протекціи, но очень ошибся: болгаринъ оказался премилый, прелюбезный и преполезный намъ; онъ самъ повелъ насъ на квартиру къ какой-то дальней роднѣ своей, жившей, правда, въ переулкѣ, за закоулками, но зато въ тихомъ мѣстѣ, гдѣ не слышно было пьяненькаго солдатства, въ маленькомъ уютномъ домикѣ.

Хозяевами оказалась очень древняя болгарская чета, образомъ жизни, привычками, пожалуй и тайными симпатіями подходившая ближе къ туркамъ, чѣмъ къ своимъ воинствовавшимъ теперь болгарамъ. Не буду опи-

сывать обстановки жизни и порядковъ, высмотрѣнныхъ у нашихъ систовскихъ хозяевъ; скажу только, что, къ удивленію нашему, они относились съ немалымъ недоумѣніемъ и недовѣріемъ ко всему творящемуся въ ихъ городѣ и даже какъ будто вздыхали по старозавѣтному турецкому режиму и своему прежнему благополучію, съ нимъ связанному.

И то сказать, мы много разъ, особенно въ два послѣднія столѣтія, взывали къ ихъ братскимъ симпатіямъ, по мѣрѣ надобности пользовались ими и потомъ снова оставляли населеніе на ярость турецкаго гнѣва, жестоко платившаго за эти симпатіи. Наши старички-хозяева, помнившіе безжалостную турецкую расправу послѣ прежнихъ войнъ, охотно вели съ нами дружескіе разговоры, соглашались въ томъ, что они намъ „братушки“, но оставались себѣ на умѣ, выжидая, что будетъ дальше.

Министръ Двора, графъ Адлербергъ.

Мы ознакомились немного съ городомъ, его снаружи грязными, но живописными постройками—нѣкоторыя изъ нихъ я занесъ на полотно,—побывали въ единственномъ ресторанѣ, расположенномъ въ саду, въ которомъ разношерстная, преимущественно военная публика была оригинальнѣе самого кормленія.

Скоро, однако, въ чаяніи болѣе интереснаго, ожидавшаго насъ по всѣмъ слухамъ подъ Плевною, мы двинулись дальше; сестры остались пока въ Систовѣ.

Къ вечеру мы подъѣхали къ деревнѣ Радоницы, въ которой стоялъ со своей квартирой государь. Его величества не было въ это время: онъ еще не возвращался съ плевненскихъ позицій, на которыя уѣхалъ съ самаго утра.

Когда стемнѣло, государь пріѣхалъ и прямо прошелъ со всею многочисленною свитою за плетень своего помѣщенія. Тутъ были гр. Адлербергъ, генералъ Милютинъ, князь Суворовъ и много другихъ. Я съ попутчикомъ стоялъ въ темнотѣ, между деревьями, и, хотя зналъ почти всѣхъ пріѣхавшихъ, не рѣшился однако заявить о своемъ присутствіи, потому что, если бы меня затащили къ столу, мой товарищъ остался бы, какъ малый ребенокъ, съ пустымъ желудкомъ и дѣло вышло бы неладно.

Хотя представленіе о томъ, какъ господа свиты сейчасъ сядутъ за столъ и, послѣ хорошаго дневного моціона на открытомъ воздухѣ, начнутъ кушать, вызвало слюнки изо рта, пришлось терпѣливо направиться въ деревню, къ нашей хатѣ; раздобывши съ великимъ трудомъ пѣтуха и утоливши голодъ похлебкою, мы легли спать.

Военный министръ, графъ Милютинъ.

На другой день, послѣ большихъ хлопотъ съ перевязкой уже начавшей раздражаться раны, мы собрались выѣздомъ. Государь со свитой, сказали намъ, давно проскакалъ на нѣсколькихъ тройкахъ, по направленію позицій, близъ турецкаго редута около Гривицы.

Очевидно, слухи о готовившемся штурмѣ были справедливы.

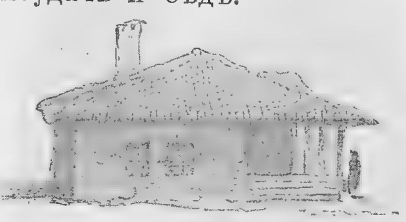
Подъѣзжая къ Плевнѣ, мы невольно спрашивали себя въ недоумѣніи: „да гдѣ же она? Кажется, уже близко, а ничего не видно!“

„Вонъ тамъ“,—говорили, указывая на горизонтъ, перерѣзанный слегка холмистою линіей скучной, монотонной равнины. Уже слышались удары выстрѣловъ, стали показываться и верхи дымковъ отъ нихъ, а все ничего не было видно.

Большинство общества, вѣроятно, представляло себѣ войска, расположенныя вокругъ Плевны, въ родѣ тѣхъ

рядовъ воиновъ, что штурмуютъ крѣпости съ башнями, воротами и рвами на народныхъ картинахъ: все ярко, красиво!

Ничуть не бывало: кругомъ самаго прозаичнаго грязнаго восточнаго городишка, построеннаго въ глубокой долинѣ, невысокіе, гладкіе, совсѣмъ не живописные холмы, почти безъ растительности, покрытые лишь бурою, выжженною травою, и между ними кое-гдѣ полками и батальонами, — валяющіеся на травѣ, кто на спинѣ, кто на брюшкѣ, солдаты. Только широкія короткія черточки дальнихъ редутовъ, вѣнчавшихъ возвышенности, заставляли напрягать зрѣніе, въ надеждѣ увидѣть то, что охранялось такими твердынями. Это и была невидимка Плевна, уже унесшая столько жизней и, пожалуй, еще сулившая немало неудачъ и бѣдъ.

Болгарскій домикъ.

Также и относительно облегавшихъ Плевну позицій нашихъ войскъ: и мнѣ въ Бухарестѣ и, пожалуй, многимъ, слѣдившихъ за дѣломъ издали, онѣ казались интересными, грандіозными, но на дѣлѣ ничего грандіознаго не было: все плоско, гладко, безотрадно.

По мѣрѣ приближенія выстрѣлы слышались все яснѣе и громче.

Дорога была пустынна: проѣзжалъ казакъ или проходили, размахивая руками и о чемъ-то споря, нѣсколько солдатъ; попадался навстрѣчу докторъ...

На одномъ изъ холмовъ, на горизонтѣ намъ указали множество двигавшихся точекъ: то были государь, главнокомандующій и лица обѣихъ главныхъ квартиръ. Проѣхавъ деревню Сгаловицы, мы потеряли было ихъ, скрытыхъ холмомъ, изъ вида, но потомъ сразу очутились передъ ними.

Тутъ, на мѣстѣ, мнѣ стало еще болѣе неловко оттого, что, какъ бы въ противность общему распоряженію, я везъ на одну изъ болѣе важныхъ боевыхъ позицій, въ самую главную квартиру, корреспондента газеты. Я попробовалъ сказать моему спутнику о томъ, что, пожаууй, будетъ лучше, если онъ напередъ скажется, предлпредитъ о себѣ, но онъ такъ былъ увѣренъ въ дружбѣ

и покровительствѣ пріятеля-адъютанта, что пришлось согласиться.

А вышло неладно: когда мы, двое штатскихъ, выйдя изъ экипажа, стали приближаться къ группамъ офицеровъ, занимавшихъ первый холмъ, насъ стали окидывать холодно измѣрявшими взглядами: точно мы были соглядатаи, повинные, по меньшей мѣрѣ, въ одной изъ послѣднихъ неудачъ арміи. Даже меня, состоявшаго при особѣ главнокомандующаго, хорошо знавшаго почти всѣхъ тутъ бывшихъ, встрѣтили только офиціально-вѣжливо; одинъ Скалонъ — дружески: какъ будто шутка моя на „Шуткѣ" съ послѣдовавшими раною и пребываніемъ въ госпиталѣ были чѣмъ-то предосудительнымъ.

Князь Суворовъ.

Мой спутникъ, высмотрѣвши пріятеля-адъютанта — очень милаго офицера, котораго я хорошо зналъ — подошелъ къ нему чуть не съ распростертыми объятіями, но тотъ, сконфуженный фамильярностью „клеенки", пожалъ ему руку, перекинулся нѣсколькими фразами и отошелъ...

Мнѣ сдѣлалось жалко Т.; онъ попробовалъ потомъ прилечь на траву около группы молодежи, но всѣ тотчасъ же встали и разошлись въ разныя стороны...

Въ это время великій князь главнокомандующій проходилъ мимо; я подошелъ къ нему и поздоровался.

— Какъ! Вы! — И, бросившись на шею, онъ началъ обнимать и цѣловать меня. — Молодчина, молодчина вы эдакій? Какой молодецъ, какой молодецъ! Какъ ваше здоровье? Что рана? Видѣли ли вы государя? Пойдемъ къ нему!

И онъ потащилъ меня на слѣдующій холмикъ, на которомъ, на маленькомъ складномъ стулѣ, сидѣлъ его ве-

личество съ биноклемъ въ рукѣ, наблюдавшій за ходомъ бомбардировки Плевны.

Главнокомандующій поставилъ меня прямо передъ государемъ.

— Здравствуй, Верещагинъ, — съ самой милой любезной улыбкой сказалъ его величество. — Какъ твое здоровье?

Государь говорилъ *ты* близкимъ къ нему лицамъ и всѣмъ георгіевскимъ кавалерамъ.

— Мое здоровье недурно, ваше величество; благодарю васъ.

— Ты поправился?

— Поправился, ваше величество.

— Совсѣмъ поправился?

— Совсѣмъ поправился.

Д. А. Скалонъ.

Его величество, кажется, желалъ сдѣлать еще вопросъ, когда я учинилъ маленькую неловкость: безъ фуражки, съ голой головой, подъ моросившимъ дождикомъ, я почувствовалъ приближающійся насморкъ и не испросивши дозволенія, накрылся. Въ ту же минуту государь отвернулъ голову и обратилъ взоръ на позиціи, какъ бы не замѣчая злополучнаго картуза на моей головѣ.

Выручилъ князь Суворовъ, обнявшій меня и потащившій къ себѣ:

— Землякъ, землякъ! Вѣдь, я Суворовъ! Вашъ новгородскій! Вашъ близкій землякъ!..

Румынскій князь, графъ Адлербергъ и другія лица, стоявшія за государемъ, подходили, жали руки, выражали участіе, справлялись о здоровьѣ.

Во время разговора съ генераломъ Игнатьевымъ, чуть не задушившимъ меня въ своихъ мощныхъ объятіяхъ, я слышалъ, какъ князь Суворовъ, этотъ „old gentleman“, говорилъ государю о моемъ братѣ, начинавшемъ

художникѣ и состоявшемъ тогда волонтеромъ-ординарцемъ при Михаилѣ Дмитріевичѣ Скобелевѣ:

— Вѣдь это храбрецъ, Ваше Величество; у него 5 ранъ, подъ нимъ убито 8 лошадей; наградите его, Ваше Величество!

Государь тутъ же приказалъ отъ своего имени послать брату солдатскій Георгіевскій крестъ.

Когда я воротился на первый холмикъ, съ котораго хорошо былъ виденъ любезный пріемъ, оказанный мнѣ на второмъ, всѣ руки дружески протянулись впередъ, всѣ наперерывъ начали интересоваться „дѣломъ" на Дунаѣ, раною, здоровьемъ. Даже злополучный „попутчикъ" извлекъ пользу изъ моего „успѣха": его перестали избѣгать, съ нимъ начали говорить, какъ будто онъ и не былъ корреспондентомъ: такъ заразителенъ примѣръ свыше...

Откуда явилась Плевна-твердыня?

Какъ, когда создалась и выросла, буквально подъ носомъ у нашей арміи, такая сильная крѣпость — это пока неудобно разбирать. Довольно сказать, что еще недавно большая дорога черезъ городъ Плевну была свободна и нашъ отрядъ былъ въ немъ, занималъ его...

Однако, если строевые офицеры не поняли необходимости немедленнаго укрѣпленія этой позиціи — легко доставшейся, легко и отнятой,— какъ могли просмотрѣть ее спеціально образованные офицеры генеральнаго штаба съ полевымъ начальникомъ ихъ?

Зато турки не зѣвали: редуты воздвигались за редутами и въ самое короткое время оборона города была приведена въ такое состояніе, что двѣ послѣдовательныя атаки наши были отброшены съ громадными потерями людей, а главное, съ уничтоженіемъ всего престижа, заслуженнаго русской арміей успѣшною переправою черезъ Дунай, взятіемъ Никополя и набѣгомъ Гурко за Балканы.

Потеря нашего военнаго ореола въ глазахъ другихъ и самихъ себя, вызванная неумѣлымъ веденіемъ первыхъ атакъ, вмѣстѣ съ укоренившимся впечатлѣніемъ трудности взять редуты открытою силою, много помѣшали успѣху третьяго штурма, о которомъ теперь идетъ рѣчь.

Его Императорское Высочество, Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Александръ Александровичъ, и Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ.

Разгромъ нашихъ двухъ корпусовъ Криднера и Шаховского 18 іюля, при второмъ приступѣ, былъ такъ великъ, что его трудно себѣ и представить — это было не отступленіе, а безпорядочное бѣгство, разбродъ. Не случись Скобелевъ, не прикрой онъ съ однимъ батальономъ и казаками отступавшихъ, разгромъ могъ бы обратиться въ истребленіе...

Румынскій князь Карлъ.

Безъ преувеличенія можно сказать, что будь турки подвижнѣе, а главное, не останься они подъ впечатлѣніемъ умѣлаго и злого скобелевскаго отпора ихъ попыткамъ преслѣдовать Шаховского, войска наши были бы загнаны въ Дунай.

Исторія съ Плевной, это въ полномъ смыслѣ слова „histoire des petits paquets“ — сначала послали на Плевну маленькій отрядъ, потомъ дивизію съ кончикомъ, потомъ два корпуса, потомъ нѣсколько корпусовъ, наконецъ, огромную армію и только съ нею, потерявши массу времени, людей и денегъ, — одолѣли.

Какъ мало, какъ поверхностно мы изучаемъ исторію, и какъ зато мало, какъ поверхностно она учитъ насъ!

Уголъ турецкаго редута.

Паника, послѣдовавшая за пораженіемъ 18 іюля, не поддается описанію. Довольно было словъ: „турки наступаютъ“, чтобы большой транспортъ раненыхъ былъ брошенъ погонщиками, прислугою и даже большею частью докторовъ и сестеръ милосердія, убѣгавшихъ безъ оглядки отъ воображаемыхъ турокъ.

Въ Систовѣ тотъ же крикъ: „турки, турки, турки!“, брошенный маршъ-маршемъ проскакавшимъ казакомъ, поднялъ на ноги не только все туземное населеніе, но и всѣхъ русскихъ: интендантскіе чиновники, писаря, казаки, солдаты, раненые, больные, выздоравливающіе въ стадномъ безпорядкѣ бросились къ Дунаю, къ един-

ственной переправѣ черезъ него — мосту. Все, что не попало на него, попробовало спастись вплавь и, конечно, перетонуло; попавшіе столкнулись съ шедшими навстрѣчу людьми, лошадьми, волами и, послѣ короткой отчаянной борьбы, сбросивши ихъ съ моста въ воду, пробились на румынскій берегъ, гдѣ началась бѣшеная скачка, среди невообразимой пыли, крика и гама.

Съ болгарской стороны только и была видна неизмѣримая, въ небо упиравшаяся туча песка, въ которой, толкая, сбрасывая другъ друга, неслась обезумѣвшая отъ паники толпа!

Скажутъ — это стыдъ, это срамъ! Но это скажутъ тѣ, которые не имѣютъ понятія о войнѣ, которые не знаютъ о томъ, что представляютъ собою задворки арміи, которымъ не понятно, какъ быстро утрата вѣры въ свою силу, съ одной стороны, и утвердившаяся увѣренность въ непобѣдимости непріятеля, съ другой, переходятъ въ панику, не только въ обозѣ, но и въ самыхъ войскахъ. Заурядное начальство тутъ не поможетъ, вѣрнѣе — само будетъ увлечено потокомъ. Тутъ нужна находчивость Скобелева, который, по примѣру Суворова, встрѣчая озвѣрѣвшія отъ страха толпы бѣгущихъ солдатъ, кричалъ имъ: „Такъ, братцы, такъ, хорошо! заманивайте ихъ! Ну, теперь довольно! Стой! съ Богомъ впередъ!

И въ военномъ дѣлѣ генералъ-артистъ встрѣчается рѣже, чѣмъ генералъ-ремесленникъ.

Глубокою ночью штабъ его величества получилъ съ полевого телеграфа депешу, извѣщавшую о наступленіи турокъ. Пришлось разбудить спокойно почивавшаго государя.

Скоро его величество вышелъ и, сказавъ нѣсколько ободрительныхъ словъ своему конвою, сѣлъ на коня и тихо, при общемъ молчаніи, выступилъ по направленію къ Систову и переправѣ... Что дальше, то спокойнѣе кругомъ; турокъ нигдѣ не было, и дѣло, наконецъ, разъяснилось. Какъ мнѣ передавали, такъ и не могли узнать, куда дѣвался телеграфистъ, поднявшій своей депешей тревогу: онъ счелъ за лучшее улетучиться.

Въ то время, о которомъ я веду рѣчь, т.-е. въ концѣ августа, все успокоилось и вошло въ обычную русско-турецкую рутину. Турки, и прежде вовсе не преслѣдовавшіе нашихъ, теперь окончательно засѣли въ городѣ

Императоръ Александръ II, въ турецкой кампаніи.

и редутахъ Плевны. Наши же, подкрѣпившись румынами, на двѣ трети обложили Плевну, — окружить вполнѣ не позволяла сравнительная малочисленность.

Почему изъ-за неполноты обложенія мы не отложили штурма? не вытребовали тотчасъ же подкрѣпленій? не окружили Плевны со всѣхъ сторонъ? не переняли Софійскаго шоссе, по которому доставлялись осажденнымъ провіантъ и снаряды? Вѣроятно, были какія-нибудь уважительныя причины? Не зная, однако, ихъ, невольно думается, что принятымъ главнымъ полевымъ штабомъ рѣшеніемъ въ значительной мѣрѣ руководила пословица: „авось, небось да какъ-нибудь“.

Готовились къ третьему, какъ думали, послѣднему штурму. Помню, что когда я спросилъ одного изъ

видныхъ дѣятелей кампаніи: „неужели будутъ опять штурмовать?“, то услышалъ въ отвѣтъ: „что смотрѣть на этотъ глиняный горшокъ,—надобно разбивать его“,— и говорившій сдѣлалъ движеніе носкомъ сапога. Старая исторія: закидаемъ шапками.

Уже нѣсколько дней его величество, ободряя войска своимъ присутствіемъ, пріѣзжалъ раннимъ утромъ изъ своей квартиры и съ передняго холма наблюдалъ за ходомъ бомбардировки.

Съ правой стороны его величества сидѣлъ обыкновенно главнокомандующій; сзади, въ два ряда, стояли генералы свиты. Ближе министры: гр. Адлербергъ, Милютинъ, генералъ-адъютанты кн. Суворовъ, кн. Меньшиковъ, Игнатьевъ, Воейковъ и др. Младшіе чины держались по сторонамъ пригорка, въ группахъ, на лугу, когда не было дождя; тѣ и другіе внимательно слѣдили въ бинокли за стрѣльбой.

На холмикѣ главной квартиры главнокомандующаго группы держались свободнѣе, лежали на спинахъ и на брюшкахъ; также и разговоры были свободны: однообразіе и монотонность бомбардировки безъ всякаго видимаго результата мало развлекала молодежь, обмѣнивавшуюся замѣчаніями не столько о происходившемъ передъ глазами, сколько о Петербургѣ и оставшихся тамъ близкихъ сердцу: что дѣлаетъ она? когда прійдется свидѣться? ахъ, кабы послали курьеромъ!

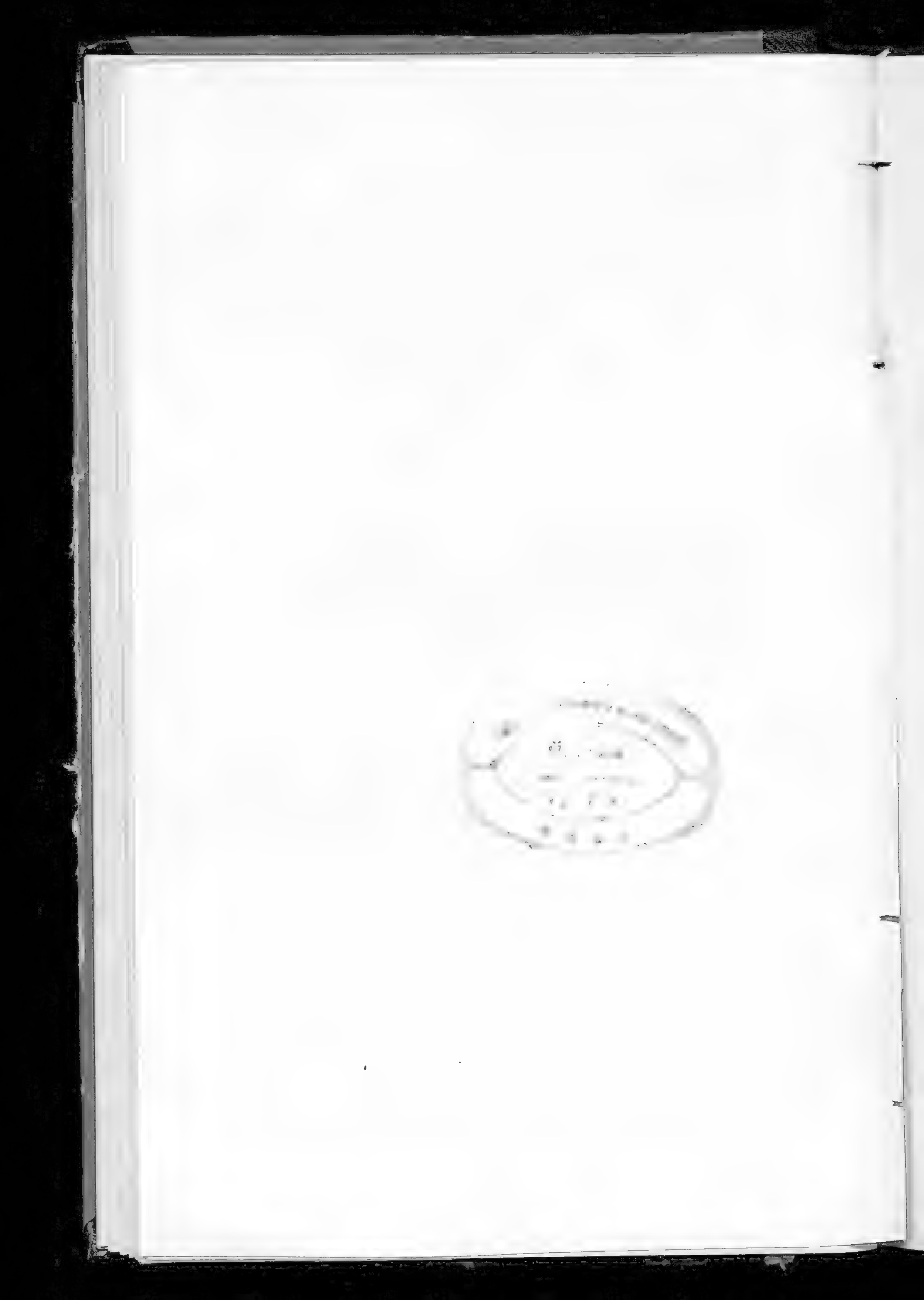
Вдали сильными пятнами выдѣлялись плевненскіе редуты, всѣ грозные, всѣ внушавшіе уваженіе къ позиціямъ, которыя рѣшено было еще разъ попробовать взять въ лобъ, открытою силою.

Высоты для постройки редутовъ были выбраны замѣчательно умѣло, такъ что всѣ самомалѣйшіе подступы къ городу прикрывались сильнымъ огнемъ. Что касается самой техники защиты работъ по укрѣпленію редутовъ, то она оказалась несравненно выше нашей, — все сдѣлано солидно, не наскоро, не кое-какъ: рвы широкіе, глубокіе, насыпи высокія; орудія и ружья, безспорно, лучшія противъ нашихъ; запасы снарядовъ для орудій и патроновъ для ружей прямо неистощимые.

Трудно сказать, который изъ редутовъ являлся наиболѣе грознымъ: всѣ казались трудно доступными. Гривицкій обращалъ на себя вниманіе тѣмъ, что вовсе не отвѣчалъ на бомбардировку; многіе даже были того

Его Императорское Высочество
Великій Князь Николай Николаевичъ,
главнокомандующій Дунайской арміи.

мнѣнія, что у него недостатокъ въ снарядахъ; другіе, впрочемъ, выражали догадку, что онъ бережетъ свои гостинцы для болѣе подходящаго времени, для посылки съ болѣе близкаго разстоянія. И въ самомъ дѣлѣ, въ день штурма, какъ только солдаты наши двинулись на приступъ, такъ долго молчавшая громада зафыркала и заплевалась страшнымъ количествомъ сначала гранатъ, а потомъ и картечи.

На другой день, утромъ, по пріѣздѣ на гору штаба, послѣ ночлега въ Сгаловицахъ, я узналъ, что главнокомандующій уѣхалъ по направленію къ центральнымъ батареямъ генерала Зотова; туда и мы со спутникомъ двинулись, такъ какъ мнѣ непремѣнно хотѣлось ознакомиться съ устройствомъ и расположеніемъ батарей, а затѣмъ, буде возможно, проѣхать на лѣвый флангъ, чтобы повидать М. Д. Скобелева и двухъ братьевъ моихъ, состоявшихъ при немъ ординарцами.

Палатка главнокомандующаго.

Одинъ былъ военный; началъ службу въ драгунахъ, вышелъ было въ отставку, чтобы управлять довольно большимъ, доставшимся ему имѣніемъ, и доуправлявшійся до продажи его, теперь снова поступилъ во Владикавказскій полкъ Терскаго казачьяго войска, куда, по моей просьбѣ, принялъ его Скобелевъ-отецъ.

Другой — штатскій, тотъ самый молодой художникъ, который пріѣхалъ изъ Вологды ко мнѣ въ госпиталь и теперь, прямо заразившись страстью къ военному спорту и безстрашіемъ къ военнымъ опасностямъ отъ Скобелева-сына, исполнялъ около него самыя трудныя и рискованныя порученія: разузнавалъ о расположеніи непріятельскихъ силъ, наносилъ кроки мѣстностей, разводилъ войска, причемъ, ежедневно заѣзжая за нашу цѣпь, былъ всегда встрѣчаемъ градомъ непріятельскихъ пуль... Это былъ совсѣмъ оригинальный молодой человѣкъ: онъ не только рубился шашкой, но и врывался въ непріятельскіе ряды... съ плеткой, чѣмъ приводилъ въ недоумѣніе товарищей, полагавшихъ, что онъ ищетъ смерти. Докторъ Оберъ-Миллеръ жаловался мнѣ, что у малаго

5 ранъ, но онъ не хочетъ перевязываться, такъ что вездѣ растетъ дикое мясо, и кн. Суворовъ совершенно вѣрно докладывалъ государю, что подъ этимъ штатскимъ ординарцемъ убито 8 лошадей.

Ему, — какъ я выше говорилъ, — государь приказалъ послать, отъ своего имени, солдатскій георгіевскій крестикъ.

На батареѣ намъ сказали, что главнокомандующій былъ, но уѣхалъ по направленію лѣваго фланга. Выйдя изъ экипажа, я взялъ записную книжку и направился къ орудіямъ; тутъ вышло нѣчто комичное: конечно, съ ближняго редута видѣли подъѣхавшую колясочку и двухъ людей, изъ нея вышедшихъ, причемъ, разумѣется, заключили, что это если не *самъ*, то какое-нибудь высокопоставленное лицо — и давай осыпать батарею снарядами!

Турки — бравый, но флегматичный народъ, и у нихъ съ большинствомъ осаждавшихъ русскихъ батарей было нѣчто въ родѣ негласнаго согласія: много стрѣляли мы, — усердно отвѣчали и они; помалчивали, поберегали снаряды и людей мы — не безпокоили и они насъ.

Теперь, очевидно, это маленькое dolce far niente было ими нарушено: только трескъ пошелъ отъ ударявшихъ и разрывавшихся гранатъ!

Видно было, что изъ-за этого безпокойства артиллеристы не прочь были поскорѣе выжить насъ съ батареи: стали разсказывать всякіе страхи: „вотъ тутъ, гдѣ вы сидите, вчера убило двоихъ, а здѣсь, рядомъ, одного убило, а 3-хъ ранило...“ Дѣлая видъ, что не замѣчаю подвоха, я жевалъ любезно предложенные солдатскіе сухари и, подкрѣпившись, а главное, набросивши всю обстановку, перешелъ къ дереву, стоявшему впереди орудій, и зарисовалъ разстилавшуюся передъ нами мѣстность, съ пускавшимъ дымки редутомъ.

— Ну, обстрѣленный же вы! — сказали мнѣ на прощанье офицеры; — а товарищъ такъ и тащитъ за рукавъ: „пойдемъ да пойдемъ скорѣе“. Когда, однако, мы дошли до дороги, дѣло стало болѣе серьезнымъ: экипажъ уѣхалъ далеко, такъ что только верхъ его да часть морды лошади торчали вдали изъ-за кустовъ, и пришлось идти около версты по гладкому, совершенно открытому шоссе, съ шумомъ вѣника въ банѣ, устилавшемуся непріятельскою шрапнелью. Ужъ какъ имъ, должно-быть,

хотѣлось положить насъ, — хромой, съ палочкой, я не могъ шибко идти, — но такъ и не задѣли ни меня ни товарища.

Только что, проѣхавши ущелье, мы выбрались на равнину, какъ увидѣли главнокомандующаго съ разсыпавшеюся за нимъ въ одиночки большою свитою.

— Возьмите вправо, — крикнулъ С. — Вы привлечете выстрѣлы!

В. К. любезно крикнулъ мнѣ:

— Базиль Базиличъ, здравствуйте!

С. разсказалъ, что они не были у Скобелева изъ-за дальности разстоянія. Если прямо дымки выстрѣловъ съ позицій Имеретинскаго показывались, повидимому, не далѣе пятиверстнаго разстоянія, то колесною, окружною дорогою къ нему было верстъ 15.

Чтобы не заночевать въ дорогѣ, я поворотилъ назадъ и направился въ мѣсто расположенія главной квартиры, деревню Парадимъ, гдѣ генералъ Струковъ уступилъ мнѣ свою хату, самъ перебравшись въ ту, что прежде занималъ кн. М.

Приближался день штурма. Всѣ понимали, что предстоитъ великое кровопролитіе, но умы были заняты не столько имъ, сколько вопросомъ: „возьмемъ Плевну или нѣтъ?“

Наканунѣ дѣла, совсѣмъ вечеромъ, пріѣхалъ ко мнѣ съ лѣваго фланга „на минутку“ братъ мой, казакъ.

До сихъ поръ не знаю, приводилъ онъ слова Скобелева или свое собственное замѣчаніе:

— Неужели на завтра штурмъ; вѣдь, у насъ войска совсѣмъ мало, съ чѣмъ наступать?

— Ну, братъ, — отвѣтилъ я, — теперь поздно объ этомъ разговаривать, да насъ съ тобой и не спросятъ.

За ужиномъ въ главной квартирѣ, куда я посадилъ оголодавшаго казака, великій князь главнокомандующій громко сказалъ:

— Верещагины, — съ сильнымъ удареніемъ на *ны*, — государь приказалъ послать отъ своего имени вашему штатскому брату Георгіевскій крестъ, — передайте ему это!

— Не забудь же, передай, — наказывалъ я, отпуская брата. — Да смотри, будь молодцомъ!

— Убьютъ, — сердито сказалъ онъ, садясь въ сѣдло.

— Нѣтъ, тебя не убьютъ, можетъ-быть только ранятъ, и мы тебя вылѣчимъ.

О возможной участи другого брата я не высказывалъ предположенiй, но, наслышавшись объ его безоглядной храбрости, побаивался, признаюсь, какъ бы его не ухлопали.

Такъ и вышло: перваго — ранили, второго — убили.

Уже много спустя, на вопросъ мой военному брату о томъ, узналъ ли штатскiй передъ смертью о Георгiевскомъ крестѣ, — который, я знаю, ему хотѣлось имѣть, — казакъ признался, что нѣтъ, что онъ не торопился сказать объ этомъ, потому что какое-то едва замѣтное чувство не то соревнованiя, не то маленькой зависти помѣшало ему тотчасъ по прiѣздѣ сообщить болѣе отличившемуся и публично взысканному товарищу по оружiю о государевой милости, хотя этотъ товарищъ былъ родной братъ.

Онъ отложилъ это на послѣ, а послѣ оказалось поздно: братишка былъ убитъ наповалъ.

Разбери, кто можетъ, всѣ изгибы человѣческаго сердца!

Въ день третьяго штурма, утромъ, за чайнымъ столомъ главной квартиры я находился около главнокомандующаго. Помню, что его высочество сидѣлъ, опустивши голову и держа ее между ладонями рукъ, говорилъ вполголоса, будто бы самъ съ собой: „Какъ наши пойдутъ, какъ пойдутъ сегодня!..“

Моросилъ дождикъ, и глинистая почва до того размягчилась, что нельзя было ходить и по ровному мѣсту — безъ преувеличенiя, на нѣсколько вершковъ налипала земля къ сапогамъ, — каково же было, въ этихъ условiяхъ, всходить на высоты, да еще для атаки, „подъ огнемъ!“ Штурма, однако, не отложили, такъ какъ главнокомандующiй былъ увѣренъ, что значенiе именно этого дня, торжественно справлявшагося во всей Россiи — 30 августа, именины государя императора, — поможетъ войскамъ преодолѣть преграды и добиться цѣли — овладѣть редутами. Въ такомъ именно смыслѣ отнеслись къ своимъ частямъ командующiе генералы и предлагали имъ порадовать государя, подарить ему Плевну.

Расчетъ былъ вѣренъ, но малочисленность атаковавшихъ, сравнительно съ атакуемыми, дала расчету оправдаться только на половину.

Скоро главнокомандующiй и затѣмъ вся главная квартира выѣхали на высоты для наблюденiя за ходомъ битвы.

Я въ фаэтонѣ шагомъ тащился на гору, когда услышалъ сзади окрикъ: „дорогу! дорогу!“ и едва успѣлъ свернуть въ кусты, какъ пронеслись сначала конвойные казаки, потомъ коляска четверней вороныхъ съ государемъ императоромъ.

— Здравствуй, Верещагинъ, — ласково отвѣтилъ его величество на мой поклонъ.

На высотахъ въ этотъ день было очень людно. Между другими ко мнѣ подошелъ чиновникъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ графъ Муравьевъ, впослѣдствіи министръ иностранныхъ дѣлъ и, представившись, сказалъ:

— Позвольте мнѣ, какъ русскому, освѣдомиться о вашемъ дорогомъ для всѣхъ насъ здоровьѣ?

Я познакомился также съ княземъ Баттенбергомъ, весьма красивымъ, подвижнымъ молодымъ человѣкомъ. Встрѣтилъ стараго знакомаго С. П. Боткина, поинтересовавшагося узнать о состояніи моей раны; такъ какъ откровенничать при публикѣ было неудобно, то онъ осмотрѣлъ мою ногу въ кустахъ и, какъ многіе другіе, не утерпѣлъ, чтобы не сказать: „Однако, разворотило-таки вамъ!“

Пальба не умолкала, пушечная и ружейная; послѣдняя часто переходила въ барабанную дробь, только зловѣщаго характера. Подъ звуки пальбы началась и божественная служба передъ походною церковью, зеленой палаткой, поставленной на первомъ холмикѣ.

Государь стоялъ впереди; нѣсколько поодаль—главнокомандующій и за нимъ — лица государевой свиты и офицеры главной квартиры.

Скоро всѣ опустились на колѣни, и я помню, что сильно дрожалъ голосъ священника: въ немъ слышались слезы, когда, молясь за государя, онъ просилъ Господа силъ „сохранить воинство его!“

Картина огромнаго штаба, колѣнопреклоненнаго, молящагося съ опущенными головами, на фонѣ темныхъ облаковъ и бѣлыхъ дымковъ выстрѣловъ, была въ высшей степени интересна; я началъ писать ее, но изъ-за другихъ работъ не кончилъ, о чемъ теперь сожалѣю.

Во время богослуженія раздался страшный трескъ ружейнаго огня въ центрѣ нашихъ позицій, послышалось „ура! ура!“ Очевидно, войска пошли на приступъ; но какъ это могло случиться, когда штурмъ

былъ назначенъ для всѣхъ въ 3 часа пополудни? Главнокомандующій послалъ тотчасъ же разузнать о томъ, что, какъ и почему, но служба кончилась все-таки при нѣкоторомъ возбужденіи, такъ какъ никто не могъ себѣ представить, что могло побудить нарушить ясно выраженную диспозицію: сами ли солдаты пошли, или увлекся отдѣльный начальникъ?

Послѣ молебна съ водосвятіемъ и провозглашеніемъ многолѣтія, поданъ былъ завтракъ. Для государя, генералъ-адъютантовъ и свиты былъ поставленъ на переднемъ холмикѣ столъ со стульями.

Мы, на второмъ холмѣ, возлежали на травѣ безъ чиновъ, кто гдѣ примостился. Я очутился рядомъ съ кн. Меньшиковымъ, успѣвшимъ захватить бутылку и налить мнѣ шампанскаго; когда, по просьбѣ сосѣда съ другой стороны, я передалъ бутылку туда, милѣйшій князь пришелъ въ отчаяніе:

— Василій Васильевичъ, да можно ли отдавать шампанское?!

— А то какъ же?

— Нужно самому выпивать его! Человѣкъ, дайте сюда шампанскаго!

— Нѣтъ больше, ваша свѣтлость: сорокъ бутылокъ выпито!..

— Вотъ видите,— шепнулъ М.,— хоть выпито только половина сорока, но все-таки мы съ вами безъ вина!

Государь императоръ поднялся съ того стола и, оборотясь къ намъ, громко, хотя взволнованнымъ голосомъ, произнесъ: „За здоровье тѣхъ, которые тамъ теперь дерутся — ура!

„Ура-а-а" зашумѣло такое, что, конечно, у турокъ слышали его.

Скоро начался общій штурмъ. Громъ выстрѣловъ ружейнаго огня слился въ настоящій безпрерывный ревъ, перебивавшійся болѣе сильными ударами и въ одиночку, быстро одинъ за другимъ, и залпами артиллерійской стрѣльбы.

Сначала еще виднѣлись въ синеватой дали дымки Скобелевскаго лѣваго фланга, такъ же какъ и отвѣтные намъ выстрѣлы всѣхъ редутовъ, но потомъ ничего уже нельзя было разобрать, все заволокло пороховымъ дымомъ; только время-отъ-времени, въ просвѣтахъ между поднимавшимися къ небу клубами дыма, показывались

Передъ атакой.

пятна редутовъ, поминутно блестѣвшихъ огнемъ и фыркавшихъ дымками.

Князь Карлъ румынскій отправился съ нѣсколькими офицерами своей свиты пониже, откуда былъ виденъ Гривицкій редутъ, атакуемый, съ одной стороны, нашими, съ другой — румынами.

Нѣкоторые изъ нашихъ, въ томъ числѣ я, со старикомъ Скобелевымъ, бывшимъ не у дѣлъ, пошли за ними; мнѣ интересно было видѣть поближе наши штурмовыя колонны.

Мы стали межъ кустовъ, гдѣ лишь изрѣдка шлепались гранаты съ Гривицы, которой теперь было не до нашей группы, такъ какъ къ ней поднимались штурмующія войска. Солдаты шли въ двѣ шеренги, изломанными линіями, постоянно измѣнявшими изгибъ: большія извилины — тамъ, гдѣ больше бьютъ; ровнѣе — въ мѣстахъ, гдѣ меньше гостинцевъ.

Опасность всюду, куда направляются турецкія орудія: пристрѣлявшись къ серединѣ шеренгъ и разстроивши ихъ тутъ, направляютъ огонь на фланги: начинается замѣшательство, остановка на нихъ; огонь снова направляютъ на центръ, уже успѣвшій за время передышки подвинуться впередъ...

Съ жужжаньемъ летитъ, съ трескомъ и громомъ разрывается граната то впереди войскъ, то позади, иногда и среди ихъ — цѣлый кочанъ цвѣтной капусты изъ дыма вмѣстѣ съ землей поднимается съ этого мѣста; все кругомъ или нарочно бросается ницъ, или отбрасывается изувѣченное осколками. „Ой! ой! носилки! носилки сюда!“ — слышатся стоны и крики. Уцѣлѣвшіе тѣмъ временемъ оправляются и снова карабкаются наверхъ, пока новая граната опять не перемѣшаетъ ряды и не сконфузитъ людей.

Храбро идутъ тамъ, гдѣ офицеры впереди: вонъ, на правомъ флангѣ одинъ, повидимому, молодой человѣкъ машетъ саблей и не идетъ, а прямо бѣжитъ; поспѣваютъ за нимъ и солдатики, но не надолго: его фигурка кувыркается и ряды тотчасъ же замедляютъ шагъ...

Раненые отходятъ сами, когда ноги цѣлы, или, при другихъ изъянахъ, относятся санитарами и товарищами внизъ, въ балку, въ закрытіе отъ разсвирѣпѣвшаго редута.

Передъ Плевной.

Какъ ни запрещаютъ обыкновенно товарищамъ покидать строй для уноса раненыхъ, этотъ способъ избѣганія опасности, все-таки, практикуется въ широкихъ размѣрахъ и сильно разрѣжаетъ ряды. Пока не будетъ строжайшаго наказанія за самовольный уходъ изъ дерущихся частей, эта „мода“ врядъ ли прекратится.

Каюсь, я самъ не разъ съ удовольствіемъ выходилъ изъ огня, ведя или вынося пришибленнаго товарища, и былъ очень доволенъ тѣмъ, что мой поступокъ принимался не за слабость, а за подвигъ человѣколюбія, тогда какъ въ немъ всегда бывала съ послѣднимъ и частица перваго.

По мѣрѣ того, какъ поднимались штурмовавшіе, орудія редута переходили отъ гранатъ къ картечи, и народа стало валиться больше... Ходъ солдатъ поубавился; „ура“ все еще кричали, но съ меньшей энергіей и, наконецъ, вовсе остановились: начальника впереди уже вовсе нѣтъ: „ура!“ „ура!“ „ура-а-а!“ — а нѣкоторые прямо пятятся назадъ...

Редутъ шлетъ выстрѣлъ за выстрѣломъ; снарядъ за снарядомъ косятъ линіи, которыя начинаютъ сдавать, отходить, спускаться... Скоро всѣ поворотили; одни еще отстрѣливаются, другіе бѣгутъ...

Съ румынской стороны тоже было не ладно: пришло извѣстіе о томъ, что и тамъ штурмъ отбитъ.

— Отбиты! — выговариваютъ одинъ за другимъ румынскіе офицеры, слѣдившіе съ особеннымъ вниманіемъ за своею стороною.

— Отбиты, — произноситъ и самъ князь, совершенно блѣдный, чуть не шатающійся. — Лошадь, скорѣй лошадь! — произнесъ онъ и ускакалъ съ нѣкоторыми изъ офицеровъ.

— Что это онъ такъ перебудоражился? — спросили мы оставшагося съ нами полковника.

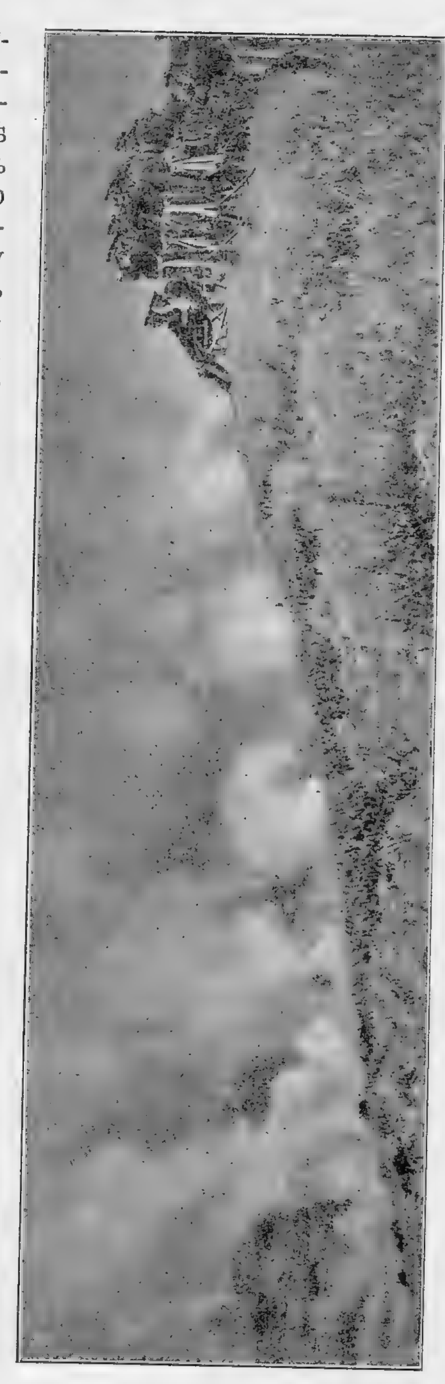
— Очень просто, — хладнокровно, не отнимая бинокля отъ глазъ, отвѣтилъ онъ. — Прекрасно знаетъ, что не усидитъ, если его разобьютъ.

Поднявшись снова на гору, я засталъ государя попрежнему на походномъ стуликѣ, со стоящими за нимъ генералами, наблюдающими въ бинокль ходъ битвы, хотя разбирать что-либо сдѣлалось трудно, такъ какъ все заволоклось дымомъ; изъ этого моря дыма слышалось „ура!“ „Аллахъ! Аллахъ!“ опять „урр-а-а!“

Я написалъ потомъ картину, представляющую государя и главнокомандующаго, смотрящихъ вмѣстѣ со штабомъ на штурмъ Плевны, и какого, какого вздора не пришлось потомъ выслушать по поводу ея: увѣряли, будто я въ цензурныхъ видахъ отрѣзалъ часть картины, представлявшую какое-то пиршество. Это — чистая нелѣпость, потому что, вопервыхъ, никто въ это время не пировалъ, вовторыхъ, отрѣзалъ я кусокъ полотна не съ правой стороны, гдѣ могъ быть представленъ пиръ, а съ лѣвой, то мѣсто, гдѣ должны были находиться батареи генерала Зотова, слишкомъ удлинявшія мою картину.

Если не ошибаюсь, около 6 часовъ изъ сплошного дыма выдѣлилась фигура всадника въ шляпѣ съ широкими полями, въ какой-то полувоенной формѣ; фигура сошла съ лошади и стала подниматься; въ ней узнали американскаго военнаго агента, капитана Грина, возвращавшагося съ нашихъ позицій.

Государь тотчасъ же послалъ попросить его къ себѣ и сталъ разспрашивать. Я стоялъ близко и слышалъ, какъ Гринъ разсказывалъ, что всѣ атаки

Передъ Плевной.

отбиты и штурмъ со всѣхъ сторонъ не удался. Я видѣлъ, что дѣйствіе этого разсказа на государя, главнокомандующаго и окружающихъ лицъ было ужасное; вѣроятно, тутъ же запала въ нихъ перешедшая потомъ въ рѣшеніе мысль о необходимости оставить всякія дальнѣйшія попытки дѣйствовать открытою силою.

А, между тѣмъ, милѣйшій Гринъ сочинялъ, вралъ неумышленно, безсознательно, но все-таки вралъ и по отношенію Гривицы, которая хоть и поздно, но была взята, и по отношенію лѣваго фланга кн. Имеретинскаго, гдѣ Скобелевъ съ Куропаткинымъ забрались въ этотъ день очень далеко: заняли первостепенный, если не по величинѣ и силѣ, то по мѣсту расположенія, редутъ, господствовавшій надъ входомъ въ Плевну.

Наши офицеры генеральнаго штаба настаивали на томъ, что Скобелевъ взялъ не тотъ редутъ, который слѣдовало, такъ какъ захваченный обстрѣливался съ болѣе сильнаго и болѣе высокорасположеннаго сосѣда, но вѣдь „по одежкѣ протягивай ножки“: взято было то, что съ небольшими силами можно было взять; поддержанные Скобелевъ съ Куропаткинымъ заняли бы и большой редутъ; всѣ вѣроятія за это, уже по одному тому, что въ продолженіе многихъ дней сряду они тѣснили турокъ и отнимали у нихъ высоту за высотою, пока не добрались 30 августа до укрѣпленія, съ котораго можно было просто шагнуть въ Плевну.

Для меня лично въ этомъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія: я былъ потомъ въ „Скобелевскомъ редутѣ“, такъ-таки прямо висѣвшемъ надъ Плевной, и понимаю рѣшеніе Османа-паши или отобрать этотъ редутъ, или приготовиться уходить.

Скобелева не поддержали, и турки, не безпокоимые на другой день, т.-е. 31 августа, ни съ которой стороны, всѣми силами навалились на бѣлаго генерала и прогнали его далеко, далеко, за шоссе, т.-е. отняли у Имеретинскаго все, что было взято трудами и потерями многихъ дней, даже недѣль.

Почему же Скобелева не поддержали?

— Во-первыхъ, — говорю это сознательно, — потому что онъ былъ слишкомъ молодъ и своими талантами,

своею безоглядною храбростью многимъ намозолилъ глаза... Во-вторыхъ, потому, что въ главной квартирѣ понятія не имѣли объ успѣхахъ штурма 30 августа. Виноватъ, конечно, штабъ, но, съ другой стороны, виноваты и начальники частей: я свидѣтель того, что и главнокомандующій и самъ государь были плохо извѣщаемы объ успѣхахъ и неуспѣхахъ дня, точно будто боялись огорчить ихъ, и что помянутый американецъ Гринъ былъ единственный человѣкъ, сообщившій хоть что-нибудь; это что-нибудь оказалось худшимъ, чѣмъ ничего, потому что было прямо противно истинѣ. Онъ разсказалъ, что повсюду неуспѣхъ, тогда какъ на обоихъ флангахъ былъ крупный успѣхъ, и ему повѣрили, его словъ не провѣрили и опустили руки!

Я свидѣтель того, что вѣсть о взятіи гривицкаго редута, бывшаго совсѣмъ подъ бокомъ, пришла только глубокою ночью, опять-таки нечаянно, отъ любителя, хоть на этотъ разъ и русскаго офицера.

Если ужъ не по обязанности относительно главнокомандующаго, то хоть ради государя, смертельно безпокоившагося и такъ въ смертельномъ безпокойствѣ и уѣхавшаго, должны были присылать въ продолженіе всего дня и особенно тотчасъ по окончаніи боя подробныя донесенія! До отъѣзда государя съ лицами ближайшей свиты отъ главнокомандующаго и его совѣтниковъ было рѣшено, въ общихъ чертахъ, терпѣливо отнестись къ полной неудачѣ дня — въ сущности, почти полной удачѣ,—и не было принято никакихъ мѣръ ни для удержанія за нами Гривицкаго редута ни для поддержанія Имеретинскаго, т.-е. Скобелева.

Еще лѣвый флангъ былъ довольно далеко и посланные оттуда скакали отъ полу до трехъ четвертей часа, а съ наступленіемъ темноты и больше; но Гривицкій-то редутъ, повторяю, былъ совсѣмъ близко — снаряды его, какъ я уже сказалъ, били по подножію той высоты, н которой находились государь и главнокомандующій; значитъ, съ него не дано знать объ успѣхѣ штурма прямо по халатности и нарушенію обязанностей службы.

Думаю, что узнай В. К. своевременно, т.-е. до отъѣзда государя съ позиціи, о томъ, что на правомъ нашемъ флангѣ Гривица въ нашихъ рукахъ, по всей вѣроятности, вмѣсто рѣшенія оставить всякія попече-

нія, всякіе новые приступы и отложить рѣшеніе дѣла въ долгій ящикъ, было бы скомбинировано на утро новое усиліе съ демонстраціею — въ центрѣ и на правомъ флангѣ и съ рѣшительнымъ ударомъ — на лѣвомъ.

Какъ только Скобелевъ и Куропаткинъ со своими силами взяли бы сосѣдній съ ними редутъ, такъ турки, обстрѣливаемые съ двухъ сторонъ, принуждены были бы очистить Плевну.

Рано утромъ на другой день еще было время для этого, но потомъ уже стало поздно! Уныніе, овладѣвшее всею арміею, до главнокомандующаго включительно, отъ распространившагося слуха о полной неудачѣ, сослужило туркамъ хорошую службу, а намъ — плохую.

Полагаю, можно признать, что все дѣло штурма или штурмовъ Плевны было необдуманно. Непрактично надѣяться, что съ небольшими силами можно успѣшно атаковать большія, да еще скрытыя за сильными укрѣпленіями. Въ лучшемъ случаѣ надобно было въ нѣсколькихъ пунктахъ демонстрировать и только въ одномъ, много — въ двухъ, вести серьезную атаку, но уже съ превосходными противъ непріятеля силами.

По правдѣ сказать, достигнутое 30-го августа было вовсе не дурнымъ результатомъ; конечно, потеря была очень велика, до 18.000 человѣкъ, но зато Плевна была на половину взята, только, повторяю, не потрудились во-время извѣстить объ этомъ главнокомандующаго, принявшаго раньше, чѣмъ истина обнаружилась, рѣшеніе бросить начатое. Извѣстись онъ во-время о томъ, что еще одно усиліе Скобелева и оба фланга турецкой защиты будутъ въ нашихъ рукахъ — можно ли думать, чтобы онъ самъ и присутствовавшій при военныхъ дѣйствіяхъ государь не рѣшились бы сдѣлать это послѣднее усиліе?

Когда узнали правду и начали обдумывать, что можно еще сдѣлать,— стало поздно: добытое на правомъ флангѣ удержалось въ нашихъ рукахъ, но успѣхъ лѣваго былъ потерянъ: турки уже съ утра налегли на маленькій скобелевскій отрядъ и къ вечеру, какъ сказано, отняли у Имеретинскаго все взятое за предыдущіе дни.

Уныніе овладѣло всѣми въ нашемъ лагерѣ къ ночи 30-го августа — вездѣ начисто отбиты! (какъ увѣрилъ

Гринъ). Главнокомандующій оставался ночевать на высотахъ, въ надеждѣ, что тщетно поджидавшіяся офиціальныя донесенія придутъ къ нему тутъ раньше. Увы, они все не приходили!

Оставшіеся при главнокомандующемъ размѣстились по экипажамъ, какіе у кого были; тѣ, кто не имѣлъ съ собой ничего, кромѣ верховыхъ лошадей, уѣхали ночевать въ Порадимъ.

Въ моемъ фаэтонѣ трудновато было лежать, и поэтому я принялъ любезное приглашеніе Г., у котораго была хорошая телѣга; самъ онъ помѣстился подъ нею, между колесъ.

Удивительно, какъ натянутые нервы поддерживаютъ людей во время войны, такъ же какъ и на опасной охотѣ на дикихъ звѣрей: у всѣхъ сапоги были полны воды, и платье мокро, тѣмъ не менѣе всѣ чувствовали себя хорошо, никто не жаловался ни на простуду ни на ревматизмы. Расчеты здоровья за всѣ нарушенія правилъ гигіены во время кампаніи начинаются обыкновенно по окончаніи ея, когда тифъ и горячки принимаются валить съ ногъ наиболѣе слабыхъ или наиболѣе рисковавшихъ.

Я недурно устроился, хорошо укрылся и уже собирался заснуть, когда „хозяину квартиры“ пришло въ голову попѣть: тоненькой фистулкой онъ началъ выводить арію изъ „Трубадура“ и „Травіата“, выводитъ недурно, довольно вѣрно, но... немножко не во-время.

„Не дастъ спать! — думалось мнѣ. — Нѣтъ, надобно заснуть, что за пустяки, нужно... необходимо“.

„Не дастъ спать!“ приходило опять въ голову, и, въ концѣ концовъ, когда пѣвецъ угомонился, мой сонъ пропалъ. Полежавши еще, поворочавшись съ боку на бокъ, я рѣшилъ лучше встать и пойти къ огню, разведенному дежурными офицерами и казаками. Хвороста было нанесено не мало, и хоть онъ былъ сыроватъ, но костеръ разгорѣлся большой, такъ что около него было теплѣе и уютнѣе, чѣмъ въ мокрой повозкѣ, подъ мокрымъ пледомъ.

Въ числѣ нѣсколькихъ офицеровъ около огня, я встрѣтилъ моего бывшаго корпуснаго товарища П., вышедшаго было въ отставку, потомъ снова поступившаго на службу и теперь состоявшаго адъютантомъ при генералѣ Зотовѣ. Онъ очень не хвалилъ своего начальника

и такъ увлекся, разсказывая, что его пылъ приходилось останавливать, дабы не разбудить недалеко отъ насъ спавшаго въ своей коляскѣ или своемъ тарантасѣ главнокомандующаго.

Скоро разговоръ нашъ былъ прерванъ громкимъ окликомъ генерала свиты Е. В. Чингисъ-хана.

— Ваше высочество! Ваше высочество!

— Что тебѣ?

— Вѣдь Гривицкій-то редутъ взятъ...

— Врешь ты?

— Ей Богу, взятъ!

— Говорю тебѣ — врешь! — сказалъ В. К., уже высунувшись изъ экипажа, голосомъ, въ которомъ сказывалась боязнь вѣрить слишкомъ желанному событію,

— Да какъ же я могу врать, когда я теперь прямо оттуда, говорилъ съ нашими офицерами и солдатами...

— Ну, хорошо, я пошлю узнать; если ты говоришь правду, я тебя расцѣлую, а коли врешь — выдеру за уши!

— Извольте, В. В., я готовъ!

— Струковъ! — закричалъ В. К.—Позвать Струкова!

— Поѣзжай, — сказалъ онъ С., когда тотъ явился, — къ Гривицкому редуту и удостовѣрься въ чьихъ онъ рукахъ, въ нашихъ или турецкихъ, разузнай хорошенько.

— Слушаю-съ!

— Да возьми съ собой кого-нибудь, кто знаетъ дорогу, а то ты заблудишься въ этой темнотѣ.

Темнота была, дѣйствительно, „хоть глазъ выколи", и наткнуться на турецкую цѣпь было не трудно, но какъ разъ одинъ изъ товарищей моего пріятеля хорошо зналъ дорогу и, живо снарядившись, поскакалъ съ С. въ непроглядную тьму, по направленію къ редугу.

— Смотри, — шепнулъ ему П. на прощанье, — вѣдь это „командировка"!..

Его высочество, тѣмъ временемъ, тоже потерявши сонъ, всталъ и вышелъ къ нашему огню, гдѣ, подъ вліяніемъ хорошей вѣсти, шутилъ и смѣялся чуть ли не больше всѣхъ насъ.

Откуда-то явился нѣмецъ, капельмейстеръ оркестра одного изъ полковъ, и, тутъ же присѣвши, давай потѣшать компанію.

Я уступилъ Е. В. свой складной стулъ и усѣлся на барабанъ, другіе, — кто на чурышкѣ, кто на корточкахъ

кто стоя, щурясь и защищаясь отъ искръ трещавшаго костра, всѣ разгладили давно накопившіяся морщины, расправили нервы и дали волю здоровому смѣху, благо была причина смѣяться: чего, чего не поразсказалъ нѣмецъ о себѣ и о своей Frau, которой, конечно, не поздоровилось бы, если бы она слышала то, что мы слушали; и все это съ шуточками, прибауточками, дурно и смѣшно выговариваемыми по-русски. Разумѣется, это еще болѣе смѣшило главнокомандующаго, хохотавшаго такъ, какъ, вѣроятно, ему давно уже не доводилось.

Нѣмецъ дѣлалъ видъ, что не узнаетъ главнокомандующаго и считаетъ его за панибрата, но потомъ оказался „pas si bète qu'il en avait l'air“, потому что, улучивши минуту, вставилъ въ свои шутки маленькую просьбицу, которую его высочество обѣщалъ разсмотрѣть.

Струковъ воротился съ донесеніемъ о томъ, что Гривица взята совмѣстно нами и румынами, но что первый вошедшій съ нашей стороны въ редутъ командиръ архангелогородскаго полка, флигель-адъютантъ полковникъ Шлиттеръ, смертельно раненъ.

Главнокомандующій сдѣлалъ, какъ обѣщалъ: расцѣловалъ Чингизъ-Хана и, кромѣ того, послалъ его съ этимъ донесеніемъ къ государю, наградившему счастливаго вѣстника, если не ошибаюсь, золотою саблею.

Послѣ убійственнаго свѣдѣнія, доставленнаго иностранцемъ, это было первое донесеніе русскаго, хотя тоже любительское; насколько первое было невѣрно, настолько второе было правдиво

Я тоже рѣдко во всю мою жизнь хохоталъ такъ, какъ въ эту ночь, хохоталъ, какъ оказалось, *не къ добру* — обыкновенное опредѣленіе безпричинной веселости передъ безпричиннымъ несчастіемъ.

Когда разсвѣло и всѣ стали собираться около накрытаго для чая стола, къ главнокомандующему явился для доклада пріѣхавшій съ лѣваго фланга капитанъ Д. Передавши все, чему онъ былъ свидѣтелемъ, онъ подошелъ ко мнѣ.

— Я долженъ сообщить вамъ, Василій Васильевичъ, что одинъ братъ вашъ убитъ, другой — раненъ.

Я понялъ: штатскій, Сергѣй — убитъ, казакъ, Александръ — раненъ.

Поскорѣе я бросился къ столу, что-то съѣлъ, несмотря на то, что мнѣ мигали на неприступавшаго еще

къ закускѣ великаго князя, сгребъ въ карманъ большую булку и, сѣвши въ экипажъ, погналъ по направленію лѣваго фланга, въ намѣреніи помочь чѣмъ можно одному брату и разыскать тѣло другого.

Всякая потеря близкаго лица глубоко чувствуется, какъ я замѣчалъ, не сейчасъ, а черезъ извѣстный промежутокъ. Сначала думается: „какъ это странно: мнѣ какъ будто не жалко!“ но вотъ, мѣсяца черезъ 2—3—4 начинаетъ налегать тяжелая дума, потомъ забираетъ тоска и сосетъ до тѣхъ поръ, пока, въ лучшемъ случаѣ, обильныя слезы не облегчатъ горя, въ худшемъ, пока долгій промежутокъ времени, съ хорошими и дурными событіями, не сгладитъ его.

Такъ было и тутъ; хотя образъ немного рѣзкаго, но всегда честнаго, великодушнаго, браваго братишки стоялъ у меня передъ глазами и я недоумѣвалъ, неужели никогда больше не увижу его, какимъ до сихъ поръ видѣлъ, — тѣмъ не менѣе большого, захватывающаго горя я не ощущалъ и разсуждалъ философски: „что тутъ станешь дѣлать: убили, такъ убили, не спросились!“ Въ концѣ концовъ теперь человѣкъ умеръ или послѣ — не все ли равно?

Я ѣхалъ черезъ очень разоренныя мѣста, прямою убійственною дорогою. Отъ встрѣтившейся деревни, — кажется, Брестовацъ, — не оставалось ничего: только кое-гдѣ торчали остатки печей, да всюду лежали груды золы и угля.

Пробовалъ спрашивать у встрѣчныхъ съ лѣваго фланга: „не слышали ли?“

— Не знаемъ; спросите вонъ у докторовъ, что идутъ за нами.

Доктора переспросили фамилію:

— Верещагинъ, Верещагинъ; гмъ! Фамилія-то извѣстная! Кажется, убитъ, а, впрочемъ, право не знаю хорошенько; спросите на перевязочномъ пунктѣ.

— А гдѣ перевязочный пунктъ?

— Вонъ тамъ, какъ переѣхать черезъ оврагъ, поднимитесь, тутъ въ лощинѣ и будетъ: къ нимъ и черезъ нихъ всѣхъ возятъ со всѣхъ сторонъ: они, должно-быть, знаютъ.

Дѣйствительно, скоро открылась одна изъ самыхъ интересныхъ, поучительныхъ, прямо поразительныхъ картинъ, которыя я когда-либо видѣлъ; палатокъ въ

перевязочномъ пунктѣ было всего 4; надобно думать, не больше, какъ человѣкъ на 100 каждая, но сколько въ нихъ было набито народа и сколько валялось, сидѣло и томилось между палатками, а также на дорогѣ, къ нимъ и за ними, трудно и передать, — точно улей, разбредшійся безъ матки: все жужжитъ, движется, переговаривается.

Къ бывшимъ налицо раненымъ все прибывали новые; такъ какъ продолжали подбирать вчерашнихъ, — ихъ оказалось ужасающее количество, — а на лѣвомъ флангѣ и теперь шелъ бой, изъ котораго безпрерывно подбавляли: носилокъ тащили, тащили, тащили безъ конца.

Впечатлѣніе этихъ вереницъ носилокъ съ умиравшими можно было сравнить съ линіей экипажей на праздничномъ гуляньѣ, гдѣ они почти упираются другъ въ дружку и остановка одного вызываетъ столкновеніе и пререканіе у слѣдующихъ; только и слышно было: „что стали тамъ, ступай, проходи! Долго ли тутъ стоять!..“

Сестры милосердія входятъ и выходятъ или съ теплой водой или съ тазами полными кровью и кровяными корпіею и бинтами, и къ нимъ и къ докторамъ, выходящимъ изъ палатокъ вздохнуть, покурить, обращается множество неперевязанныхъ еще, опирающихся на ружья, приподнимающихся съ земли или прямо умоляющихъ съ того мѣста, куда положили санитары: просятъ „досмотрѣть“, „допустить въ палатку“, „хлѣбца“, „водицы“ и т. д.

— Подожди, успѣешь, не всѣхъ вдругъ, — утѣшаетъ докторъ, и какъ же иначе: готовились по наказу къ принятію 3-хъ тыс. раненыхъ, а, когда я спросилъ, сколько ихъ всего, отвѣчали: „неизвѣстно еще, пока идетъ *восьмая* тысяча“.

Докторъ, къ которому я обратился, оказался весьма любезнымъ человѣкомъ: онъ разспрашивалъ за меня о братьяхъ моихъ, у кого могъ: у уполномоченнаго Краснаго Креста, и, сколько возможно было дознаться, вывѣдалъ, что одного легко раненаго провезли сегодня утромъ, должно-быть, по направленію Систова, и теперь онъ долженъ былъ быть или тамъ, или на дорогѣ къ Букаресту. Другого, тяжело раненаго или убитаго, не было еще въ получкѣ, да если онъ убитъ, то болѣе возможно, что и не будетъ, коли кто-нибудь не возьметъ на себя трудъ доставить его.

— Не хотите ли войти въ палатку, полюбопытствовать? — спросилъ меня докторъ. Мы вошли.

Первое, что бросилось въ глаза, при самомъ входѣ, у лѣвой стороны — фигура офицера въ флигель-адъютантскомъ мундирѣ; это былъ полковникъ Шлиттеръ, командиръ Архангелогородскаго полка, впереди своихъ людей вбѣжавшій въ Гривицкій редутъ. Онъ былъ раненъ смертельно и положенъ, какъ всѣ, на землю; голова его была покрыта кисеей отъ мухъ, облѣпившихъ лицо; ротъ былъ открытъ и изъ него текла сукровица, а тяжелое прерывистое дыханіе почти подбрасывало верхнюю часть фигуры, еще изящной, несмотря на грязь и кровь, которыми былъ выпачканъ щегольской мундиръ съ золотымъ аксельбантомъ.

— Что? — спросилъ-было я доктора, но онъ тотчасъ же какъ-то сердито закачалъ отрицательно головой: „Никакой!“

Передъ входомъ же прямо на барабанѣ сидѣлъ пѣхотный генералъ, безъ праваго сапога, съ засученными сверхъ колѣна штанами и бѣльемъ.

— Вы изъ главной квартиры? — спросилъ онъ меня.

— Да, оттуда.

— Что, скажите, какія вѣсти?

— Пока извѣстно только, что Гривицкій редутъ взятъ; говорятъ, и Скобелевъ одержалъ большой успѣхъ...

Генералъ тотчасъ снялъ фуражку и осѣнилъ себя большимъ крестомъ:

— Слава Богу, слава Богу!

Мы пошли дальше, вѣрнѣе сказать, стали пробираться дальше, потому что во всей палаткѣ не было клочка незанятаго мѣста.

— Это что? Это что? Это?.. — сердито обратился докторъ къ фельдшеру, указывая ногой на нѣсколько растянувшихся фигуръ. — Прибрать!

— Слушаю-съ!

То были мертвые, нѣкоторые отдавшіе Богу душу до перевязки, другіе, — имѣвшіе утѣшеніе видѣть рану осмотрѣнною докторомъ и перевязанною заботливыми руками сестрицы.

Вчера и сегодня, — какъ мнѣ говорили сестры милосердія, — онѣ, проработавшія безъ перерыва всю

ночь, приняли многое множество послѣднихъ распоряженій и послѣднихъ поклоновъ, съ адресами родныхъ деревень, выговоренныхъ коснѣющимъ языкомъ; а принятыхъ послѣднихъ вздоховъ и не сосчитать, кабы ихъ вспоминать... Какъ ни тяжка рана, ни упалъ духъ, все-таки послѣдняя мысль солдатика вертится около родного гнѣзда съ оставшимися тамъ батькой, матушкой, часто Матрешкой, Грушкой, съ Анюткой и Гришуткой; кому довѣрить послѣдній поклонъ имъ, послѣднее „прости", коли въ чемъ согрѣшилъ, съ зашитымъ у пазухи рублемъ, какъ не „анделу небесному", „сестрицѣ милосердной?"

Обыкновенно въ обществѣ, и не у насъ только, а во всей Европѣ, можетъ-быть, вслѣдствіе вѣкового сознательнаго и безсознательнаго лганья, укоренилось мнѣніе, что раненый на полѣ битвы или на соломѣ госпиталя представляетъ изъ себя нѣчто картинное: красавецъ съ распростертыми руками и ногами, — если убитъ, или съ очами, обращенными къ небу, и рукой, зажимающей рану, — если умираетъ. На дѣлѣ же ничего подобнаго; все просто и прозаично до невозможнаго: не цѣлый человѣкъ, а комочекъ чего-то, грязнозеленоватаго цвѣта — замѣчательно, что раненый сейчасъ же скорчивается, укорачивается, дѣлается меньше, — прикрытый дырявой, вонючей шинелишкой. Изъ-подъ шинели виденъ обыкновенно маленькій воспаленный глазъ, пытливо слѣдящій за тѣмъ, что дѣлается и говорится, какъ его осматриваетъ докторъ, съ какимъ выраженіемъ лица останавливается надъ нимъ сестрица: коли очень сконфуженно, такъ ужъ нѣтъ ли бѣды?

Привыкшій къ субординаціи солдатъ понимаетъ, что безполезно вступать въ разговоры и разспросы, — все равно, ничего не узнаетъ: высматривай самъ, что можешь, и рѣшай, увидишь еще пострѣла Гришутку или нѣтъ...

— Ну, каково тебѣ сегодня? — спрашиваетъ докторъ солдатика съ воспаленными глазами и красными отъ лихорадки щеками.

— Лучше, ваше выскородіе, много лучше; вотъ какъ будто повыше есть что-то, а тамъ — отлегло...

— Гангрена поднимается, — говоритъ мнѣ докторъ по-французски. — Къ вечеру онъ будетъ готовъ.

— Ну, а ты какъ?

— Покорнѣйше благодарю, вашескородіе; теперь, дастъ Богъ, поправлюсь и домой уйду, а ночью ужъ думалъ, кончусь...

— Онъ умретъ черезъ нѣсколько часовъ, — снова замѣчаетъ докторъ...

— Ну, а ты?..

Опять нѣсколько валяющихся тутъ и тамъ умершихъ, опять нагоняй фельдшеру за то, что они не вытащены. Снова вопросы наивныхъ, съ надеждой смотрящихъ въ глаза воиновъ, не подозрѣвающихъ, что слова на иностранномъ языкѣ означаютъ смертные приговоры имъ.

Въ палаткахъ — все трудные, кромѣ той, гдѣ рѣжутъ руки, ноги, вырѣзаютъ пули и проч. Когда мы вышли, опять осадили доктора просьбами перевязать, дать поѣсть и проч.

И смотрятъ всѣ разно и просятъ неодинаково: молодые — робко, постарше — рѣшительнѣе. Одинъ хоть и исподлобья, но все-таки заискивающе взглядываетъ единственномъ глазомъ, на другомъ—повязана тряпица, успѣвшая потемнѣть отъ запекшейся крови. Третій — съ разнесенной картечью скулой, такъ что зубы и кости, какъ въ мѣшкѣ, поддерживаются въ повязанномъ около головы полотенцѣ, прямо фыркаетъ, плюется кровью, когда говоритъ; говоритъ изъ-за этого, конечно, неразборчиво, и только сердитые глаза да авторитетный тонъ рѣчи указываютъ на то, что онъ чувствуетъ внушительность своей раны. Даже и тутъ встрѣчаются шутники, но ворчуновъ больше, и въ общемъ раненые — прекапризный народъ: не посторонись, не сверни простой человѣкъ во́-время съ дороги передъ инымъ транспортомъ съ ранеными — бѣда, какъ раскричатся!

Сестры милосердія, въ своихъ всегда бѣлыхъ накрахмаленныхъ косыночкахъ, въ общемъ, смотрятъ чисто и опрятно, развѣ только кровяныя пятна, тамъ и сямъ разбросанныя въ живописномъ безпорядкѣ по платью, по подолу и на груди, на рукахъ, указываютъ на совсѣмъ особый родъ занятій этихъ невозмутимо-спокойно держащихъ себя труженицъ. Зато доктора смотрятъ совсѣмъ оригинально: они, по большей части, безъ мундировъ, и сверхъ жилета у нихъ надѣтъ длинный черный кожаный фартукъ, съ верху до низу краснѣющій отъ крови; никакой мясникъ, конечно, не бываетъ

Послѣ атаки.

больше залитъ ею, чѣмъ тѣ хирурги, которые тутъ, въ дивизіонномъ лазаретѣ, работаютъ надъ ранеными.

И какой же крикъ шелъ изъ сосѣдней палаты: „Ваше высокоблагородіе! Ваше высокоблагородіе! — Подожди, братецъ, подожди, какой ты нетерпѣливый: еще плясать будешь, только подожди!“

Легко сказать „подожди“; и унтеръ, которому рѣзали ногу, не сдаваясь на приглашеніе ждать, продолжалъ кричать за двоихъ.

— Должно-быть, опять нѣтъ хлороформа, — замѣтилъ провожавшій меня докторъ, любезно пожелавшій на прощанье найти брата живымъ.

Уфъ! съ какимъ облегченіемъ я вздохнулъ, выходя изъ палатки. Когда, направляясь къ экипажу, я вынулъ изъ кармана захваченную со стола въ главной квартирѣ булку, чтобы заморить начавшаго возиться въ желудкѣ червячка, — нѣсколько рукъ потянулось къ хлѣбу, и, конечно, я роздалъ по кускамъ все, что было, пожалѣвъ, что было такъ мало и что пришлось только ввести въ охоту и маленькую зависть ничего не получившихъ.

Слѣдуя отъ перевязочнаго пункта по дорогѣ, я оставилъ въ сторонѣ довольно большой отрядъ нашъ, совершенно бездѣйствовавшій. Ружья были въ козлахъ, и солдаты либо прохаживались, либо сидѣли группами, прислушиваясь ко все болѣе и болѣе приближавшейся перестрѣлкѣ и шуму битвы, въ отрядѣ лѣваго фланга. Офицеры, съ биноклями въ рукахъ, слѣдили за сраженіемъ и оживленно перебрасывались замѣчаніями.

Перестрѣлкой, впрочемъ, несправедливо было назвать то, что раздавалось со стороны Скобелева: это была непрерывная, неумолчная трескотня ружейнаго огня, въ перемежку съ выстрѣлами и залпами изъ орудій. Протяжные крики „ура!“ и „Алла!“ сообщали что-то такое, за душу хватающее, всему этому военному грохоту.

На зеленыхъ горахъ я получилъ, наконецъ, положительное свѣдѣніе и о братьяхъ и о ходѣ боя.

— Правда ли, что ординарецъ генерала Скобелева Верещагинъ убитъ, — спросилъ я донского офицера.

— Правда, убитъ.

— Можно разыскать его тѣло?

— Невозможно; наши отступаютъ, и турки уже заняли вчерашнія позиціи — мѣсто, гдѣ Верещагинъ убитъ, давно въ турецкихъ рукахъ...

Ко мнѣ подошли старые знакомые, начальникъ штаба лѣваго фланга, полковникъ Паренцовъ и командиръ донского казачьяго полка Грековъ, подтверждавшіе невозможность добыть теперь тѣло убитаго.

— А Александръ Васильевичъ раненъ, — сказалъ Грековъ. —Вижу, скачетъ и кричитъ: „Грековъ, я раненъ!“ Должно-быть, не очень опасно!

Паренцовъ подвелъ меня къ своему принципалу, недавнему побѣдителю Ловчи, князю Имеретинскому, назвалъ и сказалъ о цѣли моего пріѣзда: розыска моихъ братьевъ, одного—убитаго, другого—раненаго.

Извѣстно, что при взятіи Ловчи князь предоставилъ все веденіе дѣла штурма Скобелеву, по окончаніи же, т.-е. по взятіи этихъ сильно укрѣпленныхъ редутовъ, упорно защищавшихся восьмитысячнымъ гарнизономъ, не затруднился представить своего храбраго и талантливаго помощника, какъ „героя дня“ штурма.

Говорили, что все сдѣлали Скобелевъ и Куропаткинъ, но чтобы такъ имъ довѣриться, а послѣ такъ признать заслуги, нужно было, по выраженію французовъ, „avoir quelque chose dans son sac“.

Уже много спустя я имѣлъ случай слышать отъ самого Имеретинскаго, почему онъ передалъ веденіе штурма Скобелеву.

— Я подошелъ,—разсказывалъ онъ,—подъ ловчинскіе редуты, съ приказаніемъ атаковать ихъ ночью, признаюсь, не имѣя никакого понятія ни о нихъ самихъ ни о мѣстности кругомъ. У меня было только впечатлѣніе того, что позиція непріятеля очень крѣпка и что дѣло будетъ трудное; но какъ идти на нее, съ какой стороны, — я не зналъ и могъ узнать, конечно, только на другой день рекогносцировкой подъ непріятельскимъ огнемъ. Въ это время является ко мнѣ Скобелевъ... „Князь! — говоритъ, — вы новичокъ въ этихъ мѣстностяхъ и, конечно, не знаете еще ни расположенія ни силъ непріятеля. Узнавать это вамъ придется теперь не иначе какъ съ большими потерями, а я давно все здѣсь изучилъ и ознакомленъ съ каждою пядью земли, съ каждою возвышенностью, знаю всѣ тропы, дороги и подступы; знаю дальность боя орудій, расположеніе траншей — довѣрьтесь мнѣ, дѣло пойдетъ скорѣе, ручаюсь вамъ за успѣхъ“. Я довѣрился и, признаюсь, не имѣлъ повода раскаиваться.

Нѣкоторыя другія подробности, разсказанныя при этомъ случаѣ о Скобелевѣ, не идутъ здѣсь къ дѣлу, хотя онѣ и въ высшей степени характерны для оцѣнки личности покойнаго богатыря.

Имеретинскій съ немногими офицерами сидѣлъ теперь около дороги и любезно пригласилъ присѣсть и закусить; признаюсь, голодъ заставилъ меня ничего не оставить отъ предложенныхъ полукурицы и вина!

— Ахъ! это тотъ самый молодой человѣкъ, котораго М. Д. еще вчера утромъ присылалъ ко мнѣ, — сказалъ князь, когда зашла рѣчь о цѣли моего пріѣзда на лѣвый флангъ. — Помню, помню; я слышалъ о немъ отъ Михаила Дмитріевича; какая жалость! Конечно, немыслимо теперь разыскивать его...

Дальше въ разговорѣ князь спрашивалъ: не видѣлъ ли я по дорогѣ войскъ, имъ на помощь.

— Я просилъ подкрѣпленія, мнѣ не съ чѣмъ драться!

— Здѣсь недалеко стоитъ отрядъ, но ружья въ козлахъ, и, повидимому, онъ никуда не намѣревается двигаться.

— А по дорогѣ не видно?

— Я ѣхалъ сюда по проселку наперерѣзъ, и, сколько могъ видѣть, по дорогѣ войскъ не было...

— Ну, такъ намъ будетъ плохо сегодня, очень плохо!

Какая въ это время шла перекатная трескотня со стороны битвы у Скобелева, и передать трудно; трескотня, все приближавшаяся, все болѣе и болѣе надвигавшаяся на зеленыя горы, гдѣ мы бесѣдовали.

На просьбы о помощи лѣвому флангу штабъ прислалъ только одинъ разбитый наканунѣ полкъ (Скобелевъ говорилъ мнѣ на другой день, что это былъ сильно порѣдѣвшій Шуйскій полкъ), такъ что не только не могло быть рѣчи о дальнѣйшемъ наступленіи со свѣжими силами на сосѣдній большой редутъ, какъ наканунѣ располагали, но вопросъ былъ уже только въ томъ: удастся ли отступить съ честью. И, дѣйствительно, наступавшіе во всѣ предыдущіе дни войска наши теперь отходили назадъ, отдавая одну за другою, съ такимъ трудомъ, съ такими потерями занятыя позиціи.

Что турки, нигдѣ въ этотъ день не безпокоимые, всею силою навалились на нашъ лѣвый флангъ, давно

уже имъ надоѣвшій своею безпокойною дѣятельностью, и наканунѣ дорвавшійся до позиціи подъ самымъ городомъ, — это понятно; но что вся наша армія, хорошо слышавшая громъ выстрѣловъ и понимавшая ихъ значеніе, не двигалась на эти выстрѣлы, это ужъ мало понятно и можетъ быть объяснено развѣ только упадкомъ духа послѣ признанной неудачи общаго штурма наканунѣ.

Я уже говорилъ выше, что это признаніе неудачи было недоразумѣніемъ изъ-за недостатка и невѣрности донесеній; въ сущности же, была настоящая военная удача, такъ какъ два изъ плевненскихъ редутовъ были взяты: на правомъ флангѣ—громадный Гривицкій редутъ, на лѣвомъ—хоть и меньшая по силѣ позиція, но зато стоявшая подъ самою Плевною, изъ которой хорошо подкрѣпленныя войска наши, безъ сомнѣнія, овладѣли бы сосѣднимъ большимъ редутомъ, вполнѣ повелѣвавшимъ и городомъ и защищавшею его арміею Османа-паши.

Скобелевъ говорилъ мнѣ на другой день, и я не имѣлъ основанія не вѣрить ему, что Османъ наказалъ таборамъ, посланнымъ отбивать редутъ,—названный послѣ „Скобелевскимъ“, — или выбить русскихъ, или приготовиться очищать городъ.

Одна полная дивизія, которую бездѣйствовавшая въ этотъ день армія легко могла отдѣлить для активной помощи лѣвому флангу, и умѣлая демонстрація въ двухъ другихъ мѣстахъ — и Плевна была бы взята въ послѣдній день августа 1877 года, такъ что не было бы послѣдующаго четырехмѣсячнаго сидѣнія, потребовавшаго напряженія силъ всего государства; не было бы занятія Босніи и Герцеговины; не было бы... да мало ли чего, вѣроятно, не было бы.

Фаталисты скажутъ, что случилось то, что должно было случиться и что исторія идетъ заранѣе намѣченнымъ путемъ, но я думаю иначе и полагаю, что если отдѣльныя личности и событія не въ силахъ измѣнить общій ходъ направленія цивилизаціи, то отклонять, задерживать или ускорять разрѣшеніе міровыхъ вопросовъ могутъ. Для отдѣльныхъ государствъ и для милліоновъ отдѣльныхъ личностей вліяніе выдающихся личностей и событій было, есть и, вѣроятно, долго еще будетъ очень велико.

Объ убитомъ братѣ мнѣ разсказали, что и на этотъ разъ, какъ всегда, онъ очень не берегъ себя и былъ убитъ наповалъ.

— Почему же не вынесли его тѣла: вѣдь казацкій конвой былъ съ нимъ?

— Гдѣ тутъ было выносить! они сами насилу ноги унесли.

Послѣ, однако, оказалось, что вытащить тѣло можно было, и своего брата, казацкаго офицера, вѣроятно, не покинули бы на поруганіе турокъ, успѣли бы перекинуть черезъ сѣдло, но тутъ палъ хотя и ординарецъ генерала, но все-таки чужой да еще штатскій, и осетины конвоя, нашедшіе время снять съ убитаго шапку, кинжалъ, бинокль и проч., тѣло его оставили.

Я подозрѣвалъ, что бравые горцы начисто обобрали моего малаго и сняли съ него все, такъ какъ такая операція всегда можетъ быть свалена на турокъ — но помалчивалъ. Однако, когда объявили, что золотые часы и револьверъ остались на убитомъ, я запротестовалъ, такъ какъ былъ увѣренъ, что подобныхъ сокровищъ осетинъ ни за что не покинетъ. Пришлось пригрозить розыскомъ, и сначала часы, а потомъ и револьверъ явились. Можно только представить себѣ, какъ трудно было бравому осетину разставаться съ подобными вещами, повидимому, самою судьбою ему посылаемыми!

Братъ мой Александръ, за два дня передъ тѣмъ пріѣзжавшій въ главную квартиру, говорилъ, какъ уже помянуто, что онъ не успѣлъ передать покойному о пожалованномъ государемъ знакѣ отличія военнаго ордена, а успѣлъ лишь сообщить мою настойчивую просьбу отослать ко мнѣ въ главную квартиру-палатку повозку и лошадей съ казакомъ.

— Хорошо, послѣ! — отрывисто отвѣтилъ на это покойный, сѣлъ на лошадь и поскакалъ по порученію Скобелева наблюдать и доносить о ходѣ дѣла на крайнемъ флангѣ.

Изъ нѣсколькихъ присланныхъ имъ за этотъ разъ записочекъ, Скобелевъ на другой день вынулъ изъ кармана и отдалъ мнѣ на память одну, которою сообщалось, что „турки наступаютъ, наше отступленіе совершается въ порядкѣ“; потомъ совсѣмъ каракульками, очевидно, въ большомъ спѣхѣ прибавлено: „порядка нѣтъ“.

Мысль о томъ, что послѣднія минуты убитаго брата были огорчены моимъ требованіемъ немедленной присылки всего дорожнаго скарба, хотя даннаго ему временно, но безъ котораго ему самому трудно было обойтись, а извѣстіе о вниманіи государя совсѣмъ не передано, отравляла мой покой. Больше того: не получая со времени возвращенія изъ госпиталя въ главную квартиру никакого отвѣта на мои требованія возврата своихъ вещей, я написалъ покойному братишкѣ не мало рѣзкаго и непріятнаго, чѣмъ теперь также казнился. Къ счастью, дипломатическій чиновникъ главной квартиры Немидовъ, завѣдывавшій дѣлами переписки, ошибся именемъ Верещагина на конвертѣ, и мои свирѣпыя посланія брату Сергѣю Васильевичу вручилъ Василію Васильевичу, т.-е. мнѣ; вышло, что мои упреки и выговоры покойному не дошли по назначенію, чему я былъ очень радъ теперь, когда приходилось сводить счеты съ совѣстью.

Казакъ осетинъ.

Распространяюсь объ этомъ обстоятельствѣ потому, что въ немъ повторяется старая, всѣмъ знакомая исторія нашей общей несправедливости къ людямъ, пока они живы, и раскаянія въ этомъ, когда они неожиданно отойдутъ въ вѣчность: кажется, воротись они къ жизни, мы повели бы себя относительно ихъ совсѣмъ иначе!..

Приходило также въ голову, что, можетъ-быть, братъ мой не убитъ, а только тяжело раненъ и оставленъ на полѣ битвы замертво!.. Фактъ, что наши осетины обшаривали, обыскивали и, вѣроятно, донага раздѣли его, ничего не говорилъ, потому что эти первобытные воины никогда не прочь пошарить у раненыхъ, если увѣрены, что тѣ не воротятся къ жизни и не потребуютъ отвѣта за... неделикатное обращеніе.

Разрѣшить это послѣднее сомнѣніе тогда же было невозможно; уже послѣ полковникъ Энгельгардтъ сказалъ мнѣ, что, зарывая мертвыхъ, онъ хорошо узналъ брата моего, „лежавшаго въ одной рубашкѣ“, и предалъ честному погребенію.

Такъ и не добившись пока никакого результата по моимъ розыскамъ, я поѣхалъ назадъ, прислушиваясь ко все приближавшейся пальбѣ и крикамъ сражавшихся. „Ура, ура-а!“ видимо, слабѣли и, напротивъ „Алла-а!“ все свирѣпѣли, торжествовали, надвигались. Вся русская армія слышала эти замиравшіе звуки „ура!“ и разраставшійся ревъ „Алла!“ догадывалась объ ихъ значеніи, но не двигалась на помощь и, съ ружьями въ козлахъ, слѣдила за неравнымъ боемъ, пока онъ не затихъ, пока нашихъ не смяли, прогнали, отняли все прежде взятое, пока „ура!“ не смолкло.

При обратномъ проѣздѣ перевязочнымъ пунктомъ, одинъ изъ уполномоченныхъ Краснаго Креста, Бокъ, сказалъ мнѣ, что братъ мой Александръ перевязанъ и отправленъ дальше.

— Куда?

— Кажется, въ Букарештъ, такъ какъ онъ уѣхалъ по направленію къ Систову, — что оказалось не вполнѣ вѣрно.

Я свернулъ съ большой дороги къ мѣсту расположенія генерала Зотова, такъ какъ хотѣлъ узнать, какая причина могла помѣшать прислать князю Имеретинскому подкрѣпленіе, о которомъ онъ такъ настойчиво просилъ, и кстати повидать одного товарища Пеллегрини, находившагося при генералѣ адъютантомъ.

Когда я обратился съ вопросомъ къ начальнику штаба полковнику Н., то получилъ въ отвѣтъ, что „послать подкрѣпленій нельзя, потому что войска нужны на мѣстѣ“.

— Да вѣдь на васъ не нападаютъ!

— А могутъ напасть; если нападутъ, съ чѣмъ мы будемъ отбиваться?!

Иначе, конечно, не разсуждали генералы Наполеона III, воздерживаясь отъ помощи сосѣду, пока нѣмцы душили ихъ одного за другимъ.

Я уже разсказывалъ гдѣ-то объ одномъ смѣшномъ случаѣ, котораго я былъ свидѣтелемъ за этотъ пріѣздъ въ штабъ генерала Зотова, однако, позволю себѣ здѣсь повторить его.

Кромѣ помянутаго начальника штаба и пріятеля моего, адъютанта генерала, въ палаткѣ былъ еще вольноопредѣляющійся гусарскаго полка Т., бывшій секретарь одного изъ большихъ посольствъ нашихъ, изъ-за хоро-

шаго французскаго языка прикомандированный къ штабу генерала, для письменныхъ сношеній съ главнымъ начальникомъ румынскимъ, княземъ Карломъ. Надобно сказать, что было холодно, голодно и сыро, моросилъ дождикъ, и въ лагерѣ не было огней, а слѣдовательно, и горячей пищи; впрочемъ, если бы и былъ огонь, то дѣло было бы не лучше, потому что врядъ ли нашлась бы какая-нибудь провизія.

Чуть ли не у Т. оказалась сохранившеюся *послѣдняя* жестянка консервированныхъ сосисокъ съ капустой, которую рѣшили, для моего пріѣзда, откупорить и раздѣлить. Признаюсь, я по примѣру П. тотчасъ же съѣлъ свою порцію. Но Н. и Т. захотѣли полакомиться, какъ слѣдуетъ: поставили жестянку со своими долями на спиртовую лампочку и, когда аппетитный паръ наполнилъ палатку, стали насъ поддразнивать:

— Ага! что? небось сожалѣете, что поторопились! Вотъ подождите, сейчасъ начнемъ ѣсть...

Въ эту минуту входное полотно палатки поднялось и въ двери показалось полное круглое, небритое лицо, въ огромныхъ темныхъ очкахъ, съ нахлобученной фуражкой.

— А! Господа! Да вы тутъ, я вижу, роскошествуете, — выговорило лицо, нюхая ароматный запахъ разогрѣвавшихся сосисокъ съ капустой.

— Ахъ! ваше превосходительство! пожалуйте! — вскрикнули офицеры, бросившись къ выходу.—Пожалуйте, ваше превосходительство; не прикажете ли закусить?

— Закусить не прочь, — проговорилъ генералъ Зотовъ, вдвигаясь въ палатку всею своею тучною, приземистою фигурою, — почему не закусить!

Онъ сѣлъ къ столу, ему придвинули тарелку, ножикъ, вилку и выложили все содержимое жестянки, которое, не разогнувшись, не проронивъ ни слова, онъ истребилъ безъ остатка.

Мы въ молчаніи слѣдили за операціей боевого генерала, и надобно было видѣть постныя, унылыя физіономіи обоихъ подчиненныхъ, все чаще и чаще переглядывавшихся за столомъ начальника, по мѣрѣ того какъ сосиски, одна за другою, исчезали въ его желудкѣ.

Какъ ни какъ, имъ пришлось, однако, принять видъ вполнѣ довольныхъ содѣяннымъ его превосходительствомъ,

когда, облизываясь и причмокивая, онъ выходилъ изъ палатки съ тѣми же словами, съ которыми вошелъ въ нее:

— Роскошествуете, господа, роскошествуете...

Зато же посмѣялись мы съ П. Онъ какъ разъ передъ этимъ разсказывалъ о скупости Зотова, котораго сильно не долюбливалъ:

— Подумай только, что мы столуемся артельно, и всѣ платимъ тѣ же деньги 20 руб. въ мѣсяцъ, но столомъ пользуемся далеко не одинаково: у насъ гостей почти не бываетъ, а у него они постоянно, такъ что иногда намъ подаютъ отдѣльно, конечно послѣ него, объѣдки!

Воротившись въ главную квартиру, я къ великому удивленію нашелъ на заваленкѣ своей хижины раненаго брата Александра, которому Струковъ и другіе знакомые старались всячески облегчить положеніе.

Случайное мое предсказаніе малому, когда онъ уѣзжалъ отъ меня наканунѣ штурма, сбылось вполнѣ, такъ какъ, дѣйствительно, его не убили, а только ранили и рана хорошо зажила потомъ: пуля засѣла около пятки, между костью и сухожиліемъ, и ее легко извлекли.

— Точно я предчувствовалъ, что твои слова сбудутся, — говорилъ онъ мнѣ. — Все время держался около Скобелева съ той стороны, съ которой было меньше опасности, чтобы если ударило, такъ его, а не меня... Но не выгорѣло; пуля прошла съ одной стороны на другую, черезъ животъ моей лошади, и во мнѣ засѣла...

Юноша порядочно упалъ духомъ отъ боязни остаться навѣкъ калѣкой, и пришлось разувѣрять его, утѣшать тѣмъ, что еще потанцуемъ!

Хваля помощь врачей и сестеръ милосердія, братъ жаловался на порядки обращенія съ ранеными санитаровъ и не мало насмѣшилъ разсказомъ о томъ, какъ ему удалось-таки сорвать свою наболѣвшую досаду на одномъ изъ нихъ. „Это былъ особенно нахальный не только съ нижними чинами, но и со мной, офицеромъ; увѣренный, что съ раненой ногой я не смогу добраться до него и задать ему выучку, онъ не обращалъ вниманія на всѣ мои просьбы, такъ что я пустился на хитрость: „Приди, пожалуйста, сюда!“ — „Чего вамъ?“ — „Приди на минутку, сдѣлай одолженіе“, — „Да, что вы, Господи! Чего вамъ нужно?“ — Однако, подошелъ. —

„Нагнись, пожалуйста, ко мнѣ поближе...“ — И только онъ нагнулся, какъ я его *бацъ!*“.

Пришлось поступиться моею колясочкою, и я приказалъ кучеру-румыну, давно ужъ порывавшемуся бѣжать изъ этой юдоли печали, ранъ и смерти, приготовиться къ поѣздкѣ черезъ Дунай. Экипажъ приладили, наложили подушекъ и отправили раненаго въ Бухарестъ, въ тотъ самый госпиталь Бранковало, изъ котораго я незадолго передъ тѣмъ выписался, на попеченіе тѣхъ же знакомыхъ смотрителя и докторовъ.

На другой день главнокомандующій со всей главной квартирой ѣздилъ на осадную батарею, гдѣ держался военный совѣтъ и былъ серьезно поднятъ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли при обстоятельствахъ снять осаду Плевны?

Мы стояли поодаль, пока важные люди засѣдали за большимъ столомъ на досчатыхъ скамейкахъ. Несмотря на то, что никто не высказывалъ малодушія, чувствовалось уныніе отъ неудачи, хотя, повторяю, въ сущности, была не неудача, а положительный успѣхъ, который въ болѣе умѣлыхъ рукахъ, чѣмъ господъ Л. и Н., безъ сомнѣнія, обратился бы въ быстрое и полное завершеніе дѣла.

На совѣтѣ рѣшено было вытребовать изъ Россіи большія подкрѣпленія и между ними всю гвардію, а также генерала Тотлебена, въ ожиданіи же ихъ продолжать теперешнюю неполную осаду. Говорили, что помянутый злосчастный Л., первый, какъ младшій, подалъ голосъ за то, чтобы оставаться, — спасибо и на томъ, что не посовѣтовалъ отступить, такъ какъ и этого можно было ожидать отъ такого самонадѣяннаго, всезнающаго, непогрѣшимаго человѣка.

Пока длилось засѣданіе, мы наблюдали за дѣйствіемъ осадныхъ орудій, посылавшихъ на непріятельскіе редуты громадные разрывные снаряды. Увѣряли, что каждый выстрѣлъ стоилъ 300 руб., и, признаюсь, что послѣ, по взятіи Плевны, я съ особеннымъ любопытствомъ пересчитывалъ гигантскіе снаряды этой батареи, большею частію неразорванными зарывшіеся въ землю около редутовъ; 300 руб., еще 300 руб., еще 300, еще, еще... Всѣ — выброшенные на вѣтеръ. Кромѣ того, случалось, что эти снаряды разрывались тотчасъ по выходѣ изъ орудій, надъ головами стрѣлявшихъ — поистинѣ стрѣльба съ сюрпризами.

8*

Я радъ былъ встрѣтиться съ молодымъ Скобелевымъ, подошедшимъ ко мнѣ по окончаніи совѣта: со слезами на глазахъ вспоминалъ онъ о братѣ Сергѣѣ и объ услугахъ, имъ оказанныхъ: „Онъ очень, очень былъ полезенъ мнѣ“, — повторялъ М. Д., видимо желая смягчить горе потери, но я попросилъ лучше прекратить разговоръ о покойномъ; мнѣ думалось, признаюсь, что сожалѣніе — сожалѣніемъ, а не мѣшало бы въ свое время поменьше „запрягать“ малаго, которому, благо онъ былъ волонтеръ и дѣлалъ все охотно, не отлынивая буквально ни днемъ ни ночью, не было покоя отъ нервнаго, безпокойнаго и не всегда справедливаго принципала.

Бравый Харановъ, — другой ординарецъ Скобелева, — признавался, что, хотя и ему и прочей молодежи, окружавшей генерала, доставалось опасной работы, братъ мой былъ рѣшительно козломъ отпущенія — день и ночь изъ палатки генерала раздавался крикъ: „позвать Верещагина!“ Это значило, что есть особенно рискованное порученіе; вслѣдъ за тѣмъ всегда слышно было другое приказаніе: „Иванъ, лошадь живо!“

— Вѣрьте мнѣ, — говорилъ Х., — это былъ герой, и мы прямо дивились его храбрости и хладнокровію: онъ просто не зналъ, что такое опасность!

И отъ Х. и отъ многихъ другихъ я слышалъ, что Скобелевъ крѣпко обрушился разъ на брата моего, за нѣсколько дней до смерти послѣдняго, за то, что онъ яко бы завелъ Калужскій полкъ дальше, чѣмъ ему было приказано, и тѣмъ подвергъ его опасности и потерямъ. Но изъ многихъ разспросовъ у очевидцевъ дѣла я хорошо узналъ, что это былъ вздоръ. Оказалось, какъ всѣ очевидцы утверждали мнѣ, что братъ мой не только выполнилъ данное ему порученіе, но изо всѣхъ силъ старался помѣшать самовольному движенію солдатъ впередъ, на ура! Когда полкъ возвратился назадъ ощипаннымъ, полковой командиръ, не желая винить своихъ людей, доложилъ Скобелеву, что виною былъ „его ординарецъ“, и вспыльчивый генералъ тутъ же обрушился на моего, ни въ чемъ неповиннаго брата [1]).

---

[1]) С. увѣрялъ меня, что видѣлъ брата моего скачущимъ за Калужскимъ полкомъ и кричащимъ: «Калужцы, стой! стой!» Еще недавно я получилъ письмо отъ одного изъ офицеровъ-очевидцевъ, вызванное моею замѣткою объ этомъ случаѣ, предлагавшаго свое свидѣтельство о полной корректности поведенія брата Сергѣя.

Скобелева на военномъ совѣтѣ рѣшено было произвести, за особенное отличіе, въ генералъ-лейтенанты и дать ему 16-ю дивизію; кромѣ того, онъ отпросился, до времени подхода войскъ изъ Россіи и начала рѣшительныхъ операцій вокругъ Плевны, въ отпускъ въ Бухарестъ отдохнуть, т.-е. покутить.

Мнѣ послѣ помянутаго военнаго совѣщанія и еще въ виду всѣхъ участниковъ его М. Д. крѣпко жаловался...

— Представьте себѣ, В. В., художника, — гадливо говорилъ онъ, — накладывающаго на холстъ разныя краски: красную, синюю, бѣлую, зеленую, накладывающаго долго, старательно, — но изъ этого накладыванія ничего не выходитъ, такъ и тутъ...

Когда я замѣтилъ, что онъ долженъ быть доволенъ производствомъ въ генералъ-лейтенанты, М. Д. сердито отвѣчалъ:

— Чѣмъ тутъ быть довольнымъ: я былъ въ свитѣ, а теперь потерялъ аксельбанты...

Производство это, безъ назначенія генералъ-адъютантомъ, долго лежало у него на душѣ до самаго того дня, когда ему была оказана эта государева милость.

Послѣ принятаго рѣшенія прекратить активную дѣятельность противъ Плевны и ограничиться, до времени прихода подкрѣпленія, пассивной, главнокомандующій уѣхалъ изъ Парадима и перенесъ оттуда главную квартиру. Я остался пока, такъ какъ съ лишеніемъ себя колясочки, сѣвши въ сѣдло, растравилъ опять свою рану и долженъ былъ на нѣкоторое время ограничить передвиженія хроманіемъ по окрестностямъ. Я поставилъ полученную, наконецъ, съ лѣваго фланга палатку свою на то мѣсто, гдѣ стояла кибитка его высочества, и расположилъ кругомъ повозку и лошадей, послѣ службы у брата моего донельзя захудалыхъ и загнанныхъ.

Присланныя также вещи покойнаго были наполовину растасканы; разные жилеты, брюки, сапоги оказались надѣтыми казакомъ, увѣрявшимъ, что „покойничекъ“ подарилъ ихъ ему; приборъ лошади съ нагайкой и другими вещами нашлись въ сумкахъ того же вѣрнаго драбанта — обыкновенная исторія расхищенія наслѣдства „холостяка“.

Въ первую же ночь моего одинокаго пребыванія тутъ, не успѣлъ я заснуть, какъ послышалась живая, непрерывная пальба со стороны Гривицы.

„Турки пошли отбивать ее“, подумалъ я и не могъ уснуть, пока дробь выстрѣловъ не прекратилась и не стало извѣстно, что атака турокъ отбита.

Непріятнымъ сюрпризомъ войскамъ былъ огонь турокъ изъ сосѣдняго съ Гривицею редута, который сначала, когда брали ту послѣднюю, вовсе не былъ замѣченъ; тѣмъ непріятнѣе теперь было убѣдиться въ возможности быть обстрѣливаемыми оттуда. Рѣшено было взять этотъ второй редутъ; атаковать вызвались румыны, а наши должны были демонстрировать. Я былъ сначала съ демонстрированными частями, а потомъ наблюдалъ за движеніемъ румынъ и имѣлъ при этомъ

Моя хата въ Парадимѣ.

случай еще разъ убѣдиться въ томъ, что офиціальныя донесенія обыкновенно не передаютъ дѣйствительности.

Напр., хорошо видно было, что румынскія войска, кромѣ нѣсколькихъ смѣльчаковъ, дошли лишь до рвовъ редута, въ которыхъ и засѣли; когда же навѣсный огонь сталъ выживать ихъ оттуда, сначала одиночками, потомъ дружно, вмѣстѣ, они побѣжали назадъ. Въ офиціальномъ же донесеніи было сказано потомъ, что румыны ворвались въ редутъ, но, встрѣтивъ численное превосходство, принуждены были отступить.

...Случайно я натолкнулся въ Парадимѣ на извѣстнаго американскаго корреспондента газеты „Daily News“ Макъ-Гахана, одного изъ непосредственныхъ виновниковъ войны за болгаръ, притѣсненія и рѣзню которыхъ онъ такъ трогательно и живо описалъ въ свое время. Первый разъ я встрѣтился съ нимъ по приходѣ нашей арміи на Дунай, гдѣ, какъ сказано уже въ Бухарестѣ, на обѣдѣ,

устроенномъ старикомъ Скобелевымъ, сынъ его М. Д. представилъ М. Г., какъ своего стараго друга.

Старикъ Скобелевъ называлъ этого корреспондента, какъ и всѣхъ другихъ, „проходимцемъ“, но мнѣ онъ и тогда и послѣ казался скромнымъ, правдивымъ человѣкомъ и хорошимъ товарищемъ. М. Г., безспорно, симпатизировалъ русскимъ въ отличіе почти отъ всѣхъ другихъ писавшихъ въ иностранныя газеты; извѣстный Форбсъ, напр., прикидывался сочувствующимъ намъ до тѣхъ поръ, пока былъ въ районѣ дѣйствія арміи, но скинулъ маску тотчасъ же, какъ только выбрался на просторъ.

Очень немногіе знали, что Макъ-Гаханъ женатъ на русской, Елагиной, изъ Тулы, и самъ онъ старательно

Болгарская хата.

скрывалъ это обстоятельство, дабы не подрывать въ Европѣ и Америкѣ вѣры въ свои сообщенія.

Главнокомандующій, впрочемъ, зналъ это, почему къ этому корреспонденту относились съ большею снисходительностью, чѣмъ къ другимъ.

Какъ всѣ корреспонденты большихъ англійскихъ и американскихъ газетъ, Макъ-Гаханъ ѣздилъ за арміею съ большимъ комфортомъ. Кромѣ верховыхъ лошадей для него, его помощника и прислуги, у него всегда была идеально устроенная повозка, на колесахъ — лѣтомъ, на полозьяхъ — зимой, заключавшая въ себѣ рѣшительно все: отъ кладовой для провизіи и вина до удобно раскидывавшагося ложа для спанья.

На этотъ разъ, однако, повозка была уже отправлена, и я застигъ корреспондента въ ужасномъ положеніи: въ грязной дымной болгарской хатѣ онъ валялся безъ

самаго необходимаго съ больной, скорченной ногой, которой онъ не могъ расправить. Только что поднявшись съ постели послѣ полома ноги, онъ вздумалъ объѣзжать какую-то маленькую туземную лошаденку и, сброшенный ею, разбилъ опять ту же самую ногу!

Я засталъ его блѣднаго, больного, въ лихорадкѣ отъ боли и потрясенія и перетащилъ было въ свою бывшую хату, когда подоспѣвшій князь Цертелевъ, одинъ изъ близкихъ друзей американца, распорядился переправить его въ Бухарестъ.

Жаль было также узнать о томъ, что около Гривицкаго редута жестоко и, главное, совершенно безполезно пострадалъ очень бравый офицеръ, полковникъ Вульфертъ, тотъ самый, о которомъ я упоминалъ, какъ о членѣ георгіевской думы, давшей отличіе Скрыдлову и Струкову.

Тесть извѣстнаго Черняева, бывшаго женатымъ на его сестрѣ, онъ отличился еще въ Ташкентѣ, на стѣну котораго взошелъ первый при штурмѣ. Это былъ хладнокровный, храбрый, разсудительный офицеръ, послѣ отнятія у старика Скобелева командованія казачьею дивизіею, въ которой онъ имѣлъ бригаду, состоявшій при главной квартирѣ. Отъ нечего дѣлать онъ отправился на Гривицкій редутъ, откуда только что цѣлыми и невредимыми возвратились старикъ кн. Суворовъ и нѣкоторые другіе.

В., однако, не повезло; и бѣлая ли бурка, которую онъ постоянно носилъ, или просто „кизметъ", т.-е. судьба, предали его, только онъ получилъ пулю въ плечо.

Нѣсколько лѣтъ спустя, я встрѣтилъ его въ Москвѣ, сначала съ рукой на перевязи, потомъ—вовсе безъ руки и, наконецъ, услышалъ, что онъ умеръ (застрѣлился).

Разсказы его самого о томъ, что надъ нимъ продѣлали не столько пуля, сколько разные хирурги, граничатъ съ невѣроятнымъ: тамъ-то такая-то медицинская знаменитость сдѣлала ему операцію, послѣ которой боли не уменьшились, а усилились; въ столицѣ другая знаменитость сдѣлала другую операцію, къ несчастью, съ такимъ же результатомъ, т.-е. съ новымъ усугубленіемъ болей. И такъ нѣсколько разъ!

Наконецъ, рука его стала сохнуть, и прежде ли удружившая знаменитость или еще новая посовѣтовала

сразу расквитаться со всѣми болями, отрѣзавши руку по локоть. Такъ какъ боли остались тѣ же, то вскорѣ затѣмъ руку вылущили въ самомъ плечѣ.

Когда и это не помогло и боли стали расходиться дальше, В. застрѣлился. Не утверждаю, не зная навѣрное, что онъ дѣйствительно самъ наложилъ на себя руки, но, припоминая разсказъ В. и его характеръ, не считаю этого невозможнымъ.

Послѣ уступки колясочки раненому брату, я очутился на своихъ на двоихъ и на сѣдлѣ — и то, и другое было нехорошо для моей раны, еще далеко не зажившей. Она воспалилась по всѣмъ правиламъ съ трудомъ начавшей гранулироваться, но снова растроганной больной ткани; мнѣ совѣтовали даже снова лечь въ госпиталь, но я рискнулъ не ложиться и пара дней болѣе спокойнаго житья въ палаткѣ снова поворотила дѣло на заживленіе, тогда какъ пребываніе въ лазаретѣ, даже и барачномъ, могло бы имѣть серьезныя послѣдствія отъ опасности заразы.

Ничего такъ не рекомендовали мнѣ, при выпускѣ изъ бухарестскаго госпиталя, какъ избѣгать общенія съ заразными больными, особенно тифозными,—а въ какомъ пунктѣ для больныхъ и раненыхъ ихъ не было? Еще здоровые, благодаря постоянной напряженности нервовъ могутъ не заражаться, но организмъ, ослабленный раной, тотчасъ поддается и свертывается.

Какъ только моя рана опять поджила, я сѣлъ на лошадь и отправился на Шипку, о которой въ послѣднее время такъ много говорили и въ частныхъ, и въ военныхъ кругахъ.

Наслышавшись о торжественныхъ пріемахъ нашихъ войскъ въ городахъ и селеніяхъ, по всей дорогѣ, мнѣ странно было встрѣтить столько сосредоточенности, сдержанности, прямо недоумѣнія со стороны жителей; на ночлегъ пускали неохотно, получить кормъ себѣ и лошади было трудновато, послѣ долгихъ просьбъ и торга. Причина многихъ недоразумѣній крылась, конечно, въ разницѣ характеровъ сѣверныхъ и южныхъ славянъ — насколько первые, русскіе и поляки, напримѣръ, экспансивны, сообщительны, откровенны, на столько же вторые сдержанны и себѣ на умѣ.

Съ самаго начала сильно увлекшись, по обыкновенію, дѣломъ освободительной войны, мы рѣшили спасать,

такъ спасать во всю: казаки стали спасать отъ бѣгавшей и летавшей живности, молодые военные не прочь были спасать отъ старыхъ угрюмыхъ мужей. Удивлялись, что пылъ восторженныхъ пріемовъ скоро стихалъ, и даже за угощеніе начинали просить расплаты, неблагодарные! Что за черствость! за всякую провизію и фуражъ требуютъ деньги, да еще не малыя, лихвенныя, а женщины просто чуть не отвертываются отъ красавцевъ-спасителей.

Нѣтъ сомнѣнія, что представленіе наше о положеніи болгаръ передъ войной было ошибочное. Если бы въ высшихъ школахъ нашихъ преподаваніе велось не поверхностно, шаблонно, только для выполненія программы, а консульства наши, не строя изъ себя дипломатовъ, занимались собираніемъ свѣдѣній объ экономическомъ положеніи народонаселеній, то мы знали бы, что болгары живутъ несравненно зажиточнѣе русскихъ и что стѣсненіе ихъ политической свободы въ значительной степени выкупается обезпеченностью въ матеріальномъ, если можно выразиться, въ хлѣбномъ отношеніи, чего нельзя сказать о большей половинѣ Россіи.

У меня и въ мысляхъ нѣтъ не только восхвалять, но даже оправдывать излишества турецкаго режима, понимающаго право покорителя въ старомъ, средневѣковомъ его смыслѣ и дозволяющаго себѣ пускать въ ходъ очень сильныя средства усмиренія строптивыхъ, до поголовной рѣзни включительно.

Но, помимо того, что средства, практикуемыя англичанами, справедливо ставимыми во главѣ цивилизаціи, нисколько не лучше, не гуманнѣе, надобно сказать, что болгары, справедливо рвавшіеся воротить свою политическую свободу, вели постоянные, неустанные заговоры противъ турецкаго владычества, заговоры далеко не платоническіе, такъ какъ, время-отъ-времени, то тутъ, то тамъ проявлялись серьезныя броженія и даже вспыхивали возстанія.

Современная цивилизація скандализировалась, главнымъ образомъ, тѣмъ, что турецкая расправа производилась близко, въ Европѣ, а затѣмъ, и средства совершенія звѣрствъ черезчуръ напоминали тамерлановскія времена: рубили, перерѣзали горло, точно баранамъ.

Иное дѣло у англичанъ: во-первыхъ, они творили дѣло правосудія, дѣло возмездія за попранныя права

побѣдителей, далеко, въ Индіи; во-вторыхъ, дѣлали дѣло грандіозно: сотнями привязывали возмутившихся противъ ихъ владычества сипаевъ и не сипаевъ къ жерламъ пушекъ и безъ снаряда, однимъ порохомъ, разстрѣливали ихъ — это уже большой успѣхъ противъ перерѣзыванія горла или распарыванія живота.

Все это дѣлалось, конечно, такъ, какъ принято у цивилизованныхъ народовъ, безъ суеты, безъ явно высказываемаго желанія поскорѣе лишить жизни несчастныхъ. Что дѣлать! печальная необходимость: они преступили законъ и должны искупить вину, никто не долженъ быть внѣ закона. Можно было бы, положимъ, переложить гнѣвъ на милость, отмѣнить казнь, замѣнить ее пожизненнымъ заключеніемъ, тѣмъ болѣе, что христіанская религія говоритъ прямо: „не убій". Но то теорія, а это практика, въ которой, для предотвращенія еще большихъ несчастій, надобно дѣйствовать устрашеніемъ. Къ тому же, въ pendant къ вышеупомянутому „не убій", есть нѣчто другое „око за око, зубъ за зубъ", исходящее тоже изъ весьма почтеннаго и авторитетнаго источника и имѣющее преимущество быть болѣе практичнымъ. Значитъ, совѣсть могла быть почти спокойна; что же касается немедленныхъ результатовъ, то они отъ суровыхъ, но справедливыхъ мѣръ прямо благодѣтельны.

Въ самомъ дѣлѣ, иновѣрцы, азіяты, особенно меланхолики-южане, какъ-то равнодушно относятся къ жизни, и смерть отъ руки завоевателей-христіанъ считаютъ чуть ли не благословеннымъ дѣломъ, во всякомъ случаѣ, далеко не дурнымъ, въ видахъ устройства будущей жизни. Тамъ, думаютъ они, согласно своимъ міросозерцанію и религіозному ученію, за насильственную смерть и отъ руки палача-побѣдителя неизбѣжно слѣдуетъ награда: вѣчное житье въ раю блаженныхъ. Рай у разныхъ народовъ представляется различно, но всѣ сходятся въ томъ, что тамъ будутъ вѣчно наслаждаться и это наслажденіе, навѣрно, можно получить, принявши смерть отъ ненавистнаго покорителя иноземца — чего же лучше!

Смерти этой они не боятся и казнь ихъ не страшитъ; но чего они избѣгаютъ, чего боятся, такъ это необходимости предстать передъ высшимъ Судьею въ неполномъ, истерзанномъ видѣ безъ головы, безъ рукъ, съ недостаткомъ членовъ, а это, именно, не только

вѣроятно, но даже неизбѣжно при разстрѣливаніи изъ пушекъ.

Повторяю — все дѣлается методично, по-хорошему: пушки, сколько ихъ случится числомъ, выстраиваются въ рядъ, къ каждому дулу не торопясь подводятъ и привязываютъ за локти по одному болѣе или менѣе преступному индійскому гражданину, разныхъ возрастовъ, профессій и кастъ и, затѣмъ, по командѣ, всѣ оружія стрѣляютъ разомъ.

Замѣчательная подробность: въ то время, какъ тѣло разлетается на куски, всѣ головы, оторвавшись отъ туловища, спирально летятъ кверху. Естественно, что хоронятъ потомъ вмѣстѣ, безъ строгаго разбора того, которому, именно, изъ желтыхъ джентльменовъ принадлежитъ та или другая часть тѣла. Это обстоятельство, повторяю, очень устрашаетъ туземцевъ, и оно было главнымъ мотивомъ введенія казни разстрѣливаніемъ изъ пушекъ, въ особенно важныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, при возстаніяхъ.

Европейцу трудно понять ужасъ индійца высокой касты, при необходимости только коснуться собрата низшей, онъ долженъ, чтобы не закрыть себѣ возможности спастись, омываться и приносить жертвы послѣ этого безъ конца. Ужасно ужъ и то, что при современныхъ порядкахъ приходится, напримѣръ, на желѣзныхъ дорогахъ сидѣть локоть о локоть со всякимъ, а тутъ можетъ случиться, ни больше, ни меньше, что голова брамина о трехъ шнурахъ ляжетъ на вѣчный покой около позвоночника паріи — бррр! Отъ одной этой мысли содрогается душа самаго твердаго индуса!

Говорю это очень серьезно, въ полной увѣренности, что никто изъ бывшихъ въ тѣхъ странахъ или безпристрастно ознакомившійся съ ними по описаніямъ, не будетъ противорѣчить мнѣ.

Къ чести свободы, существующей въ Англіи, я долженъ сказать, что, когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я выставилъ въ Лондонѣ мою большую картину, представляющую „Разстрѣливаніе изъ пушекъ въ Индіи", между голосами, осуждавшими замыселъ картины, были и оправдывавшіе его. Критиковали то, что каски англійскихъ артиллеристовъ были болѣе новаго противъ 1858 года образца, на что я отвѣчалъ, что полотно мое представляетъ не именно 57—58 годъ, а вообще, интересный

историческій фактъ; что позднѣе было еще небольшое возстаніе въ туземныхъ войскахъ южной Индіи, и тогда было практиковано это наказаніе, хотя въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, по числу жертвъ.

Одинъ старый англійскій чиновникъ, уже отдыхавшій на пенсіи, громко, публично сказалъ мнѣ, что картина моя представляетъ величайшую клевету, съ которою онъ когда-либо встрѣчался.

На мое же замѣчаніе, что это не клевета, а безспорный историческій фактъ, онъ отвѣтилъ, что „служилъ въ Индіи 25 лѣтъ, но ни о чемъ подобномъ не слышалъ“.

— Однако, вы можете найти подробныя описанія во многихъ книгахъ.

— Всѣ книги врутъ, — невозмутимо отвѣтилъ британецъ.

Очевидно, продолжать споръ было безполезно.

Сэръ Ричардъ Темпль, извѣстный дѣятель и знатокъ Индіи, сказалъ мнѣ, что напрасно я придалъ удрученный видъ одному изъ привязанныхъ къ жерлу пушки.

— Я многократно присутствовалъ при этой казни, — говорилъ онъ, — и могу васъ завѣрить, что не видалъ ни одного, который не бравировалъ бы смертью, не держался бы вызывающе...

Пріятель мой, генералъ Ломсденъ, молодымъ человѣкомъ участвовавшій въ войнѣ сипаевъ и отправившій на тотъ свѣтъ пушками множество темнолицыхъ героевъ, на вопросъ мой, сталъ ли бы онъ опять такъ расправляться, если бы завтра вспыхнуло возстаніе, — не задумываясь, отвѣчалъ:

— Certainly! and without delay! (Конечно! и немедленно же). Значитъ и подъ этой моей картиной нужно подписать: сегодня, какъ вчера и какъ завтра...

За послѣдующую выставку въ Лондонѣ былъ такой случай. Какой-то почтенный господинъ съ дамой, старушкой же, посмотрѣвъ на фотографическое воспроизведеніе этой картины, подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Позвольте мнѣ представиться, general so and so! (забылъ его имя). Представляюсь вамъ, какъ первый, пустившій въ ходъ это наказаніе; всѣ послѣдующія экзекуціи, — а ихъ было много, — были взяты съ моей.

Старушка-жена подтвердила слова мужа и оба они такъ, видимо, были довольны этою славною инициативою,

когда то проявленною, что я и пріятель мой, французскій художникъ, при этомъ присутствовавшій, были просто поражены ихъ наивнымъ хвастовствомъ!

Послѣ этого большого отступленія отъ сравнительнаго варварства къ сравнительной цивилизаціи, возвращаюсь къ дорогѣ на Шипку и къ нашимъ утрированнымъ представленіямъ о жестокостяхъ турокъ въ 1876—1877 году.

Талантливый корреспондентъ „Daily News“ Макъ-Гаханъ, обангличанившійся американецъ, очевидно, не видавшій настоящей азіятской рѣзни, съ милліонами жертвъ и рѣшительно поголовнымъ истребленіемъ не одной деревни или области, а огромнаго числа городовъ и областей, объявилъ, что „свѣтъ не видѣлъ еще ничего подобнаго по дикости и разнузданности“; онъ представилъ болгаръ забитыми, несчастными, вѣчно полуголодными, живущими постоянно подъ опасностью лишиться не только всего добра, но самаго живота...

Европа и Россія, конечно, прежде другихъ содрогнулись — откуда уже было недалеко до перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай. Велико было, однако, удивленіе нашихъ войскъ, когда они нашли всюду сравнительное довольство, благосостояніе, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше чистоту, порядокъ въ домахъ, особенно городскихъ, полныя житницы, закромы, набитые всякимъ добромъ! Невольно явилась и стала высказываться мысль, что мы напрасно „кроемъ чужую крышу, когда своя хата течетъ...

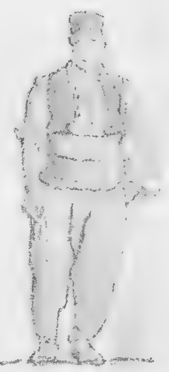
Сладость освобожденія отъ турецкихъ чиновниковъ-взяточниковъ, вызвавшая первые восторги, тотчасъ, говорю, смѣнилась сдержанностью и недовѣріемъ, какъ только выраженія симпатій и дружбы стали сопровождаться шареньемъ въ чердакахъ и подвалахъ, самовольною косьбою сѣна и хлѣбовъ, вскрытіемъ запасовъ про черный день и т. п. Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, отношенія обострялись обвиненіями, съ одной стороны, въ тупости и неблагодарности, съ другой — въ излишней вольности, по всѣмъ частямъ...

Постоянно всѣмъ, вѣроятно, приходилось видѣть, что даже офицерскія квартиры въ уютныхъ городскихъ домахъ, безукоризненной чистоты и опрятности, — плюнуть негдѣ, жаловались наши, — черезъ нѣсколько часовъ обращались въ настоящіе вертепы безпорядочности и

грязи, все заплевывалось, покрывалось обломками, объѣдками, окурками... Не успѣетъ хозяйка дома прибрать за ушедшими постояльцами, снова все уцѣлѣвшее разставить по мѣстамъ, вышаркать полы, постлать неизбѣжные половички и пр., какъ новое нашествіе повергало опять все въ прахъ.

Обратная, хорошая сторона нашихъ: незлобивость, добродушіе, откровенность, рѣшительно не были оцѣнены непривычными къ такимъ качествамъ въ управителяхъ болгарами, хотя и продолжавшими называть насъ „братушками", но смотрѣвшими нехорошо, исподлобья, совершенно замкнувшимися отъ насъ въ своихъ тѣсныхъ, набитыхъ ребятами конурахъ.

После, Стамбуловъ, именно на чертѣ нашей разнузданности, разыгралъ свой эгоистическій, противъ ожиданія такъ долго тянувшійся фарсъ. Врядъ ли онъ и его послѣдователи серьезно вѣрили въ намѣреніе русскихъ прибрать ихъ къ рукамъ, но, видя разгулъ нашей широкой натуры, указали на него своимъ, по своему истолковали его и воспользовались произведеннымъ впечатлѣніемъ.

Болгаринъ.

Надобно прибавить еще неувѣренность, бывшую у болгаръ въ томъ, что на этотъ разъ русскіе братушки доведутъ дѣло освобожденія отъ господства турокъ до конца и что снова не случится того, что бывало послѣ прежнихъ нашихъ войнъ съ турками, когда заключивши болѣе или менѣе выгодныя условія для себя и выговоривши на бумагѣ забвеніе винъ для всѣхъ туземцевъ, зарвавшихся въ дѣлѣ оказанія помощи нашимъ войскамъ и сопротивленія своимъ — мы уходили, фактически предавая нашихъ сторонниковъ гнѣву и ярости турокъ, вымѣщавшихъ свое безсиліе передъ нами на нихъ, ихъ семьяхъ, ихъ имуществахъ.

Можно навѣрное сказать, что, несмотря на всѣ наши увѣренія въ томъ, что турки на этотъ разъ будутъ окончательно лишены власти надъ страной, — особенно, когда первые успѣхи наши смѣнились неудачами, — Болгары побаивались, по старому опыту, что опять дѣло не дойдетъ до этого и имъ придется ограничиться реформами турецкаго образца.

Понятно, какъ это недовѣріе должно было отражаться на всѣхъ мелочахъ ежедневныхъ отношеній, особенно при добродушно дерзкой несдержанности нашего языка: „подлецъ, такой-сякой" нерѣдко слышались въ обращеніи спасителей къ спасаемымъ.

Извѣстенъ разсказъ Ѳ., наказного атамана донскихъ казаковъ, о томъ, какъ, встрѣтивши въ какомъ-то захолустномъ углу казачка на пикетѣ, онъ обратился къ нему съ вопросомъ: чѣмъ онъ тутъ питается?

Молчаніе.

— Что жъ ты не отвѣчаешь?

Молчаніе.

— Да что ты, глухъ, что ли?

— Стараюсь, ваше превосходительство! — выпалилъ, наконецъ, воинъ.

„Беру, что плохо лежитъ", — нужно перевести это.

Извѣстенъ также отвѣтъ казака офицеру, выговаривавшему ему за то, что онъ гоняется за хозяйскими гусями.

— Это дикіе, ваше высокоблагородіе!

И это не выдумка. „Что твое — мое" широко практикуется казаками въ чужой странѣ и они твердо увѣрены, что такъ должно быть, „что такъ устроено самимъ Богомъ и волтеріанцы напрасно возстаютъ противъ того".

Передъ самымъ Тырновымъ я поднялся къ монастырю, расположенному на одномъ изъ утесовъ ведущаго къ городу ущелья. Можно сказать, только слава, что монастырь, послѣ нашихъ обширныхъ и людныхъ построекъ этого рода.

Нѣсколько старцевъ-монаховъ безстрастно шамкали блѣдными губами слова молитвы, безстрастно же показали все ихъ нехитрое и мало замѣчательное съ археологической стороны устройство. Всего интереснѣе были они сами, вѣчно сидящіе на солнцѣ, съ потухшими, безжизненными взорами, устремленными вдаль, — можетъ быть, изъ-за мелькавшихъ въ умѣ воспоминаній молодости и грѣховъ... безъ устали перебирающіе четки и шепчущіе, шепчущіе, шепчущіе...

Полны характера ихъ кладбища-погреба съ уложенными въ порядкѣ черепами опочившихъ старцевъ. Многихъ они называютъ и поминаютъ съ тѣми или другими обстоятельствами ихъ жизни и смерти. О нѣкоторыхъ

Побѣдители.

разсказываютъ чудеса подвиговъ, все больше не духовныхъ, а гражданскихъ, изъ домашней кровавой исторіи открытой и подпольной борьбы съ турками.

Черепа сложены въ одномъ мѣстѣ, въ большемъ или меньшемъ порядкѣ, рядышками; но ребра, позвоночники и кисти рукъ и ногъ въ безпорядочно наваленной кучѣ, должно-быть, какъ менѣе важныя и нужныя въ будущемъ по ихъ расчету.

Надобно сказать, что мѣсто для монастыря тутъ идеальное: городъ, долина съ рѣкою за нимъ, затѣмъ Балканы — все это поразительно красиво и, безспорно, наводитъ на размышленія...

Воображаю, какъ интересно было наблюдать съ этихъ высоко свитыхъ человѣческихъ гнѣздъ народные восторги встрѣчи русскихъ войскъ; съ одной стороны, приближающіеся съ военной музыкою наши, съ другой — выходящее имъ навстрѣчу духовенство съ хоругвями, крестами и массою народа. Послѣдніе, не смогшіе вытерпѣть, обгоняютъ своихъ коней и буквально бросаются на войска: крики, объятія, поцѣлуи, поцѣлуи безъ конца, покрывающіе руки, ноги, самыя стремена...

Дрогнули вѣрно сердца и у старыхъ монаховъ...

Не въ Тырновѣ, а послѣ, въ Адріанополѣ и далѣе, я былъ свидѣтелемъ этихъ встрѣчъ, и онѣ до сихъ поръ живы въ моей памяти.

Какія-то стихійныя, безспорно искреннія, конечно, только по недоразумѣнію могли онѣ изгладиться изъ сознанія и даже переродиться во временную непріязнь.

Самый городъ Тырновъ мнѣ очень понравился. И въ немъ былъ, правда, специфическій запахъ большинства восточныхъ городовъ, спускающихъ нечистоты въ проходящія по улицамъ и дворамъ канавы, но все-таки зелень, свѣжесть и въ то же время „благораствореніе воздуховъ и обиліе плодовъ земныхъ“ сообщали всему извѣстную прелесть, чувство которой охватывало пріѣзжаго съ сѣвера.

Губернаторъ нашъ, генералъ Домонтовичъ, оказался обходительнымъ и гостепріимнымъ человѣкомъ: будучи знакомъ съ моими работами, онъ принялъ меня какъ родного, съ полными россійскими предупредительностью и хлѣбосольствомъ.

Комендантъ, полковникъ одного изъ гвардейскихъ полковъ, тоже любезный человѣкъ, удивилъ меня, помню,

сходствомъ съ однимъ изъ толстовскихъ типовъ: постоянно ко всѣмъ, безъ исключенія, фразамъ онъ прибавлялъ восклицаніе А.

— Теперь, куда вы изволите проѣзжать? — А!

— Дороги у насъ вполнѣ безопасны. — А! — Маленькая предосторожность, конечно, все-таки, не лишняя. — А! и т. д...

Любезное начальство помѣстило меня въ мирную болгарскую семью, гдѣ мнѣ отвели чистую комнату, съ порядочною постелью и массой одѣялъ.

Такъ какъ я держался чинно, не пилъ, не курилъ, не плевался, то хозяева скоро перестали стѣсняться, зазвали меня къ себѣ и, пригласивши также одного русскаго священника, просили насъ побольше поговорить между собою по-русски, для того, чтобы они могли насладиться звуками родственнаго имъ нарѣчія!

Несмотря на неловкость этого положенія фонографа, я былъ тронутъ такою наивностью и, повидимому, дѣйствительно, доставилъ имъ удовольствіе, насколько объ этомъ можно было судить по оживленно слушавшимъ физіономіямъ. — Пониманіе нѣкоторыхъ общихъ обоимъ нарѣчіямъ словъ, а также церковно-славянскихъ оборотовъ рѣчи приводило ихъ прямо въ восторгъ. Конечно, я видѣлъ, что, все-таки, большая часть нами говоримаго была непонятна болгарамъ, но батюшка былъ иного мнѣнія и, подбадриваемый улыбками сочувствія и кивками головы, такъ и разводилъ турусы. — Они все понимаютъ! все понимаютъ! — увѣренно высказался онъ и ушелъ очень довольный и своею сообразительностью, и ихъ понятливостью.

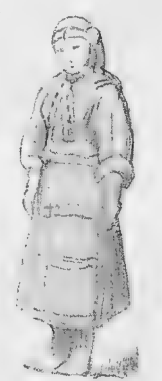
Типъ болгарскихъ женщинъ нельзя назвать особенно красивымъ, пожалуй, мужчины красивѣе — не потому ли, можетъ-быть, что лучшіе экземляры первыхъ нерѣдко попадали въ турецкіе гаремы? Въ миловидности, однако, нельзя отказать имъ и, затѣмъ, надобно отдать честь ихъ цѣломудрію, по крайней мѣрѣ, относительно русскихъ — дальше этого сказать не могу, потому что не имѣлъ случая изучить внутреннюю жизнь народа.

Въ церквахъ болгарскихъ тогда не было еще колоколовъ, запрещенныхъ турками, и висѣли лишь чугунныя била, въ которыя только и дозволялось сзывать народъ къ молитвѣ. Надобно думать, что теперь или болгары платили такою-же нетерпимостью, или всѣ

турки поразбѣжались, потому что не слышно было характерныхъ призывныхъ криковъ ихъ муэдзиновъ съ поломанныхъ, осиротѣлыхъ минаретовъ, да чуть ли и мечеть на главной улицѣ не была обращена въ „складъ вещеваго довольствія“.

Уже въ Тырновѣ видны были на улицахъ „бѣглецы“ изъ-за Балканъ — преимущественно женское населеніе, бѣжавшее отъ турецкой расправы въ Казанлыкѣ, Эски-Загрѣ и Янь-Загрѣ, т.-е. въ мѣстахъ занятыхъ было генераломъ Гурко, во время его памятнаго набѣга, а потомъ покинутыхъ, изъ-за неудачъ подъ Плевной.

На браваго генерала было, да и до сихъ поръ, кажется, держится не мало нареканій по этому поводу: зачѣмъ онъ съ недостаточными силами занималъ эти мѣстности, вводилъ жителей въ искушеніе и потомъ бросалъ ихъ; населеніе встрѣтило его радостно, какъ избавителя, и скомпрометировало себя этимъ выраженіемъ преданности въ глазахъ турокъ, жестоко ему отомстившихъ: все, въ демонстративно встрѣтившемъ русскихъ округѣ, было ограблено, выжжено, вырѣзано.

Болгарская дѣвушка.

Но, вѣдь, надобно сказать, что Гурко, прежде всего, — солдатъ, да еще кавалеристъ, назначеніе котораго состоитъ меньше всего въ страхованіи жизней своихъ или чужихъ. Улыбнулось высшее счастье — онъ пробрался впередъ и какъ можно дальше; повернулась фортуна спиной и онъ спѣшитъ назадъ, въ мѣста не столь злачныя, но болѣе безопасныя. Авангардъ всегда авангардъ, т.-е. развѣдочная часть, и нельзя винить этихъ крылатыхъ воиновъ въ томъ, что имъ приходится иногда летѣть впередъ, иногда отлетать назадъ.

Дальше по дорогѣ до самаго Габрова и въ этомъ городѣ число бѣженцевъ все увеличивалось, причемъ краснорѣчиво говорило за себя почти полное отсутствіе мужчинъ. Покинувшіе родныя мѣста въ чемъ есть, исхудалые, босые, въ грязи, они не встрѣтили ни у своихъ болгаръ, ни у нашего начальства никакой организованной помощи и призора, пробавляясь подаяніемъ на большихъ дорогахъ, разносили съ собой тифъ и другія болѣзни.

Городъ Габровъ представляетъ прелестное мѣсто, на рѣкѣ, въ ущельѣ съ красиво выстроенными домами,

обвитыми виноградомъ и зеленью — все такъ и просилось на картинку!

Движеніе на улицахъ было огромное, все двигалось, толкалось, шумѣло; лавки полны и товарами, и покупателями, хотя надобно сказать, что по множеству богатыхъ покупателей изъ нашихъ воиновъ, товары могли бы быть и менѣе примитивными — все залежавшееся въ Москвѣ и Нижнемъ находило тутъ вѣрный и обезпеченный сбытъ, но дѣйствительно хорошихъ вещей, по деньгамъ, которыя предлагались, почти совсѣмъ не было, ни по какой отрасли торговли.

Одно, что было очень хорошо, это мѣстный бисквитъ, пекшійся огромными хлѣбами и такъ вкусно, что можно было объѣсться имъ.

Кромѣ помянутыхъ бѣженцевъ, какъ сказано, болѣвшихъ всевозможными болѣзнями, больше всего тѣми, что обусловливаются голодомъ, городъ былъ наполненъ нашими больными и ранеными, содержаніе которыхъ не отличалось удобствами; скученные, рѣдко на койкахъ, больше на доскахъ и соломѣ, они, конечно, легко заражались и другихъ заражали; тѣмъ не менѣе, условія климата были такъ хороши, что смертность была сравнительно не очень велика и зараза не обратилась въ эпидемію. Я, напримѣръ, ходилъ по госпиталямъ и баракамъ, но нигдѣ ничего не захватилъ, точно такъ же, какъ и многіе изъ моихъ знакомыхъ, — воздухъ былъ свѣжъ и живителенъ, несмотря на всюду валявшуюся падаль.

Зайдя къ завѣдывавшему городомъ, чтобы попросить его приткнуть меня куда-нибудь въ возможно чистую камору, я такъ и не вышелъ отъ него. Начальствомъ былъ въ высшей степени милый и гостепріимный человѣкъ штабсъ-капитанъ Н. И. Кутеповъ, изъ стрѣлковъ Императорской фамиліи. Не знаю ужъ, каковъ онъ былъ какъ стрѣлокъ, но по части распоряженія городомъ и особенно своею квартирою былъ мастеръ дѣла.

Въ такое опасное время, когда рѣдкая недѣля проходила безъ болѣе или менѣе грандіозной фальшивой тревоги, возбуждавшейся извѣстіями о движеніи на Габрово турокъ, приходилось и успокаивать жителей, и принимать подъ рукой мѣры къ охраненію города и отраженію нападенія, если бы таковое случилось. Несмотря на всѣ хлопоты и просьбы о присылкѣ защиты

габровскому правителю, никого и ничего не присылали и вся надежда, все-таки, сосредоточивалась на больныхъ, которые, въ данную минуту, должны были явить себя героями.

Случайно проходившія городомъ съ Шипки или на Шипку команды временно давали нѣкоторую увѣренность безопасности, но все это было несерьезно, и вздумай турки, въ самомъ дѣлѣ, двинуться обходнымъ путемъ на городъ, — они все смяли бы передъ собой, прогнали и перебили.

Квартира завѣдывающаго городомъ была настоящимъ постоялымъ дворомъ: пріѣзжали, уѣзжали, закусывали, завтракали, обѣдали и пили — пили много, но, къ счастію, больше чай. Всѣ мы, случайные гости, спали рядомъ, на гдѣ-то добытыхъ тюфякахъ, подмощенныхъ къ скамьямъ и тахтамъ, что не мѣшало намъ спать по походному, т.-е. идеально хорошо. Рано вставалъ и поздно ложился одинъ только нашъ хозяинъ, съ большимъ терпѣніемъ и умѣньемъ разбиравшійся въ путаницѣ приходовъ, постоевъ и уходовъ войскъ, донесеній, требованій, отношеній, рапортовъ, жалобъ, угрозъ, — я думалъ остаться въ Габровѣ нѣсколько часовъ, а пробылъ 3 дня.

Здѣсь я встрѣтилъ совершенно изможденнаго болѣзнью доктора Пясецкаго, извѣстнаго по его въ высшей степени интересной книгѣ о Китаѣ, съ которымъ я познакомился еще по дорогѣ на Дунай. Захвативши около больныхъ тифъ, авторъ такъ осунулся и измѣнился, что лишь съ трудомъ можно было узнать его. Кромѣ своей спеціальности, П. хорошо работалъ акварелью, и главное горе его теперь было въ томъ, что утеряно много времени для этого занятія въ лучшее время года, когда все свѣтло, воздушно, зелено, когда работа красками такъ заманчива.

Здѣсь я познакомился, и мы вмѣстѣ выѣхали дальше, съ Н., полковникомъ гвардейскихъ егерей, прибывшихъ въ дѣйствующую армію для пріема армейскаго полка, расположеннаго подъ самой горой св. Николая, на Шипкѣ. Онъ тоже недурно рисовалъ, и мы не мало любовались живописными угоками горъ, которымъ и по которымъ поднимались, слѣдуя по прославившемуся за послѣднее время шипкинскому шоссе. Пока лошади шажкомъ тащатъ насъ, я разскажу въ немногихъ словахъ исторію столкновенія, жертвою котораго сдѣлался

мой спутникъ, столкновенія, происшедшаго на почвѣ маленькой разницы въ понятіяхъ армейскихъ и гвардейскихъ офицеровъ (говорю о временахъ минувшихъ).

Принявши полкъ, Н. поступилъ подъ начальство стараго служаки, бывшаго полкового командира, произведеннаго въ бригадные и невозмутимо продолжавшаго прежнія, патріархальныя отношенія къ полку и его хозяйству. Строгій къ себѣ съ этой стороны, Н. сталъ протестовать и протестовать, наконецъ, допротестовался до того, что начальство, посмотрѣвшее на дѣло окомъ противной стороны, признало „петербуржца“ неправымъ — со своимъ уставомъ на монастырь не ходи — и ему пришлось покинуть командованіе полкомъ. Съ чисто бытовой военной стороны эта исторія, конечно, только и интересна, личности тутъ не причемъ; къ тому же, еще разъ повторяю, что говорю о томъ, что уже кануло въ воду.

Мы скоро добрались до мѣста расположенія палатокъ командовавшаго войсками на Шипкѣ генерала Радецкаго со штабомъ и застали его превосходительство за любимѣйшимъ времяпрепровожденіемъ — за картами. Съ самаго утра бравый генералъ уже садился за зеленый столъ и, едва отрываясь для принятія пищи и необходимѣйшихъ распоряженій, не поднимался до самаго вечера, до ночи. Воображаю, какъ надоѣли ему турки, порывавшіеся взять обратно Шипкинскій перевалъ: цѣлый день приходилось быть на мѣстѣ приступовъ и развѣ въ часы роздыховъ присѣсть гдѣ-нибудь въ землянкѣ и всласть повинтить...

— Ваше превосходительство, — докладывали ему руку подъ козырекъ, — мѣсто надъ вторымъ оврагомъ очень опасное, совсѣмъ открытое со стороны турокъ — не прикажете ли послать туда на ночь подкрѣпленія?

Генералъ сдаетъ и отвѣчаетъ: — Тамъ есть батальонъ. „Пусть сдастъ, — думаетъ докладывающій, — тогда выслушаетъ...“

— Какъ же прикажете, ваше превосходительство? На счетъ того мѣста, какъ бы...

— Тамъ батальонъ, — отвѣчаетъ, генералъ, козыряя. — Тамъ батальонъ!

Добродушный, разсѣянный, хладнокровный въ опасности, Радецкій былъ любимъ въ войскахъ; это былъ типъ холостяка, и послушать разсказы покойнаго това-

На Шипкѣ все спокойно.

рища его по училищу, Дмитрія Васильевича Григоровича, о наивностяхъ и чисто дѣтской простотѣ Радецкаго — можно было смѣяться до слезъ.

Вѣчно въ глубоко нахлобученной фуражкѣ, Р. какъ-то приподнималъ всю голову, чтобы смотрѣть въ глаза говорившему ему, и сразу располагалъ всякаго въ свою пользу и доброю физіономіею, и простотою рѣчи.

Справедливость требуетъ, однако, сказать, что его проживаніе въ 5 верстахъ отъ мѣста дѣйствія и рѣдкія изъ-за картъ посѣщенія батарей, землянокъ и траншей — въ послѣднія онъ, кажется, очень рѣдко заглядывалъ — были причиною того, что цѣлая дивизія вымерзла на Шипкѣ. Конечно, этого не случилось бы, если бы винтъ не отнималъ всего времени у командовавшаго войсками и онъ имѣлъ бы время обходить всѣ мѣста расположенія частей, разспрашивая, бесѣдуя, поддерживая бодрость и самодѣятельность.

Послѣ первой ночи, проведенной въ Шипкинской землянкѣ, я выглянулъ на свѣтъ Божій и ахнулъ! Оказалась совсѣмъ открытая позизія, на которой и самое выглядываніе изъ землянки было не безопасно: сплошь и рядомъ солдаты, выходившіе за самымъ необходимымъ, находили себѣ моментальную смерть!

Впереди, т.-е. на югѣ, высится огромная конусообразная гора св. Николая съ нашею батареею, вся обстрѣливаемая навѣсными выстрѣлами изъ-подъ скалы, гдѣ у турокъ и траншеи, и мортирныя батарееи, и прицѣльными, съ такъ называвшейся Лысой горы, гдѣ простымъ глазомъ видны движущіеся турки.

Съ лѣвой стороны тоже бросаютъ бомбы и гранаты, но тѣ высоты, все-таки, на приличномъ рзастояніи, а вотъ Лысая гора прямо нависла надъ нами, откуда стрѣляютъ на выборъ и, если только подозрѣваютъ за идущимъ офицерское званіе или какое-нибудь значеніе, такъ такъ и преслѣдуютъ выстрѣлами, такъ и клюютъ въ землю, подпѣвая и подсвистывая на пути, ихъ пули и гранаты.

Офицеры, разумѣется, сохраняютъ свое достоинство, но солдаты, оберегая лишь жизнь, не церемонятся: граната летитъ, шумъ все усиливается, вотъ она падаетъ и со страшнымъ трескомъ разрывается — моментально двое солдатъ, идущихъ по дорогѣ и мирно бесѣдующихъ, бросаются на землю, и, какъ приплюснутые, остаются

недвижимыми; какъ только осколки разлетѣлись, они вскакиваютъ и, какъ не въ чемъ не бывало, отправляются дальше, продолжая прерванную бесѣду, часто весело смѣясь.

Хромая, съ палочкой, со складнымъ стуломъ и ящикомъ красокъ въ рукахъ, я видѣлъ, что путь мой постоянно устилался пулями, словно цвѣтами. Пренепріятное чувство, когда замѣчаешь, что цѣлятъ тебѣ въ носъ; возьмешь вправо — пули тоже берутъ поправѣе, свернешь налѣво — и пчелки летятъ лѣвѣе!

На лѣвомъ флангѣ мѣсторасположенія минскаго полка — круглая батарея, подъ которою помѣщалась землянка-дворецъ генерала Петрушевскаго, командира 14-й дивизіи, замѣнившаго Драгомирова, тутъ и раненаго. Дворцомъ эта землянка называлась потому, что въ ней было цѣлыхъ двѣ клѣтушки и въ этихъ клѣтушкахъ безъ устали пили шампанское, благо самъ хозяинъ не прочь былъ выпить.

Съ Михаиломъ Ѳомичемъ Петрушевскимъ я былъ знакомъ по Туркестану, гдѣ онъ служилъ сначала помощникомъ, а потомъ и самимъ начальникомъ штаба. Это былъ тучный, медлительный, рѣдко выглядывавшій изъ своего дворца начальникъ, лишь одинъ разъ взобравшійся со мной, „только для меня", какъ онъ выразился, на круглую батарею. Братъ извѣстнаго профессора физики, онъ самъ былъ образованнымъ офицеромъ и съ честью поддерживалъ репутацію туркестанцевъ, заявившихъ себя въ турецкую кампанію съ лучшей стороны.

Въ самомъ дѣлѣ, Скобелевъ, Петрушевскій, Дмитровскій, Каульбарсъ, Калитинъ и многіе другіе, не отличенные довѣріемъ вначалѣ компаніи, выдвинулись послѣ въ силу своихъ способностей, какъ первоклассные боевые офицеры.

Начальникъ штаба войскъ, расположенныхъ на Шипкѣ, былъ тоже туркестанецъ, генералъ Дмитровскій, нервный, работящій человѣкъ.

Съ нашей стороны много работалъ надъ укрѣпленіемъ Шипки полковникъ Ласковскій, но какъ ее ни укрѣпляли, она, все-таки, осталась открытою всѣмъ батареямъ и траншеямъ непріятеля, занявшаго сосѣднія высоты, что имѣло громадное неудобство относительно потери людей: отъ шальныхъ гранатъ и пуль, т.-е. пу-

скаемыхъ не прицѣльно, а навѣсно, на счастливаго, мы потеряли, конечно, не меньше, если не больше народа, чѣмъ отъ турецкихъ приступовъ и штурмовъ.

Приходилось двигаться, не торопясь, да хромая, съ палочкой, и трудно было дѣлать это иначе — дѣлать видъ, что не боишься, не обращаешь вниманія на опасность, но въ сущности, конечно, на сердцѣ щемило, такъ какъ все время надобно было ждать, что вотъ-вотъ одна изъ цѣлаго роя пчелъ приласкаетъ своимъ прикосновеніемъ!

Надобно сказать, что свистъ полета пули не всегда одинаковъ и это разное „пѣніе" обусловливается, вѣроятно, столько же самымъ составомъ тѣльца маленькаго снаряда, сколько и излетомъ ея — пуля перевернувшаяся, пуля со свищемъ или другимъ недостаткомъ, пуля пущенная прицѣльно или навѣсно — всѣ поютъ на разные лады и тоны.

Землянка-дворецъ генерала Петрушевскаго.

Разно также ударяются пули въ камень, въ землю, наконецъ, въ тѣло: прямо стукъ — въ первомъ случаѣ, переходитъ въ болѣе шуршащій ударъ во второмъ и, наконецъ, въ едва замѣтное „тссъ" въ третьемъ. Увѣряютъ, что если еще можно прослѣдить ударъ пули въ тѣло сосѣда, то той пули, которая ударитъ самого, никогда не услышишь!

Когда меня ранило на миноноскѣ „Шуткѣ", я слышалъ прямо грохотъ пули, рикошетировавшей о дно шлюпки, но самаго пораненія тѣла положительно не слышалъ.

Разскажу о моемъ посѣщеніи горы св. Николая, интересномъ по той заботливости о своихъ особахъ, которая невольно сказалась при этой прогулкѣ у меня и у другихъ.

Вызвался пойти со мной и все показать мнѣ генералъ М., давно уже, по его словамъ, не осматривавшій батарей, а потому хотѣвшій при этомъ случаѣ пополнить пробѣлъ въ своемъ начальническомъ надзорѣ.

Повторяю: все расположеніе наше было совершенно на виду у турокъ, зорко слѣдившихъ за передвиженіемъ

и частей, и отдѣльныхъ лицъ. Конечно, тотчасъ же турки высмотрѣли фигуру генерала и группу еще нѣсколькихъ лицъ, его окружавшихъ, и буквально засыпали насъ пулями; лопнуло по близости и нѣсколько гранатъ, но онѣ ложились еще неудачнѣе первыхъ. Право, это интересный вопросъ, почему столько направленныхъ въ одно и то же мѣсто ружейныхъ дулъ производили такъ мало вреда — смѣшно сказать, что никто изъ насъ не былъ даже задѣтъ, а вѣдь мы были буквально „какъ на ладони"!

Здѣсь надобно сознаться въ маленькой нѣмой игрѣ, шедшей у меня съ М., можетъ-быть, незримо для другихъ, но ясно и понятно для обоихъ насъ: какъ бы невзначай, послѣ первой остановки, онъ направился дальше съ лѣвой стороны отъ меня, — турки были съ правой, и, слѣдовательно, нѣсколько прикрылся мною. Не столько потому, что около важныхъ лицъ принято держаться съ лѣвой стороны, сколько изъ эгоистическаго желанія быть уложеннымъ послѣ его превосходительства, я, послѣ вторичной остановки, взялъ да и пошелъ лѣвѣе его, откуда гостинцевъ не летѣло. Хвать-похвать не успѣлъ, заговорившись съ кѣмъ-то, не доглядѣлъ, какъ милѣйшій М. опять очутился слѣва отъ меня, но я опять, не задумываясь, занялъ мое прежнее мѣсто...

Къ намъ вышелъ бравый полковникъ артиллеристъ Гофманъ, командовавшій артиллеріею, если не ошибаюсь, всей шипкинской позиціи; онъ приложилъ руку къ козырьку, поздоровался, генералъ представилъ меня и мы пошли дальше. Новыя лица приставали къ намъ, процессія увеличивалась и турки учащали огонь — истинно дивиться надобно было, что по такой кучкѣ, какъ наша, стрѣльба оказалась совершенно безвредной, это была какая-то насмѣшка надъ стрѣльбою!

Кто-то изъ офицеровъ хромалъ и такъ настойчиво, все больше и больше, что генералъ предложилъ ему не трудиться провожать его, идти въ землянку; дѣйствительная ли это была хромота, или изъ-за нежеланія безъ нужды подставлять себя пулямъ и гранатамъ, трудно было разобрать. Во всякомъ случаѣ, у меня языкъ не повернулся бы осудить человѣка за то, что у него не стальные нервы и что, терпя впродолженіе часа или получаса градъ сыплющихся кругомъ пуль, онъ не забываетъ, что Сони, Маши, Васи, Гриши ждутъ не до-

ждутся его возвращенія домой, что онъ единственная ихъ опора и надежда, и что, слѣдовательно, безъ особенной нужды бравировать даже грѣшно. Захромать тутъ нетрудно и надобно удивляться, какъ отцы семейства настолько владѣютъ обыкновенно собой, что не показываютъ вида боязни оставить за собой полдюжины сиротъ!

Бываютъ, впрочемъ, люди нервные, рѣшительно не выносящіе огня. Одинъ, помню — и ни болѣе, ни менѣе какъ полковникъ, — совсѣмъ не выносилъ ни свиста пуль, ни шума гранатъ около себя; онъ какъ-то сгибался, припадалъ съ видимо невольнымъ и непреоборимымъ стономъ, такъ что начальству пришлось дать ему другое назначеніе.

Еще болѣе неудобный случай былъ при атакѣ Зеленыхъ горъ у Скобелева, случай, за который М. Д., помню, обвиняли, но въ которомъ онъ ни душой, ни тѣломъ не былъ виноватъ: полковой командиръ при одной изъ атакъ шелъ сзади, а не впереди полка, какъ бы слѣдовало, и на замѣчаніе генерала, что онъ не любитъ этого — отвѣтилъ оправданіемъ, что онъ усталъ, нездоровъ, задыхается...

— Извольте идти впереди, — приказалъ С. и проѣхалъ далѣе, но, зная, что „нервные“ люди этого сорта бываютъ иногда очень настойчивы, послалъ ординарца узнать, послушался ли полковникъ его приказанія? Когда оказалось, что *нѣтъ* — генералъ вернулся и осрамилъ офицера...

Повторяю, что Скобелева осуждали за этотъ случай, но я рѣшительно не вижу, какъ могъ онъ, оставаясь начальникомъ, обязаннымъ блюсти военный порядокъ, дѣйствовать и поступать иначе!

Мы поднялись до батареи, вѣнчавшей гору св. Николая и прямо висѣвшей вмѣстѣ со скалою, на которой она была устроена, подъ южнымъ склономъ Балканъ въ этомъ мѣстѣ и надъ долиною розъ. Батарея эта называлась батареею Мещерскаго, по имени бывшаго командира ея, тутъ и убитаго, какъ я уже выше говорилъ.

Петрушевскій разсказывалъ мнѣ, что, когда этотъ офицеръ, женатый на княжнѣ Д., сестрѣ очень высоко-возведенной судьбою особы, прибылъ на Шипку, всѣ смѣялись надъ русскимъ артиллерійскимъ полковникомъ, прекрасно изъяснявшимся по-французски, но очень

плохо по-русски. Съ теченіемъ времени, однако, этотъ русскій иностранецъ не только безстрашіемъ, но и простой, чуждой фатовства манерой держать себя со всѣми, заслужилъ общую симпатію, а когда его убили, глубокое участіе и сожалѣніе: „жаль, — говорили всѣ, — *русскій* былъ человѣкъ!“

Хорошимъ мѣриломъ популярности покойнаго было негласное окрещеніе батареи его именемъ.

На батареѣ было полегче отъ пуль справа, но зато еще хуже отъ пчелокъ, летавшихъ изъ турецкихъ траншей, расположенныхъ подъ скалой св. Николая. Рѣшительно ни къ чему другому не подходитъ такъ близко сравненіе впечатлѣнія пролета такого количества пуль, какъ къ движенію роя пчелъ; только близко пролетающія пчелки этого рода шумятъ нѣсколько шибче и на разные лады: нѣкоторыя поютъ, другія какъ-то воютъ, третьи шипятъ.

Турецкія траншеи подъ горой св. Николая послѣ нашей атаки.

Очень много вредили турки во время раздачи у насъ пищи, которая привозилась на гору снизу, на тройкахъ. Хотя раздача производилась въ закрытомъ мѣстѣ, но непріятель зналъ время ея и направлялъ, обыкновенно, такой ружейный и гранатный огонь, что рѣдко дѣло обходилось безъ потерь, иногда крупныхъ. Справедливость требуетъ, впрочемъ, замѣтить, что, по всему читанному объ осадѣ Севастополя, положеніе на Шипкѣ было очень сносное, сравнительно съ таковымъ въ послѣднемъ, гдѣ противникъ былъ иной и гдѣ было меньше тѣхъ негласныхъ смягченій огня, которыя нѣтъ-нѣтъ да и практиковались между воевавшими сторонами въ турецкую войну даже и на Шипкѣ.

Обыкновенно, турки стрѣляли сильно тогда, когда наши позиціи были хорошо видны имъ; такъ, напримѣръ, съ Лысой горы по утрамъ огонь былъ не силенъ, потому что мѣшало солнце; за то послѣ полудня, когда наши позиціи бывали хорошо освѣщены, пули и гранаты сы-

пались. Съ другой стороны, съ такъ называвшагося Вороньяго Гнѣзда гранаты, по той же причинѣ, били больше по утрамъ.

За время моего пребыванія на Шипкѣ, начальнику артиллеріи Гофману, на батареѣ котораго былъ убитъ лучшій фейерверкеръ, это надоѣло; онъ приказалъ начать усиленную стрѣльбу и билъ такъ долго, такъ настойчиво, что, должно-быть, нанесъ не мало вреда, потому что послѣ этого турки были гораздо менѣе дѣятельны, болѣе спокойны, на что и мы отвѣчали меньшимъ рвеніемъ въ стрѣльбѣ.

Хуже всего были бомбы, прилетавшія изъ-подъ горы св. Николая, разрушавшія даже крѣпкія землянки и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ клавшія всѣхъ въ лоскъ, за разнымъ занятіемъ, за обѣдомъ, игрой въ карты и проч.

Нельзя не сказать здѣсь нѣсколько словъ о геройствѣ турокъ, лѣзшихъ на такія высоты, какъ скала св. Николая и нѣкоторыя другія. По этимъ крутизнамъ трудно взбираться и просто туристу, а ужъ лѣзть въ амуниціи, съ ружьемъ и большимъ количествомъ патроновъ должно было быть невообразимо трудно. Со своимъ вѣчнымъ призывомъ Алла! Алла! они шли подъ пулями, наталкивались на штыки и буквально устилали своими тѣлами крутые подступы къ шипкинскимъ позиціямъ, на которыхъ потомъ огромное количество труповъ павшихъ гнило до самаго времени сдачи Шипки. Говорили, будто турокъ поили виномъ и что большинство лѣзшихъ на приступъ были, что называется, „выпимши", но кто рѣшится серьезно подтвердить, а главное — доказать такое обвиненіе?

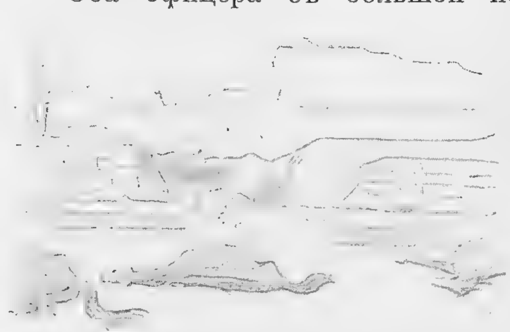
Изумительно храбрыя, настойчивыя аттаки турокъ на шипкинскія позиціи еще разъ доказали то, что мнѣ случилось не одинъ разъ говорить, а именно: что солдаты всѣхъ армій, обыкновенно, хороши — разница въ офицерахъ.

Уже давно говорили о томъ, что съ приходомъ подкрѣпленій изъ Россіи кольцо вокругъ Плевны тотчасъ сомкнется, и генералъ Гурко съ гвардіей перейдетъ на Софійскомъ шоссе въ наступленіе, тѣмъ не менѣе дѣло подъ Горнымъ Дубнякомъ было для многихъ неожиданностью.

Я выѣхалъ туда и прибылъ на второй день послѣ боя. По дорогѣ, помню, встрѣтилъ двухъ офицеровъ,

ѣхавшихъ изъ гвардейскаго отряда въ Россію на поправку: одинъ отъ контузіи въ голову, другой отъ очень серіозной раны въ грудь. Первый возбужденно разсказывалъ о всѣхъ перепитіяхъ боя, включительно съ исторіей своей контузіи; второго, кажется, не радовалъ и георгіевскій крестъ, къ которому онъ былъ представленъ — такъ тяжела была его рана. У перваго, очень милаго молодого человѣка, дырочка въ фуражкѣ отъ прострѣлившей ее пули — обыкновенно едва замѣтная — послѣ частыхъ демонстрацій передъ слушателями, уже обратилась въ большую прорѣху, и за дорогу до Петербурга обѣщала раздаться до величины отверстія оставляемаго бомбою.

Оба офицера съ большой похвалой отзывались о храбрости и хладнокровіи, проявленныхъ въ бою графомъ Шуваловымъ, хвалили турокъ и ихъ пашу-коменданта, котораго, кстати сказать, я скоро встрѣтилъ верхомъ, со своими офицерами, идущихъ въ плѣнъ: то былъ довольно худощавый старикъ, строгой фигуры и, повидимому, приличныхъ манеръ.

Входъ въ редутъ Горнаго Дубняка.

Подъѣхавши къ деревнѣ Горный Дубнякъ, я оставилъ влѣво возвышенность съ копошившимися по ней людьми, это и было павшее укрѣпленіе, смотрѣвшее теперь не особенно грозно.

Въ главной квартирѣ генерала Гурко я встрѣтился прежде всего съ княземъ Цертелевымъ, бывшимъ секретаремъ нашего посольства въ Константинополѣ, потомъ урядникомъ Кубанскаго казачьяго полка, въ ординарцахъ у генерала Скобелева, теперь состоявшаго въ той же должности при генералѣ Гурко.

Онъ представилъ меня генералу и потомъ перезнакомилъ съ золотою молодежью, составлявшею штабъ командующаго.

Такъ какъ я выразилъ намѣреніе остаться при отрядѣ и идти съ нимъ за Балканы, то мнѣ любезно предложили помѣститься вмѣстѣ съ членами англійскаго клуба

(почему англійскаго?), состоявшаго изъ слѣдовавшихъ за генераломъ адъютантовъ и ординарцевъ; все это былъ прекрасный народъ, менѣе обстрѣлянный, чѣмъ молодежь, окружавшая Скобелева, но также бравая и весьма скромная.

Всѣ члены оригинальнаго клуба держались тѣсно вмѣстѣ въ точномъ значеніи слова: вмѣстѣ столовались, вмѣстѣ спали въ повалку на соломѣ, укрываясь кто одѣяломъ, а кто и просто буркой или шинелью. Квартира клуба и тутъ, и вездѣ была вблизи генеральской, такъ какъ ординарцы для всякихъ посылокъ и порученій требовались постоянно, днемъ и ночью.

Содержаніе, при небольшомъ взносѣ на него каждымъ, если не ошибаюсь, 20 рублей въ мѣсяцъ, было не блестящее, и мнѣ смѣшно вспомнить, что, когда разъ два члена англійскаго парламента, пріѣхавши на театръ военныхъ дѣйствій, были угощены у насъ хорошими консервами (попавшими въ очень оголодалые желудки), они пришли въ восторгъ не только отъ нашего гостепріимства, но и отъ комфорта, съ которымъ мы живемъ, а консервовъ-то у насъ случилась одна единственная банка!

Редутъ Горнаго Дубняка.

На другой день по пріѣздѣ я нашелъ въ редутѣ все болѣе или менѣе прибраннымъ; хотя видны еще были слѣды великаго погрома, но уже изъ громаднаго количества перебитаго скота: быковъ, ословъ и лошадей, часть была оттащена и позакопана; наши убитые въ огромномъ числѣ лежали, хоть еще не зарытые, но уже въ большихъ братскихъ могилахъ — все красивый народъ гвардейскихъ полковъ, многіе въ странныхъ позахъ, въ которыхъ застала ихъ моментальная смерть; тѣла, видимо, начали разлагаться къ этому третьему дню со времени смерти: лица и кожа были розовыя, фіолетовыя, зеленовато-синія. Мертвые укладывались въ нѣсколько рядовъ, одинъ на другомъ, и какъ мнѣ казалось, зарывались въ землю недостаточно глубоко; только высокія насыпи надъ могилами должны были спасти ихъ отъ профанаціи съ одной стороны собакъ, шакаловъ и волковъ, а съ другой — болгарскихъ пахарей, взрывающихъ землю своими плугами очень глубоко. Всюду

валялась масса фуражекъ, фесокъ, сумокъ, ремней, турецкихъ лаптей съ подвертками, которые тамъ и сямъ перебирались нуждавшимися изъ нашихъ.

Было удивительно, что сравнительно небольшое число защитниковъ небольшого редута уложило такое большое число атаковавшихъ: турецкаго гарнизона было съ небольшимъ 3.000, а наша потеря свыше 4.000!

Объяснить это можно было съ одной стороны пыломъ только-что пришедшей изъ Россіи гвардіи, съ другой — еще не вполнѣ умѣлымъ распоряженіемъ начальства ея.

По диспозиціи боя, полки гвардіи должны были къ извѣстному времени сходиться и занимать мѣста вокругъ непріятельскаго редута, на которыхъ обязаны были оставаться до того времени, когда дѣло атаки будетъ достаточно подготовлено артиллеріею. Оказалось, однако, что штабъ отряда либо не зналъ, либо забылъ, что турецкія ружья навѣсно, да еще съ возвышенности, хватали на разстояніе до 4 верстъ, такъ что расположившіяся для ожиданія войска оказались въ сферѣ непріятельскаго огня; много страдая отъ этого огня, люди не вытерпѣли и пошли на „ура!“

Братскія могилы подъ Горнымъ Дубнякомъ.

Разумѣется, это только смягчающія вину обстоятельства, такъ какъ ничто не можетъ оправдать полкового командира, нарушившаго диспозицію и пошедшаго на штурмъ раньше подготовки его бомбардировкою. Случилось то, что отъ страшныхъ потерь, такъ какъ шли по открытому мѣсту и турки стрѣляли на выборъ, люди не могли дойти до редута и засѣли во рву его.

Тоже повторилось кругомъ всего укрѣпленія, такъ какъ всѣ войска поддержали „ура!“ перваго полка, пошедшаго на приступъ, и упрежденіе нападенія сдѣлалось общимъ.

Что дѣлали наши люди во рву? Ничего, теряли массу убитыми и ранеными (говорили даже частью отъ своего огня), и генералъ Гурко уже распорядился, было, приказать отступать, когда артиллерія, рисковавшая перебить своихъ, все-таки сдѣлала свое дѣло и турки сдались.

Мнѣ говорилъ очевидецъ и участникъ боя С., бывшій при графѣ Шуваловѣ, будто турецкій комендантъ былъ очень удивленъ послѣдней атакой и спрашивалъ потомъ, какъ это случилось, что наши войска пошли на штурмъ въ то время, когда они рѣшили сдаться и выкинули бѣлый флагъ?

Нѣтъ сомнѣнія, войско наше вело себя очень браво, офицеры были на своихъ мѣстахъ, что во всѣхъ арміяхъ бываетъ не всегда, и результатъ дѣла былъ устрашающій, но фактъ остается фактомъ; взятіе небольшого редута съ нѣсколькими пушками и небольшимъ въ три тысячи человѣкъ гарнизономъ стоило больше четырехъ тысячъ отборнаго войска потери, когда тотъ же результатъ могъ бы быть достигнутъ дѣйствіемъ одной артиллеріи, если бы ей только дали время, съ несравненно меньшею тратою людьми.

Уже послѣ кампаніи одинъ изъ видныхъ дѣятелей отряда, генералъ Гурко, говорилъ мнѣ, что дѣло подъ Горнымъ Дубнякомъ будетъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе выигрывать въ оцѣнкѣ людей, изучающихъ военное искусство, но я отвѣтилъ, что по мнѣнію моему случится обратное, что по этому дѣлу будутъ учиться, какъ не должно поступать, чтобы не жертвовать безъ крайней надобности пылкимъ и храбрымъ народомъ. Я полагаю, что дѣло подъ Горнымъ Дубнякомъ имѣетъ смыслъ только, какъ первый опытъ гвардіи въ этой войнѣ, но, съ научной, военной стороны, оно не выдерживаетъ критики: неумѣло составленная диспозиція со стороны начальства и безцеремонное нарушеніе ея со стороны войскъ или, вѣрнѣе, со стороны одного полка, поддержанное потомъ всѣми другими.

Не далѣе, какъ на послѣдовавшемъ черезъ день взятіи другого укрѣпленія Телишъ, сказалась вся ошибка дурно разсчитанной атаки Горнаго Дубняка; артиллерійскій огонь съ нашей стороны съ ранняго утра началъ сыпать снаряды въ турецкое укрѣпленіе, какъ яблоки въ корзину, и добился однимъ этимъ безъ штурма высокаго военнаго результата сдачи. Всѣ войска и штабъ генерала Гурко стояли кругомъ спокойными зрителями въ ожиданіи момента приступа на случай, если турки не откажутся отъ сопротивленія. Чтобы облегчить имъ совершеніе вѣжливаго акта сдачи, около полудня былъ посланъ въ редутъ князь Цертелевъ съ

весьма лаконической цидулой: „70 орудій направлено на васъ, если вы не сдадитесь немедленно—всѣ будете перебиты!“

Когда Цертелевъ ѣхалъ мимо насъ съ этой запиской и бѣлымъ платкомъ на казацкой пикѣ, мы говорили ему шутя, что онъ ѣдетъ класть свою голову въ пасть, коли не льва, такъ волка.

Очень можетъ быть, что, если бы Телишскій паша походилъ на Дубнякскаго, то непріятель продержался бы еще нѣсколько часовъ, но дурковатый и трусоватый комендантъ ухватился обѣими руками за угрозу и тотчасъ сдался.

Сознаніе того, что этимъ военнымъ успѣхомъ были обязаны исключительно артиллеріи, всего лучше сказалось въ маленькой наивной сценкѣ, которой весь штабъ, вмѣстѣ съ Гурко, былъ свидѣтелемъ: солдатикъ-артиллеристъ гладилъ и цѣловалъ свое орудіе, приговаривая: „Спасибо тебѣ, голубушка, поработала ты за насъ и заработала!“

Говорили: Телишъ легко сдался потому, что былъ напуганъ примѣромъ Горнаго Дубняка, но, не отрицая въ извѣстной долѣ и этого, скажу, что главная причина сдачи была полная невозможность отвѣчать изъ пары пушекъ на массу со всѣхъ сторонъ сыпавшагося чугуна и серіозно вредить войскамъ, не рисковавшимъ нападеніемъ, а державшимся вдали.

Потеря въ людяхъ была у турокъ сравнительно не велика, но я былъ пораженъ количествомъ убитыхъ животныхъ, валявшихся около обгорѣлыхъ коновязей; очевидно, все, что не было хорошо прикрыто, было почти полностью истреблено—вполнѣ современный способъ атаки укрѣпленныхъ позицій.

Замѣчу кстати, что здѣсь, какъ и при Горномъ Дубнякѣ, около всѣхъ сраженныхъ животныхъ было нечисто, какъ это и всегда бываетъ.

Турки встрѣтили насъ дружелюбно; кто изъ нихъ еще рылся въ своей хурдѣ-мурдѣ, выбирая для плѣна, что понужнѣе и поцѣннѣе, кто выходилъ съ котомкой за плечами, усиленно работая челюстями надъ галетами, беречь которыя теперь не предвидѣлось надобности. Многіе были одѣты въ форму нашихъ солдатъ, конечно, съ убитыхъ за два дня передъ тѣмъ, и черный-пречерный турокъ, облеченный въ сюртукъ егерскаго офицера,

пережевывавшій какую-то ватрушку и съ улыбкой продѣлавшій намъ военный салютъ, далъ мнѣ поводъ написать потомъ картину переодѣванія турокъ на полѣ битвы.

Если этотъ разъ наши потери подъ Телишемъ были ничтожны, то онѣ были не малы въ день взятія Горнаго Дубняка, при обстоятельствахъ еще разъ подтверждавшихъ неудобство давать волю боевой горячности, о которой говорено выше. Егеря должны были не допускать гарнизонъ Телиша до подачи помощи Горному Дубняку, и въ этихъ видахъ издали демонстрировать готовностью къ атакѣ. Вмѣсто демонстраціи, полкъ пошелъ на приступъ, и, на совершенно открытой мѣстности потерявъ половину своего состава, отступилъ.

Кто былъ виноватъ въ этомъ нарушеніи дисциплины: командиръ, офицеры или солдаты? Могло быть и то, что, какъ подъ Горнымъ Дубнякомъ, мѣсто, назначенное полку, было недостаточно отдалено, и излетныя пули портили много народа, не стерпѣвшаго и пошедшаго на „ура!“ Вѣроятно, всѣ дѣйствовали слишкомъ нервно.

Очень строго винить и здѣсь не приходилось, потому что и тутъ всѣ учились, включая Гурко и его штабъ, послѣ уже убѣдившійся въ томъ, что сфера турецкаго огня простирается дальше, чѣмъ онъ разсчитывалъ.

Приведенный къ Гурко Телишскій паша, небольшой человѣчекъ, съ вертлявыми, не похожими на турецкія манерами, прямо выразилъ радость сравнительно благополучному окончанію защиты. Однако, когда его болтливость прервали вопросомъ о томъ, гдѣ находятся русскіе раненые отъ дѣла третьяго дня, которыхъ отступившій полкъ нашъ не успѣлъ подобрать, онъ сильно сконфузился.

„Генералъ возлагаетъ лично на васъ отвѣтственность за ихъ сохранность“, — передали ему. Онъ просто не зналъ, куда дѣваться, заегозилъ, сталъ съ одной стороны увѣрять, что всѣ они живы, съ другой — жаловаться на своихъ людей, совсѣмъ будто его не слушавшихъ. У насъ уже было свѣдѣніе о томъ, что раненые наши были всѣ прикончены, послѣ же оказалось, что они были и прирѣзаны, и изуродованы: лишь только полкъ или, вѣрнѣе, остатки полка егерей отошли, какъ турки вышли изъ укрѣпленія и расправились по-своему.

Поперхнувшійся на шуткѣ отъ угрозы личной отвѣтственности за варварство своихъ солдатъ (а можетъ-быть, и собственное?), паша вышелъ отъ генерала совсѣмъ пришибленный отъ страха за свою особу, но русское благодушіе скоро помирилось со зломъ; мало того, даже никто не позаботился разузнать о томъ, гдѣ лежатъ погибшіе егеря, въ какомъ видѣ ихъ могилы? Открыто это было послѣ совершенно случайно мною, и распоряженіемъ тоже случайно встрѣченнымъ пріятелемъ-генераломъ Струковымъ, всѣ павшіе вынуты изъ-подъ наброшенной на нихъ земли и погребены въ братской могилѣ.

Безпорядокъ во взятомъ Телишѣ былъ великій, и наши совсѣмъ перемѣшались съ турками, всячески изъявлявшими свое довольство окончаніемъ напасти. Такъ какъ турецкіе офицеры и солдаты брали съ собой только самое необходимое, то наши солдатики всласть рылись въ оставленномъ добрѣ; не обходилось, конечно, безъ разговоровъ съ пантомимами, шутокъ и прибаутокъ.

Памятникъ егерей подъ Телишемъ.

Кромѣ нѣсколькихъ штукъ солдатскихъ формъ редифовъ и мустегафиза, я взялъ на память въ палаткѣ одного офицера фотографію съ плохого рисунка, представлявшаго танцовщицу съ вѣеромъ, не то испанку, не то француженку, съ банально улыбающейся физіономіей, на оборотѣ турецкія надписи, должно-быть, выраженія восхищенія красотой.

Чего было много, очень много, это ружейныхъ патроновъ: ихъ были цѣлые ящики, и нужно отдать справедливость туркамъ какъ за эти запасы, такъ и за выборъ мѣстъ для укрѣпленій и самую постройку ихъ, все это было лучше организовано, чѣмъ у насъ. Редуты Плевны, Горнаго Дубняка, Телиша и др., служили тому нагляднымъ доказательствомъ.

Теперь путь сообщенія между Плевной и Софіей былъ въ нашихъ рукахъ, и Плевна должна была остаться отрѣзанною, потому что Дольній Дубнякъ, по-

слѣднее укрѣпленіе на Софійскомъ шоссе, должно было сдаться. Дѣйствительно, въ ту же ночь турки очистили этотъ редутъ и наши заняли его; укрѣпленіе оказалось не сильное и большого сопротивленія не могло быть.

Въ утро занятія Д. Д. Гурко, помню, ходилъ подъ укрѣпленіемъ, весело потирая руки, когда я, приблизясь, поздоровался. „Сдача за сдачей, — довольнымъ тономъ замѣтилъ онъ, — не успѣваю писать донесенія!“

Генералъ призвалъ здѣсь князя Шаховского, писавшаго въ „Московскія Вѣдомости“, и просилъ его написать въ газету, что теперь расчищенъ путь къ Балканамъ и за Балканы; просилъ представить трудность предстоявшаго зимняго похода и надежду на успѣшное выполненіе его съ такими войсками. „Пусть знаетъ Москва, какъ мы стараемся!“

Я упомянулъ объ этомъ маленькомъ интимномъ эпизодѣ потому, что покойнаго Скобелева сильно обвиняли въ ухаживаніи за корреспондентами для приготовленія и направленія общественнаго мнѣнія, а оказывается, — такъ какъ Шаховскому ни за что иное, какъ за корреспонденціи, Гурко далъ ордена Станислава, Анны и Владиміра съ мечами, — что всѣ мы люди, всѣ человѣки съ одинаковыми слабостями.

Въ нашемъ „Англійскомъ клубѣ“, то-есть, въ свитѣ генерала были представители всѣхъ родовъ оружія: лейбъ-гусаръ, лейбъ-драгунъ, конногвардеецъ, уланъ и др. Изъ разночинцевъ, кромѣ князя Шаховского, былъ я, художникъ, потомъ, немного спустя, присоединился инженеръ П., завѣдывавшій особымъ отдѣломъ Краснаго Креста при гвардейскомъ отрядѣ, заявившій себя потомъ добрымъ геніемъ нашихъ желудковъ въ томъ смыслѣ, что въ дни полной безкормицы снабжалъ насъ изъ запасовъ Краснаго Креста. Какъ ни стыдно было пользоваться предназначеннымъ для больныхъ и раненыхъ, но такъ какъ многіе откусывали отъ этого вкуснаго торта, то, скрѣпя сердце, принималъ помощь и нашъ милѣйшій распорядитель.

Этимъ распорядителемъ былъ бравый, аккуратный во всѣхъ отношеніяхъ образцовый уланъ Георгій Антоновичъ Скалонъ, братъ завѣдывавшаго канцеляріей главнокомандующаго, одна изъ самыхъ прелестныхъ личностей, какія мнѣ доводилось встрѣчать; какъ онъ ухитрялся при большихъ цѣнахъ на все сводить концы

съ концами за нашу маленькую плату, это осталось его секретомъ.

Генералъ столовался отдѣльно въ числѣ 4—5 человѣкъ, платя, если не ошибаюсь, тѣ же 20 рублей въ мѣсяцъ. Онъ былъ очень умѣренъ въ пищѣ, и иногда цѣлый день оставался безъ нея, если не считать кусочковъ черныхъ солдатскихъ сухарей и шоколада, постоянно имѣвшихся въ его карманахъ. Мы подозрѣвали, что вмѣстѣ съ сухарями у него были въ карманахъ пальто и котлеты, но это не было доказано и осталось въ области предположеній и догадокъ.

Офицеры всей гвардіи, многіе очень богатые, да къ тому же на войнѣ получавшіе усиленные оклады, нуждались часто въ самомъ необходимомъ; случалось, что не было ни чая, ни сахара, ни свѣчей, не говоря уже о кофе, шоколадѣ, сырахъ и т. п. Гвардейскій корпусъ не захотѣлъ допустить обыкновенныхъ маркитантовъ, преимущественно изъ евреевъ, и отдалъ право снабженія всѣмъ нужнымъ одному подрядчику, нѣкоему Львову, который взялъ да и опоздалъ, чѣмъ довелъ нужду въ отрядѣ до крайности. Зато, когда, наконецъ, монополистъ-маркитантъ пріѣхалъ и навезъ всего — по какимъ цѣнамъ, это можно себѣ представить! — въ лагерѣ устроился праздникъ: молодежь не утерпѣла, разрѣшила себѣ все, и у насъ въ клубѣ не мало смѣялись надъ тѣмъ, что всей гвардіи извѣстный bonvivant семеновецъ, графъ К., былъ найденъ утромъ на другой день въ канавѣ.

Корреспондентъ нашъ, князь Ш., былъ прекрасный молодой человѣкъ; онъ исполнилъ просьбу генерала, и въ возвышенномъ, даже торжественномъ тонѣ расписалъ какъ предстоявшія трудности перехода черезъ Балканы, такъ и взятіе Горнаго Дубняка. У насъ въ клубѣ особенную сенсацію произвела фраза, касавшаяся донесенія генералу Гурко о сдачѣ турокъ, какъ-то въ такомъ родѣ: „Къ генералу подскакалъ всадникъ... То былъ ротмистръ Скалонъ!“ За Левушкой Ш. начали ухаживать, какъ за хорошенькой женщиной, потому что всѣмъ захотѣлось быть прописаннымъ въ газетахъ.

Вспоминаю, что одинъ изъ ординарцевъ генерала, гусаръ С., былъ замѣчательный каррикатуристъ, и какъ бы въ противовѣсъ торжественнымъ описаніямъ Ш., очерчивалъ лицо и событія въ такомъ потѣшномъ видѣ,

что нельзя было не смѣяться надъ его рисунками. Вся юмористическая сторона похода войскъ гвардіи въ ея внутренней жизни, особенно все касавшееся клуба, было занесено въ альбомъ, и надобно же было случиться, что альбомъ этотъ, принадлежавшій Скалону, гдѣ-то въ Адріанополѣ или Константинополѣ затерялся.

Объявлено было, что государь пріѣдетъ смотрѣть свою гвардію, и всѣ съ волненіемъ ожидали, что онъ скажетъ, какъ отнесется къ послѣднимъ побѣдамъ, безкровнымъ и кровавымъ; у всѣхъ было сознаніе того, что Горно-Дубнякскій погромъ былъ купленъ слишкомъ дорогой цѣной.

Въ свитѣ генерала мы напряженно слѣдили за тѣмъ, какъ Его Величество, выйдя изъ коляски, въ которой пріѣхалъ, сѣлъ на лошадь и тихо двинулся къ фронту. Генералъ Гурко тоже тихо поѣхалъ къ нему навстрѣчу, отдалъ честь, подалъ рапортъ и склонилъ голову. Мы впились глазами въ движенія государя: онъ принялъ рапортъ и затѣмъ... обнялъ и поцѣловалъ генерала, припавшаго къ его плечу.

Всѣ вздохнули свободно.

Объѣзжая войска и насъ, свиту, государь ласково обратился ко мнѣ со словами:

— Здравствуй, Верещагинъ, ты поправился?

— Поправился, Ваше Величество.

— Совсѣмъ поправился?

— Совсѣмъ поправился, Ваше Величество.

Я съѣздилъ въ Телишъ, чтобы взглянуть на то мѣсто, гдѣ пали наши егеря. Отклонившись съ шоссе влѣво, я выѣхалъ на ровное мѣсто, покатое отъ укрѣпленія, покрытое высокой, сухой травой, въ которой на первый взглядъ ничего не было видно. Погода была закрытая, пасмурная, непривѣтливая, и на темномъ фонѣ тучъ двѣ фигуры, ясно вырисовывавшіяся, привлекли мое вниманіе: то были священникъ и причетникъ изъ солдатъ, совершавшіе божественную службу.

Я сошелъ съ лошади и, взявъ ее подъ уздцы, подошелъ къ молившимся, служившимъ панихиду.

Только подойдя совсѣмъ близко, я разобралъ по комъ совершалась панихида: въ травѣ виднѣлось нѣсколько головъ нашихъ солдатъ, очевидно, отрѣзанныхъ турками; онѣ валялись въ безпорядкѣ, загрязненныя, но еще съ зіявшими отрѣзами на шеяхъ.

Когда служба кончилась, я поздоровался съ батюшкой, сказавшимъ мнѣ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ: „Срамъ, срамъ!“

— Дѣйствительно, срамъ,—повторилъ я, полагая, что онъ говоритъ о валявшихся у ногъ нашихъ головахъ.

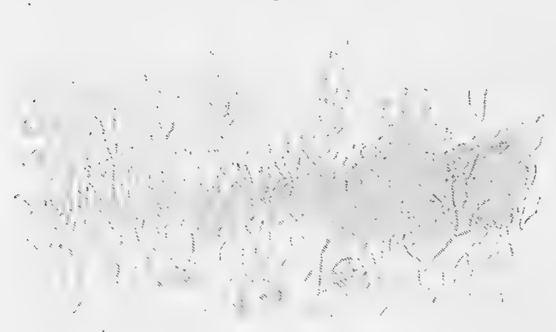
— И вѣдь не знаемъ, когда получимъ все это.

— Что получите, батюшка? — переспросилъ я, не понявъ его фразы.

— Ризы наши, помилуйте! Все отстало, и неизвѣстно, когда догонитъ, развѣ не срамъ то, что я служу панихиду въ праздничной ризѣ?

Признаться, только тутъ я обратилъ вниманіе на то, что почтенный священникъ былъ въ красномъ съ золотомъ облаченіи.

Батюшка и причетникъ обратили мое вниманіе на множество маленькихъ бугорковъ, разбросанныхъ кругомъ насъ; изъ каждаго торчали головы, руки, и чаще всего ноги, около которыхъ тутъ и тамъ возились голодныя собаки, а по ночамъ, вѣроятно, работали и волки съ шакалами.

Отрѣзанныя турками головы егерей, подъ Телишемъ.

Видно было, что тѣла были наскоро забросаны землей, только чтобы скрыть слѣды и, признаюсь, я пожалѣлъ тутъ о томъ, что угроза генерала Гурко коменданту Телиша, сдѣлать его лично отвѣтственнымъ за безчеловѣчное обращеніе съ ранеными, осталась только угрозой: быстрый судъ на самомъ мѣстѣ преступленія былъ бы вполнѣ умѣстенъ.

Подъ впечатлѣніемъ порядочнаго негодованія я выѣхалъ на Софійское шоссе, когда нечаянно встрѣтился съ возвращавшимся въ главную квартиру пріятелемъ моимъ, генераломъ Струковымъ.

Я не утерпѣлъ, чтобы еще издали не крикнуть ему:

— Подумайте только, Александръ Петровичъ, какую штуку сыграли турки съ нашими егерями?

— Что такое?

— А вотъ поѣдемъ, увидите.

И я привелъ его къ валявшимся головамъ. Мы обошли много насыпей и убѣдились до какой степени тѣла были изувѣчены и изуродованы; нѣкоторыя, судя по виднѣвшейся крови, еще живыми.

Струковъ со священникомъ рѣшили просить распоряженія, чтобы завтра же вырыть убитыхъ изъ всѣхъ ямокъ, изъ-подъ всѣхъ насыпей и сложить вмѣстѣ, а послѣ завтра, послѣ, панихиды похоронить въ общей братской могилѣ.

Когда на другой день я снова пріѣхалъ на это печальное мѣсто, С. былъ уже тамъ, и процедура откапыванія и сноса тѣлъ въ одно мѣсто подходила къ концу. На огромномъ пространствѣ лежали гвардейцы, тѣсно другъ подлѣ дружки; высокій, красивый народъ, молодецъ къ молодцу, всѣ обобранные, голые, порозовѣвшіе и посинѣвшіе за эти нѣсколько дней. Около 1.500 труповъ въ разныхъ позахъ, съ разными выраженіями на мертвыхъ лицахъ, съ закинутыми и склоненными головами, кое-гдѣ съ поднятыми руками. Впереди лежавшіе были хорошо видны, слѣдующіе закрывались, болѣе или менѣе, стеблями травы, а дальнихъ почти совсѣмъ не видно было изъ-за нея, такъ что получалось впечатлѣніе, какъ будто все громадное пространство до самаго горизонта было устлано трупами.

Тутъ можно было видѣть, съ какою утонченною жестокостью потѣшались турки, кромсая тѣла на всѣ лады: изъ спинъ и изъ бедеръ были вырѣзаны ремни, на ребрахъ вынуты цѣлые куски кожи, а на груди тѣла были иногда обуглены отъ разведеннаго огня. Нѣкоторыя выдающіяся части тѣла были отрѣзаны и сунуты во рты, носы сбиты на сторону или сплющены, а у солдатъ, имѣвшихъ на погонахъ отмѣтку за хорошую стрѣльбу были высѣчены крестообразныя насѣчки на лбахъ.

Если прибавить, что у многихъ тѣлъ руки, ноги или головы были обгрызаны собаками и шакалами, то представится довольно полная картина турецкаго звѣрства, передъ нами разстилавшаяся.

Мы написали протоколъ, подписали его, но толку вышло мало, и турки продолжали вездѣ, гдѣ могли, рѣзать и отрѣзать.....

Я написалъ потомъ картину этой панихиды, каюсь, въ значительно смягченныхъ краскахъ, и чего-чего не

переслышалъ за нее! И шарлатанство это, и самооплеваніе, и историческая неправда! Сантиментальные люди изъ общества, допуская даже правду изображенія, упрекали художника за то, что, въ помощь склоненной надъ трупами фигуры священника, не прибавлено хоть незначительнаго луча съ неба изъ нависшихъ тучъ.

Другіе знатоки дѣла не допускали возможности панихиды безъ присутствія товарищей; но самъ главнокомандующій оправдалъ отсутствіе ихъ тѣмъ, что оставшаяся въ живыхъ часть полка нарочно не была приведена на панихиду и погребеніе изъ-за общаго нервнаго состоянія людей.

Могу привести фактъ, что, когда уцѣлѣвшіе егеря пришли за полученіемъ своихъ знаменъ, оставленныхъ невдалекѣ подъ прикрытіемъ полка лейбъ-гусаръ, солдаты съ обѣихъ сторонъ плакали.

Лучшимъ оправдателемъ моимъ явился священникъ, передъ самой картиной сказавшій смотрѣвшей на нее публикѣ:

— Господа, священникъ, отпѣвавшій убитыхъ егерей — я, и позволяю себѣ сказать, что все было именно такъ, картина совершенно вѣрна дѣйствительности.

Приходится еще разъ вспомнить слова хорошаго сердцевѣда И. С. Тургенева: „Правда злѣе самой злой сатиры“.

Отрядъ или, вѣрнѣе, армія Гурко выступила по Софійскому шоссе, по направленію къ Балканамъ и шла неторопясь, съ дневками, давая туркамъ время отступать и очищать путь до самаго города Этрополя, такъ что войска спокойно останавливались въ большихъ селеніяхъ, а въ Яблонцахъ стояли даже нѣсколько дней.

Впереди гвардіи шла армейская бригада изъ Псковскаго и Великолуцкаго полковъ подъ командой моего туркестанскаго знакомаго, генерала Д., давно уже изъ-за пустой сплетни оставившаго важный постъ начальника окружного штаба въ Ташкентѣ, и съ тѣхъ поръ, т.-е. въ продолженіе 8 лѣтъ, бывшаго не у дѣлъ. Теперь этотъ хорошій офицеръ генеральнаго штаба, уже въ чинѣ генералъ-лейтенанта, какъ милости добился командованія армейской бригадой и въ концѣ-концовъ военная фортуна снова улыбнулась ему.

Къ Этрополю мы свернули влѣво въ ущелье, которое турки отстаивали не особенно настойчиво и, послѣ

Побѣжденные.

большой демонстраціи и изрядной стрѣльбы съ нашей стороны, начали отступать.

Городокъ расположенъ очень живописно и прямо упирается въ Балканы, переходъ черезъ которыя былъ защищенъ въ этомъ мѣстѣ очень сильными редутами Шандорника, командовавшаго и подъемомъ со стороны Этрополя и спускомъ на Софійское шоссе, упиравшееся въ другое укрѣпленіе „Арабъ-Конакъ".

Мы, т.-е. клубъ, очень удобно устроились на дворикѣ того же дома, гдѣ помѣстился генералъ Гурко, только въ другомъ флигелѣ. Кстати вспомню, что въ этомъ помѣщеніи нашимъ милымъ ординарцамъ досталось, какъ нигдѣ: только бывало уляжемся спать, какъ потребуютъ одного, а то и двухъ изъ нихъ, иногда для поѣздки за 10, 15, 20 верстъ, въ непроглядную тьму, въ дождь, по незнакомой дорогѣ!

Болгарскій буйволъ.

Все-таки турки отступили не сразу, пришлось ихъ выживать и дѣйствовать артиллеріею. Командующій войсками приказалъ генералу Д. втащить на высоту, господствующую надъ городомъ, 2 орудія, но послѣ многихъ усилій пришлось дать знать, что втащить нѣтъ никакой возможности. Генералъ Гурко отвѣтилъ на это извиненіе въ невозможности исполнить приказаніе очень характерно: „втащить зубами!" И, дѣйствительно, запрягши воловъ и буйволовъ, а также приставивши нѣсколько сотъ солдатъ, втащили таки орудія, которыя заставили турокъ очистить городъ.

Могутъ подумать, что донесеніе о невозможности втащить орудія было сдѣлано на легкѣ — какъ не втащить! А, между тѣмъ, тѣ, кто не видѣлъ процедуры поднятія артиллеріи на горы, по лѣсу, безъ дорогъ въ распутицу, по глубокой грязи, тотъ не можетъ составить себѣ понятія о трудности этого дѣла: десятки воловъ и буйволовъ, цѣлыя роты солдатъ съ пѣніемъ „дубинушки" и криками „ура", иногда въ продолженіе цѣлаго дня, едва

подымутся на одну, полторы версты, причемъ люди теряютъ обликъ человѣческій, забрызгиваясь грязью.

Побродивши по занятому городу Этрополю, я особенно залюбовался одной мечетью со стройнымъ, красивымъ минаретомъ; но войдя внутрь ужаснулся: въ разныхъ углахъ зданія сидѣли орлами наши солдатики, отчего воздухъ былъ ужасный. Полъ былъ густо устланъ листками изъ корановъ и другихъ священныхъ книгъ, чудесные, тисненые золотомъ переплеты которыхъ валялись оторванными тутъ же. Интересно было то, что всѣ книги были не попорчены, не надорваны, а прямо разорваны и разбросаны по листкамъ, что, конечно, потребовало много терпѣнія и труда.

Турки отступили къ помянутому укрѣпленію Шандорнику; при отступленіи непріятеля и нашемъ преслѣдованіи его было захвачено нѣсколько орудій, но генералъ Гурко нашелъ, что при большей энергіи можно было бы сдѣлать больше, а именно — захватить всю артиллерію и попробовать слѣдомъ за входившимъ въ редутъ непріятелемъ ворваться въ самое укрѣпленіе.

Авангардомъ нашимъ при преслѣдованіи турокъ былъ очень бравый донской генералъ Х., конечно, первый разъ въ жизни имѣвшій подъ своимъ непосредственнымъ начальствомъ такихъ фешенебельныхъ гвардейскихъ офицеровъ, какъ князь О., командиръ преображенскаго полка. Преображенцы много работали за послѣдніе дни и теперь преслѣдовали турокъ по пятамъ.

Генералъ Гурко крѣпко выговаривалъ Х. за то, что онъ не рискнулъ проникнуть въ редутъ на плечахъ отступавшихъ турокъ:

— Что это, ваше превосходительство, не попробовали войти въ Шандорникъ-то?!

— Хотѣлъ, ваше превосходительство, да князь О. говоритъ, что это не входитъ въ нашу программу!

— Хоть бы вы попробовали узнать умѣютъ ли турки въ Шандорникѣ стрѣлять!

— Хотѣлъ, ваше превосходительство, хотѣлъ, да князь О. говоритъ, что это не входитъ, говоритъ, въ нашу программу!

Генералъ Г. и мы слѣдомъ за нимъ ѣздили не разъ для осмотра позиціи какъ турокъ, такъ и нашихъ. Одинъ разъ выѣхали прямо, должно-быть, „въ несчастный день, въ безталанный часъ“, до того генералъ сердился и вы-

ходилъ изъ себя. Погода была отвратительная, мокрота и слякоть сдѣлали дорогу къ главному хребту Балканъ совсѣмъ трудно проходимою — колеи, выбоины, зажоры были невообразимыя и войска по нимъ все тянулись и тянулись, все портили и портили путь.

Уже близъ города болгаринъ, взявшійся показать дорогу, потерялъ ее, — когда онъ объявилъ о своемъ затрудненіи генералу, тотъ громовымъ голосомъ закричалъ: „голову сниму!“ и этимъ вовсе смутилъ малаго, въ концѣ-концовъ, таки выбравшагося на путь.

Далѣе попался генералъ Д., чинно, аккуратно, на сытой лошадкѣ ѣхавшій во главѣ множества полковыхъ повозокъ. Бывалый туркестанецъ не пренебрегалъ удобствами и всегда ѣздилъ съ поваромъ, приготовлявшимъ прекрасные щи и битки, которымъ отдавалъ справедливость самъ Г. Не невозможно, однако, что практическое рѣшеніе Д., ни при какихъ обстоятельствахъ не морить себя голодомъ, дѣйствовало немного на нервы ригориста Г., сплошь и рядомъ обходившагося одними солдатскими сухарями, довольно часто безъ особыхъ причинъ сердившагося на своего подчиненнаго и здѣсь прямо обрушившагося на него:

— Ваше превосходительство, изволите по Тамбовской губерніи прогуливаться?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокопревосходительство, поднимаюсь на Балканы!

— Это въ одно-конь-то поднимаетесь на Балканы! Въ кручу спущу всѣ повозки въ одну лошадь, извольте сейчасъ перепрячь ихъ!

— Слушаю-съ!

Дальше попался тяжело нагруженный возъ парой, который, за недостаткомъ лошадиной силы, со всѣхъ сторонъ подталкивали солдаты — буквально по поясъ въ грязи, на „ура“ вымогали они повозку изъ ямъ и колдобинъ, наполненныхъ жидкою грязью.

— Чья повозка?

— Полкового командира, ваше превосходительство!

— Позвать сюда полкового командира!

Явился съ дрожащей подъ козырькомъ рукою полковникъ Z.

— Вы полковой командиръ?

— Точно такъ, ваше высокопревосходительство!

— Вашу хурду-мурду тащитъ по грязи цѣлая рота солдатъ — стыдитесь, полковникъ!! Въ кручу спущу вашу повозку, — извольте сейчасъ запрячь воловъ, а солдатъ отпустить!

— Слушаю-съ!

Еще дальше, Астраханскій драгунскій полкъ былъ расположенъ лагеремъ въ безпорядкѣ, палатки стояли не выравненныя, дурно натянутыя.

— Полкового командира сюда!.. Вашъ таборъ?

— Мой полкъ, ваше вы—во!

— Какой полкъ, это таборъ, говорю вамъ! Извольте сейчасъ привести лагерь въ порядокъ!..

— Слушаю-съ!

Одинъ разъ, когда мы ѣздили за генераломъ къ позиціямъ отряда генерала Рауха, Гурко оставался тамъ завтракать, а намъ всѣмъ предложилъ ѣхать домой. Я уговорилъ драгуна Коссиковскаго подняться вмѣстѣ къ туркамъ на Шандорникъ, благо дорога туда пересѣкала нашъ путь; онъ согласился и мы, свернувъ, стали подниматься прямо по направленію къ непріятелю, рискуя ежеминутно быть встрѣченными пальбой.

Мы ѣхали молча, постоянно прислушиваясь и оглядываясь, — ничего не было легче, какъ очутиться отрѣзанными и взятыми въ плѣнъ; съ К. былъ драгунъ, со мной — мой кавказскій казакъ.

Когда на снѣгу прекратились слѣды нашихъ разъѣздовъ, пріятель сталъ звать назадъ:

— Эй, поѣдемъ, В. В.! Смотрите захватятъ насъ!

— Не захватятъ, — отвѣчалъ я, двигаясь впередъ и прислушиваясь, хотя, каюсь, на сердцѣ было неспокойно.

Мы доѣхали до самой вершины Шандорника: совершенно голой площадки съ какими-то двумя человѣческими фигурами, одною сидящей, другою стоящей — какъ мы рѣшили — двумя чучелами, очевидно поставленными для обмана — только для обмана кого, своихъ или нашихъ?

— Поѣдемъ назадъ, — шепнулъ мнѣ К., — укрѣпленіе здѣсь близко!

— Сейчасъ, сейчасъ, — отвѣчалъ я, осматривая въ бинокль мѣстность и странныя фигуры...

Вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ въ лѣсу, раздалися голоса турецкихъ солдатъ, и я уже не заставилъ повторять себѣ предостереженіе: плеткой по

лошади да маршъ-маршемъ, такъ что мы скрылись, прежде чѣмъ турки вышли на дорогу. Такъ какъ въ лѣсу могла двигаться только пѣхота, то, конечно, хорошіе гостинцы полетѣли бы намъ въ догонку, если бы мы хоть немного замедлили еще.

Проскакавши по дорогѣ съ версту и не видя погони, мы остановились да давай хохотать!

Войска ходили занимать Златоустовскій перевалъ, влѣвѣ отъ Шандорника, и я, любопытствуя видѣть, какъ будутъ выживать турокъ, поѣхалъ вмѣстѣ съ княземъ Шаховскимъ слѣдомъ за отрядомъ; однако, экскурсія наша вышла неудачной въ томъ смыслѣ, что турки уступили перевалъ безъ боя и мы не видѣли ничего интереснаго, если не считать за таковое ужасно проведенную ночь. Уже поздно вечеромъ мы добрались до турецкаго блокгауза, только что покинутаго непріятелемъ и занятаго нашими, до того переполнившими все нутро зданія, что съ великимъ трудомъ удалось пріютиться въ одномъ углу, конечно, безъ всякаго удобства, безъ огня и безъ пищи, даже безъ соломы.

Товарищъ мой ухитрился заснуть, но я буквально не закрылъ глазъ изъ-за множества насѣкомыхъ, не той легкой кавалеріи, которой такъ много на востокѣ во всѣхъ скученныхъ мѣстахъ, но прямо пѣхоты, перекочевавшей съ сосѣднихъ солдатъ и видимо заполнившей всѣ складки моего бѣлья.

Чуть забрезжилъ свѣтъ—мы поспѣшили спуститься и, признаюсь, я не смогъ доѣхать до дому и, пользуясь тѣмъ, что свѣтило солнышко и было не холодно, расположился у рѣчки и раздѣлался съ врагами.

Наши два армейскіе полка имѣли на Шандорникѣ дѣло съ турками — увлеклись и полѣзли на укрѣпленіе, отъ котораго ихъ, однако, отбили. Когда началась пальба, мы изъ города ясно видѣли въ бинокли, какъ по яркому снѣгу, покрывавшему хребты горъ, двигались черныя точки нашихъ и турецкихъ войскъ, сначала въ одну сторону, потомъ въ другую. Были, конечно, убитые и раненые, но большого значенія это дѣло не имѣло.

Я поѣхалъ осмотрѣть мѣсто битвы, да кстати навѣстить моего туркестанскаго знакомаго, вышепомянутаго генерала Д., на котораго у насъ въ штабѣ всѣ нападали.

Дорога при подъемѣ на горы обратилась въ сплошной кисель или мѣсиво изъ снѣга, грязи, моха и листьевъ, — непонятно было почему саперы не проложили хоть сколько-нибудь сноснаго пути, если не для прохода войскъ, то для провоза орудій!

Какъ я уже выше замѣчалъ, ничто изъ видѣннаго на картинахъ и рисункахъ, включая сюда и извѣстныя изображенія трудовъ кавказскихъ войскъ Горшельта, не даетъ полнаго понятія о трудѣ солдатъ при подъемѣ пушекъ: по-поясъ въ грязи, сотнями толпятся и лѣпятся они около станка, колесъ и запряжки, выпѣваютъ „дубинушку“, кричатъ ура! и часто не двигаются съ мѣста. Только огромное число паръ воловъ и буйволовъ спасаетъ обыкновенно положеніе, и орудіе добирается до вершины.

Одна смѣна солдатъ работаетъ, другая отдыхаетъ, но и отдыхъ тутъ только сравнительный, потому что предполагаетъ лишь меньшую ломку всѣхъ членовъ: нужно нести снаряды, ружья и т. п. Отъ сапогъ до башлыка включительно, весь солдатъ представляетъ одно сплошное грязное пятно, въ которомъ лишь пара глазъ не загрязнена, не теряется подъ сѣрой корой.

Я помѣстился въ палаткѣ моего пріятеля, откуда совершалъ экскурсіи во всѣ стороны расположенія нашихъ войскъ, причемъ перезнакомился со многими офицерами отряда.

Особенно оригиналенъ и интересенъ былъ помянутый донской генералъ X., часто отводившій меня въ сторону и интимно повѣдывавшій свои соображенія и планы: „вонъ видите эту тропочку? вотъ по ней бы я и прошелъ бы; пошелъ бы, пошелъ, да и загналъ бы!..“

Въ это время пришло изъ главной квартиры приказаніе пустить въ дѣло, введенную генераломъ Тотлебеномъ, подъ Плевной, систему стрѣльбы залпами: вмѣсто того, чтобы бить по укрѣпленіямъ съ небольшими перерывами постоянно, приказано было въ извѣстный, заранѣе назначенный моментъ, стрѣлять всѣмъ батареямъ сразу.

Мы смотрѣли въ бинокли на всю цѣпь укрѣпленій Шандорника, когда раннимъ утромъ былъ произведенъ первый залпъ: — нѣсколько фигуръ турокъ, вышедшихъ за разными надобностями, склонились и остались тамъ, гдѣ были.

Въ общемъ, однако, нужно было признать, что и стрѣльба залпами не оказала большого вліянія на защиту; приходилось стрѣлять въ длинную линію укрѣпленій, да еще снизу вверхъ, такъ какъ мѣсто расположенія нашихъ войскъ было ниже турецкаго. Другое дѣло было съ укрѣпленіемъ Арабъ-Конакъ, на Софійскомъ шоссе, въ который посыпались залпами снаряды изъ всѣхъ орудій съ мѣста расположенія Московскаго полка: должно-быть, непріятелю стало невыносимо, потому что онъ полѣзъ выбивать Московцевъ изъ ихъ позицій, а если возможно, то и отбирать у нихъ орудія. Одновременно съ этимъ нападеніемъ и Шандорникъ сталъ усиленно угощать насъ гранатами, производившими адскій шумъ между деревьями.

Какъ разъ подъ этимъ адскимъ гранатнымъ трескомъ, пробираясь на ровное чистое мѣсто, съ котораго былъ виденъ бой Московцевъ, я встрѣтилъ начальника штаба отряда Д., полковника Х., рѣшительно не выносившаго ни гула отъ полета снарядовъ, ни треска отъ разрыва ихъ — онъ какъ-то пригибался къ сѣдлу и издавалъ жалостный стонъ. Впослѣдствіи Д. удалилъ его именно за эту нервность, дурно вліявшую на окружающихъ, особенно на солдатъ.

— Полковникъ, — говорю, — нужно послать Московцамъ подкрѣпленія!

— Ну вотъ, а мы-то съ чѣмъ останемся!

— Да вѣдь на насъ не нападаютъ, а тамъ крѣпко тѣснятъ, смотрите — наши уже отходятъ!

— Нѣтъ, намъ самимъ нужны войска!

Я, однако, не сдался и лишь только присоединился къ сидѣвшему уже на пригоркѣ съ нѣсколькими офицерами и въ бинокль слѣдившему за битвой Д., какъ обратился съ той же просьбой послать нашимъ сикурсу.

— Вы думаете?

— Увѣренъ, что это необходимо.

Былъ посланъ 1 батальонъ Семеновскаго полка.

Битва продолжалась, и намъ ясно было видно, какъ наши орудійные и ружейные дымки стали отходить назадъ. Я сталъ просить послать еще.

— Довольно! посланъ батальонъ.

— Мало, необходимо послать еще...

И я добился того, что былъ посланъ сначала еще батальонъ, а потомъ и еще одинъ, всего три батальона.

Когда приказаніе о посылкѣ послѣдняго подкрѣпленія было уже дано, прискакалъ отъ генерала Г. ординарецъ, ротмистръ Клегельсъ, съ приказаніемъ: „послать подкрѣпленіе Московскому полку!“

— Скажите генералу, — отвѣтилъ я ротмистру, — что до его приказанія уже послано три батальона.

— Такъ до моего пріѣзда уже было послано три бататьона? — переспросилъ еще разъ К., отъѣзжая съ позицій для доклада Гурко.

— Да.

Справедливость требуетъ сказать, что три батальона эти не поспѣли къ бою, тѣмъ не менѣе, генералъ Гурко былъ чрезвычайно доволенъ проявленными Д. самостоятельностью и иниціативою — распорядился не дожидаясь сакраментальнаго „приказанія!“

Позиція Шандорника была такъ сильна, что нечего было и думать о взятіи ея открытымъ нападеніемъ. Главныя силы наши направились на лѣвый флангъ турецкихъ позицій, гдѣ подъ Правцемъ было дѣло, подобнаго которому я не видѣлъ по живописности, можно сказать, по фееричности обстановки!

Генералъ Раухъ посланъ былъ въ обходъ крайняго лѣваго крыла турокъ, и въ день битвы съ горы, занятой генераломъ Гурко, ясно былъ виденъ турецкій отрядъ, поднявшійся для отраженія нашихъ.

Всѣ бинокли были обращены на кряжъ, по которому должны были идти силы Рауха, — онъ что-то замѣшкался и Г. началъ уже выражать знаки нетерпѣнія, когда на гребнѣ показалась спрыгнувшая внизъ фигура, за ней другая, третья... то были передовые Семеновцы. Скоро число ихъ увеличилось и они лавой полились внизъ по направленію къ ожидавшимъ ихъ туркамъ, открывшимъ сильный огонь. Дружное ура! Семеновцевъ донеслось до насъ и мы увидѣли, что турки начали пятиться, дальше, дальше, и, наконецъ, побѣжали.

Для всѣхъ стало ясно, что если бы ударить гранатами по бѣжавшимъ туркамъ, то пораженіе ихъ было бы полное. Раздался крикъ всѣхъ, начиная отъ самого Г., и кончая тутъ бывшимъ солдатомъ: „орудіе! орудіе сюда!“ Орудіе втащили, ударили, но... снарядъ не долетѣлъ дальше половины разстоянія до бѣжавшей колонны и стрѣльбу пришлось прекратить. Непріятельскія же гра-

наты и даже пули очень безпокоили насъ, въ такой мѣрѣ, что когда прямо подъ нашей горой граната ударила по Финскимъ стрѣлкамъ — весь батальонъ бросился бѣжать. Ужъ и досталось же финамъ отъ Г.: „стыдитесь, — кричалъ онъ имъ съ высоты, своимъ громовымъ голосомъ, — срамъ!...“ Шума около генерала было много, всякій кричалъ, что хотѣлъ, и Г. ничего не говорилъ, не останавливалъ, онъ стоялъ, прислонясь спиной къ одному изъ временныхъ укрѣпленій, съ биноклемъ въ рукахъ, и наблюдалъ за успѣхомъ операціи Рауха.

Тамъ въ это время образовалась слѣдующая, прямо театральная картина: надвинувшееся облако раздѣлилось такъ, что мѣсто дѣйствія, по которому отступали турки и наступали наши, обвило сплошнымъ кольцомъ, которое заходящее солнце освѣтило вдобавокъ всѣми цвѣтами радуги, отъ краснаго въ свѣту, до зеленоватаго и синеватаго въ тѣни.

Орудіе въ Правцѣ (близъ генер. Гурко).

Всѣ прямо ахнули и Гурко не вытерпѣлъ, обратился ко мнѣ со словами: „Это ужъ по вашей части!“ Я, дѣйствительно, сѣлъ впереди его и тутъ же подъ пулями набросилъ этотъ, никогда мною прежде невиданный эффектъ, въ намѣреніи послѣ передать на полотно всю картину боя, со стоявшими на первомъ планѣ генераломъ и лицами его свиты.

Увы! и этотъ набросокъ вмѣстѣ съ цѣлыми сорока (40) другими былъ потерянъ докторомъ Стуковенко, взявшимся переслать ихъ въ Россію, какъ я разскажу ниже. Между прочимъ, у меня былъ прекрасный набросокъ покрытой снѣгомъ вершины Шандорника, который долженъ былъ служить этюдомъ для изображенія атаки этого укрѣпленія нашей армейской бригадой. Было много и другихъ набросковъ, интересныхъ для исторіи похода, но всѣ такъ и пропали безъ слѣда.

Помню, что я никому не показывалъ своихъ замѣтокъ, хранившихся въ особенномъ ящичкѣ, припрятан-

номъ въ большомъ болгарскомъ шкапу нашего помѣщенія. Только послѣ я узналъ, что мои милые товарищи, не подавая и вида нескромности, свидѣтельствовали мою сокровищницу и смотрѣли всѣ этюды и наброски, по мѣрѣ того, какъ они производились.

Послѣ занятія Правецкихъ высотъ и полнаго отступленія турокъ, Гурко занялъ городъ Орханіе, важный продовольственный пунктъ, но грязный и непріютный до крайней степени.

Запасы турокъ, здѣсь захваченные, были очень велики, какъ по продовольствію, такъ и по медицинской части; одного хинина оказалось такъ много, что только не желавшіе не запаслись цѣлыми банками, — а у насъ какъ разъ чувствовался недостатокъ въ немъ.

Клубъ жилъ здѣсь хуже чѣмъ въ другихъ мѣстахъ и помѣщеніе было такъ тѣсно, что нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Клегельсъ и Сухановъ помѣстились отдѣльно. Всѣ жили ожиданіемъ вѣстей изъ подъ Плевны, задерживавшей дальнѣйшее движеніе за Балканы.

И вдругъ пришла вѣсть, что Плевна пала! Сомнѣваться было нельзя, потому что имѣлось оффиціальное увѣдомленіе, въ отвѣтъ на которое помощникъ начальника штаба Нагловскаго, Н. Н. Сухотинъ, былъ снаряженъ въ главную квартиру для сообщенія плана дальнѣйшихъ движеній передовой арміи.

Крайне интересуясь ознакомиться поближе съ Плевненскими событіями послѣдняго времени, я сговорился съ С. ѣхать вмѣстѣ, и сказавшись въ штабѣ, выѣхалъ налегкѣ, намѣреваясь съ нимъ же вскорѣ и возвратиться назадъ.

Наше „налегкѣ“ было полное: мы не захватили ни достаточно теплаго платья, ни провизіи, въ надеждѣ на то, что скоро доѣдемъ; оказалось, однако, что лошади, не подкованныя на острые шипы, при наступившей гололедкѣ, не могли идти иначе, какъ шагомъ, и мы плелись до главной квартиры вдвое дольше, чѣмъ предполагали.

Разсчетъ на то, что въ дорогѣ раздобудемъ что поѣсть, не оправдался, и съ этой стороны тоже пришлось бѣдствовать: у насъ, вѣрнѣе у С., были всего на всего связка баранокъ и бутылка абсента, изъ которой мы временами и грѣлись, закусывая горечь сушками. Съ грѣхомъ пополамъ раздобылись горячей водой для чая, и, въ концѣ-концовъ, таки доѣхали.

Въ главной квартирѣ я провелъ ночь у милаго, обязательнаго полковника генеральнаго штаба Фрезе и на другой день представился главнокомандующему, который, на вопросъ мой: съ кѣмъ посовѣтуетъ онъ мнѣ идти, отсюда, гдѣ, какъ художнику, будетъ интереснѣе, подумавъ немного, отвѣтилъ: „со Скобелевымъ".

Я поѣхалъ въ Плевну къ назначенному комендантомъ въ ней Михаилу Дмитріевичу и разсказалъ о совѣтѣ главнокомандующаго идти съ его отрядомъ; онъ очень обрадовался, предложилъ остановиться, жить и харчеваться у него, а за моими вещами и лошадьми послалъ въ Орханіе урядника.

Скобелевъ занималъ большой домъ, на дворѣ котораго въ отдѣльныхъ постройкахъ помѣщались его начальникъ штаба, подполковникъ Куропаткинъ и ординарцы. Вся эта обстрѣленная молодежь теперь отдыхала сравнительно съ прежнею каторжной работой въ палаткахъ и траншеяхъ.

Заглянувши разъ въ ихъ помѣщеніе, которое Скобелевъ называлъ почему-то „вертепомъ", я нашелъ всю компанію поющею хоромъ, при чемъ запѣвалой и заправиломъ былъ самъ К. — Какъ сейчасъ вижу его безъ мундира, обернувшагося къ кучкѣ молодежи, плавно махающаго распростертыми руками и степенно легкимъ басомъ запѣвающаго: „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ!..."

Первая моя экскурсія по осмотру мѣстности вокругъ Плевны была къ расположенію нашего гренадерскаго корпуса, на мѣсто, гдѣ завершилась Плевненская драма и послѣдній отчаянный ударъ турокъ разбился о полки облегавшихъ городъ съ этой стороны гренадеръ.

Дорога отъ Плевны къ мосту была завалена патронами и ружьями, въ невѣроятномъ количествѣ. Проѣзжавшіе повозки, орудія и зарядные ящики давили первые цѣлыми тысячами — какъ только не опасались послѣдствій! Оказалось, что распорядиться этимъ наслѣдствомъ турокъ назначенъ былъ Скобелевъ-отецъ, но почтенный Дмитрій Ивановичъ, видимо, не торопился и десятки тысячъ ружей, доставшихся намъ въ исправномъ видѣ, лежали вдоль всего пути къ городу, подъ грудами снѣга, портились, ржавѣли.

Если бы не ложный стыдъ, конечно, слѣдовало бы вооружить сколько можно большее число нашихъ частей этими ружьями, вмѣсто Крынковскихъ дубинокъ,

имѣвшихъ только половинную дальность полета, да еще вдвое болѣе тяжелыхъ и часто засорявшихся, дѣлавшихся негодными.

Въ домикѣ около моста, какъ извѣстно, ждалъ результата боя Османъ Паша, изъ него же раненный онъ вышелъ, чтобы сдаться. Все поле, дальше по шоссе, было усѣяно опять-таки оружіемъ и всякими принадлежностями солдатскаго снаряженія, а также тѣлами людей и лошадей. Наши трупы были уже убраны, но турокъ изъ-за холодной погоды не торопились подбирать и они валялись мѣстами цѣлыми грудами.

Въ одномъ мѣстѣ мнѣ бросилась въ глаза группа очень красиваго кавалериста, растянувшагося на спинѣ во весь свой богатырскій ростъ, правою рукой обхватившаго шею своего коня; красавецъ албанецъ, должно-быть, былъ убитъ наповалъ, потому что широко открытые глаза смотрѣли въ небо, глаза же лошади, тоже открытые, были любовно устремлены на господина, какъ говорю, послѣднимъ предсмертнымъ движеніемъ, успѣвшаго прижаться къ своему вѣрному другу-слугѣ.

На возвышеніи, на которомъ стояли наши батареи, обращенныя къ городу, солдатъ-артиллеристъ изъ участниковъ боя далъ очень интересный разсказъ начала и завершенія его.

Прежде всего оказалось, по его словамъ, что, когда турки раннимъ утромъ совершенно неожиданно и очень стремительно набѣжали на наши линіи, около орудій не оказалось прикрытія... такъ привыкли у насъ къ тому, что Плевна не сдастся и терпѣливо отсиживается.

„Турки бѣжали шибко, — разсказывалъ артиллеристъ, — какъ теперь вижу бѣгущаго впереди офицера съ рыжей бородой — бѣгутъ да кричатъ: „Ал-лахъ! Ал-лахъ!“ Прямо на наши орудія, защиты намъ не было, мы побѣжали назадъ, а они схватились за орудія, повернули ихъ, да по насъ же и давай жарить...“

Первую линію нашу турки прошибли насквозь всю, но потомъ были остановлены и повернули назадъ также быстро, какъ набѣжали, устилая путь своими тѣлами.

Въ этотъ день я видѣлъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, огромные толпы плѣнныхъ турокъ, получавшихъ, какъ мнѣ говорили, въ первый разъ послѣ сдачи города, порцію сухарей — это до сихъ-то поръ почтенный Д. И. Скобелевъ не собрался покормить оголодавшихъ

защитниковъ [1]) Плевны, отчасти отъ этого, отчасти изъ-за нравственнаго потрясенія, начавшихъ заболѣвать и падать сотнями, тысячами. Понятно, что, за время осады, натянутые нервы поддерживали и тѣло, и духъ турокъ, а со сдачею города и съ открывшеюся перспективой долгаго плѣна, нервы сдали и силы разбились.

Когда черезъ день я снова поѣхалъ по этой дорогѣ къ позиціямъ гренадеръ, чтобы навѣстить моего родственника, полковника Гадона, командовавшаго Самогитскимъ гренадерскимъ полкомъ, я нашелъ подъ самымъ городомъ громадныя толпы плѣнныхъ турокъ, шедшихъ по направленію къ Дунаю, въ Россію, въ плѣнъ. Стояла стужа и вьюга, пронизывавшая заледенѣлое, изорванное платьишко турокъ, съ мрачнымъ, сосредоточеннымъ взоромъ, согнувшись подъ тяжестью навьюченныхъ на себя мѣшковъ, проходившихъ мимо поворота къ городу. Грудами налегали они на драгунъ, оберегавшихъ входъ въ улицы, и со слезами, прямо съ рыданьями, просили позволенія только обсушиться и обогрѣться, — приказъ былъ строгъ: „не пускать никого!“ и солдаты могли, конечно, только отбиваться и отнѣкиваться: „айда! айда! проходи! проходи дальше!“

Бравые казачки, не упускающіе случая поприна-житься, продавали голоднымъ плѣннымъ короваи чернаго, полубѣлаго и бѣлаго хлѣбовъ — первые, размѣромъ побольше, фунтовъ на 10, а послѣдніе, совсѣмъ миніатюрные — по рублю за штуку. Около углового дома вижу: пожилой, степенный турокъ чуть не съ ревомъ наступаетъ на казака, держащагося въ оборонительномъ положеніи — видно требуетъ чего-то. Я разобралъ въ чемъ дѣло и говорю Данилычу: „отдай, или я скажу офицеру!“ Недовольный и, видимо, обиженный казакъ принялъ назадъ хлѣбъ и выкинулъ изъ шапки турецкій золотой, со словами: „на тебѣ, убирайся!“ Это онъ хотѣлъ за одинъ коровай чернаго хлѣба прикарманить цѣлый золотой, стоящій 11 рублей.

Нѣтъ сомнѣнья, что все-таки тѣмъ или инымъ путемъ прорвалось въ городъ не мало плѣннаго люда, потому что я нашелъ потомъ всѣ мечети, обращенные въ

---

[1]) И то сказать: къ сдачѣ Плевны совершенно не приготовились, хотя ожидать ее было въ порядкѣ вещей; въ этихъ условіяхъ «создать» провіантъ для прокормленія 40.000 человѣкъ было очень трудно, если не невозможно.

госпитали, совершенно полными не столько ранеными и больными, сколько усталыми, изможденными голодомъ и всяческими лишеніями.

Я долго наблюдалъ за проходившими толпами плѣнныхъ. Жутко было видѣть, какъ многіе совершенно истомленные начинали отставать отъ товарищей, все болѣе и болѣе слабѣя, начинали шататься и, наконецъ, падали на дорогу чуть не подъ ноги другихъ. Свалившійся пробуетъ встать, умоляетъ другихъ помочь ему, но гдѣ тутъ помогать въ этой суетѣ и гибели, — всѣ молча минуютъ и несчастный мирится, наконецъ, со своей участью, сидитъ, ждетъ, лишь глазами и какимъ-то мычаніемъ выражая желаніе подняться, идти за другими. Дальше таже участь постигла другого, потомъ еще двоихъ, и такъ далѣе, безъ конца, по всему пути.

Вотъ идетъ артиллерія, ряды плѣнныхъ сторонятся, берутъ влѣво и вправо, но упавшіе, не въ силахъ будучи сдвинуться, попадаютъ подъ колеса, которыя вдавливаютъ ихъ въ снѣгъ. Такъ какъ буря крутитъ и вѣтеръ навѣваетъ снѣгъ на все неподвижное, то скоро бѣлое покрывало, постоянно уминаемое колесами, сглаживаетъ неровности, образованныя тѣломъ, и только верхъ головы здѣсь, да концы ступней тамъ, указываютъ на то, что тутъ находится цѣлый человѣкъ.

Вдавленная такъ фигура не теряетъ еще вполнѣ чувствъ и сознанія, и глядѣвшіе изъ-подъ снѣга глаза дня по два краснорѣчиво говорили своими двигавшимися зрачками, а губы что-то невнятно шептали — что?!

Я пробовалъ съ моимъ казакомъ приподнимать нѣкоторыхъ упавшихъ, но безъ всякаго практическаго результата: замычитъ, заерзаетъ ногами, но за тѣмъ грохнется какъ парализованный...

Въ мѣстахъ, гдѣ толпы плѣнниковъ ночевали, лежали около дороги цѣлыя масса мертвыхъ, въ 200—300 человѣкъ, полузанесенныхъ снѣгомъ. При мнѣ кѣмъ-то посланные на повозкахъ люди разрывали эти кучи и находили подъ слоемъ замершихъ еще живыхъ, съ отмороженными совершенно бѣлыми лицами, руками, ногами. Физіономіи этихъ людей, снова увидѣвшихъ свѣтъ послѣ двухдневнаго пребыванія въ снѣгу между мертвыми — не поддаются описанію.

Одинъ старый, другой молодой турки сидѣли въ сторонѣ отъ дороги, наклонясь надъ подобіемъ костра изъ

нѣсколькихъ лучинокъ и хворостинокъ, на половину горѣвшихъ, на половину дымившихъ. Когда я подъѣхалъ къ нимъ, старый солдатъ началъ что-то говорить, на что-то жаловаться, чего-то просить...

Ничего не понявши, я могъ только сказать, указывая на небо: Аллахъ! Аллахъ!

— Эффенди, эффенди!—раздался потомъ его голосъ, а затѣмъ и рыданія; но я поѣхалъ далѣе — что можно было сдѣлать?

Когда черезъ день, возвращаясь тою же дорогой назадъ, я подъѣхалъ къ этой группѣ — и старикъ и молодой сидѣли все въ тѣхъ же позахъ, только низко наклонившись надъ потухшими прутьями — оба были мертвы.

Мнѣ указали домишко на шоссе въ которомъ жилъ братъ мой Г... Молодой офицеръ, какъ оказалось, полковой адъютантъ, встрѣтилъ меня въ воротахъ вопросомъ не корреспондентъ ли я? и когда узналъ что я не корреспондирую въ газеты — едва удостоилъ отвѣтить, что Г. дома.

Я разсказалъ потомъ своему брату объ этой погонѣ его подчиненнаго за корреспондентами, и онъ со смѣхомъ сознался, что молодой человѣкъ, обиженный малымъ офиціальнымъ вниманіемъ къ ихъ полку, хотя и имѣвшему только 70 человѣкъ убыли, но фактически закончившему измѣненіе турецкаго наступленія въ отступленіе, — рѣшилъ разыскать какого-нибудь корреспондента и начинить его свѣдѣніями о геройствѣ Самогитцевъ. Отсюда разочарованіе юнаго воина, когда онъ узналъ, что подъѣхавшая штатская клеенка представляла изъ себя не желаннаго писаку, а только родственника его начальника.

Кстати припомню, что когда, послѣ дѣла Московцевъ подъ Шандорникомъ, я спустился къ мѣсту расположенія этого полка, а также рядомъ съ ними дравшихся стрѣлковъ Императорской фамиліи, меня забросали вопросами: не корреспондентъ ли я?! Совсѣмъ охрипшіе послѣ боя голоса на разные тона выспрашивали и выкликали: „Г-нъ корреспондетъ! Позвольте узнать: вѣдь вы корреспондентъ?!“ — И тутъ разочарованіе было велико, когда оказалось, что я не занимаюсь тѣмъ дѣломъ, за которое иногда очень строго осуждаютъ, а иногда очень нѣжно ласкаютъ, смотря по надобности.

Такъ какъ меня мучила неизвѣстность объ участи трупа брата Сергѣя, погибшаго около Скобелева въ бою 30 августа подъ Плевной, то я поѣхалъ на мѣсто бывшаго лѣваго фланга съ намѣреніемъ поискать его кости, въ случаѣ если бы они, паче чаянія, остались непогребенными. Но намѣреваться было одно, а исполнить намѣреніе — другое, и хотя одинъ изъ ординарцевъ Скобелева хорошо разсказалъ о мѣстѣ, гдѣ слѣдовало искать, задача была не изъ легкихъ; на бѣду еще люди съ лопатами, любезно посланные однимъ изъ Скобелевскихъ полковыхъ командировъ, Панютинымъ, на случай если бы пришлось порыться въ землѣ, направились не въ то мѣсто, куда имъ было указано, и пришлось бродить и искать одному.

Между прочимъ меня поразило громадное количество совершенно неразорванныхъ гранатъ нашихъ, покрывавшихъ всю мѣстность около редутовъ. Громоздкіе снаряды осадной батареи, какъ говорили, стоившіе по 300 руб. за штуку, избороздивши все кругомъ рвовъ, очевидно, не причинили никакого вреда непріятелю, — будто стоило въ такихъ условіяхъ стрѣлять! Выше я уже отмѣчалъ это странное явленіе и здѣсь снова упоминаю о немъ, потому что помню о тѣхъ надеждахъ и упованіяхъ, которыя возлагались именно на осадную батарею и ея колоссальные, якобы всесокрушающіе снаряды.

Спустившись, какъ мнѣ было сказано, съ редута и свернувъ отъ дороги по тропкѣ, я вступилъ въ цѣлое море мертвыхъ тѣлъ нашихъ убитыхъ. Они лежали тутъ во всѣхъ позахъ съ 30 августа, совершенно сгнившіе и полусгнившіе, и съ обрывками бѣлья и платья и голыми костяками. Я зналъ, что братъ мой былъ въ день смерти въ черкескѣ и ситцевой крапинками рубашкѣ. Черкеска, конечно, была снята, но ситцевая рубашка должна была остаться, и съ этими слабыми данными я разыскивалъ, всматривался въ темныя пятна глазныхъ орбитъ, со всѣхъ сторонъ на меня вперенныхъ. Отъ долгой ходьбы между скелетами сдѣлалось такъ горько и тоскливо, что я, наконецъ, судорожно разрыдался и, ничего не добившись, возвратился домой.

На слѣдующій день съ новыми свѣдѣніями и двумя людьми съ лопатами я отыскалъ скромную могилку у тропинки, подходившую по указаніямъ къ той, въ которой, какъ на этотъ разъ утвердительно сказали мнѣ,

были сложены кости моего братишки; я увеличилъ могильную насыпь, обрылъ ее кругомъ и посадилъ по угламъ нѣсколько кустовъ — только для успокоенія совѣсти, конечно, такъ какъ былъ увѣренъ въ томъ, что почтенные „братушки“ все это запашутъ и сравняютъ съ землей... Впрочемъ годъ спустя послѣ войны я нашелъ устроенную мною могилу еще въ порядкѣ, но уже тогда видно было, что рѣдкій пахарь, болгаринъ, устаивалъ отъ искушенія валить направо и налѣво своимъ глубокимъ плугомъ деревянные кресты, поставленные надъ нашими павшими воинами.

Я упоминаю дальше о томъ, что ѣздилъ съ М. Д. Скобелевымъ на редутъ его имени, тотъ самый, что онъ взялъ во время штурма 30 августа и который долженъ былъ уступить на другой день, и говорю, что М. Д. горько плакалъ во все время панихиды, совершенной надъ той самой едва замѣтной канавкой, которую его люди успѣли горстями — за неимѣніемъ инструментовъ — вырыть, желая защититься отъ налегшихъ на нихъ турецкихъ силъ. Скобелевъ ушелъ тогда съ редута за помощью, взявши слово съ браваго маіора Гарталова, что онъ не отступитъ, и вышло то, что Гарталова съ его горстью солдатъ подняли на штыки, а самъ Скобелевъ, не получившій помощи едва, успѣлъ спасти остатки своихъ силъ поспѣшнымъ отступленіемъ...

Еще черезъ день я проѣзжалъ дорогой, по которой прошла плѣнная турецкая армія, и былъ удивленъ видомъ ея: по всему пути, на сколько хваталъ глазъ, шоссе было точно вымощено турецкими тѣлами, плотно вбитыми въ снѣгъ и оставленными, видимо, для того, чтобы не портить дороги, по которой ежедневно проходило столько подкрѣпленій для передовой арміи, въ людяхъ, снарядахъ и провіантѣ. Солдатики наши шутили, обращаясь къ замершимъ и еще замерзавшимъ около дороги туркамъ: „что, братъ турка, плохо дѣло! Вотъ и знай, какъ воевать съ нами, и другу и недругу закажи...“

Многія заледенѣлыя лица казались прямо улыбавшимися, но я хорошо присматривался и видѣлъ, что всѣ выражали большее или меньшее страданіе.

Жутко вспоминать то, что и между вдавленными въ снѣгъ и между валявшимися по сторонамъ дороги было все еще не мало живыхъ, не совсѣмъ потерявшихъ чувство, поворачивавшихъ зрачками, открывавшихъ и

закрывавшихъ ротъ и даже изрѣдка издававшихъ вздохи, — что должны были думать эти несчастные, что могли бы поразсказать, если бы были подобраны и приведены въ чувство!

Скобелеву дали знать, что Государь Императоръ посѣтитъ Плевну, для чего городъ живой рукой былъ немного подчищенъ и приведенъ въ порядокъ — порядокъ конечно относительный, потому что для приведенія этого логовища дикаго звѣря въ сколько-нибудь приличный видъ потребовались бы мѣсяцы.

Мы выстроились въ два ряда по дорогѣ, ведшей къ дому Скобелева, и Государь, всѣхъ обойдя, нашелъ для всѣхъ милостивое слово. Поровнявшись со мной, онъ сказалъ:

— Здравствуй, Верещагинъ! ты поправился?

— Поправился, Ваше Величество.

— Ты совсѣмъ поправился?

— Совсѣмъ поправился, Ваше Величество.

Вскорѣ послѣ посѣщенія Плевны Его Величество уѣхалъ въ Россію.

Видѣвшіе въ это время городъ только снаружи не могли и понятія составить о томъ, сколько это, какъ я выразился, логовище дикаго звѣря заключало въ себѣ смрада и костей!

Докторъ Стуковенко предложилъ мнѣ посмотрѣть Плевненскіе турецкіе госпитали. Я, конечно, согласился и вмѣстѣ съ извѣстнымъ литераторомъ, тогда корреспондентомъ одной изъ большихъ газетъ, Немировичемъ-Данченко мы отправились въ улицу, почти сплошь состоявшую изъ домовъ, наполненныхъ больными и ранеными.

Входимъ въ первый домъ и спрашиваемъ у стоявшаго въ воротахъ хозяина его:

— Больные есть?

— Есть.

— Сколько?

— Было человѣкъ 30, но, должно-быть, не мало уже теперь померло.

Входимъ въ домъ — невыносимый смрадъ прямо отбрасываетъ насъ назадъ: въ темной, до нельзя вонючей комнатѣ все мертво! Тусклый свѣтъ, проходящій черезъ оконце, оклеенное бумагой, даетъ возможность разсмотрѣть на широкихъ лавкахъ и на полу массу тряпья, изъ котораго то тутъ, то тамъ торчатъ головы, руки,

ноги. По тому, что гдѣ-то, что-то шевелится, видно, что еще не все тутъ умерло, но въ общемъ все-таки картина представляла настоящій мертвый домъ, не въ иносказательномъ, а самомъ прямомъ смыслѣ.

Въ слѣдующемъ домѣ тоже самое, только поднявшійся изъ массы лохмотьевъ, при шумѣ нашихъ шаговъ и говора, какой-то едва державшійся на ногахъ воинъ, очевидно уже не владѣвшій языкомъ, далъ понять, что это еще не вполнѣ кладбище, что найдутся еще живые...

Въ слѣдующемъ домѣ тоже, за нимъ тоже, на другой сторонѣ улицы во всѣхъ домахъ тоже! Отовсюду доктора разбѣжались, оставивши больныхъ на произволъ судьбы, такъ что съ самаго времени сдачи города, т.-е. уже впродолженіе 10 дней никто къ нимъ не заглядывалъ, никто не давалъ ни пить, ни ѣсть, не говоря уже про подачу медицинской помощи, каковой и прежде не было.

Русскія власти разыскивали турецкихъ докторовъ, водворяли на мѣста занятій въ турецкія мечети, полныя ихъ страждущимъ людомъ, но они снова разбѣгались. Послѣ нашего осмотра и заявленія приступлено было къ очисткѣ этихъ своеобразныхъ „госпиталей“, и лишь въ немногихъ изъ нихъ нашлись дышавшіе, подававшіе голосъ больные; большинство было сложено на телѣги и арбы такъ, какъ въ былыя времена у насъ складывали битыхъ телятъ — съ торчащими въ стороны головами и ногами — и вывезены за городъ для погребенія.

Меня много разъ укоряли въ подыскиваніи страшныхъ, отталкивающихъ сюжетовъ для моихъ картинъ, но я не рѣшился изобразить и десятой доли видѣнныхъ ужасовъ, часто просившихся на полотно и по сюжету и по живописной, эффектной обстановкѣ. Напр., я нѣсколько разъ покушался представить вышеупомянутое поле мертвыхъ подъ редутомъ; уже были наброшены кучи скелетовъ во всевозможныхъ позахъ — нѣкоторые съ руками указывавшими куда-то вдаль — уже намѣчена была моя фигура, въ недоумѣніи присматривавшаяся ко всѣмъ глазнымъ орбитамъ, въ чаяніи распознать знакомыя, дорогія черты, когда волей-неволей приходилось оставлять работу, потому что слезы и нервныя рыданія не давали продолжать ее.

Естественно запертымъ „у себя“ не довѣрять намъ „видѣвшимъ и слышавшимъ“, но не слѣдуетъ съ легкимъ сердцемъ укорять, помятуя уже прежде мною

приведенныя и теперь повторяемыя слова Тургенева: „правда злѣе самой злой сатиры".

Скобелевъ лихорадочно работалъ въ Плевнѣ, главнымъ образомъ по приготовленіямъ къ походу за Балканы, а также и по устройству города; въ этомъ послѣднемъ ему долженъ былъ помогать его отецъ, Дмитрій Ивановичъ. Но онъ совсѣмъ почти не помогалъ и далъ перепортиться массѣ ружей и другому боевому матеріялу, брошенному турками.

Отношенія отца и сына были довольно дружественны и немного обострялись лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда Михаилъ Дмитріевичъ просилъ денегъ. Скупой родитель обыкновенно начиналъ съ того, что отказывалъ и только послѣ долгихъ пререканій уступалъ. Впрочемъ средства, къ которымъ М. Д. прибѣгалъ, были такого рода, что не уступить имъ не было никакой возможности:

— Не дашь денегъ? Не дашь?

— Миша, оставь! — вопилъ родитель.

— Говори: дашь денегъ? — отвѣчай сейчасъ, дашь?

— Оставь, Миша!!!

— Дашь денегъ?

— Дамъ, дамъ, только оставь!..

Къ Михаилу Дмитріевичу пріѣзжало за время его комендантства въ Плевнѣ много народа всякихъ типовъ и положеній, кто для дѣла, кто отъ бездѣлья. Разъ пріѣхалъ редакторъ одной газеты, отставной военный, бывшій дѣятелемъ въ Сербіи, мы проговорили весь вечеръ и когда я уже ушелъ, Х. остался еще продолжать бѣсѣду со Скобелевымъ.

На другой день М. Д. приходитъ въ мою комнату со словами:

— Я хочу выслать Х. изъ Плевны!

— ???

— Знаете, что онъ мнѣ предлагалъ? Оставить комендантство Плевны и уйти въ Сербію, съ арміей которой ударить на турокъ!..

— Ну что же съ нимъ дѣлать? Сербія его, такъ онъ увѣренъ, что внѣ ея намъ нѣтъ спасенія!

— Да, но какъ смѣть предлагать мнѣ, русскому генералу, прямо дезертирство!

— Полно, перестаньте, — уговаривалъ я расходившагося М. Д., все твердившаго: „да какъ онъ смѣлъ предлагать мнѣ это! его нужно проучить!.." насилу удалось

успокоить героя и убѣдить не дѣлать публичнаго скандала, дать X. выѣхать собственной волей.

Какъ только пришли изъ Орханіе мои вещи, такъ я распорядился переслать въ Россію сдѣланные наброски, хранившіеся въ небольшомъ деревянномъ ящикѣ. По уговору милая сестра милосердія, Чернявская, должна

Генералъ-лейтенантъ Д. И. Скобелевъ.

была доставить эти плоды моихъ трудовъ при арміи въ вѣрныя руки въ Петербургѣ, а сестрѣ милосердія въ Систовѣ должны были доставить вѣрныя руки въ Плевнѣ, каковыми назвали себя длани помянутаго доктора Стуковенко, ручавшагося въ томъ, что комиссія моя будетъ исполнена въ скорости и точности.

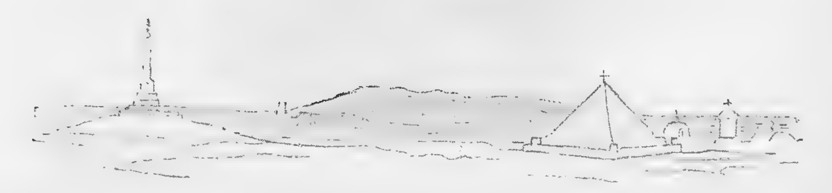
Когда я передалъ С. дорогой мнѣ ящичекъ, полковникъ Пущинъ, командиръ одного изъ гренадерскихъ полковъ, вызывался совершить эту передачу немедленно же.

— Я знаю какъ вамъ дороги эти этюды, Вас. Васильевичъ, — говорилъ онъ мнѣ, — и самъ понимаю цѣну ихъ — будьте увѣрены, что я въ точности исполню ваше порученіе.

Но я поблагодарилъ и отказался, помня что отъ добра добра не ищутъ.

Какъ же жестоко я ошибся! — Докторъ С. вскорѣ заболѣлъ и ящичекъ мой безслѣдно пропалъ. Правда докторъ не сознавался, что утерялъ его, а напротивъ утверждалъ, что передалъ его коменданту въ Систовѣ, но комендантъ только подивился безцеремонности этого утвержденія. Напрасно потомъ многіе пробовали искать мои пропавшіе этюды, а М. Д. Скобелевъ снарядилъ нѣсколькихъ офицеровъ для спеціальныхъ розысковъ, — толка не вышло никакого, наброски пропали безслѣдно.

Позже, во время выставокъ моихъ работъ въ Петербургѣ, генералъ Гурко дружески выговорилъ мнѣ за то, что я не нашелъ возможнымъ представить ни Шандорника, ни Правца, но я могъ только отвѣтить, что горюю о потерѣ моихъ документовъ, конечно, не меньше его.

Могилы Преображенцевъ, Семеновцевъ и др. гвардейскихъ полковъ подъ Горнымъ Дубнякомъ.

Черезъ Балканы.

— Да пустите же, Василій Васильевичъ!

— Нѣтъ, не пущу!

— Пустите, я вамъ говорю! — мнѣ крайне нужно.

— Не пущу!

— Да пустите, чортъ побери! Вѣдь меня ожидаетъ главнокомандующій, отрядъ дожидаетъ!

— Не пущу!

Это Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ рвался къ дверямъ своего кабинета, въ нашемъ домѣ, въ Плевнѣ. Онъ заказалъ себѣ для перехода черезъ Балканы какой-то необыкновенной длины и теплоты сюртукъ, на черномъ бараньемъ мѣху; заказалъ его еврею портному Владимірскаго полка, и тотъ опоздалъ, не доставилъ сюртука къ сроку. Скобелевъ страшно сердился, кричалъ, звалъ своего денщика Курковскаго, грозилъ, что перепоретъ ихъ всѣхъ, рвался въ дверь, а я стоялъ у двери и не пускалъ, потому что онъ непремѣнно кого-нибудь побилъ бы и, вообще, натворилъ бы того, о чемъ самъ бы потомъ пожалѣлъ.

— Будьте увѣрены, — утѣшалъ я его, — что они изо всѣхъ силъ теперь выбиваются докончить и принести вамъ сюртукъ, работаютъ руками, глазами и зубами, и вы понапрасну только будете шумѣть, а пожалуй и драться.

— Гдѣ эта бестія запропастился!—кричалъ Скобелевъ черезъ затворенную дверь. — Пустите же, наконецъ, Василій Васильевичъ, мнѣ только этого подлеца найти, я его... — И онъ бѣгалъ изъ угла въ уголъ, какъ тигръ въ клѣткѣ.

— Не пущу!.. Не шумите и не горячитесь понапрасну.

Я таки удержалъ дверь притворенною, несмотря на то, что воинъ нѣсколько разъ покушался прорываться.

Всему, однако, есть конецъ — кончилось и мученье М. Д.: явился денщикъ съ сюртукомъ, сшитымъ и сидѣвшимъ просто ужасно. Скобелевъ страшно бранился, одѣваясь; опять грозился всѣхъ перепороть, сюртукъ бросить въ печку и проч. Но главное все-таки было достигнуто, — онъ никому не далъ лизуна за горячее время ожиданія.

— Ну, что, Василій Васильевичъ, какъ сюртукъ: скверно, а? Да скажите же!.. Что за подлецы, что за мерзавцы, с. д...

При всемъ моемъ желаніи успокоить и утѣшить его, надобно было сознаться, что сюртукъ сидѣлъ дурно, но дѣлать было нечего; его превосходительство напялилъ его и поѣхалъ къ великому князю.

Я остался ожидать моихъ лошадей изъ Орханіе, изъ отряда генерала Гурко, куда отправилъ за ними казака. Я написалъ съ нимъ прощальное посланіе членамъ „Англійскаго клуба", который составляли всѣ мы, бывшіе въ штабѣ Гурко: Георгій Скалонъ, Коссиковскій, Суха-новъ, Клегельсъ, Оболенскій, Цертелевъ, Петлинъ, Шаховской, Казнаковъ, — просилъ возвратить съ лошадьми оставшіяся вещи, которыя и получилъ при прелестнѣйшемъ письмѣ отъ милыхъ товарищей по походу, укорявшихъ дружески за измѣну имъ, за переходъ изъ отряда Гурко въ отрядъ Скобелева. Злодѣи оставили только у себя мои консервы, шоколадъ, кофе, сладкіе сухари и проч. съѣдобность, добытую незадолго передъ тѣмъ съ немалымъ трудомъ отъ маркитанта, и, вмѣсто извиненія, велѣли сказать, что, вѣроятно, мнѣ это теперь не нужно, такъ какъ у „Скобелева все есть". А Скобелевъ, какъ на зло, объявилъ, что „во время похода пусть всякій промышляетъ, какъ знаетъ, — онъ будетъ заботиться только о своемъ желудкѣ".

При выѣздѣ моемъ оказался сюрпризъ: хозяинъ дома, въ которомъ я жилъ со Скобелевымъ, представилъ счетъ разнымъ разностямъ, у него забраннымъ... За такія вещи, какъ дрова, собиравшіяся изъ разбитыхъ турецкихъ домовъ, разумѣется, дорого не пришлось платить, но оказалось, что не отдано, напр., за двое саней... Нечего дѣлать, пришлось поплатиться не малымъ количествомъ золотыхъ.

Я разсчитывалъ догнать выступившій отрядъ въ тотъ же день, но въ Боготѣ, въ главной квартирѣ, замѣшкался. Великій князь былъ по обыкновенію очень любезенъ. Когда пріятель мой Дмитрій Скалонъ доложилъ и я вошелъ въ юрту, его высочество былъ въ сильномъ волненіи, такъ какъ съ минуты на минуту ожидалъ извѣстія отъ Гурко, начавшаго нака-

Гусаръ.

нунѣ свой знаменитый переходъ черезъ Балканы по глубокому снѣгу.

— Ахъ, кабы ему удалось, кабы удалось благополучно спуститься, — говорилъ главнокомандующій, видимо весьма озабоченный...

Я говорилъ, что, по мнѣнію моему, и сомнѣваться нельзя въ успѣхѣ, и такъ какъ прибылъ недавно оттуда, то разсказалъ и начертилъ ему наши и турецкія позиціи около Шандорника, противъ Арабъ-Конака.

— Такъ до свиданія, тамъ! — сказалъ мнѣ главнокомандующій на прощаніе, протягивая руку по направленію къ Балканамъ.

Лошадь моя, которую я теперь первый разъ обновилъ, оказалась никуда негодною; я купилъ ее у ***, для

рекомендаціи передавшаго мнѣ, что это — бывшій конь Скобелева, очень уставшій подъ генераломъ и теперь поправившійся. Оказалось, что либо конь былъ вовсе загнанъ, либо Скобелевъ и бросилъ его за негодность: ни шагу, ни рыси, ни галопа. Чистое наказаніе ѣзда на такомъ высокомъ меланхолическомъ одрѣ.

Къ вечеру не успѣлъ добраться до Ловчи, пришлось заночевать въ турецкой деревнѣ. Только было я началъ стучаться въ первый попавшійся домъ, бѣжитъ солдатъ:

— Ваше высокоблагородіе, не извольте стучать, мы отведемъ квартиру, для этого здѣсь приставлены.

Турецкая деревня.

Оказывается, что къ турецкимъ деревнямъ распорядились приставить охранную стражу для обереганія ихъ отъ проходящихъ войскъ, и въ результатѣ было то, что турецкія деревушки до сихъ поръ были полны всякимъ добромъ, тогда какъ болгарскія пострадали, оглодались до костей.

. . . .
. . . .
. . . .

Подъѣзжая на другой день къ городу Ловчѣ, я могъ разобрать въ общихъ чертахъ планъ бывшей здѣсь битвы, штурма высотъ Скобелевымъ. По разсказу послѣдняго и многихъ другихъ, я зналъ, что битва была очень кровопролитная и что въ редутахъ мертвые лежали буквально одинъ на другомъ, грудами. Правда, что перевѣсъ русскихъ силъ передъ турецкими былъ значителенъ, 20.000 противъ 8.000, но зато же и высоты приходилось занимать страшно крутыя, да еще съ земляными укрѣпленіями, въ постройкѣ которыхъ турки заявили себя такими мастерами.

Одинъ изъ разсказывавшихъ мнѣ объ этомъ сраженіи прехладнокровно говорилъ и о грудахъ тѣлъ, и о позахъ заколотыхъ, и о зловоніи, которое стояло кругомъ, но не вытерпѣлъ, вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, когда вспомнилъ, что на 3 или 4-й день изъ-подъ кучи мертвыхъ еще вытаскивали живыхъ. Я искренно думаю, что кабы не довѣрили совершенно штурма укрѣпленій Скобелеву, то они не были бы взяты.

Пріѣхавши въ городъ Сельви, я пошелъ прямо къ Михаилу Дмитріевичу, который былъ въ это время въ совѣтѣ съ начальникомъ штаба, полковникомъ Куропаткинымъ, и начальниками частей. Я передалъ ему поклонъ главнокомандующаго и не могъ не замѣтить, что пріятель мой былъ что-то очень нервенъ.

— Представьте, — сказалъ онъ мнѣ, — Радецкій не хочетъ двигаться съ мѣста; говоритъ, что онъ не намѣренъ пробивать лбомъ стѣну; пророчитъ, что насъ занесетъ снѣгомъ и проч. Ну, да мы и одни пойдемъ, и, если нужно, умремъ...

Не мало безпокоило его и то, что прошедшій на дняхъ городомъ отрядъ С. М., назначенный также къ переходу черезъ Балканы, по другую сторону Шипки, реквизировалъ часть вьючныхъ животныхъ, сѣделъ и всего, что предусмотрительный Скобелевъ заготовилъ давно уже для своего отряда (Скобелевъ и Куропаткинъ заготовили все для перехода черезъ Балканы еще въ октябрѣ, когда они бѣдствовали подъ Плевною). Нечего было дѣлать, пришлось снова все заготовлять, не теряя ни часа времени. Куропаткинъ бросился въ Тырново, гдѣ съ помощью губернатора, нашего общаго туркестанскаго пріятеля Щербинскаго, въ три дня опять все досталъ и раздобылъ.

Въ Габровѣ, куда мы затѣмъ перешли, стояло столпотвореніе вавилонское. Что сталось съ этимъ миленькимъ, чистенькимъ городкомъ: все было наполнено больными, преимущественно, обмороженными на Шипкѣ. По улицамъ и дворамъ валялись дохлыя лошади, бродили женщины и дѣти, вдовы и сироты забалканскихъ болгаръ, перерѣзанныхъ турками... Зато торговля шла бойко: чаю, сахару, вина и проч. навезено было множество; сѣно же и ячмень продавались на вѣсъ серебра.

По улицамъ движеніе, суета, давка невообразимыя. Удивительно, что въ такой массѣ всякаго сброда не

нашлось шпіоновъ, чтобы дать знать туркамъ о готовившемся обходѣ, — тѣ и не думали о грозившей имъ опасности съ фланговъ, такъ что оказались захваченными совершенно врасплохъ.

Скобелевъ хлопоталъ о лошади, такъ какъ его, ужъ и не знаю которая счетомъ, была замучена; хвалилъ очень моего иноходца.

— Возьмите, говорю.

— Нѣтъ, благодарю, мнѣ нужно бѣлую, — нѣтъ ли бѣлой?

— Есть, но васъ не сдержитъ, — мала.

Гдѣ-то, — кажется, у драгунъ, — онъ досталъ, наконецъ, хорошаго, высокаго бѣлаго коня. Когда я поѣхалъ на Шипку, чтобы повидать тамъ старыхъ знакомыхъ, Петрушевскаго, Дмитровскаго и др., то встрѣтилъ по дорогѣ оттуда Скобелева, несущагося маршъ-маршемъ по глубокому снѣгу и грязи. Ну, думаю, не надолго хватитъ новой лошади! Онъ еще разъ видѣлъ Радецкаго на Шипкѣ, принялъ отъ него приказанія и выслушалъ опять твердо высказанное намѣреніе не двигаться съ занятыхъ позицій. То же самое слышалъ я и отъ браваго генерала Д., стараго же туркестанца, начальника штаба Радецкаго, когда навѣстилъ его вечеромъ въ тотъ день: онъ былъ сильно возбужденъ, зимній походъ черезъ горы осуждалъ и пророчилъ намъ смерть въ снѣгу — ни болѣе, ни менѣе [1]).

Планъ перехода Балканъ въ обходъ турецкой арміи, расположенной подъ Шипкою, принадлежалъ Радецкому и его начальнику штаба Дмитровскому, но они предлагали сдѣлать это осенью, такъ что, когда главнокомандующій, по взятіи Плевны, далъ приказъ исполнить этотъ планъ, Радецкій пришелъ въ ужасъ, объявилъ, что это движеніе было задумано въ расчетѣ на осень, а не на зиму, и теперь за глубокимъ снѣгомъ неисполнимо.

Скобелевъ, однако, былъ совершенно увѣренъ въ успѣхѣ дѣла, и 26-го декабря 1877 года выступилъ къ деревнѣ Топлишъ, что въ предгорьяхъ, куда уже раньше двинулись войска его отряда.

Казакъ мой, кубанецъ Курбатовъ, несмотря на строгій наказъ поспѣвать за мною, такъ-таки и не

---

[1]) Генералъ Д. теперь отрицаетъ свою ошибку строгаго осужденія зимняго похода, но я подтверждаю сказанное.

поспѣлъ; онъ увѣрялъ, что за ночь „безпремѣнно справится“ въ Габровѣ, но, конечно, за ночь просто кутнулъ съ пріятелями, такъ что за мою довѣрчивость я былъ наказанъ и не видѣлъ его и моихъ вещей въ продолженіе нѣсколькихъ дней, во все время перехода черезъ горы, гдѣ какъ разъ не хватило мнѣ для этюдовъ полотенъ и красокъ и пришлось написать этюды снѣжной траншеи и др. на дощечкѣ сигарнаго ящика.

Я пріѣхалъ въ Топлишъ ночью и, рѣшительно не зная, куда приткнуться въ этой деревенькѣ, биткомъ набитой войсками, сунулся къ Скобелеву, но оказалось, что онъ уже улегся и храпѣлъ тѣмъ богатырскимъ сномъ, который всегда такъ подкрѣплялъ его передъ серьезнымъ дѣломъ; зная его за очень нервнаго человѣка, я, признаюсь, никогда не могъ понять этой способности засыпать именно тогда, когда нужно. Ужъ и не знаю, какъ я попалъ въ хату главнаго доктора отряда, очень милаго человѣка, котораго встрѣчалъ на перевязочномъ пунктѣ, но не зналъ лично; онъ напоилъ меня чаемъ, а въ сосѣдней избѣ въ повалку съ неизвѣстными мнѣ господами я переспалъ. Изъ насѣкомыхъ тутъ была одна кавалерія, что еще хорошо,—кабы пришлось спать между солдатами, то не миновать бы и сѣренькой пѣхоты.

На другой день, раннимъ утромъ, войска уже длинною, кривою линіей тянулись къ подъему, по подъему и по самому хребту. Скобелевъ былъ впереди, и догонять его было трудно по узкому проходу въ снѣгу — того и смотри, наткнешься на солдатскій штыкъ. Саперы прошли здѣсь наканунѣ, разгребли снѣгъ, но его все-таки осталось столько, что лошадь оступалась и проваливалась, а главное, неудобно было то, что изъ разгребеннаго снѣга образовались по обѣимъ сторонамъ дороги цѣлыя стѣны въ ростъ человѣка, коли не выше; уступая мѣсто всаднику, солдаты не могли податься въ сторону, они припадали къ товарищу, конечно, не безъ смѣха и шутокъ:

— Штыкъ подними, прими! Смотри, сейчасъ глазъ вонъ верховому выколешь!

Приходилось постоянно продѣлывать гимнастическія упражненія на сѣдлѣ, чтобы кого-нибудь не ушибить, да и самому не наткнуться на штыкъ или не удариться колѣномъ о вьюкъ съ зарядами. Со штыками-то я

раздѣлался благополучно, но колѣна свои отколотилъ „въ лучшемъ видѣ“.

Труднѣе всего, конечно, было проходить сотнѣ уральскихъ казаковъ, шедшей впереди саперъ съ проводниками; они протаптывали путь по совершенно занесеннымъ снѣгомъ горамъ, ведя лошадей подъ уздцы, и часто совершенно проваливаясь, увязая въ снѣгу. Командовалъ уральцами тоже туркестанецъ, сотникъ Кирилинъ. За казаками рота саперъ подъ командою Ласковаго, адъю-

Скобелевъ переходитъ черезъ Балканы.

танта главнокомандующаго, уже правильно расчищала намѣченный путь.

Въ одномъ мѣстѣ прежалкую картину представляли кучкою пріютившіеся на бугрѣ, около дороги, музыканты: въ своихъ холодныхъ шинелишкахъ они сидѣли, тѣсно сжавшись отъ холода; музыкальные инструменты ихъ въ чехлахъ, нѣкоторые огромныхъ размѣровъ, лежали около нихъ; бѣдные артисты,—имъ было далеко не до музыки тутъ.

Еще было довольно рано, когда мы остановились для привала на высокой равнинѣ, противъ скалы „Марковы столбы“. Подъ деревьями, справа, разрыли въ снѣгу мѣсто для палатки Скобелева и Куропаткина; невдалекѣ расположились мы. Полукругомъ по всей опушкѣ лѣса, окружавшаго равнину, раскинулись войска.

Пикетъ въ Балканахъ.

Я написалъ этюдъ этого мѣста и успѣлъ-таки согрѣться у Скобелева стаканомъ чаю; затѣмъ, однако, пришлось прибѣгнуть къ небольшому запасу консервовъ, кофе и шоколада, бывшаго только у меня и, конечно, сейчасъ же уничтоженнаго нашею проголодавшеюся молодежью. Лошадей мы пробовали кормить конскими консервами, но онѣ что-то отворачивали морды, — не очень охотно жевали этотъ кормъ. Какъ я сказалъ, подъ деревьями, кругомъ снѣжной площади, расположились войска и вездѣ запалили костры, благо весь лѣсъ былъ къ услугамъ отряда. Хотя по зареву этихъ огней турки и могли открыть насъ, но Скобелевъ разумно рѣшилъ, что лучше имѣть непріятелемъ людей, чѣмъ морозъ, который былъ порядочный. Великое было счастье для отряда, что не только вьюги, но и просто вѣтра не было, въ противномъ случаѣ зловѣщія предсказанія Д. хоть частію оправдались бы, пожалуй. Къ тому же надобно сказать, что заботливостью Скобелева и Куропаткина все было предусмотрѣно: у всѣхъ солдатъ были набрюшники и на ногахъ просаленныя портянки; у каждаго былъ запасъ вареной говядины, сухарей и чаю. Кромѣ того, во избѣжаніе замораживанія и отмораживанія, приказано было солдатамъ наблюдать другъ за другомъ въ эту ночь.

Я укрылся всѣмъ, что у меня было: полушубкомъ, буркою и одѣяломъ; легъ около самаго огня и все-таки чувствовалъ, что медленно замерзаю; какъ ни корчился, ни свертывался кренделемъ, ничего не помогало — пришлось оставить надежду на сонъ и, закуря сигару, ждать у костра разсвѣта, болтая съ товарищами. Часть отряда поднялась и прошла впередъ еще ночью, а подъ утро двинулись и мы.

Было уже замѣчено, что интенданство не успѣло заготовить солдатамъ полушубковъ, подоспѣвшихъ лишь къ тому времени, когда армія перешла Балканы и настала жара. Когда заботливый Панютинъ выпросилъ позволеніе роздать своему полку тулупы, оставшіеся отъ замерзшей дивизіи Гершельмана, — оказалось, что, несмотря на долгое лежаніе въ складѣ, полушубки были полны насѣкомыми и солдаты предпочли идти черезъ горы въ холодныхъ шинеляхъ.

Я писалъ этюдъ траншеи, вырытой въ снѣгу, къ сторонѣ турецкихъ позицій (послѣ была исполнена

картина этой траншеи), когда Скобелевъ проѣхалъ впередъ и тутъ, даже и по этой дорогѣ, галопомъ; солдаты бодро и весело отвѣчали на его привѣтъ.

Надобно было видѣть, какъ удивились турки, когда мы вышли изъ лѣсовъ на открытый склонъ горы, къ нимъ обращенный. Они попробовали сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій, но безъ вреда намъ — гдѣ попасть въ растянутую линію! Пули же ихъ вовсе не долетали до насъ.

Всѣ позиціи турецкія, а за ними и наши, были отсюда какъ на ладони, и въ бинокли мы хорошо видѣли всѣ подробности ихъ житья-бытья въ землянкахъ.

Вонъ гора св. Николая, гдѣ наши солдатики съ нетерпѣніемъ слѣдили теперь за нами, ждали результата нашего обхода, который долженъ былъ, наконецъ, освободить ихъ отъ долгаго мучительнаго сидѣнья въ засыпанныхъ снѣгомъ, совершенно обовшивѣвшихъ землянкахъ Шипки.

Переходъ черезъ Балканы.

Вонъ турецкія батареи на, такъ называемой, Лысой горѣ: турки большими группами разсуждаютъ о томъ, что готовитъ имъ впереди „кизметъ", т.-е. судьба. Помѣшать нашему движенію они теперь уже не въ силахъ, надобно было подумать объ этомъ раньше; нападеніе на насъ съ фланга, съ мѣста теперяшняго ихъ расположенія, по глубокому снѣгу, было очень трудно, — близокъ локоть, да не укусишь. Оставалось помѣшать намъ спускаться, но мы уже и спускаться начали, — совсѣмъ опоздали наши враги!

У самаго начала спуска 2 высокія горы, 2 пика, расположены по обѣ стороны дороги. Какъ старый военный, я сейчасъ же замѣтилъ К., что эти два возвышенности необходимо немедленно же и крѣпко занять.

— Что, что вы говорите, Василій Васильевичъ? — спросилъ ѣхавшій впереди насъ Скобелевъ, всегда чутко прислушивавшійся къ тому, что говорили около него.

Я повторилъ, что эти высоты, какъ командующія спускомъ, необходимо на всякій случай занять...

— Да, Алексѣй Николаевичъ, — обратился онъ къ К., — это совершенно вѣрно, прикажите сейчасъ же занять ихъ и окопаться.

— Слушаю-съ, — отвѣтилъ К. неохотно, — бѣда, какъ не любятъ военные, даже развитые, совѣтовъ статскихъ, хотя, собственно говоря, я имѣлъ право считать себя болѣе военнымъ, чѣмъ большинство офицеровъ отряда.

Скобелевъ, впрочемъ, былъ выше этого и всегда былъ не прочь принять совѣтъ, если находилъ его разумнымъ, откуда бы онъ ни шелъ.

Полк. Куропаткинъ.

Полковникъ Куропаткинъ, начальникъ штаба Скобелева, былъ безспорно одинъ изъ самыхъ лучшихъ офицеровъ нашей арміи; невысокаго роста, не особенно представительной красоты, но храбрый, разумный и хладнокровный, онъ былъ многими чертами характера противоположенъ Скобелеву, который давно уже былъ съ нимъ друженъ, уважалъ и цѣнилъ его, хотя часто съ нимъ спорилъ; и надобно сказать, что въ спорахъ этихъ разсудительный начальникъ штаба оказывался по большей части болѣе правымъ, чѣмъ блистательный, увлекавшійся генералъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы кругозоръ Куропаткина былъ шире, чѣмъ Скобелева, — часто бывало наоборотъ: напр., въ вопросѣ возможности зимняго перехода черезъ Балканы, вопросѣ громадной важности для исхода всей кампаніи, К. держался мнѣнія Радецкаго и Дмитровскаго, т.-е. былъ абсолютно противъ этого перехода… Скобелевъ же, напротивъ, былъ душою и тѣломъ за походъ и совершенно увѣренъ въ счастливомъ исходѣ его. „Перейдемъ! а не перейдемъ, такъ умремъ со славою“, — повторялъ онъ мнѣ свою любимую фразу.

— Онъ только и знаетъ, что умремъ да умремъ, — говорилъ со мной объ этомъ К. еще въ Плевнѣ; — умереть-то куда какъ не трудно, надобно знать, стоитъ ли умирать...

К. не былъ такъ щегольски и въ то же время такъ дерзко храбръ, какъ Скобелевъ, но и онъ тоже былъ замѣчательной храбрости; и лошадей-то подъ нимъ убивало, и зарядные-то ящики у него передъ носомъ взрывало, и самого-то его много разъ ранило, а онъ все живъ да живъ, и теперь также неисправимъ по части измышленія всякой пагубы на непріятелей Россіи, какъ и прежде — коли не больше.

Скоро пришло изъ передового отряда саперъ донесеніе о томъ, что турки наступаютъ. Я видѣлъ, что краска бросилась въ лицо Скобелеву при этомъ извѣстіи; онъ тотчасъ же обратился къ солдатамъ:

— Поздравляю васъ, братцы, съ началомъ дѣла, турки наступаютъ!

Солдаты дружно отвѣтили обычное: „Рады стараться, ваше превосходительство!“

Посланъ былъ ординарецъ Дукмасовъ съ двумя ротами на помощь саперамъ. Скобелевъ, знавшій статутъ Георгіевскаго креста наизусть, заранѣе сказалъ ему, что онъ получитъ Георгія за это дѣло: „Выбить ихъ! молодцомъ у меня, смотрите!“

Спускъ былъ едва ли не труднѣе подъема; мѣстами лошадь уходила въ снѣгъ по шею и я былъ искренно благодаренъ моему рыжему иноходцу за отчаянныя усилія, съ которыми онъ выносилъ изъ сугробовъ, ни разу не ткнувши меня носомъ въ нихъ. Мѣстами, однако, ѣхать верхомъ не было никакой возможности, надобно было скользить внизъ. Солдаты устроили праздничныя игры и скатывались кто благополучно, кто кувыркомъ, со смѣхомъ и шутками. Самому-то, впрочемъ, съѣхать было не трудно — куда ни шло, но заставить съѣхать на томъ же инструментѣ лошадь было не такъ удобно. Ужъ не помню, какъ свелъ я своего коня съ одного крутого мѣста, настоящаго обрыва — кажется, мы вмѣстѣ скатились!

Разработка этого мѣста, конечно, потребовала бы очень много времени, почему, вѣроятно, наши саперы и отступились отъ него, но, съ другой стороны, и оставлять такія мѣста для спуска по нимъ кавалеріи и осо-

бенно артиллеріи — очень и очень рискованно, считая, что невозможнаго на свѣтѣ нѣтъ.

Мы были уже на южномъ склонѣ Балканъ. Скобелевъ остановился на одной изъ крайнихъ возвышенностей и долго, подробно осматривалъ въ бинокль долину Тунджи и турецкія позиціи, разстилавшіяся передъ нами.

Налѣво гора св. Николая съ Шипкою. Расположеніе нашихъ полковъ рѣзко обозначалось черными, грязными линіями по бѣлой массѣ снѣга. Въ бинокли мы видѣли всѣ подробности: вонъ, на самой скалѣ св. Николая батарея Мещерскаго.

Помню, за мой первый пріѣздъ на Шипку я рисовалъ эту батарею, но огонь былъ такъ силенъ, что,

Переходъ черезъ Балканы.
Скобелевъ и Куропаткинъ смотрятъ въ бинокли въ долину Тунджи, откуда ждутъ подхода турецкой арміи Сулеймана.

каюсь, я поминутно кивалъ и отклонялся головою отъ свистѣвшихъ пуль, гранатъ, а временами и бомбъ, летавшихъ съ турецкихъ батарей изъ-за горы. Пули на этомъ пунктѣ летѣли буквально дождемъ и оберегаться отъ нихъ было, впрочемъ, просто ребячество.

Бомбы назывались на Шипкѣ воронами, — эти вороны даже землянки прошибали! Въ одной, разсказывали мнѣ, офицеры играли въ карты, когда ударила такая ворона и всѣхъ поубивала, поранила.

Вонъ развалина турецкаго блокгауза, въ окнѣ котораго я было расположился разъ писать долину Тунджи, виднѣвшуюся тогда въ какомъ-то чудесномъ фіолетовомъ туманѣ. Хоть у меня и былъ складной стулъ, но, чтобъ не сидѣть на открытомъ мѣстѣ, я свернулъ подъ закрытіе этого домика и расположился на подоконникѣ — авось подъ крышею не задѣнетъ пуля! Не тутъ-то было: турки, хорошо наблюдавшіе все, что дѣлалось у насъ, съ ихъ очень близкихъ позицій, конечно, сейчасъ же

замѣтили хромого любителя видовъ — это было въ сентябрѣ, когда рана моя еще только слегка затянулась — и угостили меня разъ за разомъ тремя гранатами: первая ударила въ стѣну безъ большого вреда, вторая — въ крышу, хотя и не въ то мѣсто, гдѣ я сидѣлъ, но, однако, забросала весь блокгаузъ обломками и засыпала пылью мои краски; третья, наконецъ, съ адскимъ шумомъ и трескомъ пробила крышу совсѣмъ рядомъ съ моимъ подоконникомъ, взрыла и набросала на меня и мое писаніе такую массу земли, камней и всякой дряни, что я рѣшился уйти, не кончивши этюда, — отъ грѣха!

Насвѣтевичъ (на Шипкѣ).

Еще далѣе по горѣ „центральная“ и „круглая“ батареи и между ними землянки Минскаго полка, въ одной изъ которыхъ у пріятеля моего Насвѣтевича я провелъ нѣсколько дней.

Далѣе тоже все знакомыя мѣста: вонъ — по ту сторону св. Николая, турецкія батареи — „Девятиглазка“, „Воронье гнѣздо“, „Сахарная голова“. Вонъ та часть дороги, по которой въ послѣднее время никто уже не ѣздилъ — пробирались объѣздомъ, по-за-горою, потому что она вся была на виду у турокъ, — и съ которой, несмотря на то, что ее обыкновенно проскакивали маршъ-маршемъ, и всадники, и телѣги съ лошадьми часто сбрасывались въ кручу гранатами и бомбами, — не даромъ она называлась „Райскою долиной“.

Внизъ отъ русскихъ позицій турецкія землянки и батареи, а совсѣмъ внизу, въ долинѣ, отъ развалинъ деревни Шипки до деревни Шейново — укрѣпленные кур-

ганы, центръ турецкой позиціи, за которыми начинается густая дубовая Шейновская роща. Вдали, прямо подъ нашимъ спускомъ, кряжъ Малыхъ Балканъ, направо — деревня Иметли, по имени которой назывался и нашъ перевалъ; туда, и далѣе направо, въ Тунджинскую долину, Скобелевъ и Куропаткинъ смотрѣли особенно пытливо, такъ какъ, по слухамъ, оттуда двигались турецкія войска Сулеймана-паши, на помощь шипкинской арміи.

Передовыя войска остановились на привалъ въ ущельи, а Скобелевъ пошелъ по обыкновенію рекогносцировать дорогу. Онъ поѣхалъ было верхомъ, но турки, засѣвшіе внизу за скалами, открыли такую пальбу, что пришлось сойти съ лошади. Съ нимъ былъ начальникъ штаба Куропаткинъ, помощникъ его графъ Келлеръ, я и нѣсколько казаковъ, не помню — былъ ли кто еще изъ офицеровъ, кажется, былъ ординарецъ Марковъ. Турки буквально осыпали насъ свинцомъ и выжить ихъ оттуда не было возможности, такъ какъ ружья Крынка не доносили нашихъ пуль до нихъ.

Я началъ набрасывать въ альбомъ открывшуюся передъ нами часть долины, а Скобелевъ прошелъ еще впередъ. Смотрю, ужъ тащатъ назадъ подъ руки Куропаткина, блѣднаго какъ полотно. Онъ остановился перевести духъ за тѣмъ же обломкомъ скалы, за которымъ я рисовалъ, — пуля ударила его въ лѣвую лопатку, скользнула по кости и вышла черезъ спину.

Скоро пришелъ Скобелевъ, и мы всѣ двинулись назадъ. К., разумѣется, тащили подъ руки, такъ какъ онъ съ трудомъ передвигалъ ноги.

Мнѣ случалось быть въ очень сильномъ огнѣ, но въ такомъ дьявольскомъ, признаюсь, еще не доводилось. Даже на Дунаѣ при нашей минной атакѣ, когда насъ осыпали и съ берега, и съ турецкаго судна, кажется, огонь не былъ такъ силенъ.

Здѣсь турки стрѣляли на самомъ близкомъ разстояніи и лѣпили пуля въ пулю, мимо самыхъ нашихъ ногъ, рукъ, головъ. Такъ и свистѣлъ свинецъ, то съ пискомъ, то съ припѣвомъ и, шлепнувшись въ скалу, — либо падалъ къ ногамъ, либо рикошетировалъ. Не то, чтобы слѣдовалъ выстрѣлъ за выстрѣловъ, — нѣтъ, то была сплошная барабанная дробь выстрѣловъ, направленныхъ

на нашу группу, — свистъ назойливый, надоѣдливый, хуже комаринаго.

Моя лошадь и лошадь Скобелева, которыхъ вели за нами въ поводу, остались цѣлы, но у болгарина моего убили коня, также какъ и, вообще, убили не мало людей и животныхъ.

Я шелъ съ лѣвой стороны Скобелева, и, признаюсь, не совсѣмъ хладнокровно слушалъ эту трескотню.

„Вотъ думалось, сейчасъ тебя, братъ, прихлопнутъ, откроютъ тебѣ секретъ того, что ты такъ хотѣлъ знать: что такое война!

Помню, однако, что я наблюдалъ еще Скобелева. Смотрю на него и замѣчаю, не наклоняется ли онъ, хоть немного, хоть невольно, подъ впечатлѣніемъ свиста пуль! — Нѣтъ, не наклоняется нисколько! Нѣтъ ли какого-нибудь невольнаго движенія мускуловъ въ лицѣ или рукахъ? — Нѣтъ, лицо, повидомому, спокойно и руки, какъ всегда, засунуты въ карманы пальто. Нѣтъ ли выраженія безпокойства въ глазахъ, — я разглядѣлъ бы его, даже если бы оно было хорошо, глубоко скрыто, — кажется, нѣтъ, развѣ только безстрастность взгляда указывала на внутреннюю тревогу, далеко-далеко запрятанную отъ постороннихъ. Идетъ себѣ мой Михаилъ Дмитріевичъ своею обыкновенною походкой съ развальцемъ, склонивши голову немного набокъ.

„Чортъ побери, — думалъ я. — да онъ все тише и тише идетъ, нарочно, что ли!“

Пальба просто безобразная, то и дѣло валятся съ дороги въ кручу люди и лошади. Бравый многоопытный Куропаткинъ, влекомый сзади подъ руки, кричитъ оттуда:

— Идите скорѣе — всѣхъ перебьютъ!

Графъ К. и еще нѣкоторые вприпрыжку бросились впередъ; я, какъ болѣе обстрѣленный, остался со Скобелевымъ.

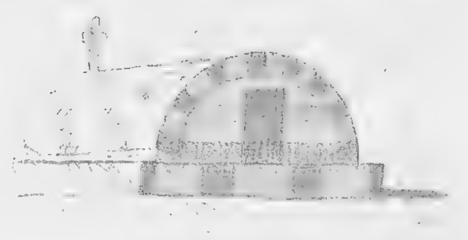
— Ну, Василій Васильевичъ, — говорилъ онъ мнѣ послѣ, когда поворотъ дороги закрылъ насъ, наконецъ, отъ турецкихъ пуль, — мы сегодня прошли сквозь строй!..

Мнѣ интересно было узнать внутреннее чувство Скобелева во время сильной опасности, и я спрашивалъ его потомъ:

— Скажите мнѣ откровенно, неужели это правда, что вы пріучили себя къ опасности и уже не боитесь ничего?

— Что за вздоръ, — отвѣтилъ онъ: — меня считаютъ храбрецомъ и думаютъ, что я ничего не боюсь, но я признаюсь, что я трусъ. Каждый разъ, что начинается перестрѣлка и я иду въ огонь, я говорю себѣ, что въ этотъ разъ, вѣрно, худо кончится... Когда на Зеленыхъ горахъ меня задѣла пуля и я упалъ, моя первая мысль была: „ну, братъ, твоя пѣсня свѣта!...“

Признаюсь, мнѣ пріятно было слышать это отъ Скобелева, потому что послѣ того моя собственная личность казалась мнѣ менѣе трусливою. Не то, чтобы я особенно преклонялся передъ храбростью, но трусость-то, нервность, съ которой такъ часто приходилось встрѣчаться, была ужъ очень противна. Сознавая, что подъ сильнымъ огнемъ я чувствовалъ себя не совсѣмъ спокойнымъ и боялся, что вотъ-вотъ меня прихлопнетъ, и начатыя картины останутся не оконченными, я доволенъ былъ, что Скобелевъ смотрѣлъ въ глаза смерти далеко не хладнокровно, только хорошо скрывалъ свои чувства, — значитъ и я не вполнѣ трусъ!

Гвардейскія могилы.

— Я взялъ себѣ за правило никогда не кланяться подъ огнемъ, — говорилъ онъ мнѣ, — разъ что позволишь себѣ дѣлать это — зайдешь дальше, чѣмъ слѣдуетъ...

Теперь послѣ этого отвѣта я искренно думаю, что нѣтъ такого человѣка, который былъ бы спокоенъ подъ огнемъ, какъ бы ни старался онъ казаться имъ.

* * *

Куропаткину наскоро перевязали рану и потащили на носилкахъ, подъ надзоромъ ординарца Скобелева, въ Габровскій госпиталь, назадъ черезъ Балканы. Онъ сказалъ передъ уходомъ:

— Вотъ вамъ мой послѣдній совѣтъ: выбейте поскорѣе этихъ турокъ, во что бы то ни стало, иначе они перегубятъ много народа.

Мы попрощались съ Алексѣемъ Николаевичемъ, Скобелевъ чуть - чуть всплакнулъ даже, но, впрочемъ, быстро отерши слезы, оправился.

— Полковникъ, графъ Келлеръ! Вы вступите въ должность начальника штаба.

— Слушаю, ваше превосходительство!

— Вотъ и производство вышло, — сострилъ удалявшійся Куропаткинъ.

Крѣпко чувствовали всѣ въ отрядѣ его потерю; Скобелевъ сказалъ мнѣ, что онъ былъ ему *незамѣнимъ*.

Генералъ приказалъ штурмовать турокъ, но полковникъ Панютинъ, которому дано было это приказаніе, просилъ дозволенія сначала попробовать выжить ихъ огнемъ.

У него былъ одинъ батальонъ, вооруженный ружьями Пибоди, взятыми при сдачѣ Плевны, и 2 роты съ этими ружьями буквально засыпали турокъ свинцомъ, такъ что не далѣе, какъ черезъ нѣсколько минутъ, ни одного выстрѣла не было болѣе оттуда, ни одного непріятеля тамъ не осталось, всѣ утекли. Болѣе поразительный примѣръ того, что значитъ хорошее вооруженіе, мнѣ рѣдко случалось видѣть. . . . .
. . . .

Конечно, Панютинъ спасъ тутъ много солдатскихъ жизней, потому что штурмъ засѣвшихъ за камнями турокъ не обошелся бы безъ потерь. Сколько же всего нашихъ жизней было бы спасено, если бы ружьями, взятыми при сдачѣ Плевны, вооружили часть отряда; ружей этихъ было нѣсколько десятковъ тысячъ съ милліонами зарядовъ. . . . .
. . . .

Всѣ эти десятки тысячъ ружей Пибоди, взятые у турокъ, пролежали грудами подъ снѣгомъ, за все время, что я пробылъ въ Плевнѣ, т.-е. около двухъ недѣль, также какъ и ящики съ зарядами; эти послѣдніе валялись въ великомъ множествѣ и по самой дорогѣ, и по сторонамъ ея, на нѣсколькихъ верстахъ разстоянія, а такъ какъ никто не прибиралъ ихъ, то проходившія повозки давили и взрывали ихъ сотнями, тысячами.

Скобелевъ какъ будто былъ выбитъ изъ своей колеи раною Куропаткина. Болѣе обыкновеннаго онъ былъ нервенъ и безпокоенъ, и все отводилъ меня въ сторону.

— Василій Васильевичъ, какъ вы думаете, ладно у меня идетъ? Какъ на вашъ взглядъ: нѣтъ безпорядка? Графъ К. хорошій офицеръ, но онъ неопытенъ, — боюсь, не вышло бы путаницы!

Я успокаивалъ его, говорилъ, что покамѣстъ, какъ мнѣ кажется, все идетъ какъ слѣдуетъ.

— Заняли вы высоты, командующія переваломъ?

— Да, люди уже посланы туда!

— Приказали имъ окопаться?

— Приказалъ.

— Удостовѣрьтесь, исполнено ли приказаніе!

Удостовѣриться посланъ былъ Х., и мнѣ смѣшно вспомнить, какъ этотъ бравый офицеръ, увидя на упомянутыхъ высотахъ людей, принялъ ихъ за турокъ.

Скобелевъ не унимался, все безпокоился:

— Вас. Вас., вы были у Гурко, скажите по правдѣ, больше у него порядка, чѣмъ у меня?

— Порядка не больше, но онъ меньше вашего горячится.

— Да развѣ я горячусь?

— Есть немножко, вонъ въ одно и то же мѣсто послали третьяго ординарца...

Помнится, въ Плевнѣ, когда я только что воротился изъ гвардейскаго отряда, мнѣ случалось въ пріятельской бесѣдѣ съ обоими Скобелевыми и еще однимъ генераломъ защищать Гурко отъ нѣкоторыхъ несправедливыхъ нападокъ, росказней, повторяемыхъ обыкновенно изъ двадцатыхъ устъ. Михаилъ Дмитріевичъ, неравнодушно относившійся къ положенію Гурко, какъ начальника стотысячной арміи, заподозрилъ меня въ пристрастіи и разсердился...

Дали знать, что раненъ адъютантъ главнокомандующаго Ласковскій; хотя рану его называли легкою, жаль было отряду потерять этого хорошаго, хладнокровнаго офицера.

Генералъ приказалъ, между тѣмъ, полковнику Панютину выбить турокъ изъ траншей подъ самымъ спускомъ, откуда они портили опять не мало нашего народа.

Генералъ Столѣтовъ, одинъ изъ моихъ стариннѣйшихъ знакомыхъ еще по Кавказу, посланъ былъ занять деревню Иметли. Надобно замѣтить, что С. былъ уже полковникомъ, когда М. Д. Скобелевъ надѣвалъ еще только эполеты: теперь первый, въ чинѣ генералъ-маіора, былъ подъ командою у второго, генералъ-лейтенанта и командира отдѣльнаго отряда, и въ оправданіе свое говорилъ:

— За такими рысаками, какъ Скобелевъ, не угоняешься.

Мы провели эту ночь на снѣгу, въ нашемъ ущельи, кругомъ костра, который съ трудомъ поддерживали

сырыми прутьями, да и тѣ-то раздобывали съ трудомъ: казаки и вообще нижніе чины кругомъ Скобелева были такая вольница, что ни мало не заботились о немъ, такъ что только, когда, теряя терпѣніе, онъ пускалъ въ ходъ брань и угрозы, они бросались исполнять требуемое. „Чортъ васъ побери, я васъ всѣхъ перепорю", кричалъ онъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, и только послѣ этого денщикъ его вяло, громко ворча, а другіе, какъ будто и въ серьезъ боясь угрозы, исполняли, что нужно. Угрозы, впрочемъ, не всегда оставались только угрозами, случалось, переходили и въ дѣло; С. давалъ иногда страшныя затрещины, а денщику Курковскому за грубость ординарцу Х. было въ Плевнѣ всыпано столько горячихъ, что нѣсколько дней онъ, буквально, едва бродилъ. Это не помѣшало С., сейчасъ же вслѣдъ за экзекуціею, начать снова заигрывать съ своимъ драбантомъ, принимавшимъ, однако, тогда шутки патрона очень мрачно, сдержанно.

Кругомъ костра, кромѣ Скобелева, было нѣсколько человѣкъ офицеровъ, но Н. Д., нашего браваго и всюду поспѣвавшаго корреспондента, что-то не было видно, вѣрно, онъ находился въ Иметли. Не знаю, спалъ ли Скобелевъ, пожалуй, онъ и тутъ сумѣлъ заснуть, но я только забывался. Голова была тяжела, на желудкѣ пусто, — мы ничего не ѣли и выпили лишь по стакану чая. Особенно тяжело должно было быть раненому Ласковскому, тутъ же на снѣгу валявшемуся въ коротенькомъ полушубкѣ. Рана его была, что называется, очень счастливая: пуля ударила подъ мышку, не попортивъ груди; онъ отправился было даже на утро съ нами осматривать непріятельскую позицію, не слушая совѣтовъ беречься, но я силою воротилъ его, заставилъ уѣхать назадъ въ Габрово, въ госпиталь, къ великому удовольствію и счастію его преданнаго денщика.

Утро было прекрасное. Небольшой турецкій отрядъ стоялъ у насъ подъ горою, какъ будто съ намѣреніемъ помѣшать спуску, но вскорѣ, не попробавъ счастія, отошелъ — кажется, непріятель не блисталъ ни распорядительностью, ни рѣшительностью.

Съ Шейновскихъ батарей открыли орудійный огонь, а съ нашей стороны нечѣмъ было отвѣчать, поэтому, когда Скобелеву дали знать, что по такой дорогѣ невозможно провезти артиллерію, я настоялъ, чтобы хоть

нѣсколько орудій было протащено. Генералъ такъ и приказалъ. Покамѣстъ пробовали отвѣчать съ дороги изъ нашихъ горныхъ пушченокъ: снаряды далеко не долетали, но шумъ выстрѣловъ производилъ извѣстный эффектъ, давая знать непріятелю, что и мы съ артиллеріею, и, ободряя своихъ солдатиковъ, съ удовольствіемъ замѣчавшихъ:

— Вона! наша пошла на отвѣтъ, — вали!

Скобелевъ просилъ меня сдѣлать набросокъ мѣстности, съ расположеніемъ турецкихъ войскъ, чтобы пріобщить его къ своему донесенію. Такъ какъ сверху, съ дороги, многое было не видно, то я спустился пониже, да и не радъ былъ: пуль летало тамъ такое множество, что, признаюсь, только стыдъ не позволилъ задать сейчасъ же тягу, и я лишь наскоро, съ грѣхомъ пополамъ, набросилъ планъ; при этомъ случаѣ я хватился моего альбома съ рисунками — его не было! а альбомъ-то былъ съ замѣтками отъ Плевны и Горнаго Дубняка до самыхъ послѣднихъ дней. Перебирая въ памяти, гдѣ бы я могъ потерять эту дорогую для меня вещь, я вспомнилъ, что послѣдній разъ держалъ ее въ рукахъ, когда бросился обнимать раненаго Куропаткина — выходило, что такъ нѣжничать вдвойнѣ не слѣдовало; во-первыхъ, потому, что К. проворчалъ: „что вы цѣлуете-то меня, посмотрите лучше рану“, во-вторыхъ, потому, что за этою нѣжностью я выпустилъ изъ рукъ и оставилъ на снѣгу альбомъ свой. Скорѣй бросился я туда искать, но ничего не нашелъ, — оно было и понятно, потому что множество народа коннаго и пѣшаго прошло уже по этому пути и коли не сбили, не сбросили, то, конечно, замяли мою бѣдную книжку.

При поискахъ моихъ, увидалъ я какое множество солдатъ, казаковъ и лошадей было вчера перебито, главнымъ образомъ, во время памятной рекогносцировки Скобелева. У одного вышиблены были буквально цѣликомъ вся грудь и животъ — хоть бы что въ серединѣ осталось!

Нѣтъ-какъ-нѣтъ моего альбома; плакалъ онъ вмѣстѣ со всѣми замѣтками, такъ мнѣ нужными для будущихъ работъ, рѣшилъ я мысленно, — и въ это время встрѣтилъ знакомаго офицера Владимірскаго полка.

— Знаете ли, говоритъ онъ, — вѣдь нашли альбомъ вашего покойнаго брата; должно-быть, турки вынули у него, у мертваго, и занесли сюда въ Иметли.

— Да это, должно-быть, мой альбомъ. который я разыскиваю; у кого вы его видѣли?

Онъ назвалъ фамилію офицера Донского казачьяго полка и я поскакалъ его искать. Полкъ этотъ спустился въ полномъ составѣ, и Скобелевъ лично разставлялъ его въ долинѣ.

Наконецъ-то я добрался до моей дорогой тетради; оказалось, что солдатикъ поднялъ ее на дорогѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ я рисовалъ и гдѣ отдыхалъ раненый К., взялъ ее съ собою и въ Иметли, въ тѣснотѣ около колодца, снова обронилъ; поднялъ казакъ, передалъ офицеру, а офицеръ передалъ мнѣ!

Колодецъ.

Я воротился на мѣсто нашего бивуака; снѣгъ вездѣ таялъ, было очень жарко, меня томила жажда. Остановившіеся на роздыхъ солдаты пили чай; я присоединился къ одному, любезно предложившему мнѣ не чашку, а крышку походнаго котелка, съ чѣмъ-то, похожимъ на чай, но крѣпко отдававшимъ похлебкою.

Въ разговорѣ съ солдатомъ я узналъ, что ихъ скупо надѣляли чаемъ, а особенно сахаромъ; этого послѣдняго выдавали, правда, положенное число кусочковъ, но до того микроскопическихъ, что чай приходилось пить буквально въ наглядку.

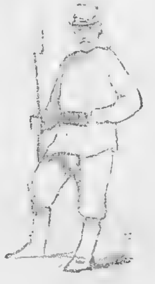
. . . .

Хотя у Скобелева, вообще говоря, все, касающееся продовольствія солдатъ, велось порядочно, ибо онъ строго смотрѣлъ за этимъ и взыскивалъ, но тѣмъ не менѣе я сожалѣю, что забылъ сказать ему объ этихъ кусочкахъ сахара,—я увѣренъ, что за все остальное время кампаніи они были бы тогда не такъ микроскопичны въ его отрядѣ.

Я нашелъ Скобелева на спускѣ разговаривающимъ съ княземъ Вяземскимъ, начальникомъ бригады болгарскаго ополченія, если не ошибаюсь, пріѣхавшимъ донести о

томъ, что невозможно протащить по этой адской дорогѣ даже и одного орудія. Скобелевъ не настаивалъ болѣе, но я пожалѣлъ; будь это у Гурко, тотъ приказалъ бы провезти, „во что бы то ни стало", и навѣрное были бы протащены хоть два орудія.

Князь В. въ бесѣдѣ со Скобелевымъ доложилъ также, что съ перевала давно уже были на виду, а теперь стали видны и со спуска, передовыя части отряда князя Мирскаго, спустившагося въ долину съ другой стороны Шейнова. Дѣйствительно, хотя съ трудомъ, но можно было разсмотрѣть вдали, на бѣлой массѣ снѣга, небольшія темныя черточки — полки, двигавшіеся по направленію къ Шейнову, т.-е. уже наступавшіе на турокъ; даже слышна была трескотня выстрѣловъ. Скобелевъ распрашивалъ В. о томъ, какія части онъ встрѣтилъ на пути: спустились изъ 16 пѣхотной дивизіи два полка и спускался третій; кавалерія еще вся была на пути, кромѣ одного полка казаковъ, — очевидно, отряду никакъ было не собраться за сегодняшній день.

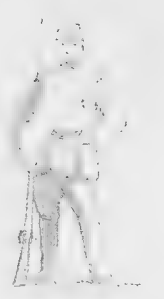

Солдатъ.

— Какъ вы думаете, Василій Васильевичъ, — спросилъ меня Скобелевъ, указывая, на тотъ отрядъ, — скоро ли они дойдутъ до Шейнова?

— Коли турки не задержатъ, часа черезъ 2—2½.

— Такъ, пожалуйста, скажите Панютину, чтобы выступалъ въ траншеи!

Я поскакалъ такъ, что мой бѣдный рыжій иноходецъ подумалъ, вѣроятно, что я съ ума сошелъ — скакать, да еще по такой дорогѣ, когда онъ завѣдомо уморился и насилу волочилъ ноги! Приказаніе было слишкомъ давно ожидавшееся, такъ что, еще не доскакавъ до П., я крикнулъ ему сверху:

Артиллерійскій солдатъ.

— Полковникъ Панютинъ, извольте выступать!

Тотъ, въ свою очередь, обрадовался, не заставилъ повторять себѣ это два раза, а отвѣтивъ только: „Слава Богу!" снявъ фуражку, перекрестился и двинулся впередъ такъ быстро, что когда, обогнувъ большую извилину дороги, я поскакалъ къ нему — онъ уже миновалъ траншеи.

— Генералъ велѣлъ выступить покамѣстъ только до траншеи,—говорю.

— Мы миновали ихъ уже, что же вы раньше не сказали!

— Кто же зналъ, что вы такъ зашагаете...

Смотрю, маршъ-маршемъ несется Скобелевъ прямо къ намъ.

— Василій Васильевичъ. Вы двинули войска за траншеи?

— Я!

— Прикажете остановиться, ваше провосходительство?—спросилъ П.

— Нѣтъ, нѣтъ, я только что хотѣлъ двинуть васъ дальше; ступайте впередъ, остановлю васъ послѣ, когда будетъ нужно.

Въ траншеяхъ у Скобелева.

У меня какъ гора съ плечъ свалилась!

Выстрѣлы со стороны отряда Мирскаго учащались, стрѣляли уже залпами, слышалось „ура! ура!“ нашихъ и „Аллахъ“ турокъ. Очевидно, съ той стороны разгорѣлся уже бой и намъ слѣдовало идти имъ на помощь, но съ чѣмъ? Спустившіяся силы были совсѣмъ ничтожны, а остальная часть двигалась по перевалу очень медленно, на что Скобелевъ страшно бѣсился. Несмотря на то, что онъ посылалъ ординарца за ординарцемъ торопить, кавалерія шла убійственно тихо и совсѣмъ загородила путь остальной пѣхотѣ.

Предполагая, что хотя что нибудь надобно было бы оставить въ резервѣ, на случай встрѣчи съ слишкомъ неравными силами турокъ, у которыхъ, по свѣдѣніямъ, войска было не мало, пришлось бы начинать бой съ однимъ полкомъ, что, очевидно, было просто неразумно, Чтобы тѣмъ не менѣе отвлечь часть силъ непріятеля на себя, генералъ демонстрировалъ, построилъ батальоны къ атакѣ и выдвинулъ впередъ горную артиллерію. Такъ какъ пушченки наши продолжали „не хватать“, то подрыли имъ передки, еще и еще, и добились, наконецъ, того, что онѣ стали махать прямо въ середку непріятеля. Тамъ крѣпко зашевелились, очевидно, стали готовиться

Траншеи.

къ встрѣчѣ насъ, особенно, когда я уговорилъ П. дать два залпа и прокричать полкомъ „ура!“

Три турецкія орудія отвѣчали намъ; вдоль всей деревни выдвинулась сплошною линіею конная цѣпь. повидимому, черкесовъ.

Мы стояли совсѣмъ близко къ непріятелю и, конечно, не только заставили его отвлечь часть силъ на насъ, но и удержали въ бездѣйствіи не мало ихъ резервовъ.

Скобелевъ рѣшилъ, собравши за ночь всѣ свои силы, нанести завтра туркамъ рѣшительный ударъ. Онъ нѣсколько разъ говорилъ объ этомъ, и я лично крѣпко одобрялъ это рѣшеніе... Когда Михаилъ Дмитріевичъ подошелъ къ Панютину, стоявшему съ полкомъ въ передней линіи, и сказалъ, что атакуетъ завтра,—бравый полковникъ отвѣтилъ:

— Что, ваше превосходительство, теперь Алексѣя Николаевича (Куропаткина) нѣтъ — и толку, кажется, у насъ не будетъ.

Несмотря на то, что это было сказано громко, милѣйшій М. Д. только отвѣтилъ:

— Каково онъ мнѣ льститъ! Подождите, успѣете еще!

У П., очевидно, руки неудержимо чесались; что касается меня, какъ ни ничтожно и мало авторитетно могло быть мое мнѣніе, я такъ-таки полагалъ, что слѣдовало воздержаться отъ атаки съ нашими ничтожными силами. Конечно, всѣ мы чувствовали, что слѣдовало „идти на выстрѣлы“ и Скобелевъ мучился болѣе, чѣмъ кто-нибудь другой, но невозможно было сдѣлать это теперь, съ расчетомъ на успѣхъ — войска не успѣли сойти съ горъ.

Уже темнѣло. Генералъ велѣлъ съ наступленіемъ ночи отвести войска назадъ; я посовѣтовалъ ему приказать разложить огни по всей линіи прежняго расположенія войскъ, съ тѣмъ, чтобы продолжать отвлекать въ нашу сторону вниманіе турокъ. Скобелевъ такъ и сдѣлалъ.

Со стороны другого отряда давно уже стало затихать и теперь все смолкло. Послѣ мы узнали, что онъ имѣлъ тутъ жаркое дѣло.

Чего стоило чуткой, нервной, подвижной натурѣ Скобелева удержаться отъ атаки въ этотъ день — я это знаю, такъ какъ все время былъ съ нимъ. По большей

части мы были одни, потому что онъ постоянно отходилъ въ сторону, съ желаніемъ высказать то, что у него было на душѣ, то, что его, видимо, безпокоило, душило:

— Какъ вы думаете, Василій Васильевичъ, хорошо я сдѣлалъ, что не штурмовалъ сегодня? Я знаю, скажутъ, что я сдѣлалъ это нарочно, будутъ упрекать меня въ томъ, что я съ умысломъ не атаковалъ, что не хотѣлъ помочь; ну, чтожъ! я подамъ въ отставку!!

— О какой отставкѣ вы говорите, — успокоивалъ я его, — вы сдѣлали то, что должны были сдѣлать, то, что могли. Вы отвлекли на себя часть турецкихъ силъ, но штурмовать съ однимъ полкомъ было немыслимо...

Къ намъ подошелъ тутъ Столѣтовъ; я взялъ его въ свидѣтели, просилъ его сказать свое откровенное мнѣніе: онъ безъ обиняковъ высказался, что съ такими ничтожными силами идти на крѣпкую позицію было крайне рискованно, если не невозможно.

Скобелевъ какъ будто немного успокоился, но онъ былъ вполнѣ военный человѣкъ и его чутье подсказывало ему, что вышло что-то неладное... что онъ опоздалъ спустится съ горъ и не поспѣлъ на подмогу своимъ.

Онъ много разъ еще возвращался къ тому же:

— Вас. Вас., подите сюда на минуточку; вѣдь я не могъ иначе сдѣлать? ну, что же, ну, оставлю службу, ну, подамъ въ отставку, коли будутъ упрекать!..

Душевно было жаль слушать его оправданія, этотъ плачъ воина, не поспѣвшаго на выручку своихъ!

Онъ обошелъ войска, вездѣ велѣлъ окопаться, и окопаться такъ, какъ если бы предстояло серьезное нападеніе непріятеля, причемъ бесѣдовалъ съ солдатами, воспоминая случаи, гдѣ они пренебрегали окапываться и страдали черезъ это.

Признаюсь, я до сихъ поръ не знаю — была назначена Радецкимъ общая атака обоихъ отрядовъ на этотъ день или нѣтъ? Если да, то, конечно, на Михаилѣ Дмитріевичѣ лежала извѣстная доля отвѣтственности за то, что онъ не спустилъ съ горъ весь отрядъ къ назначенному времени, хотя это и оказалось матеріально невозможнымъ; коли же нѣтъ, то, напротивъ, отвѣтственность на томъ отрядѣ, который атаковалъ, не будучи увѣреннымъ въ томъ, что Скобелевъ въ состояніи поддержать ихъ, что онъ уже успѣлъ спуститься.

Видя крайнюю нервность Скобелева, я предложилъ ему послать сейчасъ же одного изъ ординарцевъ къ Радецкому съ донесеніемъ о томъ, что сдѣлано и что предстояло сдѣлать завтра, а также для испрошенія инструкцій, если бы таковыя имѣлись, — это должно было хоть занять, успокоить его.

— Да невозможно съѣздить теперь къ Радецкому и воротиться до утра, — отвѣтилъ онъ.

— Напротивъ, я увѣренъ, что возможно; пошлите Дукмасова, онъ бравый малый; скажите ему, что къ утру завтрашняго дня онъ долженъ воротиться. Исполнитъ — дайте ему крестъ; не исполнитъ — подъ арестъ.

Скобелевъ согласился.

Я отыскалъ Дукмасова, сказалъ ему, чтобы онъ приготовился немедленно ѣхать черезъ горы, и этотъ донецъ-молодецъ, не сморгнувши, пошелъ „справляться". Сказать правду, въ 16—17 часовъ два раза переѣхать черезъ Балканы, да еще подняться на Шипку къ Радецкому и спуститься оттуда, и все это по ужасной дорогѣ, сплошь запруженной войсками — была шутка не легкая, однако, Дукмасовъ исполнилъ это.

Ночевать мы воротились въ Иметли. Вдоль линіи непріятельскихъ позицій, на мѣстахъ бывшаго расположенія нашихъ войскъ, ярко горѣли костры, держа въ безпокойствѣ турокъ.

Въ деревнѣ оказалось много сѣна, но жилыми помѣщеніями она была не богата, такъ какъ большая часть домовъ была разрушена. На бѣду мою, конный болгаринъ, котораго мнѣ дали и у котораго убили на рекогносцировкѣ лошадь, наскучивъ, вѣроятно, таскать мои вещи, либо продалъ, либо бросилъ ихъ, и пропалъ самъ; у него были мой бинокль, револьверъ и др. нужныя походныя принадлежности. Особенно жалко мнѣ было револьвера, какъ одной изъ немногихъ вещей, доставшихся мнѣ послѣ убитаго подъ Плевною брата моего Сергѣя.

Долго бродилъ я по деревнѣ, между кострами, въ поискахъ за болгариномъ — ажъ измучился. Усталый и голодный пошелъ въ избу, отведенную для Скобелева.

— Нѣтъ дома.

Побродивши еще, снова зашелъ.

— Все еще не приходилъ.

Ну, думаю, дождусь, иначе совсѣмъ плохо, ѣсть нечего. — Теперь, должно-быть, скоро будетъ, — говорилъ казакъ его, — ужинъ готовъ.

У меня слюнки текли.

Вотъ, должно-быть, и онъ; слышны у калитки шаги; въ страшной темнотѣ Скобелевъ наткнулся на казака и, должно-быть, подъ вліяніемъ недовольства сегодняшнимъ днемъ, ударилъ его такъ сильно, что тотъ съ ногъ слетѣлъ.

— Что ты мнѣ подъ ноги лѣзешь, скотина.

Потомъ, разглядѣвши меня:

— Это кто тутъ такой? Ахъ, это вы, Василій Васильевичъ. — Ну, извини, голубчикъ, — продолжалъ Михаилъ Дмитріевичъ, обращаясь къ казаку, — поцѣлуй меня, не сердись!.. Пойдемте, В. В., поболтаемъ за ужиномъ. Эй! дайте бутылку шампанскаго.

Пьяницей Скобелевъ никогда не былъ, но шампанское очень любилъ, пожалуй, даже слишкомъ, и дядя его, всесильный тогда графъ А., снабжалъ его иногда ящиками такого хорошаго вина, о какомъ мы могли только мечтать и грезить. Въ Плевнѣ, помню, онъ увѣрялъ, что уже допиваемъ послѣднія бутылки, что черезъ горы онъ не потащитъ ни одной, но, очевидно, это была только военная хитрость — такъ какъ нашлась еще завѣтная бутылочка, а завтра, если турки будутъ основательно побиты, найдется, вѣроятно, и еще одна. Собесѣдникъ мой былъ, однако, смущенъ, во-первыхъ, думаю, неотвязною мыслью о томъ, что онъ не успѣлъ атаковать сегодня турокъ и что его обвинятъ въ намѣреніи провалить Мирскаго, а во-вторыхъ, и тѣмъ отчасти, что я былъ невольнымъ свидѣтелемъ того, какъ ни за что, ни про что полетѣлъ съ ногъ бѣдный казакъ. Такъ разговоръ нашъ и вертѣлся опять болѣе на неразумности атаки съ малыми силами, на предположеніяхъ о томъ, что было сегодня въ другомъ отрядѣ и проч.

Я не зналъ гдѣ пріютиться въ эту ночь и очень обрадовался, когда нечаянно набрелъ на избушку, занятую ординарцами Скобелева. У нихъ былъ разведенъ огромный огонь въ каминѣ; на полу, въ повалку, мы отлично выспались.

Вся молодежь, окружавшая Скобелева, была далеко не модная, но она была хорошо обстрѣлена, невзыскательна и ежедневно порхала и летала черезъ всевозможныя опасности — истинно, боевая молодежь.

На слѣдующій день я всталъ до свѣта и сейчасъ же поѣхалъ на передовую линію, въ сопровожденіи казака, котораго, по распоряженію Скобелева, дали мнѣ изъ Донского полка, такъ какъ мой кубанецъ, все еще „справлялся“ и не являлся. Было сыро, стоялъ туманъ, кругомъ догорали солдатскіе костры. Скобелевъ что-то не торопился начинать дѣла, можетъ-быть, дожидался Д. съ Шипки отъ Радецкаго. Уже совсѣмъ разсвѣтало, когда я въѣхалъ на одинъ изъ кургановъ вмѣстѣ съ Харановымъ, ординарцемъ Скобелева, для наблюденія за непріятелемъ. Бравый товарищъ мой, осетинскій офицеръ, не былъ расположенъ къ писанію, почему я доносилъ генералу, время-отъ-времени, на лоскуткахъ записной книжки о томъ, что мы передъ собою замѣчали въ движеніяхъ непріятеля.

Снизу мгла поднялась уже, и деревня Шейнова съ турецкими редутами и траншеями ясно открылась, но Шипка и всѣ горы были все еще наполовину въ облакахъ. Въ это время, какъ и всю ночь, у насъ въ долинѣ и наверху на Шипкѣ то и дѣло раздавались одиночные выстрѣлы, когда чаще, когда рѣже, но вяло, нехотя, безъ увлеченія, — очевидно, съ обѣихъ сторонъ ждали, готовились.

Скоро съ другой стороны деревни Шейнова перестрѣлка стала усиливаться, — у того отряда, должно-быть, снова завязывалось дѣло; у насъ все еще было смирно.

Не мало посмѣялись мы съ Х. надъ нашимъ страхомъ быть отрѣзанными отъ отряда, а пожалуй и захваченными въ плѣнъ. Насъ было только 3—4 человѣка и мы были очень далеко впереди своихъ. Когда туманъ еще не поднялся, мы замѣтили 10 или 12 черныхъ предметовъ, выдѣлившихся изъ линіи турецкой кавалеріи и приблизившихся къ намъ; вотъ они остановились, повидимому, осмотрѣлись и затѣмъ дружно, шеренгою направились далѣе на перерѣзъ нашему сообщенію съ отрядомъ; мы уже приготовились отступать, чтобы не дать себя отрѣзать, когда туманъ разсѣялся и оказалось, что предполагаемые враги, — казавшіеся во мглѣ внушительными, большущими, — были здоровенныя собаки, рыскавшія за остатками солдатскихъ ужиновъ. Хорошо, что я не приписалъ Скобелеву въ запискѣ: партія черкесовъ отдѣлилась отъ цѣпи и направилась... и проч., вотъ

бы засмѣялъ онъ насъ послѣ; а смѣялся онъ звонко, громко, съ какимъ-то прихрипомъ: кхе-кхе-кхе-кхе!

Въ томъ отрядѣ перестрѣлка очень усилилась, — очевидно, опять разгоралась сильная битва. Я только что написалъ и послалъ генералу предложеніе сдѣлать поискъ къ сторонѣ Шейнова, для отвлеченія силъ непріятеля, какъ показался вдали генеральскій значокъ, а вскорѣ прискакалъ казакъ отъ Скобелева: онъ приказалъ намъ отойти, — и началъ бой.

Изъ большихъ орудій такъ-таки и не притащили ни одного. Говорятъ, болгарское ополченіе, перетаскивавшее ихъ, выбилось изъ силъ, но ничего не могло подѣлать. Я продолжаю думать, однако, что оно боялось, за этою неблагодарною для него работою, опоздать къ рѣшительному бою, почему и не довершило начатаго дѣла, и что у Г., ногтями ли, зубами ли, орудія были бы доставлены. Пришлось опять ограничиться горными пушченками. За то кавалерія спустилась вся, т.-е, полкъ московскихъ драгунъ, полкъ петербургскихъ уланъ и 2 полка донцовъ; изъ пѣхоты — стрѣлковая бригада, болгарское ополченіе и всѣ полки 16 дивизіи: Углицкій, Казанскій, Суздальскій, Владимірскій, — хорошіе полки, знакомые Скобелеву по Плевненскимъ битвамъ.

Два послѣдніе, какъ особенно пострадавшіе подъ Плевною, отдыхали, стояли въ резервѣ.

Теперь отрядъ былъ въ сборѣ; сегодня была увѣренность въ силѣ, а слѣдовательно и въ успѣхѣ — сегодня разговоръ начался иной.

Первые пошли въ атаку стрѣлковая бригада и болгарское ополченіе, на правое крыло турокъ. Поднялась страшная трескотня: ура! ура! ура! Аллахъ! Аллахъ!..

Въ это время подъѣхалъ Дукмасовъ, подбоченясь, съ улыбочкою, но съ сильно подбитою, почернѣвшею физіономіею, — это онъ съ размаха треснулся на перевалѣ о дерево.

— Радецкій совершенно одобряетъ все, что я сдѣлалъ, — сказалъ мнѣ Скобелевъ, показывая только что полученную записку.

Лицо его при этомъ сіяло искреннимъ удовольствіемъ.

— Вотъ видите! — отвѣтилъ я ему.

. . . .

Пока шла атака праваго фланга турокъ, кавалерія наша была отправлена въ обходъ лѣваго, наперерѣзъ

ихъ сообщенію съ Казанлыкомъ. Тутъ прежде всего сказалась выгода того, что въ дѣло были пущены всѣ силы отряда; даже въ лучшемъ случаѣ, наканунѣ, турки только отступили бы, такъ какъ не было кавалеріи, чтобы отрѣзать имъ путь. Сегодня же имъ предстояло или разбить, отогнать насъ, или сдаться, потому что идти назадъ было нельзя: тамъ были наши драгуны, уланы и казаки. Тѣмъ временемъ масса раненыхъ тянулась отъ нашего лѣваго крыла, пошедшаго въ атаку; число ихъ дѣлалось все больше и больше; вотъ уже отходятъ цѣлыми кучками... Что это? Смотрю и глазамъ своимъ не вѣрю: вонъ десятки, сотни, сначала пятятся, потомъ поворачиваются... отступаютъ... Весь отрядъ отступаетъ — нѣтъ сомнѣнія, наши отбиты!

— Михаилъ Дмитріевичъ! — говорю, — вѣдь наши отбиты начисто!

Не отводя глазъ отъ бинокля, Скобелевъ такъ и впился въ мѣсто битвы.

— Это бываетъ, — отвѣтилъ онъ какъ-то странно шутливо.

Онъ вызвалъ немедленно Панютина съ Углицкимъ полкомъ.

— Съ Богомъ, проходите впередъ, я дамъ знать, когда начинать.

— Слушаюсь-съ, — отвѣтилъ тотъ, молча снялъ шапку, перекрестился; молча сняли шапки и перекрестился слѣдомъ за командиромъ весь полкъ.

Какъ я замѣтилъ уже раньше, у Панютина давно чесались руки, поэтому опять онъ не заставилъ два раза повторять приказаніе — такъ и зашагалъ.

— Жидовъ сюда, — скомандовалъ Скобелевъ — это значило: „музыку сюда“, такъ какъ большинство музыкантовъ обыкновенно изъ евреевъ.

Подъ музыку, равняясь какъ на ученьѣ, съ развернутыми знаменами, прошли впередъ углицкіе баталіоны, весело отвѣчая на привѣтствіе генерала.

— Если отобьютъ Панютина, я самъ поведу войска, — сказалъ Скобелевъ, снова занявшійся биноклемъ.

Мнѣ приходилось быть во многихъ сраженіяхъ, но, признаюсь, никогда еще не доводилось видѣть такой стройной, правильной атаки: „Долина Розъ“ приняла видъ „Царицына луга“ въ день смотра: наступавшіе шли подъ звуки маршей, въ резервныхъ полкахъ играли

„Боже Царя Храни“ и „Коль славенъ“. Только одинъ баталіонъ изъ резервовъ, шедшихъ занять мѣсто атаковавшихъ, несъ знамя въ чехлѣ, — я подъѣхалъ и приказалъ „развернуть знамя“.

— По чьему приказанію? — спросилъ адъютантъ.

— Генерала Скобелева.

Михаилъ Дмитріевичъ увѣрялъ потомъ, что онъ былъ умница въ этотъ день, держался внѣ огня, но, очевидно, это надобно было понимать относительно: насъ просто обсыпало гранатами. Турки стрѣляли сначала по резервамъ, но потомъ замѣтили нашу группу, и съ полдюжины гранатъ ударилось такъ близко отъ Скобелева, что онъ потерялъ терпѣніе и сердито закричалъ на столпившихся около него казаковъ съ лошадьми:

— Да разойдитесь вы, чортъ бы васъ побралъ, перебьютъ васъ всѣхъ, дураковъ!

Неутомимый графъ Келлеръ, уѣхавшій куда-то распоряжаться, долго не возвращался и мнѣ пришлось написать нѣсколько приказаній Скобелева, — чистое наказаніе. Помню, что онъ велѣлъ перемѣнить заключительную фразу записки, посланной начальнику кавалеріи, генералу Дохтурову, написанную въ смыслѣ совѣта дѣйствовать рѣшительнѣе. Побудило меня написать эту фразу то, что на нашихъ глазахъ одна изъ кавалерійскихъ колоннъ, отъ удара въ середину ея гранаты, шарахнулась въ сторону и затѣмъ пріуменьшила шагъ.

— Это старый генералъ, — сказалъ мнѣ Скобелевъ, — я не могу такъ писать ему.

Еще помню, что въ запискѣ къ генералу Мирскому я забылъ выставить число и часъ, за что хозяинъ разсердился на меня. Кстати подъѣхалъ графъ Келлеръ.

— Что это васъ никогда нѣтъ, — обрушился на него С., — пишите скорѣе...

Я радъ былъ, что дешево отдѣлался, и принялся рисовать — это было мнѣ сподручнѣе.

Панютинъ былъ уже впереди, но еще не начиналъ рѣшительной атаки и Скобелевъ послалъ ординарца П. съ приказаніемъ „начать штурмъ“.

Стоя въ это время близко, я прибавилъ: „да скажите, чтобы резервы держалъ недалеко!“ Генералъ опять осерчалъ:

— Да, Василій Васильевичъ, вѣдь не учить же людей, когда они идутъ въ огонь!

А почему бы и нѣтъ — думалось мнѣ — учить не учить, а посовѣтовать...

Много позже, годъ спустя, когда я ѣздилъ снова въ Болгарію, встрѣтился мнѣ въ Шейновѣ стрѣлковый офицеръ, капитанъ Кашталинскій, имѣвшій репутацію очень храбраго и распорядительнаго. Я спросилъ его, почему они были отбиты, — онъ отвѣчалъ буквально: „потому, что резервы были далеко; солдаты пошли очень хорошо, но, встрѣтивши сильный отпоръ, оглянулись, видятъ поддержка далеко — и пошатнулись“.

Панютинъ пошелъ храбро; сохраняя порядокъ, подошелъ онъ къ турецкимъ траншеямъ, на близкое разстояніе, не стрѣляя, только по временамъ приказывая своимъ людямъ ложиться.

— Смотрите на Панютина! Михаилъ Дмитріевичъ, — говорю Скобелеву, — какъ славно онъ идетъ, онъ совсѣмъ молодцомъ!

— Я вамъ скажу, — отвѣтилъ Скобелевъ, отнявши на минуту бинокль отъ глазъ и поворачиваясь, — „Панютинъ — это бурная душа!“

Такъ и вижу милаго Скобелева въ сюртукѣ и пальто нараспашку, какъ онъ, широко разставивши ноги, — сабля, отброшенная наотмахъ, — слѣдитъ въ бинокль за ходомъ битвы. По временамъ, не перемѣняя позы, отдаетъ приказанія или, когда дѣлается очень жарко, т.-е. по немъ начинаютъ крѣпко стрѣлять, снова посылаетъ „къ чорту“ жмущихся въ кучку казаковъ съ лошадьми; значокъ его крѣпко привлекаетъ выстрѣлы — и значокъ посланъ „къ чорту“.

Передъ нами синею полосою рисовалась дубовая роща, въ которой расположена деревня Шейнова; оттуда поминутно показывались отдѣльные дымки орудійныхъ выстрѣловъ и стлался сплошной дымъ ружейныхъ. Налѣво тяжелыя бѣлесоватыя тучи застилали верхнюю половину всѣхъ горъ, въ томъ числѣ и Шипки; съ той стороны тоже слышался теперь гулъ орудій и трескотня ружей: очевидно, Радецкій рѣшился-таки атаковать съ фронта.

Я сдѣлалъ набросокъ поля битвы, намѣтилъ мѣста турецкихъ орудій, мѣсто штаба Скобелева и проч. Пока я писалъ, помню, осколокъ гранаты, уже потерявшій отчасти силу, но еще способный перебить ногу, катился по направленію къ моему стулу: я смотрѣлъ на него и

загадывалъ, докатится или не докатится? докатился и остановился у самыхъ ногъ, — любезно! Осколокъ этотъ хранится у меня.

Въ поддержку угличанамъ Скобелевъ послалъ казанцевъ, которые должны были ударить лѣвѣе Панютина въ центръ турокъ.

— Съ Богомъ, братцы, да плѣнныхъ не брать!

— Рады стараться, ваше превосходительство.

„Плѣнныхъ не брать" въ переводѣ на обыкновенный языкъ значитъ: „колоть всѣхъ безъ пощады".

Я напомнилъ Скобелеву эту фразу на другой день.

— Зачѣмъ вы это сказали?

— Да будто я это сказалъ? — спросилъ онъ съ удивленіемъ. Очевидно, фраза эта просто сорвалась у него съ языка, но туркамъ отъ нея не поздоровилось.

Угличане, а за ними казанцы совершенно выбили непріятеля изъ траншей и редутовъ, — казанцы довершили работу первыхъ. Панютинъ, взявши въ руки знамя, самъ велъ солдатъ и, конечно, онъ своей отвагой въ значительной мѣрѣ рѣшилъ участь сраженія.

Замѣчательно, что тотъ же самый полкъ, здѣсь ни на минуту не замявшійся, шедшій впередъ, ложившійся, снова шедшій впередъ, снова ложившійся, какъ на ученьѣ, — подъ Плевною, предводительствуемый N. N., какъ засѣлъ въ виноградникахъ, такъ и не вышелъ изъ нихъ — до такой степени храбрость солдатъ зависитъ отъ храбрости командира.

Было очевидно, что битва выиграна. Скобелевъ сдѣлался менѣе нервенъ, смѣялся, шутилъ. Когда подошелъ С., я шепнулъ Скобелеву, чтобы онъ помирился съ нимъ, и Михаилъ Дмитріевичъ протянулъ руку: „ну, помиримся, ну, не сердитесь"... Хотя старикъ и упирался сначала, но въ концѣ концовъ „превосходительства" обнялись и поцѣловались.

Дѣло въ томъ, что еще во время атаки болгаръ, Ст., подошедшій къ Скобелеву съ какимъ-то замѣчаніемъ, услышалъ отъ него, вмѣсто отвѣта: „подите прочь отъ меня!" Я совсѣмъ пораженъ былъ такою необычайною рѣзкостью и спросилъ, что это значитъ; за что это?

— А за то, — отвѣчалъ Скобелевъ, — что онъ не на мѣстѣ: коли его часть идетъ въ атаку, такъ его мѣсто тамъ, а не здѣсь, около меня; я этого не люблю...

Но болѣе всего попало за время этого сраженія отъ скобелевскаго сердца пріятелю моему Н. Д. Воротившись отъ атакующихъ, не успѣлъ онъ обратиться съ чѣмъ-то къ генералу, какъ тотъ освирѣпѣлъ:

— Василій Ивановичъ, пожалуйста, уйдите прочь!

Н. Д. отъѣхалъ въ сторону.

— Нѣтъ, совсѣмъ, совсѣмъ прочь!

Н. Д., впрочемъ, былъ и послѣ пріятелемъ Скобелева, не любившаго терять дружбу талантливыхъ людей.

Было уже, кажется, около двухъ часовъ, когда привели или, вѣрнѣе, приволокли къ Скобелеву плѣннаго пѣхотнаго турецкаго офицера, на лошади, сообщившаго, что ихъ дѣло окончательно проиграно, — все бѣжитъ, спасается отъ погрома, полнаго, рѣшительнаго.

Съ офицеромъ этимъ хорошо обошлись и онъ потомъ нѣсколько дней ѣздилъ въ свитѣ Скобелева, гдѣ ему понравилось; онъ сданъ былъ подъ покровительство X., съ которымъ вмѣстѣ ѣлъ, пилъ, спалъ и галопировалъ за бѣлымъ генераломъ. Послѣ главнокомандующій, замѣтившій въ свитѣ Скобелева этого страннаго ординарца, сказалъ М. Д.:

— Смотри, онъ у тебя не сбѣжалъ бы?

— Нѣтъ, ваше высочество, не сбѣжитъ, — отвѣчалъ Скобелевъ. И точно, плѣнный такъ привязался къ генералу, что его потомъ насилу могли отослать.

Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ во весь опоръ прискакалъ казакъ:

— Ваше превосходительство! турки выкинули бѣлый флагъ!..

Генералъ тотчасъ же сѣлъ на лошадь и поскакалъ въ Шейново. Мы летѣли стремглавъ черезъ множество убитыхъ; чѣмъ ближе къ деревнѣ, тѣмъ болѣе попадалось тѣлъ, сначала нашихъ, а потомъ и турокъ, которыя грудами наполняли траншеи и батареи; орудійная прислуга и защищавшая ее пѣхота, очевидно, остались при мѣстахъ и были переколоты — солдаты наши буквально исполнили приказаніе Скобелева. Проскакавши часть Шейнова, мы поворотили налѣво, несясь наудачу, не зная, гдѣ турецкій главнокомандующій и его бѣлый флагъ. Н. Д., помню, зацѣпился за дерево и чуть не вылетѣлъ изъ сѣдла; тѣмъ не менѣе, онъ былъ, видимо, счастливъ и цвѣлъ удовольствіемъ. Очень талантливый литераторъ и надиво сколоченный натурою человѣкъ

онъ былъ одинъ изъ самыхъ неутомимыхъ корреспондентовъ, какихъ только мнѣ случалось встрѣчать, и рѣшительно всюду поспѣвалъ на своей маленькой, юркой лошадкѣ, имѣвшей, по его словамъ, какія-то особенныя качества,— не послѣднимъ изъ нихъ, конечно, была выносливость, способность таскать на такихъ тщедушныхъ четырехъ ногахъ такую плотную, вѣскую фигуру.

Намъ попались толпы плѣнныхъ и, кромѣ того, Скобелеву донесли, что кавалерія отрѣзала дорогу 6.000 турокъ, отступившихъ было къ Казанлыку. Попались наши солдаты въ такомъ безпорядочномъ видѣ, такими толпами, что начальству ихъ тутъ же крѣпко досталось отъ генерала. Встрѣтился и Панютинъ, совершенно охрипшій, но, несмотря на это, шумѣвшій еще болѣе обыкновеннаго; это, впрочемъ, легко объяснялось возбужденіемъ дня,— отъ старшихъ офицеровъ до солдатъ, всѣ участвовавшіе въ дѣлѣ какъ-будто сговорились охрипнуть сегодня. Панютинъ потерялъ за штурмъ много народа; когда ему говорили потомъ объ убыли изъ полка полутораста или двухсотъ человѣкъ, онъ презрительно махалъ рукою, дескать, „не стоитъ съ вами и разговаривать, у меня выбыло 350!“

Масса труповъ валялась кругомъ, такъ же, какъ и всякаго оружія. Долго ли, коротко ли носились мы въ пространствѣ — то направо, то налѣво — въ поискахъ за турецкимъ главнокомандующимъ; наконецъ, выбѣжалъ навстрѣчу Скобелеву стрѣлковый полковникъ Z. съ саблею Весселя-паши.

— Гдѣ же онъ самъ?

— Вонъ подъ большимъ курганомъ, въ маленькомъ баракѣ!

Этотъ большой курганъ былъ сверху до низу покрытъ турецкими солдатами, побросавшими свои ружья и аммуницію и апатично ожидавшими своей участи,— на всѣхъ лицахъ было какъ бы написано: „Хуже того, что было, не будетъ“. Подъ курганомъ крошечный деревянный баракъ, передъ дверями котораго стоялъ пожилой турецкій генералъ, брюнетъ, съ сильною просѣдью, съ суровымъ, нахмуреннымъ лицомъ, что-называется „туча-тучею“ — это и былъ Вессель-паша, главнокомандующій шипкинскою турецкою арміей. Сзади и кругомъ него было множество офицеровъ, человѣкъ 50, я думаю и, между ними 4 пашей.

Немного не доѣзжая до турокъ, Скобелевъ круто остановилъ коня и послалъ имъ сказать, „чтобы подошли къ нему". Еще болѣе нахмуренный двинулся Вессель-паша, за нимъ паши и всѣ офицеры.

Михаилъ Дмитріевичъ началъ говорить очень любезно, попробовалъ, для позолоты пилюли, хвалить храбрость его войскъ, но ни одна морщина не разгладилась на челѣ побѣжденнаго воина; онъ молчалъ и злобно глядѣлъ на Скобелева; также непривѣтливо смотрѣли и всѣ офицеры. Тогда Скобелевъ перемѣнилъ тонъ разговора.

Прежде всего онъ обратился ко мнѣ и тихо сказалъ:

— Поѣзжайте скорѣй къ генералу Томиловскому, скажите, чтобы онъ, ни мало не медля, отвелъ плѣнныхъ отъ ружей. Я имѣю свѣдѣніе, что Сулейманъ-паша идетъ сюда изъ Филиппополя, и боюсь, что, при первомъ извѣстіи объ этомъ, турки снова схватятся за оружіе. Чтобы онъ сдѣлалъ это быстро и толково, слышите!

Главный турецкій редутъ подъ Шейновымъ, съ бѣлымъ флагомъ. Внизу землянка Весселя-паши, занятая Скобелевымъ.

Я поскакалъ, передалъ приказъ съ поясненіемъ и на возвратномъ пути, въѣхавъ на большой курганъ, снялъ себѣ на память развѣвавшійся на немъ бѣлый флагъ; это былъ большой кусокъ бѣлой полушерстяной, полушелковой матеріи съ полосами, какъ разъ пригодный для украшенія моей мастерской, — но увы! не будучи въ состояніи таскать его съ собою, покамѣстъ, съ дозволенія Харанова, я передалъ эту „находку" его денщику, а тотъ, конечно, съ дозволенія же своего барина, потерялъ его.

Турки съ великою боязнью слѣдили за тѣмъ, какъ я снималъ флагъ, представлявшій наглядный конецъ ихъ теперешнихъ бѣдствій, и думали, можетъ-быть, что за симъ послѣдуетъ избіеніе ихъ.

Скобелевъ рѣзко обратился къ Весселю, все еще имѣвшему сердитую гримасу на лицѣ.

— Сдается ли Шипка?

— Этого я не знаю!

— Какъ не знаете? да вѣдь вы главнокомандующій!

— Да! Я главнокомандующій, но не знаю, послушаютъ ли они меня.

— А если такъ, то я сейчасъ же атакую Шипку, — и, чтобы подтвердить угрозу дѣломъ, онъ приказалъ двинуть по направленію къ перевалу резервную бригаду, Суздальскій и Владимірскій полки.

Сказать правду, угроза атаковать Шипку, эти страшныя снѣжныя громады, высившіяся надъ нами, да еще одною бригадою, была, просто, смѣшна и турки должны были быть очень удручены, коли приняли ее въ серьезъ; тѣмъ не менѣе, между турецкими офицерами произошло движеніе, они перебросились нѣсколькими фразами и Вессель заговорилъ уже помягче:

— Постойте, постойте, я пошлю туда моего начальника штаба.

Этотъ начальникъ штаба, полковникъ, вмѣстѣ съ нашимъ генераломъ Столѣтовымъ, говорившимъ по-турецки, отправились на перевалъ. Впрочемъ, еще ранѣе бравый Харановъ вызвался слетать туда и сообщить Радецкому о результатѣ битвы.

Въ ожиданіи отвѣта, бригада все-таки двинулась къ горамъ, подъ музыку, церемоніально, на большихъ дистанціяхъ, чтобы войска казалось больше! Мы, а за нами и турецкіе офицеры, съ Весселемъ во главѣ, тронулись туда же. По дорогѣ я сказалъ Скобелеву:

— Помните, вы сомнѣвались, не дурно ли вы дѣлаете, собирая всѣ силы для удара, — смотрите, какой результатъ, какой разгромъ!.. — Онъ молча слушалъ съ довольнымъ видомъ. — А все-таки вы еще горячились...

— Будто я горячился.

— Положительно, хотя и меньше, чѣмъ прежде... — Опять онъ смотрѣлъ довольно, спокойно, нервность уменьшилась.

Генералъ опять поразослалъ своихъ ординарцевъ, а нѣкоторые и сами куда-то улетучились, такъ что мнѣ опять пришлось развозить его приказанія. Когда мы двигались къ горамъ за Скобелевымъ, были только Н. Д., казакъ со значкомъ и я, что, вѣроятно, не мало смущало пашей, видѣвшихъ русскаго героя, передъ которымъ они положили оружіе, въ такомъ мизерѣ, почти

безъ свиты. Они, кажется, сомнѣвалися ужъ, настоящій ли это Скобелевъ, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ пашей допрашивалъ меня о чинахъ и отличіяхъ нашего генерала, причемъ, повидимому, его смутило то, что побѣдитель ихъ только генералъ-лейтенантъ, а не полный генералъ. Я не могъ не улыбнуться тому, что, когда я передалъ ихъ начальнику штаба какое-то приказаніе по-

В. В. Верещагинъ.

французски, онъ, оглядѣвши мой полувоенный, полуштатскій нарядъ, спросилъ:

— Позвольте узнать, вы кто такой?

— Я — секретарь генерала!

На мнѣ была короткая румынская шуба на длинномъ бѣломъ бараньемъ мѣху, большая казачья папаха и шашка черезъ плечо. Только офицерскій Георгіевскій крестъ сглаживалъ немного излишнюю живописность этого костюма.

Скобелевъ серьезно побаивался, какъ бы шипкинскій турецкій генералъ не заупрямился, особенно въ виду настойчивыхъ слуховъ, сообщаемыхъ со всѣхъ сторонъ болгарами, о движеніи сюда Сулеймана-паши, — слуховъ, вѣроятно, дошедшихъ и до турокъ и оказавшихся вѣрными лишь на половину: Сулейманъ, дѣйствительно, двигался со стороны Филиппополя, но не побѣдоносно, а отступая, разбитый генераломъ Гурко.

* * *

Очевидно, отвѣта съ Шипки нельзя было ждать скоро, и мы помѣстились на перерѣзѣ дороги туда.

Скобелевъ объѣхалъ ряды и вездѣ говорилъ съ солдатами, больше пріятельски, чѣмъ начальнически:

— Вотъ, видите, братцы, я всегда говорилъ вамъ: слушайте своихъ начальниковъ; сегодня вы исправно исполнили приказаніе и сдѣлали дѣло, какъ слѣдуетъ, — то же самое будетъ впереди...

Шипка сдалась, въ концѣ-концовъ, безъ протеста, но извѣстіе объ этомъ получено было поздно, мы не дождались его и уѣхали за Скобелевымъ домой. Дорогой наткнулись на смѣшную сцену: милѣйшій Д., такъ исправно исполнившій трудное дѣло поѣздки черезъ Балканы и обратно, не утерпѣлъ, чтобы не проявить свою казацкую сноровку также и здѣсь: куда-то запропастившійся, онъ вдругъ оказался на дорогѣ и не одинъ, а тянулъ за узды двухъ большихъ, красивыхъ, сѣрой шерсти, коней, взятыхъ изъ турецкаго артиллерійскаго парка. Увидя Скобелева, онъ очень сконфузился, сталъ дергать лошадей изо всей силы, а тѣ, испуганныя нашимъ приближеніемъ, какъ нарочно, уперлись и загородили дорогу — картина! Скобелевъ отвернулся и объѣхалъ злополучную группу; мы посмѣялись отъ души.

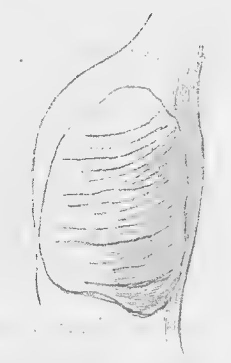
Изъ отряда Мирскаго пріѣхалъ С. и сталъ горячо уговаривать Скобелева съѣздить къ князю, какъ къ болѣе старшему годами. Послѣ нѣкотораго колебанія М. Д. согласился, и мы поскакали на ту сторону деревни Шейново, гдѣ среди поля сидѣлъ передъ столомъ, скрестивъ на груди руки, генералъ М. Когда Скобелевъ подскакалъ и, сойдя съ лошади, подошелъ къ столу, генералы обнялись . . . .

Михаилъ Дмитріевичъ занялъ маленькій деревянный баракъ Весселя-паши. Я уѣхалъ ночевать въ Иметли, такъ какъ онъ просилъ навѣстить отъ его имени раненаго генерала Z., командира 1-ой бригады 16-й дивизіи, перешедшей теперь временно въ команду Панютину. Раненъ былъ также въ руку графъ Толстой, помощникъ Столѣтова по командованію болгарскимъ ополченіемъ. Вяземскій, кажется, остался цѣлъ. Вообще говоря, потери наши были значительныя. У болгаръ, дравшихся отчаянно, много выбыло изъ строя; Панютинъ, какъ уже сказано, потерялъ свыше 300 человѣкъ. Стрѣлки потеряли еще больше, — и ихъ бравый начальникъ Меллеръ-Закомельскій не могъ нахвалиться ими.

Убитый турокъ.

По поводу стрѣлковъ я скажу здѣсь нѣсколько словъ: они образуютъ отдѣльные баталіоны, идущіе впереди другихъ пѣхотныхъ частей при началѣ дѣла, а затѣмъ обыкновенно и при самой атакѣ; вслѣдствіе этого и потери ихъ бываютъ значительнѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ. Въ гвардейскомъ отрядѣ эти сравнительно большія потери стрѣлковъ вызвали неудовольствіе высшихъ начальниковъ, и рѣшено было поберегать стрѣлковъ. Какимъ образомъ? — вести ихъ впереди при началѣ дѣла, но пускать въ атаку лишь въ случаѣ нужды, по возможности послѣ другихъ частей, что я нахожу непрактичнымъ: моментъ атаки не всегда можетъ быть съ точностью опредѣленъ впередъ, часто начальникъ выбираетъ удобную минуту, зависящую какъ отъ состоянія непріятеля, такъ и отъ настроенія своихъ солдатъ; воротить передовую часть, когда она только что вошла въ задоръ, разошлась, когда у нея раззудились руки, кажется мнѣ невыгоднымъ для дѣла. Говорятъ, стрѣлки дороги, ихъ надобно беречь, потому что обученіе ихъ труднѣе, чѣмъ другихъ частей пѣхоты, — правда, но зато и обезкураживать солдатъ

Вырѣзанная турками грудь нашего солдата.

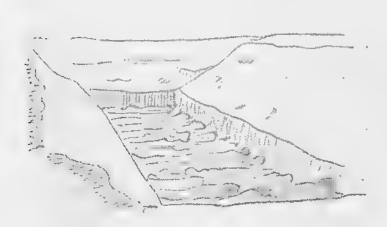
въ рѣшительную минуту—опасно! Лучше всего, конечно, вовсе не воевать, но ужъ если драться, такъ ничего не жалѣть.

По дорогѣ въ Иметли я побродилъ еще по полю битвы. Удивительно было, что траншейные рвы оказались заваленными убитыми: я объяснилъ себѣ это тѣмъ, что укрѣпленія были не готовы; турки только еще работали надъ ними, когда наши пошли въ атаку, поэтому, не разсчитывая на защиту такихъ ничтожныхъ работъ, они встрѣтили нашихъ не за укрѣпленіями, а впереди ихъ.

Вырѣзанныя турками части изъ ноги.

Въ одномъ мѣстѣ, смотрю, возятся солдатики около огромнаго турка: онъ еще не умеръ, о чемъ даетъ знать тяжелыми вздохами и мычаніемъ, но воины наши не обращаютъ на это ни малѣйшаго вниманія, выворачиваютъ ему всѣ карманы, подпарываютъ куртку и всѣ складки; поднимаютъ его, снова бросаютъ наземь и ворочаютъ, какъ куль съ мукою; бѣдняга не то стонетъ, не то рычитъ! А какой здоровенный дѣтина этотъ турокъ, кабы ему да силы — какъ бы онъ сумѣлъ расправиться съ искателями сокровищъ!

Братская могила.

Батареи праваго непріятельскаго фланга буквально наполнены мертвыми тѣлами; лошадь моя шарахнулась, отказалась войти въ середину этого мертваго круга; внутри одни турки, — ихъ тутъ просто кололи; внѣ — вперемежку наши и турки, — здѣсь еще дрались.

Одинъ трупъ невольно привлекалъ вниманіе: молодой человѣкъ, что называется зеленый юноша, изъ вольноопредѣляющихся, лежалъ поодаль отъ другихъ, навзничъ, руки и ноги шибко раскинуты, глаза широко открыты и смотрятъ на небо, — видно, убитъ наповалъ. Сапоги, какъ самая нужная въ походѣ вещь, сняты, карманы выворочены и письма въ огромномъ количествѣ разбросаны вокругъ, — искали, очевидно, не коррес-

понденцію его. Впрочемъ, золотой крестикъ и образокъ, на золотой же цѣпочкѣ, были не тронуты, — доказательство того, что ограбившіе трупъ были не турки.

Я подобралъ всѣ эти письма, заглянулъ въ нихъ и узналъ, что это юноша изъ дворянской семьи съ юга Россіи, собиравшійся было служить въ акцизномъ вѣдомствѣ, но, по объявленіи войны, возгорѣвшій желаніемъ послужить родинѣ на полѣ брани. Вся нѣжность матери сказалась въ этихъ письмахъ: она благословляла его несчетное число разъ, умоляла беречь себя, извѣщала о посылкѣ ему съ оказіею любимаго имъ варенья и проч. Пробѣгая эти письма, я стоялъ около молодого человѣка и, по временамъ, взглядывалъ на него; можно было подумать, что онъ прислушивается къ моему чтенію вѣстей съ родины, такъ пытливо смотрѣли вверхъ его широко раскрытые, хотя и помутнѣвшіе глаза, такое удивленіе, вмѣстѣ съ глубоко затаенною печалью, сказывалось на его хорошенькомъ личикѣ нѣжнаго цвѣта, съ едва пробивающимися усиками. Я отослалъ эти письма матери убитаго и сколько же благословеній получилъ отъ нея, — слезы набѣгаютъ при одномъ воспоминаніи.

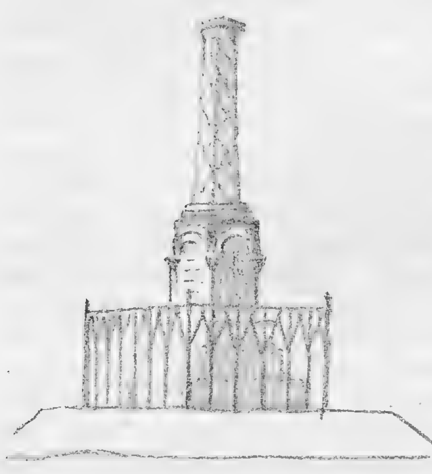
До позднихъ сумерокъ бродилъ я по полю битвы, присматриваясь къ физіономіямъ и позамъ убитыхъ. Особенно поразительны изъ нихъ фигуры убитыхъ наповалъ: нѣкоторые еще держатъ ружья, а руки, по большей части, у всѣхъ такъ и остаются застывшими въ томъ положеніи, какъ застала смерть, причемъ глаза открыты, зубы стиснуты.

Фигура какого-то пѣхотнаго солдатика нѣсколько разъ мелькала мимо меня; я думалъ, онъ тоже ищетъ денегъ на убитыхъ или подыскиваетъ себѣ подходящіе сапоги, — нѣтъ, онъ подходитъ только къ офицерамъ, наклоняется, заглядываетъ въ лицо и спокойно, не торопясь, идетъ къ другому. Я сталъ слѣдить за нимъ: вижу, наклонился... да такъ и приникъ къ трупу; нѣжно, отечески поцѣловалъ его, потомъ началъ оправлять одежду, очищать ее отъ снѣга, голову положилъ попрямѣе, сдвинулъ вѣки насколько могъ, сложилъ закостенѣвшія руки на груди и, еще разъ бережно опахнувши платье и земнымъ поклономъ попрощавшись съ тѣломъ, отошелъ. Это денщикъ, не отыскавши барина между здоровыми и ранеными, пришелъ разы-

скивать между мертвыми — опять слезы душатъ при воспоминаніи: — спасибо тебѣ, добрый, вѣрный драбантъ, спасибо за этого незнакомаго мнѣ, но, вѣрно, хорошаго барина твоего.

Пріѣхавши въ Иметли, я навѣстилъ прежде всего раненаго Z., командира бригады, и передалъ ему любезное привѣтствіе его начальника, а также освѣдомился о состояніи раны его, — она оказалась не тяжелая и была полная надежда на излѣченіе.

Въ избѣ нашихъ молодыхъ людей я просто ахнулъ отъ удивленія: добрая часть ея, отъ пола до потолка, была наполнена лошадиною упряжью, раздобытой запасливымъ Д., вмѣстѣ съ тройкою отличныхъ лошадей, стоявшихъ около хаты; послѣ побѣды парень опять куда-то пропалъ, но времени, очевидно, не потерялъ.

Гвардейскія могилы.

— Куда вы это все дѣнете? — спрашиваю.

— На Донъ отошлю, — отвѣчалъ казачокъ, видимо, удивленный моимъ наивнымъ вопросомъ.

Грѣшнымъ дѣломъ, и я раздобылъ маленькую, турецкую лошаденку, но я вымѣнялъ ее у турка, давши ему 10 рублей придачи, на бывшаго у меня одра, загнаннаго еще покойнымъ братомъ моимъ Сергѣемъ. Добытый сѣренькій, маленькій чертенокъ, постоянно носившійся маршъ-маршемъ, смѣнилъ моего рыжаго иноходца, совершенно замученнаго за эти дни. Однако, отъ этихъ невинныхъ соображеній и мѣнъ съ придачею было далеко до геніальной донской смекалки, очевидно, руководившейся и оправдывавшейся одиннадцатою заповѣдью „не зѣвай!“

Когда я воротился на другой день въ Шейново, мнѣ сказали, что Скобелевъ давно уже спрашивалъ, хотѣлъ видѣть меня. Я нашелъ его садящимся на лошадь для

осмотра войскъ. Мы поѣхали потихоньку, шажкомъ, и онъ началъ съ того, что сказалъ:

— Дайте мнѣ, Василій Васильевичъ, слово, что вы исполните то, о чемъ я васъ попрошу.

— Извольте.

— Х. начинаетъ интриговать... Съѣздите въ главную квартиру, раскажите его высочеству, какъ дѣло было; онъ знаетъ, что вы не скажете неправды, что вы ничего не ищете, и повѣритъ вамъ болѣе, чѣмъ кому-либо другому.

— Признаюсь, М. Д., такое порученіе крайне мнѣ непріятно; я всегда осторожно держался въ главной квартирѣ, и хотя великій князь всегда былъ добръ ко мнѣ, но вѣдь онъ можетъ просто сказать мнѣ, что это не мое дѣло...

— Нѣтъ, не скажетъ, поѣзжайте, сдѣлайте это для меня, вы обѣщали!

— Хорошо, поѣду!

Однако, съ оффиціальнымъ донесеніемъ я посовѣтовалъ послать офицера главной квартиры Чайковскаго, бывшаго всѣ эти дни при отрядѣ Скобелева, котораго я зналъ за хорошаго малаго, неспособнаго сочинять небылицы.

Тѣмъ временемъ мы выѣхали изъ дубовой рощи, закрывавшей деревню. Войска стояли лѣвымъ флангомъ къ горѣ св. Николая, фронтомъ къ Шейнову.

Скобелевъ вдругъ далъ шпоры лошади и понесся такъ, что мы едва могли поспѣвать за нимъ. Высоко поднявши надъ головою фуражку, онъ закричалъ солдатамъ своимъ звонкимъ голосомъ:

— Именемъ отечества, именемъ государя, спасибо, братцы!

Слезы были у него на глазахъ.

Трудно передать словами восторгъ солдатъ: всѣ шапки полетѣли вверхъ, и опять, и опять, все выше и выше — Ура! Ура! Ура! Ура! — безъ конца. Я написалъ потомъ эту картину. . . . .

Увидѣвъ послѣ Весселя - пашу, я предложилъ ему отправить черезъ меня изъ главной квартиры телеграмму въ Константинополь, на что онъ согласился и приказалъ объ этомъ своему начальнику штаба; тотъ написалъ мнѣ на клочкѣ бумаги по-французски:

„Послѣ многихъ кровопролитныхъ усилій спасти армію, я и паши такіе то (слѣдуютъ имена четырехъ пашей) сдались съ арміею въ плѣнъ. Вессель“.

Также старшіе офицеры наши просили отправить депеши своимъ роднымъ, товарищамъ: Столѣтовъ, графъ Толстой, Панютинъ и др. Къ телеграммѣ послѣдняго, извѣщавшаго семью и бывшихъ офицеровъ его полка о томъ, что „Богъ сподобилъ его поколотить турокъ", я прибавилъ еще свою телеграмму съ увѣдомленіемъ о томъ, что „полковникъ Панютинъ за свою блистательную атаку можетъ быть названъ героемъ дня Шейновскаго боя". П. бросился цѣловать меня, когда узналъ объ этомъ.

Сейчасъ же я и поѣхалъ съ моимъ экстреннымъ порученіемъ черезъ горы въ Сельви, гдѣ должна была теперь находится главная квартира. Вмѣстѣ со мною собрался ѣхать и Н. Д., желавшій побывать на Шипкѣ, чтобы дать отчетъ въ газетѣ о тамошнихъ дѣлахъ и дѣятеляхъ.

Рѣдко случалось мнѣ смѣяться такъ, какъ я смѣялся тутъ при выѣздѣ, благодаря пріятелю, который былъ уже не на куцой, крохотной лошаденкѣ своей, получившей роздыхъ — и не напрасно,—а на высокомъ, худощавомъ россинантѣ, одолженномъ ему Дукмасовымъ, запасшимся теперь новенькими, свѣженькими лошадками, и, очевидно, бывшимъ не прочь сбыть „по случаю" старый, залежавшійся товаръ.

— Гдѣ вы достали этого одра? — спрашиваю.

— Хочу попробовать: Д. продаетъ ее, это настоящій донецъ, кровный донецъ, — прибавилъ онъ, садясь въ сѣдло.

Съ первыхъ же шаговъ, однако, въ кровномъ донцѣ оказались качества, недостойныя его репутаціи: онъ зашагалъ невозможно медленно и лишь только Н. Д. вздумалъ заставить его прибавить шагу, началъ брыкаться, что дальше, то больше; тотъ ударилъ плеткою, этотъ брыкнулъ; тотъ опять — и этотъ опять; Н. Д. сталъ бить не переставая; донецъ сталъ брыкаться не переставая.

Я хохочу до слезъ, а Н. Д. сердится и не только бьетъ своего коня, но еще приговариваетъ:

— Постой, подлецъ, я тебя проучу, я тебя убью. Экая свинья этотъ Д., еще продать хотѣлъ мнѣ эту дрянь. Я тебя куплю, постой!.. Прежде пойдешь у меня, погоди!

Его обыкновенно доброе, довольное лицо совсѣмъ исказилось отъ гнѣва; а лошадь подъ ударами плетки, безъ перерыва хлопавшей по ея худощавымъ бокамъ, начала, просто, кружиться - кружиться, опустивши

Скобелевъ подъ Шипкой — Шейновымъ.
„Именемъ отечества, именемъ Государя, спасибо, братцы!“

голову, вскидывать хвостъ и брыкаться!.. Я думалъ, заболѣю отъ смѣха.

Въ деревнѣ Шипкѣ мы нашли все разрушеннымъ: кромѣ церкви не уцѣлѣло ни одного дома.

Мы стали подниматься на гору по шоссе. Турецкіе солдаты копались вездѣ по землянкамъ, укладывали свое жалкое добро въ мѣшки, и приготовлялись шагать по горькому пути плѣна.

У самой верхней траншеи, сильно укрѣпленной, противъ нашего послѣдняго пункта, скалы, я былъ пораженъ страшною массой русскихъ мертвыхъ, валявшихся тутъ чуть не одинъ на другомъ.

Замѣчательно много убитыхъ было наповалъ, это видно было по странности позъ,—кто съ руками, поднятыми для стрѣльбы, кто лягушкою, на карачкахъ и т. п. Около самаго турецкаго бруствера тѣлъ вовсе не было,—доказательство, что на штурмъ самыхъ турецкихъ укрѣпленій наши не ходили, а лишь дошли до широкой канавы, прорытой въ нѣкоторомъ разстояніи отъ траншеи, да тамъ и засѣли; по мѣсту нахожденія и расположенію тѣлъ, въ этомъ нельзя было ошибиться.

Я отправилъ отсюда свою лошадь окружнымъ путемъ, по шоссе, а самъ началъ подниматься къ скалѣ напрямикъ, по тѣмъ самымъ мѣстамъ, по которымъ Сулейманъ-паша велъ свою бѣшенную атаку на Шипку. Скоро стали попадаться тѣла турокъ, оставшіяся еще отъ этихъ штурмовъ, въ платьяхъ, съ кожею, прилипшею къ костямъ на оконечностяхъ, а внутри, подъ одеждами, представлявшія нѣчто сильно разложившееся... Скоро пришлось ступать по этимъ размягченнымъ трупамъ,—такъ густо вся мѣстность была устлана ими. Мѣстами тѣла лежали въ два ряда, одинъ на другомъ, и нога, просто, уходила въ эти жидкія массы, едва прикрытыя снѣгомъ, какъ въ болото. Запахъ былъ невыносимъ, меня тошнило: однако, такъ какъ возвращаться назадъ не хотѣлось, то и надобно было идти впередъ, поминутно окунаясь руками и ногами въ мертвечину.

Правду сказать, восходъ тутъ такъ труденъ, что я дивился храбрости турокъ, сумѣвшихъ не только просто карабкаться, какъ то съ трудомъ дѣлалъ я, а атаковать по такой крутизнѣ.

Тьфу ты, чортъ!—думалось,—вотъ сейчасъ упадешь отъ этого убійственнаго запаха и никто даже знать не будетъ,

что живой человѣкъ валяется между трупами; по счастью, на скалѣ, наверху, показался солдатъ.

— Братецъ мой! — кричу ему, — выручай!

Онъ спустился, далъ мнѣ руку и вытащилъ на скалу, гдѣ можно было вздохнуть свободнѣе — точно поднялся изъ Дантова ада.

Въ старо-знакомой мнѣ, еще по сентябрю, землянкѣ я нашелъ генерала Мольскаго, съ которымъ мы роспили, по случаю побѣды, бутылку шампанскаго.

Насвѣтевича не было — онъ пошелъ принимать отъ турокъ оружіе и знамена.

Вечеромъ я пошелъ въ землянку стараго моего туркестанскаго знакомаго, генерала Петрушевскаго.

Я засталъ въ ней цѣлую компанію,—самого Петрушевскаго, затѣмъ начальника штаба Радецкаго Д., командира бригады Б. и помянутаго уже полковника С., офицера генеральнаго штаба, бывшаго теперь при М.

Шелъ горячій разговоръ, утихшій при мнѣ, но смыслъ котораго потомъ выяснился: винили Скобелева за то, что онъ не поддержалъ атаку третьяго дня и, не спросясь позволенія, дождался, пока собралъ всѣ силы, ударилъ на турокъ и заставилъ ихъ положить оружіе—только вчера!

Много разъ уже мнѣ случалось видѣть, какъ послѣ битвы даже лучшіе пріятели начинаютъ подставлять другъ другу ногу. Тутъ дѣло осложнялось еще тѣмъ, что М. Д. Скобелевъ давно провинился передъ своими пріятелями, крѣпко обогнавши ихъ,—естественно, что ему нечего было ждать пощады. Подвигъ Скобелева уменьшалъ заслугу шипкинцевъ въ этотъ день и крѣпко умалялъ результатъ спѣшной атаки другого отряда... Разсудительный и вообще довольно справедливый Петрушевскій больше помалчивалъ, когда на Скобелева нападали, а я его защищалъ; мнѣ казалось, что и П. симпатіи были на противуположной сторонѣ.

— Что вы думаете, Вас. Вас., что все дѣло сдѣлалъ одинъ Скобелевъ, и что, напримѣръ, наша атака ни къ чему не повела? — спросилъ меня Дмитровскій.

— Нѣтъ, я никоимъ образомъ не думаю этого. Ваша атака должна была страшно напугать турокъ и заставить ихъ рѣшиться положить оружіе. Очень естественно, что, атакованный съ обоихъ фланговъ, Вессель окончательно потерялъ голову, когда услышалъ, что и вы съ фронта двинулись. Я искренно полагаю, что каждый сдѣлалъ

свое дѣло, но все-таки не могу не думать, что главная роль дня выпала на долю Скобелева...

. . . .

Я не имѣлъ времени заѣхать къ генералу Радецкому, за что онъ послѣ крѣпко пенялъ, и добрался до Габрова въ санкахъ Бискупскаго.

Только что выѣхавши изъ Габрова по направленію къ Сельви, я встрѣтилъ человѣка изъ главной квартиры, удостовѣрившаго, что его высочество главнокомандующій уже ѣдетъ сюда; поэтому я воротился и переночевалъ въ Габровѣ у брата моего, жившаго здѣсь для окончательнаго заживленія своей раны. Онъ проживалъ вмѣстѣ съ родственникомъ нашимъ Дубасовымъ, братомъ извѣстнаго моряка, бравымъ шипкинскимъ артиллеристомъ, тоже лѣчившимся.

Мы больше проболтали, чѣмъ проспали эту ночь, и наутро, въ ожиданіи пріѣзда великаго князя, я пошелъ въ помѣщеніе бывшаго женскаго монастыря, обращеннаго въ госпиталь, — навѣстилъ Куропаткина и Ласковскаго, тамъ лѣчившихся. Послѣдній оказался „въ лучшемъ видѣ“ и была основательная надежда на его скорое и полное выздоровленіе. Но К. смотрѣлъ плохо: былъ нервенъ и вдобавокъ въ сильнѣйшемъ жару, — жутко было смотрѣть на его красное, воспаленное, прямо лоснившееся лицо. Я позволилъ себѣ распорядиться безъ церемоній: приказалъ настлать вездѣ войлока, войлокомъ же обтянуть дверь, которая поминутно стучала и, видимо, безпокоила больного, а турокъ, наполнявшихъ дворъ и галдѣвшихъ подъ самыми окнами, просто вытурилъ вонъ, за ограду госпиталя. Кромѣ того, отозвавши въ сторону милую сестрицу милосердія, наказалъ ей соблюдать полную тишину и беречь К., какъ зѣницу ока, хоть бы по той причинѣ, что другого такого Куропаткина нѣтъ — онъ представляетъ-де нѣкоторымъ образомъ унику.

Какъ только великій князь пріѣхалъ, я отправился въ занятый его высочествомъ домъ. Первые, кого я встрѣтилъ здѣсь, были Скалонъ и Скобелевъ-отецъ.

— Вы изъ отряда?

— Вы отъ Миши? — и сейчасъ же повели меня къ его высочеству.

Я разсказалъ, что я зналъ и какъ я зналъ, по совѣсти, не вдаваясь въ техническія подробности, ни въ

похвалы или порицанія, которыя, конечно, не были бы приняты. Чтобы видѣть, какое впечатлѣніе произвелъ мой разсказъ, я сказалъ:

— Упрекаютъ Скобелева за то, что онъ не атаковалъ турокъ днемъ раньше, но это было матеріально невозможно; отрядъ его еще не спустился и нападать съ ничтожными силами было крайне рискованно; даже въ счастливомъ случаѣ большая часть непріятеля ушла бы, такъ какъ у насъ не было кавалеріи, чтобы перегородить непріятелю дорогу...

— Ну, разумѣется такъ, — отвѣтилъ мнѣ главнокомандующій.

. . . .

Я сказалъ потомъ старику Скобелеву, что пріѣхалъ по просьбѣ сына его.

— Да вы бы сказали его высочеству, сколько взято орудій, знаменъ, а то вы только и говорили, что атаковали стройно, да съ музыкой...

— Ну, разсказывалъ, что зналъ, — объ орудіяхъ и проч. узнаетъ великій князь и безъ меня.

Потомъ изъ разговора со Скалономъ я узналъ, что есть намѣреніе заключить миръ теперь же.

— Не можетъ быть! — замѣтилъ я, — сейчасъ скажу ему это.

— Скажите! Вы можете...

Я воротился:

— Ваше высочество, я имѣю сказать вамъ нѣсколько словъ?

— Пожалуйста!

Князь Черкасскій, тѣмъ временемъ вошедшій къ главнокомандующему, любезно уступивъ мѣсто, вышелъ.

. . . .

Великій князь велѣлъ было подать себѣ лошадь, чтобы навѣстить раненыхъ офицеровъ, но такъ какъ на дворѣ стояла гололедица, а до госпиталя было рукой подать, то я предложилъ пройтись лучше пѣшкомъ. Народъ привѣтствовалъ его восторженно.

Необходимо сказать, что великій князь — главнокомандующій былъ очень популяренъ; его доброта, доступность, простота обращенія были хорошо извѣстны, и вездѣ, гдѣ показывалась его стройная, чрезвычайно красивая фигура, встрѣчали и провожали его искренными привѣтствіями.

Я сказалъ его высочеству, что распорядился вывести турокъ изъ этого госпиталя, такъ какъ они слишкомъ безпокоили нашихъ офицеровъ, что онъ одобрилъ. Онъ долго бесѣдовалъ съ Куропаткинымъ и Ласковскимъ, а затѣмъ обошелъ другихъ раненыхъ.

На слѣдующій день главная квартира должна была перевалить черезъ горы и расположиться въ Казанлыкѣ, а по дорогѣ Е. В. долженъ былъ осмотрѣть войска *Радецкаго, Скобелева и Мирскаго.*

Я поѣхалъ назадъ, чтобы отдать пріятелю отчетъ въ данномъ имъ порученіи, худо ли, хорошо ли — исполненномъ.

На Шипкѣ была такая вьюга, что сильнѣе ея, кажется, трудно себѣ и представить, — даже тѣ, что въ Сибкри, бывало, заставляли кружить цѣлую ночь около станціи, не были такъ ужасны. Петрушевскій крѣпко настаивалъ на томъ, чтобы я остался у нихъ переночевать, но я не послушался, напился чаю и поѣхалъ дальше. — „Вас. Вас. сдѣлался дипломатомъ“, — замѣтилъ милѣйшій П., понявшій, что я недаромъ ѣздилъ навстрѣчу главной квартиры. Однако, признаюсь, потомъ я раскаялся: снѣжная буря была до того сильна, что не только верхомъ, но и пѣшкомъ двигаться было невозможно. Вѣтеръ дулъ съ такою силой и по дорогѣ стояла такая гололедица, что и меня съ казакомъ и нашихъ лошадей все время сбивало съ ногъ.

Ужъ и вспомнилъ же я „дворецъ-землянку“ П. и кипящій самоваръ и борщъ, и котлеты, и горячее красное вино, и шампанское, которое тамъ выпивалось дюжинами... Тьфу, тьфу! Хуже всего было то, что при одномъ изъ своихъ пируэтовъ казакъ разбилъ мой ящичекъ съ красками, такъ-таки вдребезги, — гдѣ-то его починить въ этой общей суматохѣ.

Даже вошки, которыми кишѣла землянка и самый „дворецъ“ П., казались изъ-за вьюги не такъ страшными, хотя онѣ залѣзали „подъ пуговицы!“

Скользя, падая, снова скользя, даже теряя дорогу, проспускались мы цѣлую ночь и только раннимъ утромъ добрались до Шейнова.

. . . .

. . . .

Скобелева я нашелъ занятымъ приготовленіями къ встрѣчѣ главнокомандующаго. Разспросивши меня

подробно о разговорѣ моемъ съ его высочествомъ, онъ, въ свою очередь, разсказалъ о бесѣдѣ своей съ Радецкимъ.

— Ну, охота вамъ заниматься такими глупостями,— замѣтилъ ему добрѣйшій Ѳедоръ Ѳедоровичъ и тѣмъ дѣло кончилось...

. . . .

Нѣсколько разъ мы отходили въ сторону, Скобелевъ переспрашивалъ о томъ, насколько внимательно выслушанъ былъ мой разсказъ, что именно отвѣтилъ великій князь и проч., видно было, что высокоталантливый и беззавѣтно храбрый человѣкъ весь погруженъ былъ въ заботы обо всѣхъ этихъ подробностяхъ и ихъ возможныхъ послѣдствіяхъ.

...Я видѣлъ приготовленіе Михаила Дмитріевича къ пріему великаго князя, боязнь его упустить что-нибудь регламентарное при этой встрѣчѣ. Онъ понятія не имѣлъ о тонкостяхъ разводовъ и парадныхъ ученій и, боясь, что главнокомандующій захочетъ пропустить мимо себя войска церемоніальнымъ маршемъ, старался подъучиться, куда надобно встать, какъ командовать и т. п.

Единственный источникъ его мудрости по этой части былъ ординарецъ Хомичевскій, который и столомъ у генерала завѣдывалъ, и приказанія его развозилъ, и парадным тонкостямъ своего патрона училъ.

— Да говорите же скорѣе, Х., гдѣ должны стать саперы?

— Непремѣнно впереди, ваше превосходительство.

— Ну, какъ же я долженъ командовать?

— Ваше превосходительство, должны выѣхать и скомандовать и т. д.

Глядя на то, съ какою серьезною, сосредоточенною физіономіею онъ разспрашивалъ и выслушивалъ, какъ задалбливалъ то, что ему „надо скомандовать", я расхохотался.

— Что вы, Василій Васильевичъ, смѣетесь, однако?— спросилъ Скобелевъ, какъ обиженный ребенокъ.

— Да какъ же не смѣяться: генералъ, передъ которымъ турецкая армія положила оружіе, какъ школьникъ, заучиваетъ разныя слова, пріемы, уловки...

Вотъ, высоко, на Шипкинскомъ перевалѣ, показались нѣсколько точекъ, а за ними цѣлая линія, спускавшаяся къ намъ, — то былъ главнокомандующій со свитою.

Смущеніе Скобелева дѣлалось все болѣе и болѣе замѣтнымъ; онъ какъ-то съежился, принялъ безпокойный, несчастный видъ. Я всегда замѣчалъ у него жалостную физіономію, когда ему приходилось встрѣчать высокопоставленныхъ лицъ; очевидно, ему было очень тяжело въ это время, онъ мучился о томъ, что ему скажутъ, какъ его примутъ . . . .

Вотъ великій князь спустился уже къ подножію горы, гдѣ дожидался его генералъ Радецкій. Еще издали Е. В., махая фуражкою, закричалъ:

— Ѳедору Ѳедоровичу, ура!!!

Генералъ Радецкій.

Подъѣхавши, онъ обнялъ, поцѣловалъ Радецкаго, поздравилъ его генераломъ-отъ-инфантеріи и повѣсилъ ему на шею большой крестъ Георгія 2 класса. Я сидѣлъ верхомъ, и по дорогѣ привѣтствовалъ В. К., который еще не доѣзжая весело крикнулъ: „Базиль Базиличъ, здравствуйте!“ Затѣмъ главнокомандующій подъѣхалъ къ Скобелеву, дожидавшемуся передъ самымъ фронтомъ войскъ, и едва кивнулъ ему головой, — Михаилъ Дмитріевичъ поцѣловалъ его высочество въ плечо и какъ-то замеръ отъ холоднаго пріема, — очевидно С., дождавшійся В. К. на перевалѣ, успѣлъ сдѣлать свой „докладъ“ . . . .
. . . .

Великій князь объѣхалъ ряды и вскорѣ уѣхалъ въ Казанлыкъ. Провожая, Скобелевъ нѣсколько времени поговорилъ съ его высочествомъ и сдѣлался спокойнѣе.
. . . .

Когда въ Габровѣ я говорилъ В. К. о необходимости движенія на Адріанополь, онъ, между причинами невозможности этого, приводилъ, ту, что „интендантство ничего намъ не заготовило, — сухарей нѣтъ“. Изъ ума у меня вышло сказать тогда, что М. Д. Скобелевъ

ахватилъ 12.000 пудовъ отличныхъ турецкихъ сухарей, бѣлыхъ, прекрасно выпеченныхъ, не чета нашимъ, и что слѣдуетъ поскорѣе наложить на нихъ руку, такъ какъ Скобелевъ дозволилъ всѣмъ частямъ своего отряда брать, кто сколько захочетъ, и ихъ уже расхватывали возами. Теперь я вспомнилъ о сухаряхъ и сказалъ начальнику главнаго штаба Непокойчицкому. Онъ до того обрадовался, что не хотѣлъ вѣрить, заторопился, сталъ шпорить своего буцефала и разузнавать; когда это подтвердилось, немедленно же доложилъ главнокомандующему, — и рѣшено было движеніе впередъ.

Вечеромъ я обѣдалъ у Михаила Дмитріевича; были старикъ Скобелевъ и ген. Струковъ; послѣдній, между прочимъ, спрашивалъ меня, не хочу ли я пойти съ нимъ, такъ какъ великій князь посылаетъ его на кавалерійскій поискъ къ Германлы? Я согласился, но, къ сожалѣнію, не могъ выѣхать вмѣстѣ съ нимъ, т.-е. на другой же день утромъ, такъ какъ въ прошлую ночь, на Шипкинскомъ перевалѣ, во время бури, которая столько разъ сбивала насъ съ ногъ, казакъ мой совсѣмъ разбилъ объ ледъ мой ящичекъ съ красками, — я уже поминалъ объ этомъ, — и былъ посланъ теперь въ Габрово чинить — надобно было подождать.

Я съѣздилъ въ главную квартиру, которая расположилась въ Казанлыкѣ, и нашелъ ее въ самомъ бѣдственномъ положеніи: хотя большая часть города была выжжена, но квартиры кое-какія нашлись, за то пищи не было никакой. Я вспомнилъ тогда объ излишкѣ, который былъ у насъ въ отрядѣ Скобелева, особенно по части сладостей, и сказалъ коменданту генералу Штейну, что надѣюсь прислать кое-что уцѣлѣвшее.

— Да можетъ ли быть? — говорилъ въ восторгѣ почтенный блюститель благочинія и желудковъ главной квартиры, — нельзя ли поскорѣе, я дамъ вамъ казаковъ изъ конвоя.

Съ двумя казаками я поѣхалъ назадъ въ деревню и передалъ имъ цѣлое ведро яблочнаго варенья, горшокъ вишневаго и пол-мѣшка грецкихъ орѣховъ. За эти послѣдніе на меня дулся ординарецъ Скобелева, Баранокъ, такъ какъ онъ былъ большой любитель ихъ; за то главная квартира кушала въ этотъ день. За обѣдомъ, какъ мнѣ говорили, блинчики съ вареньемъ произвели большой эффектъ.

Я побывалъ у добраго пріятеля моего Скалона, управлявшаго канцеляріею главнокомандующаго, и попросилъ, чтобы брата моего Александра, раненаго 30 августа и еще не совсѣмъ поправившагося, не отсылали въ полкъ. Великій князь очень любезно приказалъ оставить его временно при главной квартирѣ, какъ ординарца.

Пока я былъ у Скалона, онъ занятъ былъ отправкою курьера къ государю съ донесеніемъ о послѣднихъ военныхъ дѣйствіяхъ, плѣненіи турецкой арміи и проч. Скобелеву очень хотѣлось, и онъ предлагалъ, послать своего браваго начальника штаба графа Келлера, но кажется боялись, что этотъ офицеръ всю честь дѣла припишетъ Скобелеву, и выбрали С., офицера генеральнаго штаба, состоявшаго при отрядѣ Мирскаго, и, какъ уже помянуто, болѣе другихъ возстававшаго противъ Скобелева... Я указалъ Скалону на то, что докладъ государю выйдетъ слишкомъ пристрастенъ и тотъ, хотя самъ, кажется, не долюбливалъ Скобелева, какъ человѣкъ справедливый, сказалъ, однако, С.: [1])

Ген. Гурко.

— Смотрите, батюшка, помните, что каждое слово вашего доклада будетъ извѣстно великому князю, и за вами поѣдетъ другой курьеръ, который можетъ сказать государю противоположное вашему, если вы увлечетесь.

С. горячо протестовалъ противъ подозрѣнія въ пристрастіи къ своему отряду и своему начальнику, но я увѣренъ, онъ такъ именно и поступилъ, т.-е. представилъ все дѣло шиворотъ-навыворотъ; доказательствомъ этому служитъ то, что Скобелевъ получилъ за эту блистательную побѣду ничтожную сравнительно награду,

---

[1]) Въ противность увѣренію генерала С., утверждаю, что буквально эти слова были сказаны ему.

Транспортъ раненыхъ.

долго спустя, на ряду со многими другими офицерами, и, по страстности, нервности своей натуры, очень огорчился этимъ.

* * *

По извѣстію о томъ, что Сулейманъ-паша, разбитый генераломъ Гурко, отступаетъ къ Адріанополю, Скобелеву приказано было идти наперерѣзъ дороги ему, форсированнымъ маршемъ. Отрядъ его проходилъ въ Казанлыкѣ мимо великаго князя церемоніально, гигантскими шагами... Я велѣлъ вьючнымъ животнымъ тоже слѣдовать за солдатами; изъ-за этого задніе ряды растянулись, и М. Д. съ сердцемъ выговорилъ мнѣ, — ему таки хотѣлось пройти мимо всей главной квартиры постройнѣе.

Слышу, великій князь спрашиваетъ Скобелева:

— А Верещагинъ идетъ съ тобою?

— Надѣюсь, ваше высочество, — отвѣчалъ тотъ.

Вскорѣ я откланялся главнокомандующему и на его „до свиданія“ прибавилъ: „въ Адріанополѣ“, — такъ оно потомъ и вышло.

Мы шли очень торопливо, но на перевалѣ черезъ Малые Балканы — съ великимъ трудомъ, такъ какъ дорога въ ущельѣ очень узка и малѣйшая остановка одной какой-нибудь повозки задерживала всю часть отряда, слѣдовавшую сзади. Кажется, впрочемъ, перевалъ сошелъ благополучно, никто и ничто не свалилось въ кручу.

Къ вечеру пришли въ Эски-Загру, стоящую на выходѣ изъ ущелья и такъ разгромленную турками, послѣ отступленія отряда Гурко, что едва осталось отъ цѣлаго города нѣсколько жилыхъ домовъ. Было уже почти темно, когда я въѣхалъ въ улицы, обозначенныя двумя рядами самыхъ печальныхъ развалинъ. Гдѣ примоститься, пристроиться на ночь я не зналъ, гдѣ пообѣдать— еще того менѣе. Заглянулъ было на дворъ къ Скобелеву, но увидѣлъ чрезъ освѣщенное окно, что онъ, какъ тигръ, ходитъ по комнаткѣ изъ угла въ уголъ, вѣроятно, бѣсится на что-нибудь, да къ тому же у него полковникъ А. — всезнающій, самодовольный офицеръ. На счастье встрѣтилъ генерала N., очень милаго человѣка ..... Въ настоящую минуту важно было лишь то, что у него была лавка для спанья, туземное вино и кое-какой ужинъ. Вдобавокъ и смѣялся же я въ этотъ вечеръ.

Принцъ Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій.

Бригада N. должна была выступить въ этотъ вечеръ немедленно за кавалеріею, но офицеры какъ-то прозѣвали минуту и оказалось, что кавалерія прошла, а пѣхота, не выйдя сейчасъ же за нею, потеряла ее — такъ-таки просто и потеряла, потому что настала страшная темнота. Было нѣсколько дорогъ и по всѣмъ прошло

въ продолженіе дня не мало лошадей, такъ что нелегко было добиться толку. Бѣдный N. страшно перепугался, когда доложили ему, что давно пора выступить, но не могутъ найти дорогу, по которой прошла кавалерія. Не дожевавши куска, онъ одѣлся, опоясалъ саблю и бросился на поиски, въ страшную, непроглядную темноту. Сказать объ этомъ Скобелеву, спросить его — и думать было нечего: за такой недосмотръ, онъ сейчасъ же отнялъ бы бригаду. Черезъ полчаса N. возвратился, торжественно, молчаливо разоружился и сѣлъ доѣдать баранину.

— Ну что, нашли?

— Нашелъ!

— Какъ же вы нашли?

Онъ посмотрѣлъ на меня снисходительно и, показавши указательнымъ перстомъ на свой лобъ, сказалъ:

— Quand ceci apelle tête—tout faire.

Я, конечно, не спорилъ. N. очень охотно и очень скверно говорилъ по-французски, и приведенная фраза была далеко не изъ худшихъ изреченій его на этомъ языкѣ — охота пуще неволи.

N. считали въ отрядѣ не изъ храбрецовъ, что, кажется, было вѣрно. Подъ Плевною онъ командовалъ У—мъ полкомъ, который на штурмѣ, какъ засѣлъ въ виноградникахъ, такъ и не вышелъ оттуда, конечно, благодаря недостаточной храбрости командира, потому что тотъ же самый У—кій полкъ, подъ Шейновымъ, геройски шелъ въ атаку подъ предводительствомъ браваго Панютина. Наглотавшись разныхъ страховъ во время этого штурма, N. сказался больнымъ и выздоровѣлъ только тогда, когда Плевна пала. Скобелевъ не щадилъ трусовъ вообще и, конечно, смѣнилъ бы N., если бы тотъ искренно или притворно не льстилъ своему начальнику въ глаза и за глаза, не называлъ его всегда и вездѣ безстрашнѣйшимъ изъ людей, небывалымъ героемъ и проч., такъ что Михаилъ Дмитріевичъ не имѣлъ силы долго и сильно на него сердиться.

— Что за трусъ, этотъ N., какъ онъ мнѣ надоѣлъ,— говорилъ онъ иногда, но все-таки терпѣлъ его и даже представлялъ къ наградамъ, а тому только того и нужно было.

Рано утромъ на другой день, выходя съ N. изъ дому, я встрѣтилъ генерала Дохтурова, начальника кавалеріи

отряда, съ которымъ тутъ только познакомился. Онъ показалъ мнѣ извѣстіе изъ передового отряда отъ пріятеля моего Струкова, доносившаго, что захваченъ мостъ черезъ Марицу и нѣсколько орудій, его защищавшихъ, а таборъ [1]) турокъ, при этомъ бывшій, прогнанъ. Генералъ былъ недоволенъ тѣмъ, что донесеніе было отъ С., офицера, посланнаго главнокомандующимъ, а не отъ командира полка драгунъ, дѣйствовавшаго впереди.

— Посмотрите, пожалуйста, на этого С., — жаловался онъ мнѣ съ перваго же знакомства, — куда только онъ не примажется, вѣдь вотъ побѣду одержалъ.

Мнѣ показалось это мелочнымъ, такъ какъ С. былъ правильно командированъ главнокомандующимъ, да къ тому же я зналъ его за исправнаго офицера.

Теперь днемъ еще лучше было видно, какъ страшно городъ Эски-Загра былъ раззоренъ: — если бы не дымовыя трубы, тамъ и сямъ торчавшія, то можно было бы видѣть человѣка съ одного конца города на другомъ. Страшно распорядились здѣсь турки съ болгарами за оказанный отряду ген. Гурко сердечный пріемъ... по-турецки.

Дорога отсюда къ Германлы была вся усѣяна нашими отставшими солдатами; такъ какъ гнать силою было не велѣно и желавшимъ отдохнуть не воспрещалось отставать, то многіе прекомфортабельно расположились на снѣгу парами и вели душеспасительные разговоры. Разсчетъ Скобелева оказался вѣренъ: всѣ подошли къ вечеру и на другой день утромъ и, благодаря тому, что отдыхъ не возбранялся, больныхъ почти не было.

Я ѣхалъ совершенно одинъ, казакъ мой отсталъ. Кругомъ было еще не мало снѣга, изъ-подъ котораго тамъ и сямъ вырывали травку бараны. Такъ какъ пропитаніе наше было до сихъ поръ весьма скудное и я не зналъ, каково оно будетъ впереди, то слѣзъ съ лошади, привязалъ за сѣдло барашка пожирнѣе и затѣмъ продолжалъ путь, поддерживая свою добычу то съ той, то съ другой стороны.

Скоро нагналъ и перегналъ меня Скобелевъ.

— Что это у васъ?

— Какъ видите, баранъ. Боюсь, что нечего будетъ ѣсть.

— Пустяки, бросьте, — впереди будетъ много всего.

---

[1]) Таборъ – батальонъ.

Я, однако, не повѣрилъ, не бросилъ, хотя, дѣйствительно, впереди оказалось довольно мяса.

— Знаете, Василій Васильевичъ, — сказалъ мнѣ Скобелевъ, — Сулейманъ-паша идетъ къ намъ навстрѣчу.

— Откуда вы знаете это?

— Я вѣрныя извѣстія получилъ, скоро пойдемъ въ битву, не отставайте! — и, поболтавши еще, онъ проѣхалъ далѣе.

Зная, что Скобелевъ часто принимаетъ свое желаніе за фактъ, я не очень-то повѣрилъ подходу Сулеймана и ѣхалъ не торопясь, поддерживая своего барашка, который постоянно съѣзжалъ на бокъ, до того, что стаскивалъ сѣдло и не давалъ лошади итти. Я не терялъ надежды пріятно удивить всю компанію моею жирною находкой, но, подъѣзжая къ мѣсту остановки, увидѣлъ кругомъ такое множество барановъ, что бросилъ немедленно моего — послѣ стольких потраченныхъ трудовъ! Остановка была на желѣзно-дорожной станціи Трново-Семенли. Сюрпризъ, который меня здѣсь ожидалъ, развѣ во снѣ могъ пригрезиться: на вопросъ о генералѣ, меня ввели въ Salle d'attente, гдѣ большой столъ, прекрасно сервированный, былъ занятъ всѣми нашими, окончившими отличный обѣдъ съ кофеемъ и сигарами!

— Вы не ѣли? хотите обѣдать? садитесь...

— Хочу, хочу.

Я ѣлъ, какъ волкъ. Ген. Струковъ очень былъ радъ, что я догналъ его, наконецъ, угощалъ, потчевалъ и взялъ слово, что отсюда далѣе мы пойдемъ вмѣстѣ.

Онъ разсказалъ мнѣ послѣ обѣда, что у него тутъ было. Когда онъ подошелъ съ драгунами, турки зажгли мостъ, но солдаты потушили и заняли его, обезпечивши такимъ образомъ переправу на другую сторону Марицы [1]). Это было очень важно для безпрепятственнаго движенія нашей арміи. Укрѣпленіе, обстрѣливавшее мостъ, не отличилось: турки просто убѣжали оттуда, заклепавши оба свои орудія. Такимъ образомъ батальонъ пѣхоты утекъ передъ двумя эскадронами кавалеріи, да вдобавокъ не взорвалъ и не испортилъ громаднаго моста, ввѣреннаго его охранѣ. Сожги они этотъ мостъ, мы были бы задержаны устройствомъ переправы черезъ

---

[1]) Несмотря на возраженіе генерала Панютина, утверждаю, что Марицкій мостъ былъ занятъ кавалерію Струкова, а не пѣхотою П.

рѣку, покрытую плавучимъ льдомъ, и Сулейманъ-паша имѣлъ бы время отступить къ Адріанополю по желѣзной дорогѣ, черезъ Германлы. Конечно, быстрому налету сначала драгунъ Струкова, а потомъ пѣхоты Скобелева обязана армія захватомъ этого важнаго пункта.

Какъ потомъ оказалось, Сулейманъ присылалъ телеграмму за телеграммой о заготовкѣ вагоновъ для немедленной доставки его разбитой арміи въ Адріанополь. Его депеши достались Струкову въ руки, и можно было видѣть по нимъ, что турки, гонимые Гурко отъ Филиппополя, ждали насъ и съ этой стороны, но, конечно, не воображали, что мы предупредимъ ихъ, перерѣжемъ имъ дорогу. Да и надобно сказать, что Скобелевъ прошелъ въ сутки, съ пѣхотою, 80 верстъ; почти то же сдѣлалъ днемъ ранѣе Струковъ, съ московскими драгунами.

Въ продолженіе этого дня отдыха всѣ отсталые подтянулись и присоединились къ частямъ; больныхъ, какъ я сказалъ, почти не оказалось. Скобелевъ былъ ъъ хорошемъ расположеніи духа, потребовалъ къ мосту жидовъ, т.-е. музыкантовъ. Всѣ были сыты, потому что провизіи оказалось довольно. Нѣкоторые — какъ нашъ пріятель Д*, ординарецъ Скобелева изъ донскихъ казачковъ,—даже слишкомъ отпраздновали занятіе моста,— просто-на-просто такъ нализался, что его пришлось силою уложить спать.

Не обошлось и безъ недоразумѣній: хозяйка ресторана и станціоннаго дома жаловалась на пропажу гусей, у меня утащили отличную кавказскую шашку мою — хорошо если на погибель непріятеля, но боюсь, что для перепродажи, за нѣсколько рублей, какому-нибудь интендантскому чиновнику. Пришлось занять лишнюю шашку у Х., далеко не такую щегольскую, какая была у меня, памятная еще тѣмъ, что, за время моей болѣзни отъ раны, она служила моему покойному брату Сергѣю, убитому подъ Плевною, зарубившему ею нѣсколько турокъ. Комната, въ которой я сложилъ свои вещи, съ намѣреніемъ въ ней расположиться, была потомъ занята вещами генерала Д., и моя бурка съ шашкою были унесены и такъ старательно припрятаны, что я едва отыскалъ первую, вторая же такъ и ухнула, вѣроятно, ужъ очень понравилась кому-нибудь изъ денщиковъ.

На другой день мы выступили рано съ ген. Струковымъ; Скобелевъ остался назади. Скоро съ возвышен-

ности намъ открылся городокъ Германлы, въ который съ вечера еще былъ посланъ, если не ошибаюсь, эскадронъ, или два, драгунъ, принятый очень дурно башибузуками и, въ свою очередь, распорядившійся не церемонно съ ними.

Пришло важное извѣстіе, что въ Германлы пріѣхали турецкіе уполномоченные для заключенія перемирія и просятъ дозволенія на дальнѣйшій проѣздъ въ главную квартиру. Ген. Струковъ далъ знать объ этомъ немедленно Скобелеву и просилъ поскорѣе двинуть впередъ часть пѣхоты, посламъ же отвѣтъ нѣсколько задержать, пока пѣхота не дошла до городка. И хорошо она сдѣлала, что поспѣшила, потому что драгунамъ нашимъ было тамъ довольно жарко передъ огромнымъ числомъ непріятеля, между которымъ было не мало редифовъ, изъ разгромленной Гурко арміи Сулеймана-паши.

Когда мы пріѣхали, битва уже затихала, непріятель отошелъ, и насъ тотчасъ провели къ желѣзнодорожной станціи, гдѣ, закупоренные въ своихъ вагонахъ и не мало, вѣроятно, безпокоившіеся всю ночь криками и выстрѣлами, ожидали почтенные турецкіе уполномоченные: Намикъ и Серверъ паши (на локомотивѣ ихъ поѣзда развѣвался бѣлый флагъ). Первый былъ старый знакомецъ русскихъ, такъ какъ пріѣзжалъ къ намъ еще при императорѣ Николаѣ. Онъ былъ не только испытанный дипломатъ, но въ то же время, какъ министръ двора, и самый близкій къ султану человѣкъ. Второй — министръ иностранныхъ дѣлъ,—сравнительно молодой, видимо нервный человѣкъ. Намикъ, сухощавый, очень пожилой, съ острымъ носомъ, нѣсколько потухшимъ взоромъ, клинообразною бородой и полными достоинства манерами, былъ одѣтъ въ длинную, широкую турецкую одежду, съ неизбѣжной феской на головѣ. Серверъ, съ широкимъ, живымъ лицомъ, нѣсколько раскосыми глазами, въ какомъ-то доморощенномъ и поношенномъ черномъ пальто-сакъ и резиновыхъ галошахъ, часто вскакивалъ и, засунувши руки въ карманы, либо шагалъ по вагону, либо, останавливаясь, упирался въ насъ глазами, нервно перебиралъ скулами, обличая немалое волненіе.

Имъ доложили о пріѣздѣ русскаго генерала — приказали просить. Мы вошли въ вагонъ-залъ, гдѣ Струковъ представился какъ начальникъ авангарднаго отряда, а меня представилъ какъ своего секретаря. Мы оба были

въ буркахъ и, надобно думать, смотрѣли порядочно дико, несмотря на французскій языкъ, на которомъ вели бесѣду. Ген. Струковъ съ большимъ тактомъ заговорилъ о стойкости турокъ, не упоминая ни словомъ о нашихъ побѣдахъ, и высказалъ совершенно вѣрную мысль, что чѣмъ больше мы знакомимся съ личнымъ характеромъ турокъ, тѣмъ болѣе уважаемъ ихъ. Намикъ, умница старикъ, перешелъ къ послѣдней рѣшительной для турецкой арміи битвѣ подъ Шейново, и обратился ко мнѣ съ распросами, когда ген. Струковъ указалъ на меня, какъ на участника этого сраженія.

— Скажите — перебилъ Серверъ-паша, останавливаясь передъ нами съ видомъ человѣка, не имѣющаго болѣе силъ владѣть собою, — скажите мнѣ откровенно, дружески, неужели Вессель не могъ долѣе держаться?

— Не могъ, паша, увѣряю васъ, — отвѣчалъ я и, вынувши мою записную книжку, начертилъ планъ деревни Шейново и позицій Весселя, а также позицій Радецкаго, Скобелева и Мирскаго; указалъ, какъ двое послѣднихъ обошли, атаковали турокъ и заставили положить оружіе (чертежъ этотъ до сихъ поръ хранится въ моей записной книжкѣ). Какой-то стонъ вырвался у Сервера, онъ отвернулся, чтобы скрыть слезы.

Посланники выразили желаніе продолжать путь въ главную квартиру.

— Поѣздъ, съ которымъ мы пріѣхали, вы, надѣюсь, сейчасъ же отправите назадъ? — сказалъ Намикъ-паша.

— Я испрошу на этотъ счетъ приказанія моего начальника, генерала Скобелева, — отвѣчалъ Струковъ.

— Зачѣмъ вамъ спрашивать разрѣшенія, поѣздъ подошелъ и стоитъ подъ парламентерскимъ флагомъ и не можетъ, не долженъ быть захваченъ для военныхъ цѣлей!

— Я испрошу приказанія, — былъ отвѣтъ.

— Что же это такое? — взмолился паша; — но вѣдь сейчасъ придетъ еще поѣздъ съ нашими экипажами и лошадьми для его высочества, главнокомандующаго отъ его величества султана, неужели вы и его задержите?

— Я обязанъ испросить приказаніе.

Мелькомъ, тихо я напомнилъ ген. Струкову, что „поѣздъ, дѣйствительно, подъ бѣлымъ флагомъ, нельзя его не отдать“.

— Намъ вагоны не нужны — есть, но локомотивовъ нѣтъ, — тихо, быстро отвѣтилъ Струковъ; — временно я, во всякомъ случаѣ, долженъ задержать ихъ, а потомъ, что прикажутъ.

Это послѣднее онъ произнесъ громко, увѣривши пашей, что, по полученіи распоряженія, не задержитъ поѣзда ни на минуту. Увы! отъ Скобелева пришелъ приказъ ни подъ какимъ видомъ не отдавать поѣздовъ, которые, надо въ этомъ сознаться, преисправно перевозили потомъ наши войска. Но паши уже не знали этого, такъ какъ раньше уѣхали въ главную квартиру нашей арміи, въ Казанлыкъ. Вечеромъ я еще зашелъ къ нимъ въ вагонъ сказать, чтобы они приказали хорошенько присматривать ночью за всѣми своими вещами; кругомъ было не мало мародеровъ, не только изъ болгаръ, но и изъ башибузуковъ.

На слѣдующій день мы выѣхали проводить ихъ. Паши отправились въ каретѣ, къ которой мы подошли попрощаться, пожелать хорошаго успѣха въ переговорахъ.

— Будемъ надѣяться, что результатомъ вашей поѣздки будетъ скорый миръ, — сказалъ имъ Струковъ, отвѣчая на ихъ дружескія и печальныя пожатія рукъ;— не забывайте, что у насъ есть общій врагъ, тотъ, который обѣщаніями довелъ васъ до теперешняго положенія и бросилъ на произволъ судьбы.

— Это вѣрно, — отвѣчалъ Серверъ, — у него опять были слезы на глазахъ.

Паши поѣхали между двухъ рядовъ выстроенныхъ войскъ нашего небольшого отряда, во все горло оравшаго пѣсни, съ прикриками, присвистами, — бѣдные паши!

Скалонъ разсказывалъ мнѣ потомъ, что когда пришло извѣстіе о занятіи Струковымъ Адріанополя, то, несмотря на очень поздній часъ, они поспѣшили извѣстить пашей.

— Часто въ переговорахъ о перемиріи, — говорилъ Скалонъ, — эти почтенные люди, съ которыми всѣ мы были въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, преважно настаивали на томъ, что Адріанополь еще не взятъ, да и не легко возьмется, поэтому было понятно наше желаніе поскорѣе преподнести имъ этотъ сюрпризъ; сейчасъ же разбудили ихъ, тѣ вскочили.

— Что, что такое?

— Имѣемъ честь поздравить съ занятіемъ Адріанополя!

Они чуть не заплакали.

Бѣдные паши!

Мнѣ оказалось не мало дѣла. Ген. Струковъ былъ назначенъ начальникомъ небольшого отряда, составлявшаго авангардъ всего большого Скобелевскаго отряда. Такъ какъ это назначеніе было частное, самого Скобелева, то никакого офицера генеральнаго штаба не было дано, и пріятель просилъ меня заняться то тѣмъ, то другимъ дѣломъ, смотря по надобности, — я былъ волонтеромъ, начальникомъ штаба его.

Переводчикъ Христо.

Я собиралъ, между прочимъ, слухи и свѣдѣнія отъ туземцевъ, о чемъ докладывалъ потомъ Александру Петровичу. Для этого у насъ былъ болгаринъ Христо, съ огромными усами, какъ у кота, толстый, красивый, въ расшитой, покрытой галунами курткѣ, широчайшихъ штанахъ, съ большою богатою саблею, къ несчастію, не видѣвшей непріятеля. Онъ служилъ прежде кавасомъ въ константинопольскомъ посольствѣ при генералѣ Игнатьевѣ, потомъ, во время войны, былъ при главнокомандующемъ и теперь выпросился идти переводчикомъ при Струковѣ. Мы узнали, что армія Сулеймана-паши, разбитая Гурко, увидя невозможность попасть въ Адріанополь прямымъ желѣзнодорожнымъ путемъ, бросилась въ горы и отступаетъ теперь безостановочно небольшими партіями въ 5—10—20 человѣкъ, т. е. въ полномъ разстройствѣ. Попади энергичный Сулейманъ со своими, еще по меньшей мѣрѣ 30 тысячами, въ Германлы раньше насъ и успѣй онъ пробраться въ Адріанополь, уничтоживъ мосты Трново-Семенли, Мустафа-паша и въ другихъ, менѣе значительныхъ мѣстахъ, — наше шествіе къ Константинополю не походило бы на военную прогулку, какъ это вышло теперь, и съ этой стороны заслуга быстраго, энергическаго налета Струкова, его образцоваго кавалерійскаго рейда, не оцѣнена по достоинству у насъ, какъ мнѣ кажется.

Мнѣ самому, наприм., доводилось слышать отъ офицеровъ арміи Гурко, что „полъ-дѣла было Струкову и за нимъ Скобелеву идти впередъ тріумфаторами, когда уже серьезное сопротивленіе было сломлено“; но они забывали, что, во-первыхъ, серьезное сопротивленіе впереди было предупреждено, и во-вторыхъ, что Струковъ шелъ почти до самаго Константинополя съ тремя неполными полками кавалеріи и одною батареей, и что по дорогѣ его въ одномъ, двухъ переходахъ почти постоянно находилась турецкая пѣхота. Теперь, когда дѣло это уже прошлое, мнѣ просто смѣшно думать, что бы вышло изъ нашего тріумфальнаго шествія, если бы мы наткнулись хоть на два баталіона турецкихъ редифовъ!

Турецкій домикъ.

Такъ или иначе, въ ожиданіи Скобелева и скораго выступленія, мы прекрасно помѣстились въ Германлы: дровъ, провизіи было не занимать стать и столъ нашъ былъ хорошъ, т.-е. щи или супъ вкусны и горячи — чего же больше.

Я былъ занятъ, по просьбѣ Струкова, двумя вещами: удержаніемъ солдатъ отъ грабежа и разоруженіемъ жителей. На бѣду, одному изъ нашихъ драгунъ посчастливилось найти 500 турецкихъ золотыхъ; какъ только узнали объ этомъ въ отрядѣ, каждому захотѣлось найти тоже 500 золотыхъ. Хотя отрядъ стоялъ внѣ города, но солдаты подъ всякими предлогами шлялись по домамъ, искали и даже вымогали денегъ, выпускали пухъ изъ перинъ и подушекъ, разбили нѣсколько погребовъ. Было заявлено много жалобъ, о которыхъ сообщено было въ части, но нѣкоторые начальники смотрѣли на такія продѣлки сквозь пальцы — если не потакали, то и не взыскивали строго. Тогда я пошелъ по улицамъ и принялся за дѣло. Входишь въ домъ: нѣсколько солдатъ бродятъ изъ угла въ уголъ, осматриваютъ, шарятъ среди терроризованныхъ жителей.

— Зачѣмъ вы здѣсь?

— Квартиры смотрѣть посланы, ваше высокоблагородіе.

Сначала я думалъ, что это правда, но, узнавши, что все вздоръ, предлогъ для выглядыванія денегъ или цѣнностей, сталъ безъ церемоніи выгонять вонъ, самыми энергичными средствами, въ зашеи.

Что найдутъ и унесутъ, или выпьютъ вино — это еще понятно, но, напр., вижу у дверей подвала толпятся солдаты. Подхожу, — уксусный погребъ, въ которомъ уксусъ, выпущенный изъ нѣсколькихъ бочекъ, уже стоитъ на четверть аршина отъ полу. Босой, завернувши штанишки, солдатъ стоитъ въ этомъ озерѣ, въ рукахъ затычка, вынутая изъ послѣдней бочки, и изъ нея уксусъ бьетъ огромною струею.

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь?

— А такъ, — вишь какъ бѣжитъ!

По жалобамъ жителей я ходилъ въ разныя части города, останавливалъ безчинства, соединенныя иногда уже съ крикомъ женщинъ и дѣтей, билъ по зубамъ, прогонялъ, но снова то же самое начиналось въ другомъ мѣстѣ. Женщинъ, впрочемъ, нигдѣ не трогали — въ извѣстномъ смыслѣ; на одной площади я засталъ штукъ 50 — 60 турчанокъ, старыхъ и малыхъ, собравшихся, какъ цыплята, въ кучу, головами вмѣстѣ, и, очевидно, творившихъ молитву. Струковъ велѣлъ отвести имъ особенное помѣщеніе и приставить караулъ.

Что касается разоруженія жителей, то дѣло шло хорошо и съ меньшими хлопотами, чѣмъ можно было бы ожидать. Боясь отвѣтственности за удержаніе оружія, жители сносили довольно исправно свою защиту. Какого только оружія тутъ не было! И арабскія ружья, съ тонкими металлическими прикладами, и чисто турецкія, выложенныя перламутромъ и слоновою костью; пистолеты, шашки, ятаганы; изъ послѣднихъ нѣкоторые были очень характерны, — и я отобралъ себѣ не мало экземпляровъ, какъ матеріалъ для будущихъ картинъ, предназначивъ нѣкоторые для Струкова, обѣщавшаго привезти, что высмотритъ интереснаго по этой части, кое-кому изъ своихъ знакомыхъ! Увы! съ тою же легкостью, съ которою эти вещи пріобрѣлись, были онѣ и утеряны: телѣга, нагруженная нашими трофеями, на слѣдующей же станціи была разграблена ночью, и такъ чисто, что ни самой телѣги, ни воловъ, ее везшихъ, не оказалось. Кому-то,

вѣрно, было нужнѣе, чѣмъ намъ. Однако, при сваливанiи этого снесеннаго со всего города оружiя не обошлось безъ грѣха: казакъ, бросавшiй ружья слишкомъ неосторожно, получилъ пулю въ животъ.

Скобелевъ, тѣмъ временемъ, принявши и отправивши далѣе посланниковъ, прiѣхалъ въ Германлы. Очевидно, ему не давала покоя мысль окончательно раздавить, а если можно, то и взять въ плѣнъ армiю Сулеймана-паши, т.-е. довершить то, что не окончилъ Гурко, который, разбивши Сулеймана въ нѣсколькихъ сраженiяхъ, гналъ турокъ передъ собою. Но Скобелевъ обманулся въ томъ смыслѣ, что въ дѣйствительности Гурко разгромилъ Сулеймана сильнѣе, чѣмъ слухи передавали, и турецкая армiя, т.-е. остатки ея, какъ мы уже и знали по нашимъ свѣдѣнiямъ, узнавъ о перерѣзѣ ей дороги со стороны Германлы, отступила, бѣжала въ разсыпную, горами.

Скобелевъ пресерьезно собирался идти въ Хаскiою, навстрѣчу Сулейману.

Михаилъ Дмитрiевичъ говорилъ мнѣ:

— Василiй Васильевичъ, что вы со Струковымъ идете?..

— Да, иду.

— Пойдемте лучше со мной. Вы знаете, Сулейманъ подходитъ, будемъ драться!

— Увѣряю васъ, что вы ошибаетесь, — Сулейманъ идетъ горами.

— Ну что же вы спорите, когда я имѣю самыя положительныя свѣдѣнiя; Панютинъ доноситъ, что уже завязалъ дѣло съ нѣсколькими передовыми таборами!..

Я нѣсколько смутился этою подробностью, но все-таки отвѣчалъ, что пойду со Струковымъ къ Адрiанополю.

— Какъ знаете, — отвѣтилъ милѣйшiй Михаилъ Дмитрiевичъ, надувши губы.

Я не зналъ еще тогда вполнѣ, до какой степени я былъ правъ и Скобелевъ ошибался; онъ совершилъ здѣсь одну изъ величайшихъ ошибокъ, которую только можетъ сдѣлать командующiй генералъ, — принялъ за регулярное войско и атаковалъ обозъ турецкихъ поселянъ, покинувшихъ свои жилища и двигавшихся къ Константинополю, какъ то приказалъ имъ бѣшеный Сулейманъ. Ошибкѣ этой помогло, кромѣ помянутой и уже давней ревности Скобелева къ Гурко, еще то

обстоятельство, что къ громадному обозу выселявшихся турецкихъ семействъ присоединились мужья, братья и проч. родичи изъ отступавшей арміи, захотѣвшіе весьма естественно оказать защиту своимъ и, при появленіи русскихъ, соединившихся въ колонны. Эти колонны и были тѣ таборы, которые высчитывалъ Панютинъ и казацкіе начальники въ своихъ донесеніяхъ генералу и противъ которыхъ онъ выступилъ.

Я еще былъ у Скобелева, когда командиръ одного изъ донскихъ казачьихъ полковъ доносилъ ему, что „наступаютъ“.

— Хорошо, принимайте бой, принимайте бой!

— Есть убитые, тридцать лошадей ранено и убито!

— Хорошо, пусть будетъ триста.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ полковникъ и вышелъ.

Не любятъ практическіе казаки терять не только людей, но и лошадей. Вспоминаются по этому поводу резоны командира Кубанскаго казачьяго полка К., жаловавшагося мнѣ подъ Плевною на легкость, съ которою Скобелевъ относится къ потерѣ людей.

— Вѣдь, когда я вернусь домой съ полкомъ, жена убитаго потребуетъ у меня отвѣта за мужа: куда ты, скажетъ, дѣвалъ его, отчего не поберегъ?.. А онъ требуетъ: „стой въ колоннѣ, не разсыпайся, импонируй“ — хорошо импонировать, да коли народъ валится!..

На дорогѣ къ Хаскіою разгоралось дѣло; послѣ горячей перестрѣлки пѣхота и кавалерія бросились на ура! И тутъ совершилось, надобно сказать, дѣло, которое Скобелевъ уже засталъ конченнымъ и останавливать которое было поздно. Бравый Панютинъ плохо разобралъ своего непріятеля и поднялъ на штыкъ весь громадный обозъ: на разстояніи многихъ верстъ дорога покрылась мертвыми и ранеными, не столько мужчинъ, сколько женщинъ и дѣтей. Солдаты сбрасывали съ повозокъ людей, разрывали, разбрасывали имущество, ища денегъ. Когда Скобелевъ подъѣхалъ — онъ ужаснулся сдѣланной ошибкѣ. Но, пожалуй, довольно объ этомъ. Мнѣ возражали, говорили что это неправда, но я повторяю то же самое, потому что считалъ это правдою.

Скобелевъ вышелъ на улицу провожать нашъ отрядъ къ Адріанополю. Отводя меня въ сторону, онъ сказалъ:

— Смотрите же, Василій Васильевичъ, чтобы отрядъ шелъ впередъ.

— Будьте спокойны, — отвѣчалъ я ему, — зашагаемъ.

Здѣсь кстати сказать, что я не знаю офицера болѣе исполнительнаго, дисциплинированнаго, чѣмъ Струковъ. Это типъ образцоваго, методичнаго кавалериста: съ маленькою головой, сухощавый, такъ что кожа обтягиваетъ прямо кости и мускулы, онъ, по словамъ одного своего пріятеля, желавшаго сдѣлать ему комплиментъ, „точно арабская лошадь“. Съ огромными усами, меланхолическимъ взоромъ, онъ постоянно нервно подергивается, но хорошо владѣетъ собою и почти никогда не теряетъ ровнаго расположенія духа, что весьма важно въ командующемъ офицерѣ. Въ арміи подсмѣивались надъ тѣмъ, что онъ всегда былъ на виду, всегда всюду поспѣвалъ; остряки говорили, что „гдѣ ни плюнь — тамъ С—въ“, но сила этой остроты значительно умѣрялась тѣмъ обстоятельствомъ, что то же говорили, вѣроятно, и отступавшіе предъ нами турки: какъ они не отходили, Струковъ съ кавалеріей былъ тутъ какъ тутъ.

Я положительно дивился выносливости и подвижности этого человѣка, у котораго на взглядъ „еле-еле душа въ тѣлѣ“. Вставалъ онъ очень рано, самъ стлалъ свою постель, самъ ее и собиралъ, вина не пилъ, табаку не курилъ, не только за людьми, но и за лошадями смотрѣлъ, какъ за дѣтьми: по ночамъ вскакивалъ по нѣскольку разъ, чтобы лично выслушивать всѣ донесенія, причемъ для офицера всегда находилось у него любезное слово, а для нижняго чина „на водку“ изъ своего кошелька. Такъ и вижу моего милаго, браваго сотоварища, какъ онъ, закутанный въ бурку и башлыкъ, ѣдетъ на сухопарой англійской кобылѣ — подъ нимъ въ походѣ были двѣ кровныя англійскія лошади; его профиль на полусвѣтѣ холоднаго воздуха, 5—4 часовъ утра, начинаетъ сгибаться, башлыкъ опускается все ниже, ниже, пока, наконецъ, клюкаетъ о гриву лошади. Иногда я не утерплю, расхохочусь надъ этою процедурою засыпанья; тогда онъ вытаращитъ на меня сонные глаза.

— Что, что случилось? А! — и снова начинаетъ клюкать.

Передовой отрядъ нашъ состоялъ почти изъ трехъ полковъ кавалеріи: полка московскихъ драгунъ, петербургскихъ уланъ и неполнаго полка донцевъ, при одной конной батареѣ, которая постоянно завязала въ грязи и замедляла наше шествіе, хотя въ то же время придавала намъ авторитета.

Драгунами командовалъ полковникъ Я*, добродушнѣйшій воинъ, какого только можно себѣ представить, передвигавшій свою тучную фигуру, какъ на креслѣ, на своемъ бѣломъ иноходцѣ, въ коемъ души не чаялъ. Я* былъ много старше по службѣ Скобелева, бывшаго у него въ эскадронѣ юнкеромъ; теперь Я* командовалъ полкомъ, а прежній его юнкеръ — всѣмъ авангардомъ арміи. Отношенія ихъ остались дружескія и, конечно, Я* все готовъ былъ сдѣлать для Михаила Дмитріевича, только иноходца своего не согласился уступить. Скобелевъ, бывши неравнодушнымъ къ бѣлымъ лошадямъ, скоро замѣтилъ чудеснаго коня и закинулъ удочку черезъ Струкова.

Офицеры-кавалеристы.

— Михаилъ Дмитріевичъ говорилъ, что ты могъ бы одолжить его.

— Чѣмъ только могу, очень буду радъ.

— Твой бѣлый иноходецъ...

— Ни за что, — не стоитъ и говорить объ этомъ!

Командиромъ уланъ былъ Б., когда-то, говорятъ, блестящій свѣтскій офицеръ, теперь опустившійся, меланхоличный, недовѣрчивый. Недавняя, передъ самымъ уходомъ въ походъ, случившаяся трагическая смерть его красавицы-жены была, говорятъ, причиной этой разительной перемѣны. Я* держался съ нами, т.-е. со мною и Струковымъ; Б. чаще одинъ, иногда съ нѣкоторыми изъ своихъ офицеровъ.

Командиръ донцевъ Л., хотя и флигель адъютантъ, былъ похожъ на всѣхъ донскихъ командировъ, берегъ лошадокъ, ловко добывалъ фуражъ, и дисциплину понималъ, очевидно, по-своему, потому что казачки его

постоянно попадались въ вымогательствахъ, что, впрочемъ, не мѣшало имъ хорошо нести разъѣздную службу.

Командира батареи что-то плохо помню,—почтенныхъ лѣтъ офицеръ, честно служившій своей родинѣ, т.-е. въ данномъ случаѣ, за отсутствіемъ болѣе боевой службы, съ утра до вечера вытаскивавшій свои орудія изъ страшной грязи.

У Струкова былъ еще, т.-е. часто приходилъ къ намъ изъ полка, драгунскій офицеръ В., милый и покладистый товарищъ, писавшій приказы и распоряженія по отряду Струкова и иногда донесенія его высочеству подъ мою диктовку. Наконецъ, для полноты описанія всего начальства нашего крылатаго отряда, надобно сказать и о помянутомъ уже болгаринѣ Христо, одномъ изъ тѣхъ усатыхъ, раззолоченныхъ кавасовъ, которыми такъ щеголяютъ всѣ восточныя посольства и консульства. Тѣми же невозможными усами и золотомъ на одеждѣ внушалъ онъ страхъ и почтеніе и во время нашего похода, и частица этого уваженія естественно отражалась на насъ, придавая важности и значенія отряду, заключавшему въ себѣ свѣтило такой величины и такого блеска.

Лишь только пришли мы послѣ благополучнаго дневного перехода, съ однимъ роздыхомъ, къ городу Мустафа-паша и передъ конакомъ сошли съ лошадей,—Струкова извѣстили о прибытіи посланныхъ изъ Адріанополя; онъ велѣлъ немедленно ввести ихъ. Это были грекъ и болгаринъ; оба, отъ имени жителей своихъ національностей, звали занимать городъ; турки-де, узнавъ о приближеніи русскихъ, взорвали загородный дворецъ, служившій арсеналомъ (У насъ въ отрядѣ слышали этотъ взрывъ. Какъ я послѣ узналъ, въ этомъ дворцѣ погибло много чудесныхъ памятниковъ стараго искусства, между прочимъ, знаменитыя залы, убранныя сплошь лазуревыми изразцами). Черкесы, по словамъ ихъ, рыщутъ въ окрестностяхъ, того и смотри—ворвутся въ городъ и ограбятъ его. Что касается большихъ великолѣпныхъ фортовъ надъ городомъ, стоившихъ туркамъ столькихъ трудовъ и издержекъ, то они оставлены за неготовностью нѣкоторыхъ и за недостаткомъ людей для защиты ихъ.

Въ большомъ залѣ конака Струковъ собралъ военный совѣтъ изъ трехъ полковыхъ командировъ и меня. Онъ

изложилъ вкратцѣ суть дѣла: не было сомнѣнія, что жители города, боясь грабежей, желаютъ нашего прихода — и мы можемъ, пользуясь паникой, занять Адріанополь; но, съ другой стороны, паника можетъ быть вызвана и послѣ: пѣхоты у насъ совсѣмъ нѣтъ и появленіе одного, двухъ, а тѣмъ болѣе нѣсколькихъ таборовъ можетъ быть очень опасно, особенно для нашихъ орудій. По свѣдѣніямъ отъ болгаръ, какъ разъ въ

Ген. Струковъ въ походѣ на Адріанополь.

это время находился вблизи города — проходомъ — египетскій принцъ съ 2.000 черной африканской пѣхоты, хорошо вооруженной. Кромѣ того, изъ остатковъ сулеймановской арміи набралось въ окрестностяхъ, или шло къ Константинополю, не мало небольшихъ отрядовъ. Объяснивши это, Струковъ предложилъ подать мнѣнія. Мнѣ первому, какъ младшему чиномъ — художнику — предложено подать голосъ: „наступать!“ — Языковъ не нашелъ возможнымъ высказаться рѣшительно, говорилъ за и противъ, но больше за наступленіе. — Балкъ былъ положительно противъ.

— Хорошо вамъ совѣтовать наступать, не неся отвѣтственности! — выговаривалъ онъ мнѣ. — Что мы сдѣлаемъ, если будетъ засада? если мы наткнемся на пѣхоту? если, разъ занявши городъ, снова придется покинуть его? Необходимо подождать генерала Скобелева. Я подаю голосъ за ожиданіе подхода главнаго отряда!

Командиръ казаковъ не рѣшался сказать ни да, ни нѣтъ.

Я все-таки повторялъ, что надобно наступать и высказалъ резонъ: необходимость предохранить городъ отъ безпорядковъ и вѣроятнаго грабежа черкесовъ и мародеровъ.

Струковъ не высказалъ пока никакого мнѣнія и совѣтъ разошелся, ничего не рѣшивъ окончательно. Но мнѣ сдавалось, что генералъ нашъ былъ тоже за наступленіе.

Скоро прибылъ изъ Адріанополя еще гонецъ — пребуйный грекъ, вооруженный до зубовъ и чуть ли не подъ хмелькомъ; онъ объявилъ, что посланъ новымъ губернаторомъ предложить русскому отряду занять городъ.

— Какой такой новый губернаторъ? — спросилъ Струковъ.

— Ну! когда военный губернаторъ взорвалъ замокъ и ушелъ съ гарнизономъ, султанъ приказалъ Фасу быть губернаторомъ, — кого же еще вамъ нужно!

Этотъ посланный своего губернатора держался такъ дерзко, что я попросилъ у Струкова позволенія переговорить съ нимъ построже.

— Пожалуйста, — отвѣчалъ онъ.

Во весь размахъ руки я вытянулъ буяна нагайкою — онъ ошалѣлъ и впервые всталъ смирно и почтительно.

— Какъ ты смѣешь такъ говорить съ русскимъ генераломъ, а? Поди скажи твоему новому губернатору, что генералъ его не признаетъ и придетъ самъ назначить губернатора. Маршъ!

— Однако, строги же вы, — сказали мнѣ Струковъ и офицеры.

— Попробуйте говорить съ этими головорѣзами иначе, — отвѣчалъ я, — развѣ вы не видите, что это разсчитанная дерзость.

На другое утро просыпаюсь — Струковъ сидитъ на моей постели; видно было, что онъ давно уже всталъ и ждалъ моего пробужденія.

— Я рѣшился,—сказалъ онъ,—идемъ занимать городъ.

— Браво!

Вчерашніе посланные еще не уѣхали. Генералъ послалъ ихъ впередъ объявить о нашемъ движеніи, и, отведя въ сторону, потребовалъ, чтобы, въ знакъ изъявленія покорности Адріанополя, были поднесены ключи его, которые онъ долженъ переслать къ его высочеству-главнокомандующему.

— Да ключей нѣтъ у города,—отвѣчали сконфуженные посланцы,—гдѣ же мы ихъ возьмемъ!

— Чтобы были, знать ничего не хочу!—рѣшилъ А. П.

Они уѣхали, но вчерашній грубіянъ не рѣшился отправиться днемъ, изъ боязни быть на дорогѣ побитымъ — храбрость его была, очевидно, относительная.

Былъ прекрасный солнечный день, когда мы подходили къ Адріанополю. Навстрѣчу выѣхало нѣсколько всадниковъ и между ними два армянина, братья Абдулла, извѣстной фирмы фотографовъ султана въ Адріанополѣ и Константинополѣ. Передъ самымъ городомъ показалась густая толпа двигавшагося намъ навстрѣчу народа, одушевленіе котораго росло по мѣрѣ нашего приближенія; наконецъ, передовые не выдержали — бросились къ намъ бѣгомъ! Невозможно, немыслимо описать ихъ энтузіазмъ и сцену, затѣмъ послѣдовавшую: съ криками и воемъ бросались люди передъ нами на колѣна, цѣловали землю, крестясь, прикладывались, какъ къ образамъ, не только къ нашимъ рукамъ, но и колѣнамъ, сапогамъ, стременамъ. Не даваться, не допускать ихъ до этого не было никакой возможности, приходилось подчиняться. Признаюсь, не могу безъ улыбки вспомнить фигуру Языкова съ умиленною физіономіей и разставленными для поцѣлуевъ руками— что твоя мадонна — буквально залитыми слезами восторженнаго народа. Струкова рвали па части; кабы не высота его англійской кобылы, ему бы, кажется, не сдобровать.

Дали знать, что на встрѣчу идетъ духовенство съ крестами и хоругвями, и мы уже совѣмъ готовились вступить въ улицы Адріанополя, когда я остановилъ Струкова.

— Александръ Петровичъ, намъ немыслимо входить въ городъ.

— Отчего?

— Посмотрите на эти узкія улицы: всякій трусливый крикъ, всякій выстрѣлъ произведетъ панику; мы-то еще ничего, а орудія совсѣмъ застрянутъ и не поворотишь ни одно!

— Такъ что же дѣлать?

— Не входить въ городъ, остановиться гдѣ-нибудь здѣсь.

— Нельзя ужъ — духовенство идетъ навстрѣчу.

— Богъ съ нимъ, съ духовенствомъ, оно зайдетъ и съ другой стороны.

Струковъ колебался.

— Да гдѣ же встать?

Я осмотрѣлся кругомъ.

— Вотъ, налѣво гора, свернемъ туда.

Мы повернули круто налѣво, на высокую гору, отрядъ и народъ послѣдовали сзади. Когда мы въѣхали на гору, то невольно ахнули отъ удивленія: позиція идеальная! ровная площадь, господствующая надъ всѣмъ городомъ, разстилавшимся внизу, какъ на ладони; не только положеніе наше здѣсь было почти неприступное, но мы своею батареею могли угрожать цѣлому городу.

Только лишь въѣхали мы и осмотрѣлись, какъ на встрѣчу изъ примыкавшаго болгарскаго квартала вышла огромная процессія изъ представителей разныхъ церквей и религій. Впереди былъ греческій митрополитъ (Діонисій), затѣмъ армянскій архіепископъ, болгарскій священникъ, еврейскіе раввины, турецкіе муллы и съ ними громадная толпа народа,— вся площадь покрылась людьми; я думаю, было тысячъ 30—40. Масса эта облегла и стѣснила насъ такъ, что пока мы слѣзали съ лошадей, меня успѣли отдѣлить отъ Струкова. Слышу крикъ его: „Василій Васильевичъ, проходите же скорѣй“,— онъ протянулъ мнѣ руку и съ помощью нѣсколькихъ услужливыхъ сосѣдей я продрался до генерала. Мы приложились къ крестамъ и поцѣловали пухлую, мягкую руку митрополита, видимо оставшагося довольнымъ такимъ знакомъ почтенія. Онъ былъ тѣмъ болѣе доволенъ, что считался открытымъ недоброжелателемъ Россіи и конечно не ожидалъ отъ русскихъ большой вѣжливости.

Тутъ вскочилъ на какую-то приступку тотъ самый новый губернаторъ, о которомъ была рѣчь выше, толстый грекъ, со звѣздою Меджидіе на груди. Въ высокопарной французской рѣчи онъ сказалъ намъ привѣтствіе, въ которой не забылъ упомянуть о томъ, что

назначенъ охранять порядокъ, и, закончивъ свой спичъ словами: vive la Russie! Ура!—ура подхватила вся толпа,— поднесъ Струкову на блюдѣ ключи города (3 числомъ, очень большого размѣра). Я спрашивалъ потомъ, гдѣ они достали эти ключи, и получилъ отвѣтъ: „купили на базарѣ". Надобно думать, что не безъ ироніи къ тремъ большимъ ключамъ были приброшены еще двѣ связки маленькихъ. Кстати скажу здѣсь два слова о дальнѣйшей судьбѣ этихъ ключей: самый большой изъ нихъ я взялъ себѣ для разбиванія миндальныхъ орѣховъ, которые подавались у насъ каждый день послѣ обѣда, такъ какъ они были очень вкусны и дешевы; два другіе были отправлены сначала главнокомандующему, а потомъ въ Петербургъ. Передъ посылкою въ Петербургъ Струковъ просилъ меня отдать третій, самый большой и внушительный, но я не отдалъ, и онъ виситъ у меня въ мастерской, рядомъ съ значкомъ Скобелева.

Возвращаюсь, однако, къ Адріанополю. Я посовѣтовалъ Струкову объявить самозванному губернатору, что онъ его полномочій не признаетъ и покамѣстъ самъ будетъ управлять городомъ до будущаго распоряженія высшаго русскаго начальства, что Александръ Петровичъ и сдѣлалъ. Грекъ сконфузился, но сейчасъ же нашелся, поблагодарилъ и опять прокричалъ „ура" въ честь русскихъ. Затѣмъ я высказался генералу, и онъ тутъ же громко передалъ мои слова народу касательно способа, какимъ мы можемъ первое время довольствовать отрядъ, охраняя неприкосновенность жилищъ. „Пусть,—объявилъ генералъ, — всякая народность выберетъ по два представителя, пусть собраніе этихъ представителей подъ предсѣдательствомъ греческаго митрополита озаботится своевременнымъ доставленіемъ людямъ и лошадямъ корма; на этомъ, и только на этомъ, условіи не будетъ дѣлаться реквизицій и солдаты не будутъ посылаться въ городъ; если же все нужное не будетъ доставлено, солдаты будутъ сами доставать то, что имъ нужно, а имъ извѣстно, что это значитъ! За все принесенное будетъ заплачено главною квартирой". Всѣ были, видимо, довольны, пропалъ ихъ страхъ имѣть дѣло съ солдатами, — страхъ, совершенно понятный. Грекъ Фассъ и за нимъ вся толпа закричала „ура! царю Александру!" и на этотъ разъ кричали, должно быть, вполнѣ искренно, — такъ громко, что просто оглушили.

Когда духовенство ушло, мы направились въ церковь болгарскаго квартала, которая, разумѣется, была полна-полнехонька народомъ. Началась служба съ ужаснымъ греческимъ напѣвомъ, представляющимъ противоположность съ нашимъ обыкновенно болѣе или менѣе гармоническимъ напѣвомъ: я слыхивалъ его и прежде, но такого невозможно гнусливаго завыванья, какъ здѣсь, еще не слышалъ и, признаюсь, какъ это ни глупо, но мною овладѣлъ дурацкій, безпричинный смѣхъ, который трудно было скрыть. На бѣду еще Струковъ, рядомъ стоявшій, обратился ко мнѣ съ лаконическою замѣткой:

Въ Адріанополѣ.

— Каково поютъ, а?

Должно-быть, онъ самъ потерялъ терпѣнье, потому что, когда священнослужители, кончивши часы, стали облачаться для обѣдни, онъ подозвалъ Христо:

— Поди, скажи священнику, что мнѣ некогда сегодня — пусть оканчиваетъ.

Положеніе неудобное — они только собирались начинать, откашливались и обдергивались!

Приложившись ко кресту, мы вышли изъ церкви, сѣли на лошадей и возвратились на площадь. Здѣсь Струковъ поставилъ отрядъ свой въ каре, объѣхалъ его, поблагодарилъ за службу и поздравилъ съ занятіемъ второй столицы Турціи, знаменитаго города Адріанополя.

Солдаты расположились бивуакомъ, а мы заняли угловой домъ на площади. Скоро пришло извѣстіе, что черкесы грабятъ дальніе кварталы города. Струковъ далъ мнѣ полъэскадрона драгунъ и велѣлъ проѣхать по улицамъ, успокоить жителей, да кстати разузнать на мѣстѣ, сколько правды въ извѣстіи, что безчинствуютъ черкесы. Я захватилъ старикашку-болгарина или грека, хорошо говорившаго по-турецки и порядочно понимавшаго по-русски, и,

проѣзжая по всѣмъ главнымъ улицамъ, заставилъ его громко объявлять, чтобы ничего не боялись, такъ какъ русская власть сумѣетъ всѣхъ защитить. Шумъ подковъ нашихъ лошадей на мостовой города производилъ сначала чуть не панику, но, увѣрившись, что мы „спасители", женщины изъ домовъ протягивали руки съ плачемъ, а тѣ, что были внизу, просто бросались подъ ноги лошадей, съ крикомъ:

— Насъ грабятъ, грабятъ!

— Гдѣ, кто васъ грабитъ?

— Тамъ, тамъ, черкесы!

Я не могъ себѣ представить, чтобы возможенъ былъ такой сильный и совершенно неосновательный перепугъ! Объѣхавъ городъ въ разныхъ направленіяхъ, я проѣхалъ до самыхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ, по словамъ многихъ встрѣчныхъ, были безпорядки — нигдѣ ничего, полное спокойствіе вездѣ, повсюду глупыя увѣренія, что тамъ дальше грабятъ, — что значитъ паника!

Полковые командиры очень были недовольны тѣмъ, что довѣрили доставку провіанта и фуража самимъ жителямъ; такъ какъ я былъ виновникъ этого способа, то на меня преимущественно и шли нареканія. Кромѣ того я разсердилъ ихъ тѣмъ, что поймалъ и привелъ къ Струкову нѣсколько человѣкъ драгунъ, пробовавшихъ мародерствовать по ближайшимъ болгарскимъ домамъ, и генералъ приказалъ наказать ихъ, въ примѣръ другимъ, передъ фронтомъ, — наказаніе было горячее. Мнѣ казалось, что даже добрѣйшій Я...ъ, какъ только я выходилъ изъ комнаты, начиналъ пугать Струкова тѣмъ, что намъ ничего не доставятъ, и люди и лошади останутся голодные; я видѣлъ, что Струковъ началъ сдаваться, безпокоиться и, вѣроятно сожалѣть, что, послушавши меня, распорядился такъ гуманно. Наступилъ вечеръ; мы посылали сказать, чтобы поторопились, — одинъ отвѣтъ: „все будетъ, все будетъ!" но ничего не было. Видно было, что только изъ боязни генерала меня не бранятъ въ глаза, а главное, я начиналъ чувствовать себя, дѣйствительно, виновнымъ въ общемъ голоданіи. Наконецъ, когда уже смеркалось, явились громадныя корзины со всѣмъ, рѣшительно всѣмъ: хлѣбъ, супъ, говядина, вино, даже табакъ не былъ забытъ — полная корзина прекраснаго турецкаго табаку! Всѣ оживились и повеселѣли, только сѣна лошадкамъ было мало, пришлось

пробавляться, главнымъ образомъ, ячменемъ и овсомъ. Сѣно, которое я высмотрѣлъ въ ближнемъ зданіи, госпиталѣ, С. справедливо призналъ опаснымъ для раздачи, какъ могущее занести болѣзни.

Это распоряженіе — доставленія пищи на первыхъ порахъ самими жителями многіе находили все-таки непрактичнымъ; но я и теперь искренно думаю, что оно было наиболѣе подходящее къ обстоятельствамъ: пусти тогда генералъ своихъ солдатъ по домамъ разыскивать сѣно, ячмень, хлѣбъ, курицъ и т. п., нѣтъ сомнѣнія, что богатый городъ былъ бы сгоряча порядочно ощипанъ, а самъ отрядъ деморализированъ, — и я очень радъ, что разсудительный Струковъ не далъ сбить себя съ толку; не только городъ не былъ ограбленъ, но и сохранены съ жителями лучшія отношенія, т.-е. у насъ дѣло шло совершенно противоположно тому, что было послѣ, когда подошли войска, начались безпорядки, ссоры, даже убійства нашихъ солдатъ жителями.

Въ тотъ же день послѣ полдня, къ намъ явился австрійскій консулъ въ полномъ облаченіи и съ нимъ старый знакомый, грекъ Фассъ. Этого послѣдняго попросили подождать въ другой комнатѣ, такъ какъ не имѣлось въ виду входить съ нимъ въ какія бы то ни было сношенія, а консулу предложили сѣсть. Онъ прямо приступилъ къ дѣлу.

— Вы смѣнили, — сказалъ онъ Струкову по-французски, — единственную власть, бывшую въ городѣ, губернатора Фассъ; теперь готовится возмущеніе, вся вина котораго естественно падетъ на васъ.

Генералъ немножко замялся.... какъ будто не сейчасъ сообразилъ, что отвѣтить.

Мнѣ со стороны виднѣе была игра австрійца и я сказалъ Струкову:

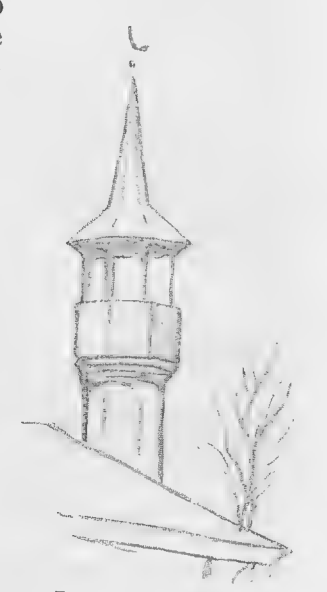
— Ваше превосходительство, позвольте мнѣ отъ вашего имени отвѣтить господину консулу.

— Пожалуйста, — сказалъ онъ.

— Генералъ очень благодаренъ вамъ, господинъ генеральный консулъ, за вашъ совѣтъ, который онъ принимаетъ, какъ совѣтъ истинной дружбы. Какъ уже сказано г. Фассу, генералъ самъ временно будетъ смотрѣть за городомъ, до пріѣзда генерала Скобелева, отъ котораго будетъ зависѣть дальнѣйшее распоряженіе. Что же касается возвѣщеннаго вами возмущенія, то коман-

дующій отрядомъ проситъ васъ вѣрить, что это вздорныя выдумки. Онъ отвѣчаетъ за порядокъ и порубитъ всѣхъ, кто посмѣетъ нарушить его. Еще разъ примите большое спасибо за вашу предупредительность.

По извѣстному дипломатическому правилу faire bonne mine au mauvais jeu, консулъ показалъ видъ, что очень доволенъ этимъ сообщеніемъ и ушелъ — не солоно похлебавши, — уведя съ собой не принятаго проходимца Фасса. Струковъ и Языковъ горячо благодарили меня за эту отповѣдь, — мыслимо ли было позволять соваться въ военное управленіе консуламъ, которые, конечно, добивались этого.

Турецкій минаретъ.

Струковъ просилъ меня съѣздить осмотрѣть склады городскіе. Вездѣ я засталъ страшное безурядье: всѣ, кто могъ, тащили охапками и возами запасы платья, полотенъ, хлѣба. Я вытолкалъ воровъ, несмотря на ихъ протесты, что „они охраняютъ“, заперъ двери на ключи и приставилъ караулы..... но разумѣется грабежъ продолжался.

Склады, впрочемъ, были такъ велики, что осмотрѣть, а тѣмъ болѣе провѣрить ихъ не было возможности въ такое короткое время. Какъ послѣ оказалось, въ одномъ изъ складовъ нашлось множество прекрасныхъ бамбуковыхъ тростей для пикъ, которыя главнокомандующій подарилъ лейбъ-уланскому полку; добрѣйшему А. П. было кажется досадно, что я просмотрѣлъ эти дротики и не далъ ему возможности преподнести этотъ подарокъ своимъ однополчанамъ.

Вмѣстѣ со складами я осмотрѣлъ и многія мечети, изъ нихъ главная — забылъ ея имя — великолѣпна, величественна!

Только что воротился я съ этого осмотра, какъ у насъ случился пожаръ, что, впрочемъ, было неудивительно, потому что казаки, благо въ сухихъ дровахъ недостатка не было, развели ужасный огонь на кухнѣ,—

хорошо, что сгорѣлъ одинъ только домъ, нами занимаемый, а сосѣдніе отстояли.

Струковъ извѣстился, что протеже австрійскаго консула, грекъ Фассъ, смѣщенный съ губернаторства, интригуетъ, старается вызвать недоразумѣнія и безпорядки, и хотѣлъ арестовать его, но, передумавъ, рѣшилъ только сдѣлать ему внушеніе. Рано утромъ я поѣхалъ къ грекосу на домъ съ нѣсколькими драгунами, которые оцѣпили домъ; я вошелъ въ комнаты, гдѣ изъ всѣхъ дверей и щелей торчали испуганныя физіономіи. Хозяинъ вышелъ блѣднѣе смерти, съ какимъ-то оловяннымъ взоромъ, — очевидно, онъ ожидалъ, судя по турецкимъ порядкамъ, что пришелъ его послѣдній часъ. Я собралъ всю мою дипломатію и, освѣдомившись о его здоровьѣ, количествѣ дѣтей и проч., навелъ рѣчь на необходимость для него воздержаться отъ всякихъ тайныхъ происковъ, которые могутъ навлечь на него большія непріятности; въ заключеніе прибавилъ, что генералъ поручилъ это передать ему и выразить отъ его имени увѣренность, что не придется прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, — Фассъ чуть не одурѣлъ отъ радости: какъ-то подпрыгивая, онъ началъ увѣрять въ преданности, желаніи быть полезнымъ и проч., и проч.

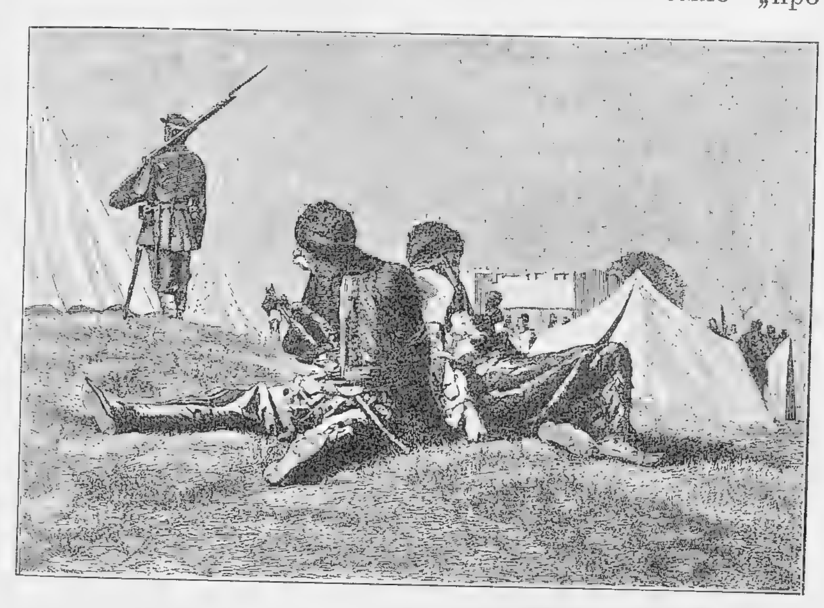
Привели къ Струкову двухъ албанцевъ, отчаянныхъ разбойниковъ, по увѣренію болгаръ, вырѣзывавшихъ младенцевъ изъ утробъ матерей. Генералъ приказалъ связать ихъ покрѣпче, и драгуны, поставивши ребятъ спинами вмѣстѣ, стянули локти такъ, что они совсѣмъ побагровѣли и двинуться потомъ не могли. Брошенные на землю, они, какъ два тигра, мрачно смотрѣли исподлобья на окружавшую ихъ толпу болгаръ, преимущественно женщинъ и дѣтей, бранившихся, плевавшихъ имъ въ глаза, бросавшихъ комьями и грязью. Приставленный къ нимъ часовымъ драгунъ, конечно, не мѣшалъ этому ляганью и заушенью.

Въ виду тяжести обвиненій я предложилъ Струкову повѣсить ихъ, но онъ не согласился, сказавъ, что не любитъ разстрѣливать и вѣшать въ военное время, и не возьметъ этихъ двухъ молодцовъ на свою совѣсть, а передастъ ихъ Скобелеву — пускай тотъ дѣлаетъ, что хочетъ.

— Хорошо, — отвѣчалъ я, — попрошу Михаила Дмитріевича: отъ него задержки, вѣроятно, не будетъ.

— Что это вы, Василій Васильевичъ, сдѣлались такимъ кровожаднымъ?—замѣтилъ Струковъ.—Я не зналъ этого за вами.

Тогда я признался, что еще не видалъ повѣшенія и очень интересуюсь процедурою, которая, конечно, будетъ совершена надъ этими разбойниками. — Мнѣ въ голову не приходило, чтобы ихъ можно было „про-

Связанные албанцы.

стить“, —до такой степени ясно были они обвинены населеніемъ, съ показаніями свидѣтелей и проч.

Когда на другой день я пришелъ взглянуть на двухъ албанцевъ, жалость меня взяла, — напрасно ихъ сейчасъ же не разстрѣляли. Совершенно опухшіе, посинѣлые отъ перевязки, они припали къ землѣ, глухо выговаривая: „аманъ, аманъ!“ Чалмы и фески были сбиты, лица и головы разбиты, окровавлены комьями и камнями, которые густая толпа народа не переставала швырять въ нихъ. Часовой продолжалъ безстрастно ходить около, не видя надобности мѣшать потѣхѣ.

Скобелевъ пріѣхалъ къ вечеру. Мы выѣхали встрѣчать его на желѣзную дорогу и потомъ большою, нарядною кавалькадой проводили до конака, гдѣ онъ помѣстился. По дорогѣ все населеніе вышло привѣт-

ствовать храбраго генерала; повторилась сцена энтузіазма нашего въѣзда, хотя уже гораздо менѣе восторженная,— такія сцены, какъ та, не могутъ повторяться. Изъ всѣхъ домовъ выглядывали лица гречанокъ, нѣкоторыя поразительной красоты; я ѣхалъ за Михаиломъ Дмитріевичемъ и командовалъ время отъ времени:

— Глаза направо, глаза налѣво, выше!

Ярый поклонникъ женской красоты, онъ такъ и впивался глазами въ красавицъ, да, кажется, и тѣ съ своей стороны особенно старательно провожали его взорами. Смотримъ, нашъ пріятель Фассъ—тутъ какъ тутъ! Ѣдетъ за генераломъ, чтобы показать, что и онъ въ милости. Его попросили убираться, тогда онъ поѣхалъ впереди и и сталъ кричать направо и налѣво:

— Кланяйтесь генералу, привѣтствуйте генерала!

Ему послали сказать, чтобы онъ убрался совсѣмъ вонъ, — тогда только онъ скрылся.

Я попросилъ Скобелева повѣсить помянутыхъ двухъ разбойниковъ, онъ отвѣтилъ: „это можно“, и, позвавши командира стрѣлковаго батальона полковника К*, приказалъ нарядить полевой судъ надъ обоими схваченными албанцами и прибавилъ:

— Да, пожалуйста, чтобы ихъ повѣсить.

— Слушаю, ваше превосходительство,—былъ отвѣтъ.

Я считалъ, что дѣло въ шляпѣ, т.-е. что до выхода нашего изъ Адріанополя я еще увижу эту экзекуцію и послѣ передамъ ее на полотнѣ. Не тутъ-то было: незадолго передъ уходомъ, найдя обоихъ пріятелей все въ томъ же незавидномъ положеніи и освѣдомившись: „развѣ ихъ не будутъ казнить?“—я получилъ въ отвѣтъ: „нѣтъ“.

Узнавши о назначеніи полевого суда, Струковъ просилъ Михаила Дмитріевича, „для него“, не убивать этихъ двухъ кавалеровъ и, очень вѣроятно, что они и по сію пору здравствуютъ, похваляютъ милосердное русское начальство... и распарываютъ чьи-нибудь животы... Я написалъ ихъ связанными, такъ и не понявши, какое сантиментальное чувство побудило миловать албанскихъ разбойниковъ, безъ зазрѣнія совѣсти губившихъ болгаръ, когда жизни нашихъ жертвовались за тѣхъ же болгаръ тысячами.

Къ ночи, на третій день пребыванія въ Адріанополѣ, мы выступили по дорогѣ къ Константинополю.

Было такъ темно, что отрядъ разорвался, потерявъ слѣдъ впереди шедшихъ коней; вотъ былъ хорошій случай непріятелю порубить насъ или захватить въ плѣнъ: рыскавшіе въ окрестностяхъ черкесы могли бы это сдѣлать, если бы они не выродились, и изъ дикихъ, неукротимыхъ горныхъ пантеръ не обратились въ степныхъ шакаловъ, годныхъ только для грабежа. Мы остановились посреди дороги, около какихъ-то домишекъ, развели большой огонь и, дремля близъ пылавшихъ бревенъ, дождались утра, когда догнали полки.

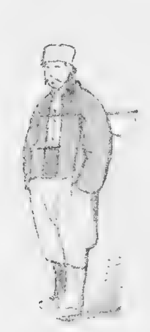

Турецкая мечеть за Адріанополемъ.

Остановка и отдыхъ были въ селеніи - городкѣ Хавса, гдѣ мы нашли въ конакѣ полный тюремный аппаратъ для пытокъ и для заковыванія преступниковъ въ кандалы. Маленькую коллекцію этихъ турецкихъ игрушекъ, — какъ - то: шейные, ручные и ножные кандалы, весьма почтеннаго вѣса, и еще болѣе увѣсистую цѣпь, — я взялъ себѣ на память; на эту цѣпь нанизывались преступники, болгары преимущественно, когда ихъ скованными отправляли въ Адріанополь.

Здѣсь выбѣжали къ намъ болгары съ сосѣдняго чифлика (т.-е. фермы) сказать, что нѣсколько турокъ почевали тамъ эту ночь и произвели страшныя дебоширства, даже трогали женщинъ. Струковъ далъ мнѣ Христо и нѣсколько уланъ и велѣлъ, если возможно, накрыть злодѣевъ. Когда, проѣхавши на рысяхъ 5 верстъ разстоянія до чифлика, мы прибыли туда, намъ только показали далеко впереди, между пригорками и кустами, 3 фигуры турокъ, улепетывавшихъ во всѣ лопатки; какъ я могъ разсмотрѣть, это были пѣхотные солдаты. Христо, охваченный воинственнымъ жаромъ, просилъ

позволить ему хоть съ однимъ солдатомъ догнать бѣглецовъ, но это было, очевидно, нелѣпо, такъ какъ до нихъ было не менѣе 2 верстъ и они, конечно, всегда могли если не убѣжать, то хоть спрятаться отъ преслѣдованія. Я предпочелъ воротиться безъ побѣды, но Христо мой, понимавшій храбрость только въ самомъ бурномъ смыслѣ, рѣшился вложить въ ножны свою саблю, которую онъ уже извлекъ, не прежде, чѣмъ отсѣкши ею голову хоть гусю, пасшемуся въ небольшомъ стадѣ около фермы. Обезглавленный потомокъ спасителей Рима, вмѣстѣ съ другимъ, живымъ, былъ взятъ нами съ собою, также какъ запасъ кислаго молока и кислой капусты, нѣсколько напомнившихъ за обѣдомъ далекую родину. Мнѣ указали на женщинъ, потерпѣвшихъ отъ турокъ.

Болгарскій погонщикъ.

— Съ вами дурно обошлись?

— Да, отвѣчала одна, — конфузясь и закрывая лицо руками — очевидно, разспрашивать ихъ о подробностяхъ не приходилось.

По дорогѣ отсюда, изъ Хавса, еще болѣе чѣмъ около Адріанополя, выбѣгало къ намъ, навстрѣчу жителей, покинувшихъ дома и спасавшихся въ окрестныхъ лѣсахъ и кустарникахъ. Сначала мы приняли ихъ издали за непріятельскихъ мародеровъ, да и они, очевидно, не сразу рѣшились выходить къ намъ изъ своихъ засадъ, не будучи совершенно увѣрены, что это точно православное русское войско, о приближеніи котораго они, конечно, хорошо знали; зато, разъ увѣрившись въ этомъ, высказывали свою радость самымъ искреннимъ образомъ, бросались передъ нами на колѣни, цѣловали полы платья, когда имъ удавалось поймать ихъ; большинство плакало и кричало: „да живей, да живей царь Александръ!“ Всѣ они жаловались не только на турецкія войска, но и на турецкихъ поселянъ, ушедшихъ къ Константинополю и передъ своимъ отходомъ ограбившихъ односельчанъ - болгаръ дочиста: отнявшихъ съ помощью мѣстныхъ турецкихъ властей не только всю одежду, посуду, цѣнныя вещи, у кого были, но и лошадей, воловъ, телѣги; по словамъ ихъ, эмигранты эти выступили недавно и не должны были быть еще далеко впереди насъ: они умоляли воротить имъ хоть что-нибудь изъ ограбленнаго добра!

Съ приближеніемъ нашимъ къ Баба-Эски, слѣды поголовнаго разбоя и грабежа дѣлались все сильнѣе и сильнѣе; раздавались плачъ, вой, причитанья женщинъ: видно было, что грабежъ совершенъ былъ очень недавно. При входѣ въ мѣстечко бросился въ глаза трупъ болгарскаго священника, уже старика, лежавшаго подъ заборомъ съ глубоко перерѣзаннымъ горломъ. Сосѣди разсказывали, что злодѣи пристали къ покойному съ требованіемъ указать, гдѣ у него скрыты деньги, также гдѣ спрятаны молодыя дѣвушки мѣстечка и, когда онъ отвѣтилъ, что денегъ нѣтъ, а гдѣ женская молодежь, онъ не знаетъ, — убили его. Тамъ и сямъ по домамъ раздавался жалобный женскій плачъ. Послѣдніе турки ушли только наканунѣ и, двигаясь на волахъ, очевидно, должны были быть еще недалеко.

Цыганка.

Здѣсь, какъ въ Хавса, была наша дневка. Струковъ шелъ разумно, не застаиваясь нигдѣ, отдыхая каждый третій день. Мы выступали очень рано, еще въ темнотѣ, дѣлали привалъ для роздыха и ѣды, потомъ до вечера опять шли и останавливались на ночь; затѣмъ шли также съ роздыхомъ весь слѣдующій день, а всѣ послѣдующія сутки отдыхали. Генералъ обращалъ особенное вниманіе на лошадей, которыя были свѣжи, бодры и въ хорошемъ тѣлѣ; про людей и говорить нечего — всѣ смотрѣли гоголемъ.

Не доходя Люлле-Бургасса, мы начали догонять послѣдніе возы турецкихъ бѣглецовъ. Боясь обыска и отвѣтственности за грабежъ, они бросали по дорогѣ разные болгарскіе узоры и прошивки, отодранные отъ украденнаго добра, — я подбиралъ и составилъ себѣ интересную коллекцію; бросали сабли, ружья, предварительно изломанныя и разбитыя. Струковъ далъ имъ приказаніе остановиться, для чего пришлось посылать далеко впередъ, такъ какъ возы растянулись на огромномъ пространствѣ. Часть была собрана передъ мостомъ, ведущимъ въ городъ, другіе стояли на дорогѣ, третьи стояли еще по другой дорогѣ и, наконецъ, еще

Цыганка.

возы двигались по третьему пути, по другой сторонѣ Марицы, но тѣхъ мы уже не могли остановить. Число возовъ было громадно. Помню, Струкову былъ печатный укоръ за превышеніе числа эмигрантовъ; несмотря на просьбу его, я не хотѣлъ вмѣшиваться въ то время въ газетный споръ, но теперь, кстати замѣчаю, что фактъ отступленія турокъ по нѣсколькимъ дорогамъ разбиваетъ помянутые нападки. Донесеніе главнокомандующему о дѣлѣ турецкихъ бѣженцовъ писано мною, а всѣ цифры, приблизительно, разумѣется, вѣрны.

Такъ какъ этотъ народъ самъ не зналъ, зачѣмъ онъ двигается къ Константинополю, гдѣ ихъ ожидало разореніе, голодъ, болѣзни, то я предложилъ генералу дозволить вернуться назадъ тѣмъ, которые бы этого пожелали; онъ согласился. Взявши Христо и велѣвъ собраться старшинамъ эмигрантовъ, я объявилъ имъ, что въ „Румѣ, куда они идутъ, уже теперь голодъ, они проживутся тамъ, разорятся и переболѣютъ, поэтому не лучше ли имъ теперь же вернуться назадъ, — русскій генералъ не только не будетъ препятствовать возвращенію, но, желая имъ добра, даже совѣтуетъ это“. Много было у нихъ толковъ по этому поводу. Очевидно было, что нѣкоторые, на совѣсти которыхъ, вѣроятно, было менѣе грѣховъ и несправедливостей противъ болгаръ, хотѣли вернуться; другимъ самая мысль объ этомъ была противна. Имъ дали подумать на свободѣ и въ назначенный часъ велѣли дать отвѣтъ.

Тѣмъ временемъ, объѣхавши всѣ кварталы этого подвижного городка переселявшихся, я объявилъ, чтобы все оружіе было снесено на площадь, — за утайку будетъ строго взыскано. Скоро цѣлая гора разнаго оружія была снесена въ кучу, изъ которой я опять выбралъ себѣ нѣсколько хорошихъ экземпляровъ; кое-что взяли офицеры, а прочее было снесено подъ караулъ на храненіе.

Часть турокъ рѣшила возвратиться, если имъ дадутъ конвой для защиты отъ болгаръ, — имъ обѣщали, и они скоро, дѣйствительно, выступили въ обратный путь, подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ улановъ. Болгары, чувствуя теперь свою силу, какъ шакалы, рыскали въ окрестностяхъ и нѣкоторые имѣли смѣлость даже на нашихъ глазахъ стащить кое-что съ турецкихъ возовъ, утверждая, что это ихъ же. Я отогналъ многихъ ударами

нагайки, но въ сущности былъ бы въ затрудненіи рѣшить, кто тутъ грабитъ и кто ограбленный, — не разберешь.

Проѣзжая въ толпахъ турокъ и ихъ повозокъ, я замѣтилъ, что большинство женщинъ были очень красивы собою, встрѣчались, просто, красавицы. Помню, Струковъ разговорился съ нѣкоторыми изъ нихъ, обратившихся къ нему съ какою-то просьбой, и одна, еще очень красивая молодая бабенка, такъ бойко болтала, такъ настаивала на томъ, что у нея мужъ убитъ и она теперь свободна дѣлать, что хочетъ, что добрѣйшій Александръ Петровичъ не утерпѣлъ, замѣтилъ:

— А вѣдь баба-то... шалитъ.

Большая часть повозокъ рѣшила все-таки продолжать путь далѣе, и имъ въ этомъ не препятствовали. Когда передовыя телѣги, перейдя въ бродъ протекающую тутъ рѣку, выступили, я поѣхалъ посмотрѣть, насколько тамъ соблюдается порядокъ, и еще у самой рѣки услышалъ раздирающіе женскіе крики. Я поскакалъ къ тому мѣсту, откуда они доносились, и что же увидалъ: казаки остановили повозку, двое изъ нихъ вскочили туда: одинъ держитъ женщину, другой обыскиваетъ ее, обыскиваетъ мастерски, точно на фортепьяно играетъ! Бросить свою жертву и скрыться не хуже любой кошки было для казачковъ дѣломъ минуты; тѣмъ не менѣе, ихъ разыскали и на другой день посреди отряда, построеннаго въ каре, была совершена экзекуція розгами, въ примѣръ всѣмъ, — „имѣяй очи видѣти, да видитъ“. Струковъ сказалъ мнѣ спасибо, но полковой командиръ казаковъ былъ недоволенъ.

Вечеромъ, въ день выступленія всей этой массы турецкихъ эмигрантовъ, я написалъ, по просьбѣ Струкова, донесеніе главнокомандующему, гдѣ выставилъ на видъ необходимость дать понять константинопольскому правительству весь вредъ такихъ насильныхъ выселеній, болѣе разорительныхъ и для края, и для самихъ выселявшихся, чѣмъ самая война, и бывшихъ слѣдствіемъ только фанатизма и сумасбродства Сулеймана-паши.

На дорогѣ отсюда случилась ложная тревога у насъ, т.-е. у Струкова и ѣхавшихъ съ нимъ вмѣстѣ не по той дорогѣ, по которой шелъ отрядъ, чтобы избѣжать пыли и встрѣчъ съ повозками, а по другой, ближе къ протекающей тутъ рѣкѣ. По той сторонѣ рѣки шло также

не мало повозокъ и всякаго сброда; мы замѣтили, что большая группа этихъ людей, оглядѣвши насъ, бросилась къ лодкамъ и начала переправляться на нашу сторону... По правдѣ сказать, всѣ, начиная со Струкова, немножко струхнули, конечно, не опасности быть убитыми или раненными, а возможности попасться въ плѣнъ, — насъ могли захватить какъ полдюжины барановъ, потому что мы были очень далеко отъ своихъ и совершенно безоружны, если не считать револьвера у меня и ружья у моего казака. Оказалось, что у людей этихъ были мирныя намѣренія: это были болгары, явившіеся донести о движеніяхъ турокъ, принести жалобы и проч., и мы сами посмѣялись надъ нашимъ переполохомъ.

* * *

Мы приближались къ городу Чорлу, въ которомъ, по свѣдѣніямъ, добытымъ отъ туземцевъ, находились турецкія войска. Для развѣдки посланъ былъ князь Д* съ полуэскадрономъ драгунъ, участью котораго генералъ сталъ скоро безпокоиться, такъ какъ болгары по дорогѣ утверждали, что турки имѣютъ пѣхоту и орудія. На послѣднемъ привалѣ, передъ самымъ выходомъ, Струковъ, не получа вѣсти отъ кн. Д*, тоскливо спросилъ меня, какъ я думаю, хорошо ли будетъ идти всѣмъ отрядомъ, не разузнавши о силѣ непріятеля? Я отвѣчалъ, что конечно, неблагоразумно и предложилъ поѣхать впередъ на рысяхъ, съ сотнею казаковъ, осмотрѣть позицію турокъ, вызвать огонь изъ орудій, если таковыя есть, и прислать ему набросокъ мѣста расположенія непріятеля. Струковъ такъ и сдѣлалъ: призвалъ одного изъ сотенныхъ командировъ и сказалъ ему:

— Вы поѣдете вотъ за ними, они будутъ снимать турецкую позицію, потрудитесь прикрывать и защищать ихъ.

Какъ потомъ оказалось, это спасло драгунъ и даже избавило бы ихъ вовсе отъ потерь, если бы не лукавство и „себѣ на умѣ“ казачковъ. Получивши приказаніе оберегать меня, въ виду турецкихъ позицій, т.-е. подвергать и себя, и своихъ лошадокъ опасности, почтенные Донилычи (съ Дону) очень не торопились исполнить его: я поѣхалъ рысцою, они — шажкомъ; я прибавилъ рыси и послалъ къ нимъ одного изъ бывшихъ при мнѣ

двухъ казаковъ, съ предложеніемъ поторопиться, — они отвѣтили, что лошади очень устали и, переходя отъ словъ къ дѣлу, сошли съ коней и повели ихъ въ поводу, — дескать, успѣешь.

Подъѣзжаю къ Чорлу, слышу выстрѣлы, чаще, чаще, — горячая перестрѣлка! Тогда я послалъ казака уже съ приказаніемъ сотенному командиру — поспѣвать маршъ-маршемъ подъ страхомъ строжайшей отвѣтственности. Самъ остановился, жду, каюсь, далеко не хладнокровно. Передо мною спускъ въ глубокую ложбину рѣки, за которою виденъ городъ; выстрѣлы и крики все приближаются, приближаются; наконецъ, изъ-за горы показывается всадникъ, другой, третій, — это наши драгуны, во весь опоръ утекающіе отъ преслѣдующихъ ихъ турокъ. Кровь бросилась мнѣ въ голову — вотъ, думалось, непріятель сейчасъ налетитъ и порубитъ.

Кавказскій казакъ.

— Стой, стой! — закричалъ я, бросаясь наперерѣзъ. — Стой, такіе-сякіе! — и уже поднялъ нагайку на одного солдата, но, взглянувши на его лицо, опустилъ руку.

— Я раненъ, — промычали его позеленѣвшія губы, и дѣтина пронесся, не въ силахъ будучи сдержать лошадь. Въ это время прискакали казаки, и турки, съ высоты города видѣвшіе ихъ подходъ, дали знать своимъ остановить преслѣдованіе.

У драгунъ кавардакъ былъ полный; они собрались на возвышенномъ берегу лощины, и люди, въ первый разъ бывшіе въ огнѣ, насилу, очевидно, опомнились отъ сюрприза. Я замѣтилъ Д*:

— Какъ вамъ не стыдно такъ отступать?

— Что же вы хотите, — отвѣтилъ онъ, — люди молодые, не слушаютъ команды; потомъ, немного погодя, подумавши, разсердился и прибавилъ: — да вамъ-то что за дѣло?

— Стыдно только за васъ, больше ничего.

Однако, и вправду, при нечаянномъ нападеніи на людей, не слыхавшихъ еще огня, офицерамъ оставалось только одно — спасаться слѣдомъ за ними, что они и сдѣлали, отстрѣливаясь револьверами отъ нападавшихъ на нихъ турокъ.

Все дѣло происходило такъ: Д* благополучно дошелъ до Чорлу, не обративши достаточно вниманія на то обстоятельство, что болгары не вышли къ нему навстрѣчу передъ городомъ, что служило уже вѣрнымъ знакомъ присутствія турокъ. Спустясь къ рѣкѣ, въ ложбину, на которой идетъ полотно желѣзной дороги и находится желѣзнодорожная станція, онъ сталъ допрашивать, есть ли въ городѣ турки.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ помощникъ смотрителя, — они ушли всѣ, и это была правда.

Д* велѣлъ слѣзать съ лошадей и пошелъ осматривать станціонныя зданія.

Между тѣмъ, турки, которыхъ было до двухъ тысячъ, дѣйствительно, выступили изъ города и переднія ихъ части были уже далеко, но арріергардъ, состоявшій изъ кавалеріи личнаго конвоя султана, прекрасно одѣтаго и вооруженнаго скорострѣльными ружьями Пибоди, только что оставилъ городъ; услышавъ, что „московъ“ пришли въ небольшомъ числѣ и расположились на станціи по-домашнему, они повернули назадъ и, въ числѣ двухъ-трехъ сотенъ, ударили на нашихъ! Драгуны едва успѣли вскочить на лошадей и собраться на мостъ, гдѣ стали отстрѣливаться; турки засыпали ихъ свинцомъ, и наши, чтобы не отстать, отвѣчали по возможности тѣмъ же; но такъ какъ у нихъ было всего по 20 патронъ на человѣка, то они въ нѣсколько минутъ разстрѣляли все, а затѣмъ, видя, что непріятель сталъ переходить рѣчку вбродъ, съ намѣреніемъ обойти и окружить ихъ, ударились наутекъ; турки за ними, порубили 15 человѣкъ и, конечно, истребили бы всѣхъ, если бы не показалась слѣдовавшая за мною сотня казаковъ.

Я всталъ съ казаками на самый край холма, облегавшаго ложбину рѣчки. Передъ нами былъ весь живописно раскинувшійся на противоположной возвышенности городъ; внизу — желѣзнодорожная станція и мостъ, по которому лѣниво отходилъ непріятель, оглядываясь какъ бы съ сожалѣніемъ, что пришлось выпустить изъ рукъ добычу; перейдя мостъ, они присоединились къ своимъ, выжидая, очевидно, что мы предпримемъ. Зная, что Струковъ, котораго долженъ былъ извѣстить тотъ же самый казакъ мой, что вызвалъ сотню, не оставитъ прислать подкрѣпленіе, я предложилъ сотенному

командиру начать тихонько спускаться, а Д* крикнулъ, чтобы, въ случаѣ нужды, онъ поддержалъ насъ.

— Не ходите, — вопилъ издали Д*, — я вамъ говорю, не ходите, — ихъ много!

Сотенный командиръ объявилъ, что онъ не беретъ на себя повести людей въ такомъ маломъ числѣ, — „развѣ вы прикажете?“

— Я не имѣю права вамъ приказывать, но если вы не рѣшаетесь, — хорошо, приказываю — впередъ, дружно, тѣснѣе!

Тихо стали мы спускаться, драгуны пошли за нами, тихо же стали отходить турки. Они были отъ насъ въ разстояніи 400—500 шаговъ, такъ что мы могли разсмотрѣть каждаго всадника отдѣльно: всѣ, какъ на подборъ, щегольски одѣты, съ полулуніями на шапкахъ и всѣ на славныхъ, маленькихъ, крѣпкихъ коняхъ.

Въ донесеніи, посланномъ Струкову, я предложилъ, кромѣ подмоги лично намъ, послать еще по отряду въ обходъ, что онъ и исполнилъ: лишь только мы перешли мостъ, пришелъ къ намъ на рысяхъ эскадронъ уланъ и съ адъютантомъ этого полка, милѣйшимъ офицеромъ, имя котораго забылъ; мы были торжественно встрѣчены, какъ избавители (чему мы не мало смѣялись), вышедшими греками и болгарами, причемъ дѣло не обошлось безъ цѣлованія нашихъ рукъ и ногъ.

Страшный вой огласилъ въ то же время окрестность: это Д* наказывалъ желѣзнодорожнаго чиновника, будто солгавшаго ему, что турки уже ушли, въ сущности сказавшаго правду, — но за правду вѣдь бьютъ! Такъ какъ экзекуцію производили потерпѣвшіе драгуны, то легко было понять, что она была нешуточная и что кричавшій не притворялся.

Отъ генерала пришло приказаніе не входить въ самый городъ, ожидать его. Скоро пріѣхалъ Струковъ и съ нимъ ротмистръ князь Васильчиковъ, привезшій извѣстіе о заключеніи перемирія! Отрядъ былъ остановленъ, подошедшіе болгарскіе священники отслужили молебенъ, послѣ чего князь Васильчиковъ, передавши солдатикамъ благодарность его высочества, главнокомандующаго, за службу, объявилъ о заключеніи перемирія и вѣроятности скораго заключенія мира. Ему, какъ и Струкову, съ своей стороны благодарившему за только что кончившееся дѣло, отвѣчали дружнымъ, громкимъ „ура“.

Мы расположились въ „конакѣ“ и общество наше увеличилось теперь княземъ Васильчиковымъ, простымъ, покладистымъ малымъ. Мясо и овощи были не дурны, масло, сливки — очень хороши, а изюмъ и миндаль такъ дешевы и вкусны, что мой адріанопольскій трофей, — по всей вѣроятности отъ какого-нибудь амбара, — ключъ безустанно работалъ, разбивая орѣхи. Казакъ мой, кубанецъ Курбатовъ, вороватый, но не злой малый, прежде бывшій въ должности и драбанта и повара, теперь не былъ допускаемъ къ варкѣ щей, борщу и т. п., хотя онъ ссорился съ людьми Струкова изъ-за этого и увѣрялъ, что сварилъ бы не хуже другихъ; ему было поручено приготовленіе только кофе, потреблявшагося въ огромномъ количествѣ и поэтому варившагося въ колоссальномъ мѣдномъ чайникѣ. Потому ли, что кофе былъ, дѣйствительно, хорошъ или потому, что, при постоянномъ движеніи, желудки наши были невзыскательны, мы очень хвалили его, чѣмъ Курбатовъ мой такъ возгордился, что когда кто-то другой позволилъ себѣ приготовить этотъ напитокъ, онъ полѣзъ въ драку. Интересно то, что, главнымъ образомъ, приготовленію этого кофе казакъ мой обязанъ былъ полученною имъ наградою.

Домъ въ городѣ Чорлу.

— Почему вы, Василій Васильевичъ, не представите вашего казака (къ наградѣ)? — спросилъ меня С.

— Да за что же ему давать крестъ, вѣдь онъ въ огнѣ со мною ни разу не былъ.

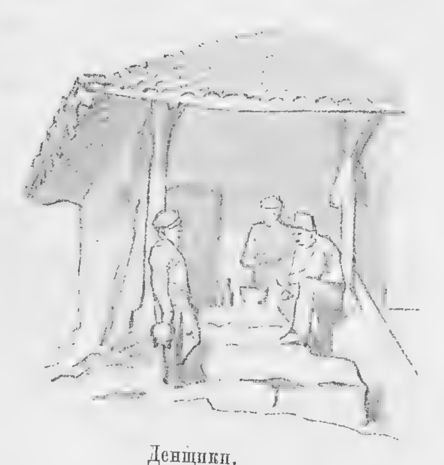
— Что жъ такое, это не его вина, не случалось; я увѣренъ, что при случаѣ онъ не отсталъ бы отъ васъ.

— Такъ-то такъ; пожалуй, представьте.

Такимъ образомъ Курбатовъ украсился знакомъ отличія.

Здѣсь кстати сказать, что легкость, съ которою даются солдатскіе кресты, удивительна; еще въ частяхъ соблюдается кое-какая справедливость, потому что дан-

ные знаки отличія, столько-то на роту, распредѣляются, большею частію, самими же солдатами, которые хотя и присуждаютъ ихъ не дѣйствительно отличившимся, а фельдфебелю и унтерамъ, но все-таки вопіющихъ несправедливостей избѣгаютъ. Но почему, напр., юнкера и разжалованные изъ офицеровъ всегда всѣ увѣшиваются однимъ, двумя, тремя и четырьмя[1]) Георгіевскими крестами, даже если они только просто участвовали въ дѣлѣ? Разжалованный офицеръ можетъ быть увѣренъ, что на него навѣсятъ такъ себѣ, ни за что, изъ одного уваженія къ несчастію, два-три креста, за которые солдату надо крѣпко отличаться или принять нѣсколько ранъ. Денщики, въ штабахъ и главныхъ квартирахъ, всѣхъ людей мало-мальски вліятельныхъ или имѣющихъ доступъ къ вліятельнымъ лицамъ, непремѣнно украшаются крестами, даже если они ни разу не слышали свиста пули, а только перевозили господскую хурдумурду въ обозѣ арміи. У С. денщикъ, казакъ Паршинъ, получилъ два креста, и въ благодарность, передъ уходомъ домой на Донъ, стянулъ у барина скорострѣльное ружье. Нашъ Христо, носившій одинъ крестъ, но имѣвшій непреодолимое желаніе навѣсить нѣсколько, просилъ меня въ концѣ похода замолвить за него Струкову, причемъ, разумѣется,

Денщики.

Офицеръ и денщикъ.

[1]) Четвертый — золотой съ бантомъ.

высчиталъ всѣ свои права и заслуги. Увы, надобно сознаться, что я обѣщалъ замолвить и, дѣйствительно, замолвилъ. Во время коронаціи я видѣлъ Христо, съ важностью ученаго пуделя ходившаго за болгарскимъ княземъ, съ тремя крестами въ петлицахъ,—утѣшаюсь тѣмъ, что не по одной моей винѣ, что тутъ былъ грѣхъ и С., и разныхъ благодѣтелей главной квартиры, передъ которыми бравый Христо, конечно, не преминулъ повторить счетъ своихъ правъ и заслугъ.

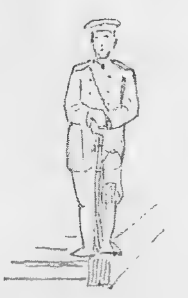
Казаки наши, должно-быть, обрадовались перемирію: запалили такой огонь, что, проходя мимо ихъ помѣщенія, я невольно подумалъ: „не было бы, однако, опять пожара!“ —Такъ и есть, скоро запылалъ весь домъ, и я едва успѣлъ самъ вывести моихъ лошадей. Никто, впрочемъ, не сгорѣлъ, хотя дѣло было къ ночи, и никто ничего не потерялъ въ огнѣ, зато прекрасный конакъ сгорѣлъ до тла,—второй домъ счетомъ изъ пріютившихъ насъ и нашихъ героевъ-денщиковъ! Была уже темная ночь, когда мы, стоя на другой сторонѣ площади, наблюдали за тушеніемъ огня и отстаиваніемъ сосѣднихъ зданій, а потомъ перебрались въ одну изъ недальнихъ улицъ, въ домъ какого-то грекоса,—и помѣстились недурно.

Не мало тутъ было хлопотъ съ жителями, жаловавшимися на обиды и несправедливости не только турецкія, но и нашихъ солдатиковъ, нѣтъ-нѣтъ да и покушавшихся искать счастья въ чужихъ домахъ. Одинъ разъ я ходилъ ловить мародеровъ вмѣстѣ со Струковымъ, который, потерявши терпѣніе, пошелъ ночью провѣрить справедливость жалобъ жителей на обиды; больше же я ходилъ одинъ съ казакомъ: „что вѣтра въ полѣ“ искать этихъ ловкачей, искателей кладовъ, — шмыгаютъ черезъ заборы и крыши да и баста! Хоть и то ладно, что спугнешь ихъ.

У Струкова здѣсь была масса дѣла; днемъ я помогалъ ему, чѣмъ могъ, также какъ и помянутый драгунскій офицеръ, переписывавшій бумаги; но ночью я преисправно спалъ и только спросонья, однимъ глазкомъ, видалъ иногда, какъ онъ строчитъ донесеніе или принимаетъ его отъ одного изъ многихъ маленькихъ отрядовъ, разосланныхъ въ разныя стороны: тамъ захватили желѣзнодорожную станцію съ правительственною корреспонденціей, тамъ напали на шайку грабившихъ

черкесовъ, или на возу захватили турецкое знамя, снятое съ древка, съ цѣлью половчѣе скрыть его, и т. п. Какъ въ извѣстномъ французскомъ водевилѣ „Угольщики“, гдѣ полицейскому комиссару не везетъ съ завтракомъ; только-что онъ вытащитъ его и соберется закусывать, — стучатся просители и жалобщики; только что мой Александръ Петровичъ прочитаетъ депешу, дастъ отвѣтъ, отпуститъ вѣстника и, затушивъ свѣчу собирается всхрапнуть, — опять въ темнотѣ: стукъ, стукъ! „Ваше превосходительство!..“

Скобелевъ пріѣхалъ на третій день вечеромъ на желѣзнодорожной дрезинѣ; мы его ждали очень долго, не дождались, воротились назадъ на станцію, и готовились уѣхать домой, когда онъ подкатилъ. Оказалось, что милѣйшій Михаилъ Дмитріевичъ выбрилъ себѣ голову, что, по правдѣ сказать, очень не шло къ нему, тѣмъ болѣе, что картузъ, сдѣлавшись слишкомъ широкимъ, сидѣлъ совсѣмъ на ушахъ. Скобелевъ всегда страшно боялся потерять волосы, облысѣть, какъ отецъ его, и достаточно было сказать ему: „а вѣдь волосы-то у васъ скоро вылѣзутъ, Михаилъ Дмитріевичъ“, — чтобы онъ, посуливши типуна на языкъ, на другой же день не выстригся подъ гребенку. Въ данномъ случаѣ, надобно думать, что „бѣлый паша“ не прочь былъ популярничать немного между мусульманами своею выбритою головою и только выраженіе невольнаго изумленія всѣхъ русскихъ передъ его выбритымъ черепомъ, видимо, его стѣсняло и раздражало.

Офицеръ.

Вскорѣ же по пріѣздѣ начальника авангарда арміи мы выступили по направленію къ Чаталджѣ, гдѣ, по условію съ турецкимъ правительствомъ, должны были остановиться.

Это были уже послѣдніе наши походы. И офицеры, и солдаты были рады перемирію и скорому, вѣроятно, заключенію мира, о которомъ жены и семьи на далекой родинѣ давно уже молили Бога; только мысль о возможности „оккупаціи“ смущала нѣсколько общую радость.

Что за чудесныя развалины встрѣтились здѣсь по дорогѣ! Влѣво отъ нашего пути виденъ былъ холмъ съ разбросанными по немъ остатками построекъ, — я

свернулъ туда и очутился среди торчавшихъ изъ земли витыхъ колоннъ, капителей, базъ и проч. прекрасной работы греческо-византiйскаго перiода, изъ чистаго бѣлаго мрамора; съ холма были видны, направо и налѣво, два моря. Пастухъ сидѣлъ на этомъ холмѣ какъ на подушкѣ, набитой этими чудесными остатками былого величiя края, и наблюдалъ за пасшимися кругомъ баранами; очевидно было, что никто никогда и не думалъ интересоваться здѣсь этими мраморами. Къ несчастiю, и у насъ оказалось мало сочувствiя къ нимъ; я говорилъ послѣ Скалону, что недурно было бы взять нѣсколько хорошихъ образцовъ этой архитектуры и переслать въ Россiю, но получилъ отвѣтъ:

Капитель у турецкой мечети — стараго греческаго храма.

— Гдѣ съ этимъ возиться, не на чѣмъ перевозить.

Вообще, по всему краю здѣсь разбросаны остатки древности, преимущественно византiйскаго перiода греческаго величiя; почти всѣ мечети заключаютъ въ себѣ много матерiала, взятаго изъ разрушенныхъ церквей. Базы колоннъ въ мечетяхъ всегда не что иное, какъ перевернутыя капители изъ храмовъ. часто удивительной работы, и со стороны входа всегда обитыя, обтертыя очищаемою о нихъ обувью правовѣрныхъ.

Встрѣтился намъ здѣсь чиновникъ телеграфнаго вѣдомства изъ Константинополя; онъ былъ посланъ осмотрѣть телеграфныя проволоки, отъ исправности которыхъ зависѣла теперь, въ значительной степени, быстрота мирныхъ переговоровъ; Струковъ пропустилъ его безпрепятственно, хотя съ нимъ не было правильнаго вида.

* * *

Силиври — прелестное мѣстечко, на самомъ морскомъ берегу, въ небольшомъ заливѣ. Ни одного болгарина или грека не вышло къ намъ навстрѣчу, — вѣрный признакъ того, что въ городѣ турецкiя войска; такъ и было

въ дѣйствительности. Я ѣхалъ одинъ, далеко впереди отряда. Въ улицахъ толпа народа и войска кавалеріи — тѣ самые молодцы, съ которыми мы столкнулись подъ Чорлу—всѣ такъ и уперлись въ меня глазами: народъ — съ видимымъ сочувствіемъ, котораго, однако, не смѣлъ выражать, солдаты — враждебно. Меня провели въ конакъ къ Идеатъ-пашѣ, командовавшему этимъ передовымъ отрядомъ кавалеріи.

Представившись ему, какъ секретарь русскаго генерала, я заявилъ о необходимости немедленно же очистить городъ для нашихъ солдатъ.

Онъ отвѣчалъ, что не получилъ еще приказанія, но послалъ уже запросъ и ждетъ отвѣта, при чемъ выразилъ увѣренность, что ему дадутъ возможность дождаться этого отвѣта.

— Генералъ согласится, вѣроятно, на самый короткій срокъ — не болѣе.

Струковъ скоро подъѣхалъ, и я объяснилъ ему положеніе: очевидно, паша хитрилъ, хотѣлъ фактически установить границу между ихъ и нашими войсками въ Силиври, а не въ Чаталджѣ. Струковъ потребовалъ немедленнаго очищенія города.

— Да развѣ не можемъ мы вмѣстѣ помѣститься: вы займете одинъ конецъ города, я другой?..

— Нѣтъ, не можемъ, — отвѣчалъ Струковъ, начинавшій терять терпѣніе, — и повторилъ свое требованіе.

— Да вашъ секретарь далъ намъ право подождать здѣсь отвѣта.

— Нѣтъ, онъ говорилъ вамъ лишь о времени, необходимомъ для сбора къ выходу.

— Но не можемъ же мы отступить, не получивши приказанія.

— Такъ я васъ заставлю!

— Не прикажете ли, ваше превосходительство, вызвать орудіе? — обратился я къ Струкову.

— Сейчасъ, подождите, — можетъ-быть, онъ уберется и такъ.

Приказавши нашимъ войскамъ не занимать весь городъ, чтобы не войти въ соприкосновеніе съ турками, генералъ прождалъ нѣсколько минутъ, въ продолженіе которыхъ мы выпили по чашкѣ кофе, но, не получая никакого отвѣта и не видя приготовленія къ выходу,

такъ какъ войска ихъ продолжали стоять на улицѣ и глазѣть на нашихъ, спросилъ еще разъ и рѣшительно, очистятъ они городъ или нѣтъ?

— До полученія отвѣта изъ Константинополя нельзя, — былъ отвѣтъ.

Струковъ вышелъ въ прихожую и голосомъ, который сдѣлалъ бы честь и не такой тщедушной груди, какъ его, закричалъ:

— Батарею сюда!

Нѣмецкій военный агентъ Вердеръ.

Нѣсколько человѣкъ бросились исполнять приказаніе, послышалось:

— Батарею, батарею!

Что сдѣлалось съ Идеатомъ-пашею, какъ онъ засуетился!

— Сейчасъ придетъ отвѣтъ!

— Знать ничего не хочу! — отвѣчалъ Струковъ.

— Полученъ, полученъ отвѣтъ, — сейчасъ выступимъ!

Дѣйствительно, турки сѣли на коней и выступили, а мы заняли конакъ, до нельзя загрязненный и полный насѣкомыхъ. Смотримъ, вечеромъ опять является Идеатъ, въ самомъ веселомъ настроеніи, очевидно, хочетъ увѣрить, что мы можемъ жить вблизи другъ отъ друга, не ссорясь. Меня онъ дружески, какъ бы стариннаго знакомаго, хлопнулъ по плечу, на что я, съ своей стороны, отвѣтилъ здоровеннѣйшимъ, пріятельскимъ же хлопкомъ по его загорбку, зная, что на Востокѣ наружныя формы, особенно при людяхъ, считаются болѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

Струковъ и слышать не хотѣлъ о новыхъ турецкихъ хитростяхъ.

— Изъ Константинополя получено-де приказаніе городъ очистить, но далѣе не отходить, такъ какъ по новому-де условію съ нашею главною квартирою наши войска не должны двигаться далѣе Силиври.

— Мнѣ лучше извѣстно распоряженіе главной квартиры, — отвѣчалъ генералъ, — я пойду дальше, и если вы не отступите, атакую васъ.

— Хорошо, атакуйте, отвѣтственность за это несправедливое нападеніе будетъ на васъ.

— Послѣ разберутъ, на комъ отвѣтственность; не была бы она, смотрите, на васъ.

— Какимъ же образомъ на насъ, когда у насъ получены самыя положительныя приказанія, не далѣе какъ сейчасъ; не хотите ли взглянуть на депешу?

— Нѣтъ надобности, мои приказанія при мнѣ, и я ихъ исполню.

Насилу спровадили пашу, увѣрявшаго въ дружбѣ вообще турокъ къ русскимъ и его лично къ намъ, въ несправедливости дальнѣйшаго наступленія и т. п.

Такъ и представлялись мнѣ польскіе и русскіе люди, съѣхавшіеся для переговоровъ о мирѣ: одни ставятъ непремѣннымъ условіемъ уступку Смоленска, другіе въ отвѣтъ на это требуютъ отдачи всего, вплоть до Варшавы, и, въ концѣ концовъ, послѣ многаго потѣнія, споровъ и криковъ до хрипоты, проводятъ черту, удовлетворительную для болѣе сильной и настойчивой стороны.

Выступивши на другой день, увидѣли, что вмѣстѣ съ нами же, не ранѣе, выступили изъ-подъ города и турки; причемъ шли они такъ тихо, что намъ поминутно приходилось останавливаться, утыкаясь въ хвосты ихъ лошадей. Струковъ, послѣ нѣсколькихъ замѣчаній, сталъ обходить турокъ, арріергардъ которыхъ остался далеко позади насъ, а когда и это не помогло, опять разсердился и приказалъ батареѣ нашей выѣхать на позицію. Турки зашевелились немного, но генералъ не удовольствовался этимъ и въѣхавши на возвышенность около дороги, тѣмъ же, припасаемымъ имъ, очевидно, для самыхъ экстренныхъ случаевъ, громовымъ голосомъ, закричалъ:

— Маршъ-маршемъ!

Вся непріятельская кавалерія, большинство которой были арабы, вѣроятно, не поняла эту команду, но нѣкоторые, должно-быть, поняли и поскакали, за ними

встрепенулись и поскакали всѣ,—можно сказать, была потѣха! Точно церемоніальнымъ маршемъ мимо русскаго генерала скакали арабы, съ развѣвающимися бурнусами, шелковыми платками съ кисточками и длиннѣйшими своими копьями; сѣдла нѣкоторыхъ всадниковъ, не разсчитывавшихъ, можетъ-быть, на такую бѣшеную скачку, свернулись, — арабы кубаремъ черезъ голову, а потомъ, какъ кошки, галопомъ на своихъ надвоихъ, въ догонку за лошадьми, и все это при дружномъ искреннемъ смѣхѣ нашихъ солдатиковъ, буквально державшихся за бока отъ хохота!

Австрійскій военный агентъ.

На привалѣ въ этотъ день мы наткулись опять на эту кавалерію. На подмогу ей явился полковникъ турецкаго генеральнаго штаба отъ Мухтара-паши, командовавшаго остатками турецкой арміи. Надобно думать, что полковникъ переговорилъ уже съ оказавшимися тутъ же австрійскимъ и американскимъ военными агентами при нашей главной квартирѣ; вѣроятно, онъ разжалобилъ и уговорилъ ихъ помочь ему, такъ какъ при входѣ въ домъ, гдѣ Струковъ его принялъ, этотъ офицеръ (воспитывавшійся въ Англіи) довольно рѣзко спросилъ:

— Кто здѣсь говоритъ по-англійски, я не говорю по французски?

— Я готовъ перевести, что вамъ угодно, — отвѣтилъ американецъ Гринъ.

— Very well, — обрадовался турокъ и началъ было разводить турусы на колесахъ, когда Струковъ остановилъ его.

— Позвольте, позвольте, я не понимаю по-англійски, не угодно ли вамъ прислать офицера, который говоритъ по-французски или по-нѣмецки, или отправьтесь къ генералу Скобелеву.

Разсужденій и возраженій не допускалось никакихъ.

Скобелевъ рѣшилъ послать офицера къ „газ и“ (непобѣдимому) Мухтару, а мы, тѣмъ временемъ, передвинулись къ Чаталджѣ, гдѣ стало понятнымъ стараніе турокъ задержать насъ возможно дольше и дальше отъ этихъ мѣстъ: на линіи фортовъ, составлявшихъ знаменитыя Чекменджинскія укрѣпленія, прикрывавшихъ Константинополь съ сухого пути, дѣятельно работали; на нѣкоторыхъ холмахъ даже и земляныя работы были не готовы; другія же смотрѣли грозно издали, но на нихъ не было еще орудій. Видно, турки, подъ вліяніемъ своихъ временныхъ успѣховъ въ Европѣ и Азіи, поздно взялись за оборону подступовъ къ столицѣ, или, вѣрнѣе, къ столицамъ, такъ какъ оба города: Адріанополь и Константинополь—въ послѣднюю минуту оказались незащищенными.

Я ѣздилъ съ нѣсколькими драгунами по дорогѣ къ фортамъ, верстъ за пять отъ Чаталджи, посмотрѣть мѣстность, и вынесъ убѣжденіе, что проходъ по этой мѣстности въ это время года крайне затруднителенъ для лошадей, для оружій же—почти невозможенъ: вся дорога представляла одну сплошную трясину, въ которой завязнуть и умереть безъ покаянія, казалось, было самымъ простымъ, естественнымъ дѣломъ.

Полковникъ нашъ, посланный Скобелевымъ къ Мухтару-пашѣ, возвратился, оговоривши что слѣдовало. Я пришелъ въ ужасъ отъ разсказаннаго бывшими при немъ офицерами: яко бы для шутки Мухтаръ, въ разговорѣ съ нашимъ полковникомъ, тронулъ его за бороду, одна половинка которой разнилась цвѣтомъ волосъ отъ другой, и умный, храбрый, утонченно вѣжливый пріятель нашъ не только не далъ лизуна непобѣдимому Мухтару, но и не сморгнулъ,—у меня вчужѣ руки чесались! По мусульманскому обычаю нѣтъ большей обиды, какъ дернуть за бороду противника,—воображаю, какъ турки потѣшались разсказами объ этомъ.

Скобелевъ пріѣхалъ немного пасмурный, грустный. Когда мы остались одни, онъ спросилъ меня:

— Что вы думаете, Василій Васильевичъ, кончились военныя дѣйствія?

— Кончились,—отвѣчалъ я.

— Вы думаете, будетъ заключенъ миръ?

— Думаю, что будетъ заключенъ миръ, и немедленно же утекаю.

— Подождите, можетъ-быть, еще не заключатъ мира, пойдемъ на Константинополь.

— Нѣтъ! заключатъ миръ; уѣду писать картины.

В. В. Верещагинъ.

— Счастливецъ вы!

Михаилъ Дмитріевичъ разсказывалъ мнѣ и Струкову за завтракомъ, что, когда отрядъ нашей гвардейской кавалеріи подъ начальствомъ генерала Э. входилъ въ Родосто, жители подъ разными предлогами задержали его нѣкоторое время внѣ города, и когда, наконецъ, онъ вошелъ,—судно съ городскою казною, состоявшей изъ очень значительной суммы, вышло въ море, къ Константинополю. Надобно сказать, что я неоднократно просилъ Струкова послать меня хоть съ небольшимъ отрядомъ въ

богатѣйшій Родосто, налетѣть, взять контрибуцію въ милліонъ рублей и уйти назадъ. Струкову нравилась эта мысль, но, какъ человѣкъ осторожный, онъ боялся съ одной стороны послать слишкомъ слабый отрядъ, съ другой — обезсилить наше движеніе отдѣленіемъ болѣе или менѣе значительнаго отряда. Потомъ, когда сдѣлалось офиціально извѣстно о заключеніи перемирія, пришлось оставить попеченіе объ этомъ. За то, услышавши о томъ, что въ казнѣ Родосто, дѣйствительно, хранились большія деньги, я просто подскочилъ на стулѣ:

— Скажите, Александръ Петровичъ, — вскричалъ я, — не совѣтовалъ ли я вамъ набѣжать на Родосто и сорвать съ нихъ здоровый выкупъ!?

Скобелевъ засмѣялся: — Вы настоящій воинъ, Василій Васильевичъ!

Я возвратился въ Адріанополь, гдѣ главнокомандующій чрезвычайно любезно принялъ меня:

Карабахскій князь изъ свиты главнокомандующаго.

— Спасибо, молодецъ, на всѣ руки мастеръ!

— Радъ стараться.

Я объяснилъ его высочеству, между прочимъ, соображенія, понудившія насъ дозволить повернуть назадъ части турецкихъ переселенцевъ: нѣтъ сомнѣнія, что турки не найдутъ себѣ мѣста въ Константинополѣ и принуждены будутъ возвратиться голодные, разоренные; гораздо же лучше принять теперь зажиточный народъ со всѣмъ его добромъ, чѣмъ послѣ толпу нищихъ! Бывшій при этомъ дипломатическій чиновникъ (теперешній посолъ) Нелидовъ не принялъ этой точки зрѣнія: „вы сдѣлали

политическую ошибку", повторилъ онъ нѣсколько разъ. Послѣдствія, однако, совершенно оправдали насъ: всѣ турки, уцѣлѣвшіе отъ голода и болѣзней, въ силу трактата, воротились на старыя мѣста, но предварительно все распродавши и въ конецъ обнищавши въ константинопольскихъ предмѣстьяхъ и улицахъ, гдѣ толпы этого недавно еще исправнаго рабочаго народа долго были пугаломъ населенія.

Главная квартира въ Адріанополѣ была очень оживлена теперь: масса народа понаѣхала туда, словно на пиръ, кто (немного поздновато!) отличаться, кто дѣла дѣлать, для чего было самое время; военные агенты также были всѣ въ сборѣ, такъ что прежнее, веселое, но скромное общество походило теперь на шумный дворъ; какъ ни громаденъ былъ столъ въ залѣ конака, мѣста приходилось брать чуть не съ бою. Улицы города представляли сплошной базаръ: отъ генерала Игнатьева, пожимавшаго руки направо и налѣво, сумѣвшаго и здѣсь сдѣлаться популярнымъ, до послѣдняго прапорщика, нашедшаго, наконецъ, каналъ для спусканія накопившихся рублей,— все жило и праздновало побѣду.

Полковникъ Кладищевъ, начальникъ наградн. отдѣленія штаба главнокомандующаго.

Мнѣ понадобилось съѣздить въ Чорлу, чтобы сдѣлать тамъ нѣсколько набросковъ, которыхъ, за разными прежними малохудожественными занятіями, не удалось исполнить во время похода. Желѣзная дорога была въ нашихъ рукахъ и желавшимъ не возбранялось переѣзжать по ней. И въ Чорлу все оказалось порядочно измѣнившимся: въ кабачкѣ на станціи была такая масса народа, что я отчаялся было что-либо получить, когда неожиданно хозяинъ разлетѣлся со всевозможными знаками почтенія и благодарности: оказалось, какъ я и вспомнилъ, что онъ

приходилъ къ намъ, во время нашего всемогущества, просить защиты отъ баши-бузуковъ, хотѣвшихъ яко бы увести его коровъ и барановъ, и, съ дозволенія Струкова, я далъ ему драгуна, для прикрытія отступленія стада; очень можетъ быть, что съ этою охраною онъ не только защитился, но и прихватилъ себѣ малую толику лишняго изъ многаго множества стадъ, оставшихся за уходомъ турокъ безъ владѣльцевъ; если такъ, то понятно, что онъ чувствовалъ потребность выразить свою благодарность и лучшимъ кускомъ подошвы, именуемой бифштексомъ, и лучшею красною бурдою доморощеннаго „лафита".

Поѣзда назадъ не было, и такъ какъ правильное сообщеніе еще не наладилось, то даже и не знали, когда таковой будетъ,—пришлось приказать, чтобы былъ поѣздъ; я приказалъ и, дѣйствительно, поѣздъ снарядили. При отходѣ со станціи вышелъ такой казусъ: мы уже двинулись, когда подбѣжалъ запыхавшійся болгаринъ, махавшій какимъ-то письмомъ и кричавшій: „князь, князь, Адріанополь, Рейсъ!.." Я зналъ Рейса, нѣмецкаго посла въ Константинополѣ, и понялъ, что болгаринъ везъ что-либо отъ этого дипломата въ нашу главную квартиру. Я велѣлъ остановить поѣздъ, посадилъ болгарина и взялъ отъ него письмо, запретивши ему говорить что-либо съ кѣмъ бы то ни было, такъ какъ желѣзнодорожные служащіе, преимущественно австрійцы, уже видимо заинтересовались тѣмъ, что слышали. Когда мы поздно вечеромъ пріѣхали въ Адріанополь, я велѣлъ болгарину идти въ конакъ, а письмо передалъ генералу Игнатьеву, какъ разъ входившему съ Нелидовымъ во дворъ; подошедшаго вскорѣ болгарина рекомендовалъ попеченію Скалона, накормившаго, напоившаго его и представившаго главнокомандующему.

Письмо оказалось большой важности: князь Рейсъ увѣдомлялъ конфиденціально нашу главную квартиру о вступленіи въ проливъ англійскихъ броненосцевъ... У насъ немедленно же рѣшено было движеніе впередъ къ С.-Стефано, а если англичане не остановятся, то и къ Константинополю...

* * *

Пріятели мои, Струковъ и Кладищевъ все выпытывали, какую награду, какой орденъ я желаю получить...

— Конечно, никакого, — былъ мой отвѣтъ.

Когда я собрался ѣхать на слѣдующій день, милѣйшій Скалонъ передалъ, что его высочество желаетъ, чтобъ я принялъ „на память“ „золотую шпагу“, но я поблагодарилъ и задалъ тягу... на желѣзнодорожную станцію.

Honny soit qui mal y pense.

А. П. Струковъ.

Могилы на Шипкѣ.

МИХАИЛЪ ДМИТРІЕВИЧЪ СКОБЕЛЕВЪ.

1870—1882 г.

Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ.

1870—1882 г.

Скобелевъ былъ годомъ моложе меня. Онъ перешелъ на службу въ Туркестанъ въ бытность мою тамъ, но въ какомъ именно мѣсяцѣ, не помню. Много слышавши объ его извѣстномъ дѣдѣ, я ничего не зналъ ни объ его отцѣ, ни о немъ самомъ, пока не стряслась надъ нимъ исторія, надѣлавшая въ свое время не мало шума въ кругу офицеровъ Туркестанскаго края. Какъ теперь помню первое знакомство съ нимъ въ это время, въ 1870 г., въ единственномъ ресторанѣ города Ташкента: нѣкто Жирарде, очень милый французъ, учившій дѣтей тогдашняго генералъ-губернатора Кауфмана, подвелъ ко мнѣ юнаго, стройнаго гусарскаго штабъ-ротмистра.

— Позвольте вамъ представить моего бывшаго воспитанника Скобелева.

Я пожалъ руку офицерика, почтительно поклонившагося и въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ разсыпавшагося въ чувствахъ уваженія и проч.

Фугура юнаго Скобелева была такъ привлекательна, что нельзя было отнестись къ нему безъ симпатіи, несмотря на то, что исторія, висѣвшая на его шеѣ, была самаго некрасиваго свойства. Дѣло въ томъ, что, возвратившись изъ рекогносцировки по бухарской границѣ, онъ донесъ о разбитыхъ, преслѣдованныхъ и убитыхъ бухарскихъ разбойникахъ, которыхъ въ дѣйствительности не существовало, какъ оказалось, и которые были имъ просто сочинены, для реляціи.

Дѣло разыгралось бы, пожалуй, „въ ничью", какъ множество подобныхъ дутыхъ донесеній, если бы не замѣшалась личная месть: Скобелевъ въ запальчивости ударилъ одного изъ бывшихъ съ нимъ уральскихъ

казаковъ и хотя послѣ представилъ его въ урядники, но уралецъ, „дворянинъ", какъ они себя величаютъ, на этомъ не помирился, а сталъ громко говорить, что „офицеръ сочинилъ, отъ начала до конца, всю исторію о разбойникахъ, вовсе и не видѣнныхъ ими".

Вышелъ великій скандалъ, не только для высшихъ, но и для низшихъ слоевъ общества офицеровъ; выразителемъ первыхъ явился генералъ - губернаторъ, вторыхъ — двое офицеровъ изъ золотой молодежи Ташкента: кирасиръ Г., сынъ извѣстнаго генерала Г. (окончившаго жизнь въ Варшавѣ всѣмъ извѣстною трагическою смертью) и П., адъютантъ генералъ-губернатора, — оба вызвали Скобелева на дуэль за вранье и недостойное офицера поведеніе.

Я готовился въ это время ѣхать въ Коканъ и, живя временно въ гостиницѣ, видѣлъ всѣ совѣщанія и приготовленія къ поединкамъ, разумѣется, не имѣя права вмѣшиваться въ нихъ: мнѣ жаль было юношу, увлекшагося въ погонѣ за отличіемъ до такой некрасивой продѣлки, и я говорилъ П.:

— Да перестаньте вы конспирировать, пощадите малаго-то!

П. разсказывалъ послѣ, что Скобелевъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ во время дуэли, такъ что по окончаніи ея они пожали другъ другу руки. Г. получилъ рану, кажется, бывшую впослѣдствіи причиною смерти этого милаго, симпатичнаго юноши. Принуждены были, какъ говорю, отозваться на этотъ шумъ и сверху: генералъ-губернаторъ, онъ же и командующій войсками Туркестанскаго края, экстренно созвалъ офицеровъ въ большой залъ своего дома и сурово, жестоко распекъ Скобелева.

— Вы наврали, вы налгали, вы осрамили себя, — громко, разсчитанно жестоко сказалъ ему генералъ Кауфманъ въ залѣ, полной офицеровъ...

Послѣ этого Скобелевъ долженъ былъ оставить Туркестанъ, гдѣ его положеніе сдѣлалось со всѣхъ сторонъ невыносимо. Передъ отъѣздомъ онъ былъ до того жалокъ, что, признаюсь, я не утерпѣлъ, чтобы не сказать ему:

— Да плюньте вы, все перемелется...

Десять лѣтъ спустя, этотъ осрамленный, ошельмованный штабъ-ротмистръ былъ генераломъ отъ инфантеріи,

командиромъ передовой, отдѣльно оперировавшей арміи, и — необходимо сейчасъ же добавить — отличія свои взялъ не по протекціи, а съ бою, грудью; только одинъ разъ, не утерпѣвши, сдѣлалъ опять промахъ,— не такой, правда, большой, какъ въ 1870 году, но, однако, и не малый: повелъ солдатъ на штурмъ города Хивы съ одной стороны, въ то самое время, какъ съ другой — городская депутація выходила съ хлѣбомъ-солью, для выраженія командующему войсками полной и безусловной покорности.

Генералъ Кауфманъ разсказывалъ мнѣ, что, зная уже о сдачѣ города и готовясь въѣхать въ него, онъ былъ пораженъ и возмущенъ, услышавъ ружейные залпы и крики „ура“,— словомъ, настоящій штурмъ, затѣянный Скобелевымъ и Ш....ъ . . . . [1])

Справедливо сказать, что въ этомъ же самомъ Хивинскомъ походѣ Скобелевъ, дѣйствительно, отличился, выдвинулся изъ ряда товарищей дерзки - молодецкимъ поступкомъ. Какъ ни посмѣивались потомъ П. и другіе надъ тѣмъ, что онъ все-таки не докончилъ, не довелъ до конца предпринятаго, я считаю, что Михаилъ Дмитріевичъ выкинулъ такую лихую штуку, за которую Георгіевскій крестъ былъ только справедливою наградой. Не вѣрю, чтобы, какъ утверждали досужіе люди, онъ хлопоталъ только объ этомъ крестѣ, который ему не давалъ покоя и статутъ котораго, по его собственнымъ словамъ, онъ зналъ наизусть еще съ юныхъ лѣтъ. Скобелевъ былъ всегда лихой офицеръ и я думаю, что въ поступкѣ его было не мало „искусства для искусства“.

Вотъ что онъ сдѣлалъ: изъ трехъ отрядовъ, посланныхъ на Хиву, одинъ кавказскій, подъ начальствомъ полковника Маркозова, не дошелъ до мѣста назначенія,— слишкомъ торопясь придти раньше другихъ, они измучили лошадей и заморили вьючныхъ животныхъ, такъ что, въ концѣ концовъ, должны были, во избѣжаніе гибели въ степи, воротиться, не дойдя до Хивы 70 верстъ. Это пространство въ 70 верстъ осталось, такимъ образомъ, не разслѣдованннымъ, а для пополненія пробѣла въ свѣдѣніяхъ имѣлось въ виду снарядить небольшой отрядъ изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи.

---

[1]) Оставляю въ сторонѣ, какъ дурачество, поѣздку Скобелева въ Испанію, гдѣ онъ дрался за дѣло претендента Донъ-Карлоса.

Скобелевъ вызвался сдѣлать одинъ эту поѣздку, также какъ и глазомѣрную съемку всего пути,—конечно, онъ зналъ, что, по статуту Георгіевскаго креста, онъ долженъ получить его за это дѣло...

Генералъ Каумфанъ согласился.

Переодѣвшись въ туркменское платье, Михаилъ Дмитріевичъ поѣхалъ съ двумя джигитами и, дѣйствительно, изслѣдовалъ путь и набросилъ разспросную карту, не дойдя лишь 15—17 верстъ до тѣхъ колодцевъ, отъ которыхъ кавказцы повернули назадъ и у которыхъ въ это время, по свѣдѣніямъ, былъ расположенъ сильный туркменскій отрядъ въ 15.000 человѣкъ.

— Неужели вы никого не встрѣтили на пути, кто бы призналъ въ васъ русскаго? — спрашивалъ я Скобелева.

— Конечно, встрѣчался народъ, но я всегда высылалъ впередъ моихъ джигитовъ; они заводили разговоры о томъ, о семъ, главнымъ образомъ, разумѣется, объ урусахъ, разсказывали при нуждѣ и небылицы, чѣмъ отвлекали ихъ вниманіе, а я тѣмъ временемъ проскальзывалъ впередъ...

Дѣйствительно, за эту рекогносцировку Михаилъ Дмитріевичъ прямо по статуту получилъ давно желанный имъ Георгіевскій крестъ. Генералъ Кауфманъ разсказывалъ мнѣ въ 1874 году въ Петербургѣ, что, поздравляя Скобелева съ крестомъ, онъ прибавилъ:

— Вы исправили въ моихъ глазахъ ваши прежнія ошибки, но уваженія моего еще не заслужили.

Жестко!

Это уваженіе почтеннаго Константина Петровича Кауфмана Скобелевъ заслужилъ не далѣе какъ въ слѣдующемъ же Коканскомъ походѣ, во время котораго онъ окончательно выдвинулся, какъ боевой офицеръ, отлично приготовленный, разумный, храбрый и предпріимчивый.

Будучи въ Коканѣ во время вспыхнувшаго тамъ мятежа противъ хана, онъ, начальствуя конвоемъ русской миссіи, отступилъ отъ гор. Кокана къ русской границѣ, охраняя русскихъ чиновниковъ и самого хана со свитою, не потерявъ ни одного человѣка. Одной неловкости, одного выстрѣла со стороны горсти отступавшихъ было бы достаточно, чтобы вызвать рѣзню; Скобелевъ понималъ, что десятки тысячъ наступавшихъ со всѣхъ сторонъ узбековъ, конечно, раздавили бы его

ничтожную силу, если бы дѣло дошло до кровопролитія, почему предпочелъ дѣйствовать на непріятеля страхомъ, импонировать дисциплиною, и совершилъ отступленіе съ полнымъ успѣхомъ.

Конечно, не трусость, какъ нѣкоторые говорили, и недостатокъ охоты подраться побудили его къ этому миролюбію, — открывшаяся затѣмъ кампанія противъ возставшаго Кокана служитъ тому лучшимъ доказательствомъ.

Скобелевъ, занимая въ этомъ походѣ должность начальника кавалеріи, поспѣвалъ всюду, и рубилъ, рубилъ, рубилъ съ азартомъ, съ упоеніемъ, рубилъ безъ устали, безъ конца...

Въ битвѣ подъ Махрамомъ онъ сдѣлалъ такое кровопусканіе коканцамъ, что К. П. Кауфманъ, любившій иногда щеголять словами, выразился въ донесеніи государю: „Дѣло сдѣлано чисто!"

Во время этой кампаніи Скобелевъ повторилъ маневръ, прославившій многихъ кавалеристовъ, включая израильтянина Гедеона и великаго могола Индіи, Акбара: извѣстясь о томъ, что по близости расположилось большое скопище коканской конницы, разсчитывавшей ударить на насъ врасплохъ, онъ съ отборною сотнею оренбургскихъ казаковъ, подъ начальствомъ лихого офицера Машина, подкрался ночью къ непріятельскому стану и, безъ факеловъ и криковъ „мечъ Бога и Кауфмана!", съ однимъ „ура", такъ налетѣлъ на крѣпко спавшихъ непріятелей, что они въ паникѣ, давя и убивая другъ друга, разбѣжались во всѣ стороны, не проявивши ни малѣйшаго сопротивленія.

По словамъ Скобелева, на другой день было собрано на полѣ битвы 2.000 чалмъ. Даже если и 1.000 только, то дѣло сдѣлано было недурно, т.-е. опять-таки „чисто".

Мнѣ понравилась въ разсказѣ Скобелева [1]) объ этой лихой атакѣ черта искренности, не часто у него встрѣчавшаяся: онъ откровенно сознавался, что въ темнотѣ потерялъ Машина изъ виду и только услышалъ шумъ пронесшейся сотни, какъ бы шумъ вихря, такъ что попалъ на поле битвы уже когда все дрогнуло и побѣжало. Это сознаніе было, очевидно, слѣдствіемъ той

---

[1]) Разсказывалъ онъ мнѣ, Струкову, Языкову и Васильчикову, во время послѣдней Турецкой кампаніи, когда мы стояли въ городѣ Чорлу.—В. В.

относительной военной честности, которую М. Д. сталъ въ послѣднее время все болѣе и болѣе усваивать. Конечно, и подъ Геокъ-Тепе цифры силъ и потерь непріятеля не свободны еще отъ преувеличеній, но уже переходъ къ нимъ отъ бухарскихъ разбойниковъ разителенъ; къ тому же, надо сказать, что военные всѣхъ народовъ и временъ прибавляли, прибавляютъ и будутъ прибавлять, т.-е. подвирали, подвираютъ и будутъ подвирать. По пословицѣ: „сухая ложка ротъ деретъ", и офицеры, и солдаты любятъ начальника, который прикрашиваетъ реляціи, потому что тогда выходитъ больше наградъ и отличій и, въ концѣ концовъ, врядъ ли кто изъ военныхъ будетъ вправѣ въ этомъ отношеніи бросить камнемъ въ Скобелева послѣднихъ годовъ, т.-е. Скобелева, строгимъ присмотромъ за собою значительно исправившагося.

Можно сказать, что завоеваніе Кокана совершено столько же Кауфманомъ, сколько и Скобелевымъ, который остался потомъ въ области военнымъ губернаторомъ ея.

Не мѣшаетъ прибавить что К. П. Кауфманъ былъ послѣ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ со Скобелевымъ, и письма покойнаго начальника Туркестанскаго края, полученныя Михаиломъ Дмитріевичемъ во время Турецкой кампаніи — нѣкоторыя мнѣ доводилось читать, — дышали всѣ искреннимъ расположеніемъ и дружбою.

Мимоходомъ сказать, одно изъ этихъ писемъ, написанное до начала нашихъ плевненскихъ неудачъ, было чисто-пророческимъ: Кауфманъ находилъ линію нашихъ силъ слишкомъ растянутою, не довольно сильною, и высказывалъ опасеніе за необезпеченность фланговъ, особеннно праваго, который вскорѣ, дѣйствительно, и наткнулся на Плевну.

На поле русско-турецкой войны Скобелевъ явился генералъ-маіоромъ, уже съ Георгіемъ на шеѣ, и хотя вначалѣ надъ туркестанскою его славою смѣялись, говорили, что онъ еще долженъ заслужить эти кресты, что, пожалуй, и роту солдатъ опасно довѣрить этому мальчишкѣ — онъ взялъ свое и кончилъ войну съ репутаціею перваго боевого офицера, храбраго изъ храбрыхъ, народнаго героя-воина! [1])

---

[1]) Нѣкоторыя изъ приведенныхъ здѣсь замѣчаній были высказаны раньше, но я позволяю себѣ не опускать ихъ въ этой маленькой характеристикѣ покойнаго русскаго богатыря.

Помню, какъ неловко было положеніе его до перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай и нѣкоторое время послѣ того. Какъ мучился онъ тѣмъ, что оставилъ Туркестанъ, и снова хотѣлъ проситься туда. Сколько разъ слушалъ я его горькія жалобы, утѣшалъ и обнадеживалъ, совѣтовалъ подождать.

— Буду ждать, Вас. Вас. — я ждать умѣю, — отвѣчалъ онъ.

Посланный, въ явную немилость, начальникомъ штаба къ своему отцу, Дмитрію Ивановичу Скобелеву, командовавшему казачьею дивизіей, онъ спустилъ всю работу очень разумному офицеру, капитану генеральнаго штаба Сахарову, а самъ проводилъ большую часть времени или въ составленіи разныхъ проектовъ военныхъ дѣйствій, чѣмъ не мало надоѣдалъ многимъ, или пребывалъ въ Бухарестѣ, гдѣ веселился потолику, поколику позволяли ему скудныя средства, доставляемыя разсчетливымъ отцомъ, и на деньги, перехватываемыя направо и налѣво, съ отдачею и безъ отдачи — больше последнее.

И то сказать, генералъ-маіору, бывшему начальникомъ огромной области и командовавшему войсками въ ней, командирствовать надъ штабомъ дивизіи было далеко не привлекательно; необходимость же какъ бы оправдывать ношеніе Георгія на шеѣ, пока только словами, заставляла М. Д. искать популярности въ сближеніи рѣшительно со всѣми, — съ кѣмъ только онъ не былъ *на ты!*

Отъ бездѣйствія Скобелевъ выкинулъ было опять штуку, которая могла стоить многихъ сотенъ жизни, если бы не здравый смыслъ казачьихъ командировъ. Онъ сталъ увѣрять своего отца въ возможности переправить казачьи полки черезъ Дунай — вплавь. Положимъ, цѣль была резонная: кавалерія на той сторонѣ была крайне нужна, но вѣдь рѣка-то была въ разливѣ — около трехъ верстъ въ ширину!

Осторожный Дмитрій Ивановичъ Скобелевъ, — „паша“, какъ его называли у насъ, — собралъ на совѣтъ полковыхъ командировъ, прося высказаться по этому вопросу. Пріятель мой Кухаренко, командиръ Кубанскаго полка, первый объявилъ со своимъ обычнымъ заиканіемъ: „не-е-е-возмо-о-ожно! всѣ перето-о-о-немъ!“

Бравый Левисъ, командиръ владикавказцевъ, сказалъ, что „попробовать можно“, но вѣроятно большая часть

людей перетонетъ“. Въ томъ же смыслѣ высказались Орловъ и Панкратьевъ.

Тогда Михаилъ Скобелевъ вызвалъ охотниковъ,—явилось нѣсколько офицеровъ и казаковъ. Всѣ воротились или только окунувшись въ глубь, или проплывши около $1/2$ версты до настоящаго лѣваго берега Дуная, начавшаго показываться изъ воды и образовавшаго въ это время длинный островокъ.

Михаилъ Дмитріевичъ одинъ поплылъ далѣе, хорошо понимая, что кому другому; а ему повернуть назадъ немыслимо, — засмѣютъ.

Скобелевъ-отецъ все время стоялъ на берегу и, пока голосъ его могъ быть слышенъ, кричалъ: „Воротись, Миша, утонешь! Миша воротись!“ Но тотъ не послушалъ, не вернулся и почти доплылъ до противоположнаго берега, недалеко отъ котораго, его, уже совсѣмъ измучившагося, приняла лодка; лошадь же, освободившись отъ всадника, сначала державшагося за гриву, а потомъ за хвостъ, благополучно добралась, хотя лошадь эта была не изъ особенно замѣчательныхъ ни по силѣ, ни по красотѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что казаки на своихъ тяжелыхъ пузатыхъ лошаденкахъ не отдѣлались бы такъ благополучно и, по всей вѣроятности, какъ говорилъ Кухаренко: „пе-р-е-е-тону-ули бы“.

Для Скобелева лично этотъ опытъ переправы былъ не первый,—онъ дѣлалъ его, хотя и не въ такомъ крупномъ, рискованномъ видѣ, и прежде и послѣ.

Какъ я слышалъ, незадолго передъ смертью, управляя маневрами своего корпуса, онъ приказалъ одному кавалерійскому полку переправиться черезъ рѣку.

Люди замялись, полковой командиръ позволилъ себѣ выразить боязнь — „Не перетонули бы!“ Тогда Скобелевъ взялъ изъ строя первую попавшуюся лошадь, сѣлъ на нее и, какъ та ни бросалась, ни фыркала, заставилъ ее переплыть на тотъ берегъ и назадъ.

— Вы видите, братцы, какъ это дѣлается, — сказалъ онъ людямъ, — теперь сдѣлайте то же самое.

Полкъ переплылъ туда, переплылъ обратно и не потерялъ ни людей, ни лошадей. Правда, что рѣка была не въ три версты шириною.

Передъ переправою за Дунай Скобелевъ-отецъ лишенъ былъ командованія дивизіею, такъ что сынъ

остался рѣшительно не при чемъ, между небомъ и землею. Во время переправы онъ, на свой страхъ, пристроился къ генералу Драгомирову, какъ ординарецъ, и тутъ буквально поразилъ всѣхъ своимъ хладнокровіемъ и безстрашіемъ; гуляя въ огнѣ какъ на бульварѣ, разнося приказанія, присматривая за ходомъ битвы, ободряя молодыхъ офицеровъ и солдатъ, онъ велъ себя, поистинѣ, блистательно, какъ вполнѣ опытный боевой офицеръ, и это — по отзыву самого генерала Драгомирова, репутація котораго у насъ была и есть очень высока. Умный, правдивый генералъ этотъ сознавался, что успѣхомъ переправы много былъ обязанъ М. Д., ободрившему его въ то время, когда онъ начиналъ уже сомнѣваться въ успѣхѣ.

Какой же нагоняй былъ потомъ Скобелеву отъ высшаго начальства за то, что онъ суется туда, „куда его не спрашиваютъ...“

Потомъ ему приказано было сдѣлать рекогносцировку въ сторону Рущука, но такъ какъ не дали въ его распоряженіе никакихъ силъ, то онъ уклонился отъ доли простого „соглядатая обѣтованной земли“, и за это обрушилъ на себя цѣлую бурю гнѣва...

Во время второй атаки на Плевну Скобелеву рѣшились довѣрить, кромѣ казаковъ, еще баталіонъ пѣхоты, и съ этимъ баталіономъ онъ положительно спасъ наши отбитыя, разбитыя войска: князь Шаховской офиціально донесъ, какъ мнѣ говорили, что корпусъ его отошелъ сравнительно благополучно, только благодаря своевременной, энергической диверсіи, произведенной Скобелевымъ.

Съ горстью людей онъ дошелъ до самой Плевны и крѣпко нажалъ на турокъ, никакъ не полагавшихъ, что они имѣютъ дѣло лишь съ нѣсколькими сотнями людей, никѣмъ не поддерживаемыхъ.

Отвлекши на себя вниманіе непріятеля, М. Д., конечно, отступилъ, когда разстроенные полки корпуса Шаховского отошли.

Здѣсь кстати привести рыцарскую черту характера Скобелева: онъ призвалъ покойнаго брата моего Сергѣя, которому обыкновенно довѣрялъ самыя опасныя порученія, и сказалъ:

— Уберите всѣхъ раненыхъ; я не отступлю, пока не получу отъ васъ извѣщенія, что всѣ подобраны.

Уже поздно было, когда братъ мой, съ одной стороны, и сотникъ Ш...—съ другой явились, къ Скобелеву и донесли, что „ни одного раненаго не осталось на полѣ битвы“.

— Я вамъ вѣрю, — отвѣтилъ Скобелевъ, и только тогда приказалъ отступать.

Братъ мой, убитый потомъ 30 августа 1877 г., состоялъ при М. Д. волонтеромъ; онъ былъ съ нимъ во все время этой дерзкой атаки, и Скобелевъ разсказывалъ, что когда подъ нимъ убили лошадь, юный художникъ соскочилъ съ сѣдла и расшаркнулся: „Ваше превосходительство, не угодно ли взять мою?“

— Смотрю, — говоритъ Скобелевъ, — дрянная гнѣдая с...ва! — Не хочу, нѣтъ ли бѣлой?

Однако, пули и гранаты сыпались въ такомъ количествѣ, а турки напирали такъ сильно, что пришлось-таки сѣсть и на гнѣдую с...ву, которая, въ концѣ концовъ, вынесла изъ огня не хуже бѣлой.

Битва подъ Ловчею была первою, въ которой Михаилъ Скобелевъ, 34-лѣтній генералъ, самостоятельно распоряжался отрядомъ въ 20.000 человѣкъ. Онъ былъ подъ началомъ князя Имеретинскаго, благоразумнаго генерала, не стѣснявшаго Скобелева въ его распоряженіяхъ и совершенно ввѣрившаго ему всѣ силы.

Когда форты, которые, пожалуй, никто другой изъ русскихъ генераловъ не осилилъ бы, были-таки взяты, послѣ самаго кровопролитнаго боя, князь Имеретинскій въ своемъ донесеніи главнокомандующему назвалъ Скобелева „героемъ дня“.

Справедливо прибавить, что у М. Д., былъ, въ свою очередь, неоцѣненный помощникъ въ лицѣ умницы офицера, капитана Куропаткина, почти такого же неустрашимаго, какъ онъ самъ, съ прибавкой хладнокровія.

Для меня лично,—можетъ-быть, я и ошибаюсь,—нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Скобелевъ взялъ бы Плевну 30 августа. Но что было дѣлать? — Когда съ ничтожными сравнительно силами онъ занялъ, послѣ трехдневной битвы, турецкій редутъ, буквально висѣвшій надъ городомъ и орудія котораго до того безпокоили Плевну, что Османъ-паша рѣшилъ отступить, если не удастся отобрать его, когда М. Д. умолялъ о посылкѣ подкрѣпленій, — ему не дали ихъ, а прислали лишь небольшую поддержку, изъ одного разбитаго наканунѣ полка! Раз-

умѣется, Османъ-паша, никѣмъ не безпокоемый съ другихъ сторонъ, съ огромными силами напалъ на бѣднаго „бѣлаго“ генерала, въ продолженіе многихъ дней безъ устали и побѣдоносно водившаго солдатъ на штурмы, разбилъ, выбилъ и прогналъ его даже за старыя позиціи...

Офицеры генеральнаго штаба говорили, что Скобелевъ занялъ не тотъ редутъ, который слѣдовало, — что его во всякомъ случаѣ выжили бы оттуда огнемъ съ сосѣдняго, болѣе возвышеннаго и болѣе сильнаго укрѣпленія, но я не вижу бѣды въ томъ, что Скобелевъ схватилъ покамѣстъ меньшій редутъ, — во-время подкрѣпленный, онъ взялъ бы и сосѣдній...

...По печальной необходимости разыскать тѣло моего убитаго брата, я проѣзжалъ 31 августа мѣстами расположенія нашихъ войскъ. На другой день третьей атаки плевненскихъ редутовъ, узнавъ отъ адъютанта главнокомандующаго, Дерфельдена, воротившагося съ лѣваго фланга, что одинъ братъ мой раненъ, другой убитъ, — самъ еще безноігй — я бросился въ отрядъ Скобелева, чтобы привезти перваго и отыскать, коли возможно, тѣло второго.

Проѣзжая мимо всѣхъ нашихъ позицій, я видѣлъ массу войска — ружья въ козлы, — прислушивавшагося къ трескотнѣ на лѣвомъ флангѣ...

Не часто случалось мнѣ слушать такую непрерывную дробь выстрѣловъ, приправленныхъ отчаянными воплями: ура, ура... Алла! Алла! Алла...

. . . .
. . . .

Пріѣхавъ на Зеленыя горы, я нашелъ князя Имеретинскаго съ Паренцовымъ, Грековымъ и нѣсколькими другими офицерами, лежавшими, сидѣвшими и прогуливавшимися. Генералъ, какъ разъ закусывавшій, предложилъ мнѣ остатокъ бывшей передъ нимъ вареной курицы и стаканъ краснаго вина, причемъ спросилъ: „не знаю ли я,—намѣрены имъ сегодня помогать или нѣтъ?“

Я не отказался съѣсть курицу и выпить вино, но на вопросъ могъ только отвѣтить, что въ главной квартирѣ о распоряженіи помогать имъ не слыхалъ, да и по дорогѣ, хотя совершенно готоваго войска видѣлъ не мало, — кажется, расположенія идти къ нимъ на помощь не замѣтилъ.

— Ну, такъ намъ будетъ плохо, очень плохо! — сказалъ генералъ.

У Скобелева въ это время было что-то невозможное: слышалось только р, р, р, р, р, р, р, р, р!!!

. . . .

За душу щемила меня эта полная безпомощность браваго лѣваго фланга, точно забытаго, брошеннаго подъ впечатлѣніемъ вчерашнихъ неудачъ и потерь. Страдая сильно отъ раны, еще не затянувшейся, я ѣздилъ въ колясочкѣ, нанятой въ Бухарестѣ, и поэтому двигался только по дорогамъ, т.-е. медленно,—иначе, конечно, я бросился бы къ главнокомандующему, можетъ-быть, и не знавшему объ истинномъ положеніи дѣла...

Я настаиваю — какъ многимъ ни покажется смѣло и безавторитетно мое настаиваніе — на томъ, что подкрѣпленный Скобелевъ взялъ бы и сосѣдній редутъ, послѣ чего туркамъ не оставалось бы ничего иного, какъ очистить городъ, расположенный прямо подъ нашими выстрѣлами.

Три съ половиною мѣсяца спустя, когда Плевна пала, я ѣздилъ со Скобелевымъ на панихиду, заказанную имъ по защитникамъ несчастнаго „скобелевскаго редута“. Тяжелыя воспоминанія передалъ мнѣ тогда Михаилъ Дмитріевичъ. Чтобы легче было идти на штурмъ, взбираться на высоты, солдаты побросали шанцевые инструменты, такъ что, когда пришлось послѣ рыть траншею, со стороны наступавшихъ турокъ, они пустили въ дѣло штыки и свои пятерни: конечно, не успѣли вырыть и ничтожнаго прикрытія, какъ турки набѣжали, навалились и кучку нашихъ храбрыхъ, сжавшихся для послѣдней защиты за траверсомъ, въ углу редута, подняли на штыки.

Указывая мнѣ эту канавку, рытую пальцами, Скобелевъ буквально залился слезами и потомъ, во время панихиды, опять горько плакалъ. Признаюсь, всплакнулъ и я вмѣстѣ съ большею частію присутствовавшихъ.

Въ жаръ, въ лихорадку бросало меня, когда я смотрѣлъ на все это и когда писалъ потомъ мои картины; слезы набѣгаютъ и теперь, когда вспоминаю эти сцены, а умные люди увѣряютъ, что я „холоднымъ умомъ сочиняю небылицы“... Подожду, и искренно порадуюсь, когда другой дастъ болѣе правдивыя картины великой несправедливости, именуемой войною.

В. В. Верещагину
въ память 1877 года
М. Скобелевъ
Г. Плевна
6/XII 77.

Въ концѣ 1878 года, въ Петербургѣ, братъ мой какъ-то пришелъ сказать, что Скобелевъ очень, очень проситъ придти къ нему, — что-то нужное.

Прихожу.

— Что такое?

— Очень, очень нужно, увидите!

Затворяетъ двери кабинета и таинственно:

— Дайте мнѣ дружескій совѣтъ, Василій Васильевичъ, вотъ въ чемъ дѣло: князь болгарскій (Батенбергъ), предлагаетъ мнѣ пойти къ нему военнымъ министромъ; онъ даетъ слово, что, какъ только поставитъ солдатъ на ноги, не позже чѣмъ черезъ два года, затѣетъ драку съ турками, втянетъ Россію, будетъ снова большая война, — принять или не принять?

Я расхохотался.

— Признайтесь, — говорю, — что вы неравнодушны къ бѣлому перу, что болгарскіе генералы носятъ на шапкахъ, вамъ оно было бы къ лицу!

— Чортъ знаетъ, что вы говорите! Я у васъ серьезно спрашиваю совѣта, а вы смѣетесь, толкуете о какомъ-то перѣ, — вѣдь это не шутка.

— Знаю, что не шутка, — отвѣчалъ я и серьезно напалъ на него за безнравственную легкость, съ которою они, съ какимъ-то тамъ княземъ болгарскимъ, разсчитываютъ втянуть Россію въ новую войну.

— Что Батенбергъ это затѣваетъ, оно понятно: онъ авантюристъ, которому нечего терять; но что вы, Скобелевъ, такими страшными усиліями добившійся теперешняго вашего положенія, поддаетесь на эту интригу, — это мнѣ непонятно. Плюньте на это предложеніе, бросьте и думать о немъ!

— Да что же дѣлать, вѣдь я уже далъ почти свое согласіе!

— Откажитесь подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, — скажите, что васъ не отпускаетъ начальство...

— Онъ обѣщалъ говорить объ этомъ съ государемъ...

— Ну вотъ и попросите, чтобы государь отказалъ ему.

Въ концѣ концовъ, Батенбергу было сказано сверху, что Скобелевъ нуженъ здѣсь; на этомъ дѣло кончилось. Военнымъ министромъ въ Болгарію былъ назначенъ другой генералъ.

Что мнѣ случалось слышать отъ Скобелева въ дружескихъ бесѣдахъ, то теперь, конечно, не приходится разсказывать. Довольно замѣтить, что онъ былъ сторонникомъ развитія Россіи и движенія ея впередъ, а не назадъ... повторяю, что распространяться объ этомъ неудобно.

Скобелевъ очень много занимался, много читалъ, еще болѣе писалъ. Писалъ кудряво, не совсѣмъ кругло и складно, но весьма убѣдительно. Кладищевъ, бывшій начальникомъ наградного отдѣленія во время турецкой кампаніи, говорилъ мнѣ, что нѣтъ возможности отказать въ наградѣ по представленію Скобелева, — такъ наглядно излагалъ онъ заслуги своихъ подчиненныхъ и такъ хорошо подгонялъ ихъ подъ статуты орденовъ, которые отлично зналъ.

Записки, поданныя Михаиломъ Дмитріевичемъ во время этой войны главнокомандующему о положеніи офицеровъ и солдатъ и вѣроятной причинѣ нашихъ временныхъ неудачъ, полны наблюдательности, вѣрныхъ, мѣткихъ замѣчаній. Живя вмѣстѣ со Скобелевымъ въ Плевнѣ, я читалъ нѣкоторыя изъ этихъ записокъ, по словамъ его, очень не понравившихся.

. . . .

Скобелевъ прекрасно владѣлъ французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языками и литературу этихъ странъ, въ особенности военную, зналъ отлично. Иногда вдругъ обратится со словами:

— А помните, Василій Васильевичъ, выраженіе Наполеона I?

Въ серединѣ Шейновскаго боя, наприм., онъ, такимъ образомъ, цитировалъ что-то изъ Наполеона и, не желая обезкураживать его, я отвѣтилъ:

— Да, помню что-то въ этомъ родѣ.

Но когда онъ вскорѣ опять спросилъ, помню ли я, что Наполеонъ сказалъ передъ такой-то атакой, я ужъ положительно отвѣтилъ:

— Не помню, не знаю, — Богъ съ нимъ, съ Наполеономъ!

Надобно сказать, что онъ особенно высоко цѣнилъ военный талантъ Наполеона I, а изъ современныхъ — Мольтке, который, съ своей стороны, повидимому, былъ неравнодушенъ къ юному, бурному, многоталантливому

собрату по оружію; по крайней мѣрѣ, когда я говорилъ съ Мольтке о Скобелевѣ, послѣ смерти послѣдняго, въ голосѣ „великаго молчальника“ слышалась нѣжная, отеческая нота, которой я не ожидалъ отъ прусскаго генерала-истребителя.

О большинствѣ нашихъ дѣятелей во время турецкой войны Скобелевъ отзывался не важно, — по меньшей мѣрѣ . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Скобелевъ очень любилъ мѣняться Георгіевскими крестами: это — родъ военнаго братства, практикуемаго обыкновенно съ выборомъ, имъ же — направо и налѣво — со всѣми. Когда онъ пріѣхалъ къ арміи, въ Румыніи еще, то предложилъ мнѣ помѣняться крестиками, я согласился, но съ тѣмъ, чтобы сдѣлать это послѣ перваго дѣла, въ которомъ оба будемъ участвовать. Много спустя, кажется, въ Плевнѣ, мы размѣнялись-таки; но такъ какъ на другой же или на третій день онъ уже рѣшилъ опять съ кѣмъ-то побрататься, то я вытеребилъ мой крестишко назадъ, подъ предлогомъ, что онъ мнѣ дорогъ, какъ подаренный Кауфманомъ. Всученный имъ мнѣ былъ прескверный — казенный, а мой прекрасный, хорошей эмали, чуть ли не „изъ французскаго магазина“ [1]).

Послѣднее время, впрочемъ, онъ пересталъ практиковать это военное братство со всѣми, сталъ болѣе цѣнить себя.

Надобно сказать, что Скобелевъ положительно совершенствовалъ свой нравственный характеръ. Вотъ, напримѣръ, образчикъ военной порядочности изъ его дѣятельности послѣднихъ лѣтъ: на второй день послѣ Шейновской битвы я засталъ его за письмомъ.

— Что это вы пишите?

— Извинительное посланіе: я при фронтѣ распекъ бѣднаго X., какъ вижу, совершенно напрасно, поэтому хочу, чтобы мое извиненіе было такъ же гласно и публично, какъ и выговоръ...

---

[1]) Когда генералъ Кауфманъ былъ пожалованъ орденомъ св. Георгія II класса, этотъ крестъ былъ подаренъ ему покойнымъ В. К. Николаемъ Николаевичемъ и никто ничего не замѣтилъ неладнаго въ крестѣ, очень изящно исполненномъ; но когда генералъ представлялся Государю Александру II, Его Величество, зоркій на самыя малѣйшія неправильности формы, замѣтилъ: «А ты крестъ, Кауфманъ, вѣрно, купилъ во французскомъ магазинѣ, — Егорій-то не въ ту сторону скачетъ!»

Начальникъ большого отряда, извиняющійся передъ неважнымъ офицеромъ (маіоръ Владимірскаго полка), да еще письменно — это такой фактъ, который, конечно, не часто встрѣтишь въ какой бы то ни было арміи.

Отецъ Скобелева, Дмитрій Ивановичъ, не проживалъ, а увеличивалъ свое состояніе, и былъ скуповатъ, но самъ М. Д. скупымъ никогда не былъ, — скорѣе, напротивъ, могъ быть названъ слишкомъ тароватымъ. Однако, въ денежныхъ дѣлахъ, по славянской натурѣ, у него былъ всегда великій безпорядокъ, въ особенности при жизни отца, когда ему никогда не хватало денегъ, и когда забывать отдать небольшіе долги случалось ему частенько-таки. При встрѣчѣ съ нищимъ онъ иногда приказывалъ кому-либо изъ бывшихъ съ нимъ молодыхъ людей „дать золотой“; и такъ какъ эти подачки обыкновенно забывались, то выходило, что встрѣчи съ нищими для бравыхъ ординарцевъ его были страшнѣе столкновеній съ непріятелемъ.

Встрѣчаетъ разъ Скобелевъ младшаго брата моего на Невскомъ проспектѣ.

— Верещагинъ, пойдемъ вмѣстѣ стричься.

Тотъ очень доволенъ честью продѣлать эту операцію вмѣстѣ съ генераломъ, который ведетъ его къ своему знакомому парикмахеру, что ни на есть фешенебельному. Около нихъ суетятся, ухаживаютъ, а они сидятъ себѣ рядкомъ, шутятъ, смѣются. При выходѣ, М. Д. спрашиваетъ счетъ старый и новый, — оказывается 30 рублей.

— Верещагинъ, заплатите, пожалуйста; — тотъ поморщился, но заплатилъ, да, конечно, только и видѣлъ свои денежки.

Помню, разъ въ Парижѣ, въ гарготкѣ, гдѣ мы завтракали, Скобелевъ размѣнялъ ассигнацію въ 1.000 франковъ и, вѣроятно, по этому случаю вздумалъ оставить дѣвушкѣ, намъ прислуживавшей, 100 фр. Лишь послѣ самаго энергичнаго вмѣшательства моего онъ положилъ только 20 фр. За то же и цѣловалъ онъ руку этой молодой дѣвушки, съ наслажденіемъ, со всѣхъ сторонъ!

Мнѣ извѣстно, что не мало народу обращалось къ Скобелеву за помощью и что онъ многимъ помогалъ. Затѣмъ говорили, что онъ хотѣлъ завѣщать капиталъ на устройство богадѣльни, но намѣренію этому не суждено было осуществиться, — ему будто бы помѣшали...

Передъ началомъ Туркменской экспедиціи я засталъ разъ Михаила Дмитріевича въ бесѣдѣ съ полковникомъ Гродековымъ; онъ прочилъ его себѣ тогда въ начальники штаба, какъ хорошо изучившаго мѣстности, по которымъ и близъ которыхъ предстояло дѣйствовать нашимъ войскамъ,— Гродековъ одинъ изъ хорошихъ знатоковъ Средней Азіи, ибо ѣздилъ даже по Афганистану и смежнымъ съ нимъ степямъ. Они обсуждали права, которыя имъ слѣдовало выговорить для себя у министерства иностранныхъ дѣлъ, на случай возможныхъ переговоровъ съ индійскимъ правительствомъ.

— Что такое, что такое?—сказалъ я Скобелеву:— о какихъ это переговорахъ съ индійскимъ правительствомъ толкуете вы? Ничего этого вамъ не нужно...

— Какъ не нужно? а если мы дойдемъ...

— Ничего не нужно; вамъ надобно вздуть хорошенько туркменъ, сломить ихъ сопротивленіе и больше ничего. Хотите слышать мой совѣтъ?

— Пожалуйста,—отвѣтилъ Скобелевъ.—Потрудись обратился онъ къ Гродекову,—вынуть записную книжку, занеси то, что онъ будетъ говорить,—навѣрное, все будетъ практично.

Гродековъ благополучно здравствуетъ, сколько я знаю, и, вѣроятно, имѣетъ еще въ своей памятной книжкѣ замѣтку эту, весьма, впрочемъ, недлинную.

„Во-первыхъ, вамъ нужны верблюды, во-вторыхъ— верблюды и въ-третьихъ, — еще верблюды. Будутъ у васъ верблюды, т.-е. перевозочныя средства — вы побѣдите; не будутъ — васъ прогонятъ, несмотря на всю вашу храбрость, какъ гоняли прежде посылаемые отряды,—храбрость тутъ не поможетъ. Не жалѣйте денегъ на верблюдовъ; достаньте ихъ, сколько нужно, во что бы то ни стало“.

При этомъ я сообщилъ главную, по моему мнѣнію, причину недовѣрія населенія при поставкѣ вьючныхъ животныхъ. Въ началѣ открывающейся кампаніи объявляютъ обыкновенно, что нужно столько-то вьючныхъ животныхъ, за такую-то цѣну. По окончаніи войны, во время которой, разумѣется, большинство верблюдовъ падаетъ, уплату оттягиваютъ до тѣхъ поръ, пока не удается внушить старшинамъ и біямъ, т.-е. почетнымъ людямъ, что было бы актомъ хорошаго подданничества ударить Акъ-Падишаху челомъ — суммою въ 300 или

400.000 рублей, причитающихся за верблюдовъ. Тѣмъ что?—верблюды не ихъ, а бѣдныхъ людей; они получаютъ награды и отличія, а байгуши плачутъ и ужъ, конечно, когда снова понадобится сгонять животныхъ, уходятъ, откочевываютъ въ степь, или, силою заставленные, разбѣгаются, при первомъ же удобномъ случаѣ, съ первыхъ же приваловъ войскъ.

— Не довѣряйте ни подрядовъ, ни денегъ индендатскимъ чиновникамъ, —говорилъ я Скобелеву,— распоряжайтесь и платите деньги или сами вы, или черезъ начальника штаба, чтобъ онѣ не прилипали къ пальцамъ.

Мнѣ пріятно было слышать потомъ отъ брата моего, котораго Скобелевъ взялъ по моей просьбѣ въ походъ, что именно такъ и было сдѣлано, что даже осуждали Скобелева за излишнее бросаніе денегъ на верблюдовъ. Поставщикъ вьючныхъ животныхъ, лихой купецъ Громовъ (бывшій приказчикъ архи-лихого Хлудова), призвавши владѣльцевъ верблюдовъ, объявилъ имъ, что къ такому-то сроку ему нужно столько-то животныхъ, и лишь только тѣ начали чесать затылки, прибавилъ:

— Заплачено вамъ будетъ сейчасъ же по доставкѣ, а покамѣстъ вотъ вамъ на чай.

При этомъ высыпалъ къ ихъ ногамъ мѣшокъ золота.

Черезъ короткій срокъ верблюды были доставлены.

Для заказа и закупки провіанта, какъ я слышалъ, ѣздилъ въ Персію самъ Гродековъ. Встрѣтившись съ нимъ въ самый день отъѣзда его изъ Петербурга, я, прощаясь, шепнулъ-таки еще на ухо:

— Не давайте воровать!

— Не дадимъ, будьте покойны, — отвѣтилъ онъ.

Возможно, что настоянія мои были не лишни, не безполезны. Хвалю во всякомъ случаѣ Скобелева и Гродекова за то, что они не отвергали безкорыстнаго, конечно, не лишняго совѣта и не отвѣчали:

— Изъ-за чего вы-то стараетесь, какая вамъ-то польза,— какъ отвѣтила бы высокомѣрная бездарность.

Скобелевъ подарилъ мнѣ на память свой боевой значокъ, бывшій съ нимъ въ 22 сраженіяхъ, съ приложеніемъ списка этихъ сраженій, имъ самимъ обстоятельно составленнаго. Значокъ этотъ виситъ теперь у меня въ мастерской. Это большой кусокъ двойной красной шелковой матеріи, съ желтымъ шелковымъ же крестомъ, набитый на казацкую пику, — порядочно истрепанный

пулями и непогодами. Уѣхавши въ послѣдній свой туркменскій походъ, онъ хватился значка и просилъ или отдать старый, или прислать взамѣнъ новый.

Старый я положительно отказался отдать, но и новый не рѣшался послать,— вдругъ не понравится и онъ отдастъ его солдатамъ на портянки! Однако, послалъ таки, наконецъ, и очень нарядную штуку: съ одной стороны индійская шаль, купленная мною въ Кашмирѣ, въ самомъ Шринагурѣ, съ другой — красная, атласная китайская матерія, перерѣзанная голубымъ Андреевскимъ крестомъ, буквами М. С. и годами 1875—1878. Я самъ кроилъ и налаживалъ значокъ; жена моя шила его.

Узнаю отъ брата моего, бывшаго ординарцемъ у Скобелева, что значокъ очень понравился всѣмъ: и генералъ, и мирные туркмены не наглядятся на него.

Но тутъ бѣда, неудача: изъ Геокъ-Тепе дѣлаютъ вылазку, убиваютъ у насъ много народа, захватываютъ много ружей, пушку, знамя!

Скобелевъ въ отчаяніи: отдай я ему старый значокъ,— новый приноситъ несчастья!.. Я не отдаю.

Новая вылазка, новый уронъ и потери съ нашей стороны, новыя требованія отдать счастливый значокъ и взять назадъ несчастливый!

— Не отдамъ! — отвѣчаю.

Наконецъ, Скобелевъ беретъ штурмомъ Геокъ-Тепе, въ свою очередь убиваетъ, крошитъ множество народа, беретъ массу оружія и всякаго добра,— однимъ словомъ — торжествуетъ, и значокъ мой снова входитъ въ милость; снова и генералъ и туркмены любуются нарядным подаркомъ моимъ, теперь осѣняющимъ гробницу Скобелева въ селѣ Спасскомъ, Рязанской губерніи.

Очень интересна также, какъ рисующая Скобелева, присланная имъ мнѣ въ подарокъ карта, — планъ атаки французами Опорто, препровожденный Михаиломъ Дмитріевичемъ начальнику инженеровъ подъ Геокъ-Тепе, для изученія и руководства. На поляхъ имъ изложены мотивы, заставившіе его приложить этотъ чертежъ къ руководству нашимъ войскамъ, а въ правомъ углу надпись:

„Глубокоуважаемому, сердцу русскому, дорогому Василью Васильевичу къ свѣдѣнію, не безызвѣстной гордости моей. Скобелевъ. 4 августа, 1881 г. Село Спасское“.

Какъ человѣкъ, искренно любящій свое дѣло, онъ разсказывалъ мнѣ потомъ о причинѣ, побудившей прислать мнѣ этотъ документъ,—желаніе показать пріятелю, что онъ помнитъ примѣры и уроки исторіи (о чемъ у насъ былъ разговоръ ранѣе).

Суевѣріе этого милаго, симпатичнаго человѣка было очень велико. Онъ вѣрилъ въ счастливые и несчастливые дни, счастливыя встрѣчи и предзнаменованія. Онъ ни за что не сталъ бы сидѣть за столомъ въ числѣ тринадцати человѣкъ, не допустилъ бы трехъ свѣчей на столъ, а просыпанную соль, перебѣжавшихъ дорогу кошку и зайца считалъ всегда за дурное предзнаменованіе.

Онъ вѣрилъ, что будетъ болѣе невредимъ на бѣлой, чѣмъ на другой масти лошади, хотя въ то же время вѣрилъ, что отъ судьбы не уйдешь. Говорятъ, какая-то цыганка предсказала ему, „что онъ будетъ ѣздить на бѣломъ конѣ“,—но я не разспрашивалъ его объ этомъ.

Никогда не разспрашивалъ также Скобелева о его женитьбѣ, такъ какъ понялъ изъ нѣкоторыхъ замѣчаній, что это его больное мѣсто. Но я положительно подмѣтилъ у него стремленіе къ семейной жизни, и когда онъ разъ горячо сталъ оспаривать это, я прибавилъ:

— Необходимо только, чтобы жена ваша была очень умна и сумѣла бы взять васъ въ руки.

— Это, пожалуй, вѣрно,—согласился онъ.

Другой разъ, помню, въ Плевнѣ я смѣялся, что мы еще увидимъ маленькихъ Скобелятъ, которые будутъ ползать по его колѣнамъ и таскать его за бакенбарды. М. Д., хоть и проворчалъ: „что за чушь вы говорите, Вас. Вас.“, однако, предобродушно смѣялся надъ моею картиной. Не мало смѣялись, помню, тогда Хомичевскій и другіе ординарцы, при этомъ бывшіе.

Незадолго передъ смертью, Скобелевъ хотѣлъ, какъ я слышалъ, жениться на бѣдной, но образованной дѣвушкѣ, чему помѣшалъ, однако, его разводъ,—извѣстно, что онъ разъѣхался со своею женою и, во что бы то ни стало, настоялъ на разводѣ, такъ что ему пришлось принять на себя грѣхъ дѣла, со всѣми его стѣснительными послѣдствіями. Я говорю объ этомъ потому, что Скобелевъ считался, да и любилъ, чтобы считали его отчаяннымъ противникомъ не только женитьбы, но и всякой прочной связи съ женщиною.

Я не могу распространяться о томъ, какъ Скобелевъ умеръ. Очень ему хотѣлось умереть на полѣ чести, на полѣ настоящей битвы! Что дѣлать — „повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить“. Не могъ помириться Михаилъ Дмитріевичъ съ фактомъ, что ему уже не 20 лѣтъ, и все порывался соперничать въ любовныхъ похожденіяхъ со своею молодежью, ординарцами.

Онъ былъ ребячески наивенъ въ этихъ похожденіяхъ, на которыя обыкновенно настойчиво зазывалъ и послѣдствій которыхъ крѣпко боялся. Въ Петербургѣ, передъ самымъ отъѣздомъ въ Туркменскій походъ, встрѣчаю Скобелева на Невскомъ проспектѣ. Я утаптываю тротуаръ, онъ ѣдетъ на парѣ сѣрыхъ.

— Стой, стой!.. Василій Васильевичъ, поѣдемъ ко мнѣ!

— Зачѣмъ?

— Поѣдемъ, самъ Богъ васъ послалъ.

— Да что такое?

— Увидите; самъ Богъ посылаетъ васъ.

Пріѣзжаемъ.

М. Д. насилу выходитъ изъ экипажа, едва переставляетъ ноги, брюзжитъ на прислугу, грозитъ прогнать всѣхъ, распекаетъ адъютанта и ординарца, — какъ страшно попало бѣдному Баранку, — я долженъ былъ вступиться, — запираетъ двери.

— Вас. Вас., голубчикъ, я боленъ...— посмотрите, что у меня? Если это... Я пущу себѣ пулю въ лобъ.

— Показывайте!

Я взглянулъ и ужаснулся. Разспросилъ его, — онъ, какъ младенецъ невинный, подробно разсказалъ все, видимо, ничего не скрывая.

— Сколько я понимаю, это не то... — сказалъ я ему и потребовалъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, на три дня онъ легъ въ постель.

— Не могу, — забушевалъ Скобелевъ, — что вы говорите! Я каждый день долженъ ѣздить на работу съ военнымъ министромъ и начальникомъ штаба, — и думать объ этомъ нечего? Не требуйте отъ меня невозможнаго.

— Знать ничего не хочу, — отвѣчалъ я, — на три дня въ постель, безъ разсужденій! — и представилъ ему серьезно подумать о томъ, какой будетъ результатъ его

дѣятельности на войнѣ, если онъ принужденъ будетъ уѣхать не выздоровѣвши.

Это подѣйствовало и онъ, ворча и капризничая, улегся.

Я сейчасъ же поѣхалъ къ моему пріятелю профессору Чудновскому; тотъ сначала не хотѣлъ ѣхать подъ предлогомъ, что онъ „не спеціалистъ", но, наконецъ, рѣшился. Я почти силою схватилъ его и привелъ къ герою. Тотъ, еще разъ выслушавши, что опаснаго ничего нѣтъ, но что покой въ нѣсколько дней абсолютно необходимъ, недовольный, остался въ постели и, чтобы не терять золотого времени, принялся читать „Нана", извѣстя, разумѣется, начальство о внезапномъ нездоровьи своемъ [1]).

Кто не былъ въ огнѣ со Скобелевымъ, тотъ положительно не можетъ себѣ понятія составить о его спокойствіи и хладнокровіи среди пуль и гранатъ, — хладнокровіи тѣмъ болѣе замѣчательномъ, что, какъ онъ сознавался мнѣ, равнодушія къ смерти у него не было; напротивъ, онъ всегда, въ каждомъ дѣлѣ, боялся, что его прихлопнутъ и, слѣдовательно, ежеминутно ждалъ смерти. Какова же должна была быть сила воли, какое безпрестанное напряженіе нервовъ, чтобы побороть страхъ и не выказать его!

Благоразумные люди ставили въ упрекъ Скобелеву его безоглядную храбрость; они говорили, что „онъ ведетъ себя какъ мальчишка", что „онъ рвется впередъ, какъ прапорщикъ", что, наконецъ, рискуя „безъ нужды", онъ подвергаетъ солдатъ опасности остаться безъ высшаго командованія и т. д. Надобно сказать, что это все рѣчи людей, которые заботятся прежде всего о сбереженіи своей драгоцѣнной жизни — а тамъ что Богъ дастъ; пойдетъ солдатъ безъ начальства впередъ — хорошо, не пойдетъ — что тутъ подѣлаешь: не для того

---

[1]) Можно безъ натяжки сказать, что ближайшею причиною смерти М. Д. Скобелева была рана, полученная имъ на Зеленыхъ горахъ. Пожалуй, это не рана, а царапина, ушибъ, но пришедшійся противъ сердца. У меня хранится мундиръ покойнаго съ маленькой заплаткой на мѣстѣ пораненія — какъ разъ противъ самаго сердца! И такъ какъ Скобелевъ упалъ отъ этого удара, то, конечно, ударъ не прошелъ безслѣдно.

Кстати скажу, что у меня, кромѣ Скобелевскаго значка и помянутаго мундира, хранится еще, какъ память, складной стулъ, который всегда возился за нимъ казакомъ и на которомъ покойный генералъ часто сиживалъ во время рекогносцировокъ и битвъ; когда на переходѣ черезъ Балканы казакъ разбилъ мой складной стуликъ, — Скобелевъ ссудилъ мнѣ свой, такъ и оставшійся у меня, а я потомъ отдалъ ему мой.

же дослужился человѣкъ до генеральскихъ эполетъ, чтобъ жертвовать жизнью за трусовъ.

— А почему бы и нѣтъ!—разсуждалъ Скобелевъ;— понятіе о трусости и храбрости относительное; тотъ же самый солдатъ, въ большинствѣ случаевъ, можетъ быть и трусомъ, и храбрымъ, смотря по тому, въ какихъ онъ рукахъ. Одно вѣрно, что солдатъ обыкновенно не дуракъ: увлечь его можно, но заставить идти, не показавши примѣра, трудно.

Этотъ-то примѣръ и солдатамъ, и офицерамъ Скобелевъ и считалъ себя обязаннымъ показывать.

Я видѣлъ не мало умниковъ, уговаривавшихъ солдатъ идти впередъ, указывавшихъ путь къ славѣ и проч., и проч., — ничего не беретъ! пройдетъ или пробѣжитъ отрядъ нѣсколько шаговъ, да и засядетъ въ канавѣ, а въ реляціи напишутъ: „атаковали въ штыки, но были отбиты, не совладѣли съ численнымъ превосходствомъ“,— благо численное-то превосходство непріятеля можетъ провѣрить одинъ Богъ.

Никогда не рисковалъ Скобелевъ жизнью попусту, всегда онъ показывалъ примѣръ безстрашія и презрѣнія къ жизни, и примѣръ этотъ никогда не пропадалъ даромъ: однихъ приводилъ въ совѣсть, другихъ училъ, увлекалъ, перерождалъ!

Всегда толковый, разумный, увлекательный на полѣ битвы, Скобелевъ въ частной жизни былъ хотя и симпатиченъ, но нервенъ, капризенъ. При разговорѣ онъ рѣдко сидѣлъ — это, видимо, стѣсняло его: онъ шагалъ, какъ звѣрь въ клѣткѣ, какъ бы мала не была комната, даже тогда, когда, какъ въ Парижѣ, кабинетъ его, дѣйствительно, уподоблялся клѣтушкѣ. Когда же онъ сидѣлъ, то непремѣнно вертѣлъ что-нибудь въ рукахъ, что поподалось; за обѣдомъ всегда усиленно мялъ хлѣбный мякишъ. Случалось, видя эту нервную, непрерывную работу пальцевъ, взять его за руку и остановить со словами: „хоть теперь-то успокойтесь!“ Но пріостановка всегда была не надолго, черезъ нѣсколько секундъ ужъ опять пальцы мнутъ, лѣпятъ, изъ силъ выбиваются.

Такъ чертовски храбрый на полѣ битвы, Скобелевъ былъ порядочный трусъ передъ очень высокопоставленными лицами, — онъ какъ будто съеживался въ ихъ присутствіи, принималъ жалостливый видъ. Всегда заново одѣтый и надушенный передъ солдатами, подъ

20*

пулями,—въ главной квартирѣ онъ ходилъ какимъ-то отчаяннымъ: шинель на боку, фуражка на затылкѣ—точно онъ боялся, чтобъ не засмѣяли, не поставили ему въ вину щегольство одеждою, какъ ставили въ вину храбрость.

Когда, послѣ короткаго пребыванія въ Парижѣ, я, снова возвращаясь на Дунай, зашелъ къ матери Михаила Дмитріевича — мимоходомъ сказать, весьма милой и умной женщинѣ — она просила доставить сыну ящичекъ, очень нужный. На границѣ вскрыли ящикъ и онъ оказался биткомъ набитый склянками духовъ.

Выходки Скобелева противъ австрійцевъ и нѣмцевъ не были такъ неосновательны, какъ многіе думали и у насъ, и особенно за границею. Никто, конечно, такъ крѣпко, какъ я, не журилъ Скобелева за эти рѣчи, но надобно сознаться, что съ его точки зрѣнія онъ имѣлъ основаніе „кликнуть кличъ славянамъ". Я положительно не соглашался съ нимъ, не раздѣлялъ его увѣренности въ томъ, что вотъ-вотъ, на носу у насъ война съ нѣмцами, которые будто бы перестали уже церемониться, скрываться и прямо угрожаютъ намъ. Но Скобелевъ возвратился съ маневровъ германской арміи совершенно проникнутый увѣренностію, что столкновеніе наше съ нѣмцами близко.

Въ Парижѣ, въ своемъ крошечномъ кабинетѣ, онъ съ возбужденіемъ разсказывалъ мнѣ, какъ отпускалъ его въ прощальной аудіенціи старый императоръ германскій. Разсказывая, М. Д., какъ тигръ, бродилъ изъ угла въ уголъ, останавливаясь по временамъ, чтобы представить сидящаго на лошади покойнаго Вильгельма или нѣкоторыхъ лицъ свиты его.

Его германское величество сидѣлъ-де, подбоченившись, на конѣ и отъ него, въ обѣ стороны, тупымъ угломъ, стояла громадная, безконечная свита изъ нѣмецкихъ офицеровъ всѣхъ ранговъ и военныхъ агентовъ всѣхъ государствъ. Когда Скобелевъ выѣхалъ, чтобы откланяться, Василій Өедоровичъ (какъ называли русскіе престарѣлаго императора) сказалъ ему:

— Vous venez de m'examiner j'usqu'aux mes boyaux. Vous venez de voir deux corps, mais dites à Sa Majesté, que tout les 15 sauront au besoin faire leurs devoir aussi bien, que ces deux là...

(Вы меня проэкзаменовали до моихъ внутренностей. Вы видѣли два корпуса, но скажите его величеству, что

всѣ 15 сумѣютъ, въ случаѣ надобности, исполнить свой долгъ такъ же хорошо, какъ эти два).

Можетъ-быть, я ошибаюсь въ одномъ или нѣсколькихъ словахъ, но смыслъ рѣчи былъ таковъ, — Скобелевъ тогда же занесъ эти слова въ свою записную книжку, откуда и читалъ ихъ мнѣ. Этотъ смыслъ, признаюсь, казался мнѣ очень простымъ и натуральнымъ въ устахъ стараго монарха; но М. Д. думалъ иначе: по его убѣжденію, и самыя слова, и интонація ихъ, особенно въ виду обстановки, т.-е. множества иностранныхъ, по большей части, далеко не дружественно - расположенныхъ къ намъ офицеровъ, указывали на враждебный умыселъ.

Еще болѣе усилилъ въ Скобелевѣ увѣренность въ томъ, что намъ не избѣгнуть въ близкомъ будущемъ разрыва съ нѣмцами изъ-за австрійцевъ, покойный принцъ Фридрихъ-Карлъ, должно-быть, на правахъ лихого кавалериста, считавшаго возможнымъ говорить то, о чемъ дипломаты помалчивали, — дружески ударивъ Скобелева по плечу, принцъ вдругъ выпалилъ:

— Lieber Freund! macht was ihr wolt — Oesterreich muss nach Saloniki gehen.

(Любезный другъ, дѣлайте, что хотите, — Австрія должна занять Салоники).

— Такъ такъ-то! — говорилъ мой Михаилъ Дмитріевичъ, бѣшено шагая по своей клѣтушкѣ; — такъ это значитъ уже рѣшенное дѣло, что австрійцы возьмутъ Салоники, — они будутъ дѣйствовать, а мы будемъ смотрѣть, — нѣтъ, врешь, мы этого не допустимъ!

Интересно, что только въ послѣдніе годы своей жизни Скобелевъ всецѣло отдался славянской идеѣ, вытѣснившей въ его умѣ мысль о необходимости исключительной заботы о развитіи нашего могущества въ Азіи, походѣ въ Индію и проч. Мнѣ довелось повліять въ значительной степени на эту перемѣну въ его мысляхъ.

Нѣсколько разъ случалось охлаждать его „туркестанскій“ пылъ и разъ я прямо высказалъ, вѣрно ли, нѣтъ ли, что въ настоящую минуту среднеазіатскія наши владѣнія важны для насъ политически потолику, поколику они даютъ возможность угрожать изъ нихъ нашимъ европейскимъ врагамъ, сѣющимъ славянскую рознь; иначе, — прибавилъ я, — „игра не стоила бы свѣчей“. Скобелевъ внимательно отнесся къ этимъ доводамъ, хотя не

вязавшимися съ тѣмъ значеніемъ, которое онъ придавалъ Туркестану, но видимо поразившимъ его.

— Можетъ-быть, вы и правы, — сказалъ онъ мнѣ тогда.

Впослѣдствіи же онъ настолько усвоилъ эту мысль, что въ извѣстномъ письмѣ къ Каткову цѣликомъ повторилъ ее, только вмѣсто словъ: „игра не стоила бы свѣчей", сказалъ: „овчинка не стоила бы выдѣлки".

Я говорилъ объ этомъ М. Н. Каткову, когда толковалъ съ нимъ о Скобелевѣ.

Въ послѣдній разъ видѣлся я съ дорогимъ Михаиломъ Дмитріевичемъ въ Берлинѣ, куда онъ пріѣхалъ послѣ своей извѣстной рѣчи въ защиту братьевъ, босняковъ-герцоговинцевъ, сказанной въ Петербургѣ. Мы стояли въ одной гостиницѣ, хозяинъ которой сбился съ ногъ, доставляя ему различныя газеты съ отзывами. Кромѣ переборки газетъ, у Скобелева была еще другая забота: надобно было купить готовое пальто, такъ какъ онъ пріѣхалъ въ военномъ, а заказывать не было времени; масса этого добра была принесена изъ магазина, и приходилось выбирать по росту, виду и цвѣту.

— Да посмотрите же, Вас. Вас.! — говорилъ онъ, поворачиваясь передъ зеркаломъ.— Ну, какъ? — Какая это все дрянь, чортъ знаетъ!

Съ грѣхомъ пополамъ, остановился онъ, — съ одобренія моего и стараго пріятеля его Жирарде, который съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ,—на какомъ-то гороховомъ облаченіи; признаюсь, однако, послѣ, на улицѣ, я покаялся, — до того несчастно выглядѣла въ немъ красивая и представительная фигура Скобелева: онъ былъ точно облизанный! Послѣ камешка, брошеннаго имъ вскорѣ въ огородъ нѣмцевъ, нѣкоторые берлинцы, видѣвшіе насъ вмѣстѣ, спрашивали меня потомъ:

— Такъ это-то и былъ Скобелевъ?!

Во время этого послѣдняго свиданія я крѣпко журилъ его за несвоевременный, по мнѣнію моему, вызовъ австрійцамъ; онъ защищался такъ и сякъ и, наконецъ, — какъ теперь помню, это было въ зданіи Панорамы, что около главнаго штаба,—осмотрѣвшись и увѣрившись, что кругомъ нѣтъ „любопытныхъ", выговорилъ:

— Ну, такъ я тебѣ скажу, Василій Васильевичъ, правду,—они меня заставили;—кто „они"—я, конечно,—помолчу.

Во всякомъ случаѣ онъ далъ мнѣ честное слово, что болѣе такихъ рѣчей не будетъ говорить; но вслѣдъ за тѣмъ, попавши въ средину французовъ, M-me Adan и др., увлекся и снова заговорилъ...

— Бога ради, В. В.,— говорили мнѣ въ нашемъ Берлинскомъ посольствѣ, — поѣзжайте скорѣе въ Парижъ, остановите его, — намъ хоть выѣзжать отсюда отъ его рѣчей...

Я не засталъ уже Скобелева въ Парижѣ — его вызвали для головомойки въ Петербургъ.

Прощай, милый, симпатичный человѣкъ, высокоталантливый воинъ,—прощай, до скораго свиданія—тамъ!?

У меня много „сувенировъ“ М. Д. Скобелева. Кромѣ помянутаго его боевого значка, бывшаго съ нимъ, по восточному обычаю, во всѣхъ сраженіяхъ въ Средней Азіи, сшитаго его матерью, истерзаннаго и истрепаннаго на носившей его казацкой пикѣ, есть складной стулъ, на которомъ онъ сидѣлъ иногда въ сраженіяхъ, данный мнѣ подъ Шейновымъ, когда мой стулъ сломался. Есть мундиръ, со вставленною, какъ сказано, заплаткой, въ томъ мѣстѣ, гдѣ его ранило, на спинѣ противъ сердца.

Есть карта штурма города Опорто войсками маршала Сульта, съ надписями, цѣлыми тремя, очень характерными для памяти покойнаго М. Д.

Первая надпись:

„Португальцы вели себя, какъ въ подобныхъ обстоятельствахъ должна себя вести недисциплинированная полупьяная толпа. Рѣшеніе маршала Сульта атаковать оба противоположные фланга города, расчитывая на впечатлительныя, вооруженныя, но малодисциплинированныя массы, весьма поучительно.

Думаю, что подъ Махрамомъ (?) 22-го августа 75 г. результатъ былъ бы еще полнѣе, если бы мы сильнѣе и раньше демонстировали нашимъ правымъ флангомъ и, выждавъ результатъ, стремительно атаковали бы центръ. Штурмъ Опорто не слѣдуетъ терять изъ виду, при составленіи предположеній атакъ открытою силою нашихъ среднеазіатскихъ городовъ и укрѣпленныхъ ауловъ. Стремительная атака главнаго резерва дивизіи Мериме въ центрѣ позиціи и, *когда успѣхъ окончательно обрисовался,* молодецкій натискъ *двухъ* полковъ черезъ весь

городъ *къ стратегическому ключу* — мосту на Дуро, да послужитъ указаніемъ, какими способами *организованное* и *дисциплинированное* войско должно обезпечивать за собою успѣхъ.

Надо помнить, что мы, войска, понимаемъ по-своему побѣду и пораженіе и что въ нашей оцѣнкѣ этихъ явленій всегда проглядываетъ извѣстная доля поклоненія преданію и искусству; въ борьбѣ же съ вооруженными массами надо кровью нагонять страхъ, нанести матеріальный ущербъ. Послѣднее особенно важно въ борьбѣ съ азіатскими народами. Съ ними эти соображенія составляютъ краеугольныя основанія при выборѣ того или другого способа дѣйствій".

Скобелевъ.

18-го іюня 1880 г.

Вторая надпись, наверху же, по другой сторонѣ карты:

„Препровождаю штурмъ г. Опорто для прочтенія начальнику инженеровъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ. Дѣйствіе 2-хъ полковъ дивизіи Мериме могло бы быть примѣнено къ Янгикала (?), если драгунъ и 2 спѣшенныя сотни пустить съ юга вдоль всего кишлака, когда обрисуется штурмъ сѣверной окраины".

Ген.-ад. Скобелевъ.

1880 г. 11-го декабря.
Самурское.

Третья надпись, внизу:

„Секретно.

Глубокоуважаемому, сердцу русскому, дорогому Василію Васильевичу къ свѣдѣнію, не безъ извѣстной гордости моей".

Скобелевъ.

4-го августа 1881 г.
Село Спасское».

Еще письмо Скобелева 1879 г. 18-го ноября.

„Дорогой Василій Васильевичъ, посылаю Вамъ портретъ коня *Шейново*, на которомъ я былъ, когда мы вмѣстѣ переходили Балканы и брали Весселя-пашу. Матушка ѣдетъ въ Филиппополь и привезетъ старыхъ турецкихъ мундировъ нѣсколько штукъ [1]). Донскую безобразную шинель-мундиръ солдатскій и кепи 16-й дивизіи вамъ высылается. Ѣду на георгіевскій праздникъ сегодня, а оттуда въ Бѣлостокъ, на смотръ драгунскаго

---

[1]) Для моей картины Шипка — Шейново.

екатеринославскаго полка, 4 корпуса. Около 5-го декабря н. с. думаю опять попасть въ Парижъ и если вы, дорогой Василій Васильевичъ, мнѣ позволите, буду у васъ и даже не лишаю себя удовольствія надѣяться опять провести съ вами часть дня. У насъ все по старому, — хоть безъ портокъ, а въ шляпѣ; что-то скажетъ весна; братушки въ южной Румеліи справляются молодцами. Богъ дастъ, не видать туркамъ Балкановъ... Ахалтекинская экспедиція кончилась небывалою въ Азіи неудачею. Въ нашъ вѣкъ разнымъ диллетантамъ петербургскаго яхтъ-клуба не въ пору воевать даже и съ халатниками.

Жаль обаянія нашего въ Азіи. Вы знаете, какъ оно дорого, и хотя „на Руси мужика и очень много", но зачѣмъ же ими плотину прудить. Hélas, nous paraissons n'avoir rien oublié et rien appris!

Крѣпко-накрѣпко жму вашу руку. Васъ искренно уважающій

Михаилъ Скобелевъ.

Г. Минскъ.
18-го ноября 1879 г.

Еще характерное письмо:

„Дорогой Василій Васильевичъ!

Сердцемъ вздыхаю, что не поближе къ вамъ, и желаю вамъ быть въ менѣе печальномъ настроеніи, чѣмъ я самъ. У насъ здѣсь какъ-то очень грустно. Сердце не на мѣстѣ. Сильные люди у насъ нынѣ надломлены и смотрятъ грустно кругомъ себя, подавленные тупымъ равнодушіемъ. Благодаря Бога, что урожай повсемѣстно очень хорошъ, это даетъ время, авось перемелется, будетъ мука.

Я получилъ Высочайшее повелѣніе вступить въ командованіе виленскимъ округомъ, впредь до возвращенія генерала Тотлебена. Будутъ большіе маневры между Могилевомъ и Бобруйскомъ; надо хоть этимъ заняться толково и съ сердцемъ. Неравенъ часъ, можетъ невзначай опять заговорить картечь. Породнясь со штыкомъ-молодцомъ, трудно разставаться съ раздольнымъ весельемъ!.. На войнѣ, на кровавыхъ поляхъ чести, красна жизнь солдата. Тамъ добро, весело, извѣстно, славно... Мой покойный дѣдъ говаривалъ своимъ рязанцамъ, что русскому солдату присяга и честь важны, а трудъ, нужда, смерть — трынъ-трава. Вижу, вы уже ворчите, — но, вѣдь, лучше быть *чѣмъ нибудь* на этомъ бѣломъ свѣтѣ, а на другое чувствую, что не гожусь.

Есть слухи, что меня назначают командовать одною изъ формирующихся армій. Если это окажется такъ, Александу Васильевичу [1]) шататься на Амуръ не представляется необходимости; здѣсь его пристроимъ; по крайней мѣрѣ, въ случаѣ войны будетъ имѣть счастіе участвовать во всѣхъ сраженіяхъ сначала.

Если бы вы, дорогой Василій Васильевичъ, собрались бы въ Россію, не забудьте меня извѣстить своевременно.

Дружески, сердечно жму вамъ руку. Вась уважающій

М. Скобелевъ.

По нашему послѣднему разговору пока все хорошо идетъ.

Село Спасское.
4-го августа 1881 года».

Очень меланхолическій сувениръ представляетъ записочка извѣстной въ свое время французской актрисы Д. къ покойному воину-богатырю, тогда еще совсѣмъ юному. Вотъ она:

10 rue Prony
Parc Monceau.

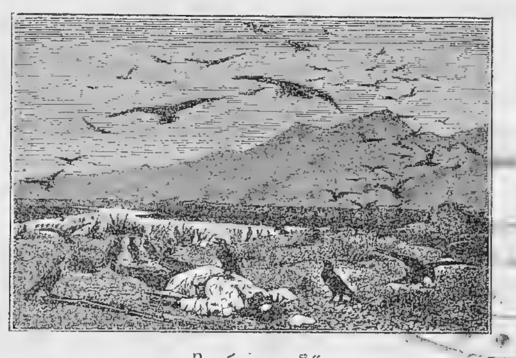
„Mille souvenirs au porte-enseigne Skobeleff! Souhaits les plus sincères pour vous et la vaillante armée Russe.

Angustine D.....a.

Bains de mer de Luc (Calvenls)“.

Съ боку приколоты нѣсколько фіалокъ съ подписью:

„Premières violettes d'automne. A. D.“.

„Забытый“.

---

[1]) Братъ мой, бывшій во время турецкой кампаніи ординарцемъ Скобелева.

Оглавленіе.

[8p]

